ПЁТР КОЗИН

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Пётр КОЗИН

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Орёл
Издатель Светлана Зенина
2007

ББК 84(2р)6
К80

Козин П. Д.

К80 Дым отечества / Пётр Козин. – Орёл : С. В. Зенина, 2007. – 470 с.

Повесть «Дым Отечества», «Донские очерки», рассказы и были – это шестая книга орловского поэта и прозаика Петра Козина. Ранее, в Туле и в Орле вышли его публицистические очерки «На трассах пятилетки», три поэтических сборника «Отчий край», «Перелески», «Русь» и провинциальные записки «Родная сторона».

Автор – коренной орловец. Он родился в деревне Сивково Болховского района. Здесь же, на берегах малых речушек Лабосыни и Машка, прошли его детство и юность. Отсюда, после окончания Репнинской средней школы, он ушел в армию. Сюда же, в милую его сердцу родную сторонку, после окончания Ростовского на Дону Университета он вернулся, чтобы учительствовать и писать книги.

О том, как сложилась судьба молодого педагога и журналиста, рассказывается в автобиографической повести «Дым Отечества».

ББК 84(2р)6

© Козин П.Д., 2007
© Оформление. Издатель Светлана Зенина, 2007

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

Родные места, даже самые скромные по ландшафту, и — независимо от степени благодарности им за личную судьбу — всегда притягательны, потому что оцениваются совсем по другим меркам, исключающим какие-либо общепринятые эталоны. Тут, пожалуй, навечно утвердило себя несравненно более возвышенное мерило — душа человеческая. На уровне души, если она способна хранить себя в естественной нравственной чистоте, ничто физическое не может быть ей под стать. Субстанция души и ее местопребывание непостижимы, словно тайна пространства и времени. Она — и не в крови, как предполагают иные, иначе при обычном деле ее переливания переселялась бы в другого человека, и не в мозге, продажном, как и тело. Гадание можно обратить на подсознательную генетическую память, которая — предсказывают ученые — распределяется по всем без исключения живым клеткам организма. А русская душа, говорят, и вовсе не познаваема, в том числе — и ее носителем. И удивляться тут нечему, когда сплошь и рядом видишь доказательства неизрекаемой прозорливости души, перенизываемой интуицией, устремленной нередко даже из-за морей-океанов на родимую сторону, куда исподволь просятся — и истомившийся на чужбине молодой и деятельный русский дух, и подуставшие кости не воротившегося вовремя.

Откуда ни стекались бы на свою родину тосковавшие по ней — из плена или из-за решетки, с военной службы или из-под тещиного каблука — каждый рождается заново. При жавороночьем пении на утренней заре и перепелином бое — на вечерней, в застолье с уцелевшими земляками или в ласковом свете материнских глаз, выплаканных до святости и всепрощения.

Совершенно не удачно в этой связи членение единственной родины на «малую» и, получается, «большую» — с подачи Алек-

сандра Твардовского, ненароком переусердствовавшего в восприятии своего великого Отечества через личную скромность.

Кому было надо, те воспользовались случаем принизить и умалить через эту оплошку известного поэта, чье слово подхватывалось на лету, и великую Россию. Мелкотравчатая пишущая братия из провинции поняла формулировку «малая родина» — буквально, и — пошла, мельчить ее дальше — до воспевания каждого безвестного ручейка и овражка, в масштабе своего куцего утилитарно — краеведческого видения вселенной и местечкового мышления.

Просто чудо, что по этому пути не пошли Кольцов и Никитин, Некрасов и. Дрожжин. Перетянула ответственность за богоданный талант, само собою, отличающий их от наших осыпанных неразборчивыми почестями графоманов, как небо от земли. Вслед за пресловутой «малой» родиной навязла в зубах и расхожая, «средне — русская» красота. И псевдонаучное «Нечерноземье», и подло — «научная» «неперспективность» русских деревень и самого народа. Море разливанное тупого самоуничижения несостоявшейся национальной интеллигенции с призывами к мерзкой пошлости «самопокаяния» оккупированного перед оккупантами духа (даже — русского!), да и всего остального. И — наконец — наглое изъятие из исторического и межнационального обихода всегда и всех впечатлявшего слова «русский» с подменой его импонирующим только русофобам словечком «россиянин». Русь Великая — без русских. Вожделеннейшая мечта хазар, тевтонов и масонов — сбывается?

Что этому предшествовало?

Такое унижение Отечества еще никому и не снилось, когда, в конце 60-х, вернулся к себе домой, в Болховский край, после военной службы и учения в Университете, автор этой книги — молодой специалист с дипломами журналиста и историка, с горячим сердцем патриота, переполненным радужными надеждами. О добровольном распределении в сельскую глубинку тогда не могло быть и речи — только «из-под палки». А тут — по зову души предложил свои знания и силы на поприще народного образования — не «варяг», а коренной болховец!

Однако «души прекрасные порывы» быстренько были остужены, не в таких уж и вельможных кабинетчиках местного руководства, зациклившихся на администрировании времен «Рай-

онных будней» В. Овечкина. Оно-то и позволило временщикам надругаться над доверием земледельцев, системой и нуждами народного образования, и — гражданскими правами, первейшим из которых по традиции попиралась — гласность.

Еще одним живым свидетельством всего этого с глубоким отпечатком на личной судьбе сельского учителя и стала грустная повесть Петра Козина «Дым Отечества», увы, оставляющая при чтении привкус горечи, но — скорее мобилизующей, чем безысходной.

* * *

Не по вине автора пролежавшей три десятилетия неизданной книгу — надо воспринимать в границах тогдашней эпохи — в этом закономерность подлинности и героя и его времени.

Около пятидесяти персонажей книги, показаны Козиным, в типичных для них, обстоятельствах. Это — звенья районных и сельских руководителей партийного, советского, наробразовского и колхозного толка. Секретари райкома, предреки, заведующие РОНО, редакторы и журналисты областных и районных газет. Также — бывшие директоры и учителя сельских школ, пионервожатые и учащиеся, гости — студенты, председатели колхозов и сельских Советов, полеводы, животноводы и механизаторы, пенсионеры и ветераны войны.

Повествование охватывает не более трех лет обычной школьной жизни, но с элементами ретроспекции, местами приближается к романному изложению — с освещением отдаленных событий, в том числе — общенародных.

Как все документальные произведения, она несет на себе естественный отпечаток социальных и духовных проблем советской эпохи того периода, когда авторитет СССР был еще непоколебим. А наши нравственные критерии лишь начинала подтачивать всякая диссидентствующая моль вроде Солженицына. Органичность отпечатка времени на повести свидетельствует о неустранимости его — даже при всем желании огульного неодобрения. Да и чего шарахаться-то от коммунистических идеалов, основанных на христианских заповедях, которым два тысячелетия? На их фоне еще неприглядnее нынешний беспредел в попрании всего того, без чего немыслима ни духовная, ни физическая жизнь общества.

Но разрушалось искусственно оно уже тогда, только — тихой сапой. И в те времена зло обреталось в правящих структурах, несносно обремененных бюрократическим балластом, карьеризмом и должностным чванством, в конце концов, подорвавшим основные положительные завоевания социализма.

В повести Петра Козина центральной жертвенной фигурой показан молодой специалист с говорящей фамилией — Горичев. Почти по Некрасову: «Подтянутой губернии, уезда Терпигорева». Именно в соответствии с порочной системой недопущения в местно — элитный калашный ряд чужака, с трудом нашедший работу по рекомендации и при поручительстве редактора газеты, в свою очередь, во всем зависимого от районного партийного секретаря и целого комплекса условностей, определяемых рамками их социальной мимикрии. В границах своего наместничества, нередко и масштабнее, вся эта уездная знать, включая прокурора и судью, начальника милиции, военного комиссара, председателя исполкома диктует свою волю. Она распространяется на — начальника связи, казначея, заведующего РОНО, хозяина торговой базы, руководителя местной промышленности, заготовителей, коммунальщиков, чиновников от культуры и того самого газетного босса, который тоже максимально «зажат» в отношении самостоятельности суждений, хотя и владеет печатным станком. Все они — повязаны круговою порукой.

Примыкают к этому кругу «дорвавшихся» и председатели колхозов, нередко — случайные и некомпетентные люди, внедренные на этот пост против воли самих тружеников полей и ферм с целью сытного кормления перечисленной выше прожорливой «надстройки».

Она, эта пестрая и в то же время одномастная в плане паразитирования, за версту узнаваемая «по полету» компания, отторгает от себя «строптивого» директора школы, едва он, преодолевая формализм в шефском движении, попытался оживить его выступлением в областной прессе. Он был, тут же одернут предложением — «не высовываться» дальше районной печати. Не мутить воду, а лучше — вообще помалкивать, не то последуют «оргвыводы». Затем несговорчивого соблазняют возможностью послужить Отечеству на одной из погранзастав, в районе острова Даманского, в качестве замполита — чем не благовидный предлог удаления из района (под китайские пули), несомненно,

придуманный военкомом. Круговая порука — страшная вещь! Ведь она предполагает, не только покрывательство, в случае угрозы чьей-либо номенклатурной репутации, но и расправу с лицом неугодным. Слежку за ним, и даже, провоцирование конфликта, с просчитанными последствиями.

Предпочитая, как всегда, остаться «чистеньким», районное начальство «науськивает» на Горичева председателя колхоза Хитрова, замешанного в махинациях с отпусками, разбазаривания сена, пропаже целого стада овец, постоянных попойках и взяточничестве при контактах с «шабашниками». Помимо этого, — на совести разорителя хозяйства еще и гибель трех человек в песчаном карьере. Попытка властей отвести грозовую тучу от головы «засветившегося» — путем переизбрания его с должности председателя и перемещения под свое крылышко в качестве директора пенькозавода — не удается.

Из опасения, что молодой и энергичный директор школы, выступающий даже в областной печати, может написать и о нем, Хитров — рад стараться — присоединяется к травле Горичева. Инкриминирует ему незаконное приобретение семян травы, которыми тот засеял свой участок, чтобы помощь матери с кормом для коровы, но этот поклеп лопается. Дело — за новым компроматом.

С директорского поста его все же «ушли» как бы по собственному желанию, хотя явная нелепость такой «подкладки» более чем очевидна. А директором Горичев был неплохим, перспективным. Человек передовых взглядов своего времени, он, естественно разделял лучшие идеи мировой педагогической науки и коммунистической морали. Добросовестно и творчески, на уровне современных знаний, внедрял в практику школьного образования обобщенный опыт методик, наработанных большими и малыми коллективами коллег и ученых.

Форма воспитания школьников использовалась им самая разнообразная. Это — семинары, исторический кружок, одним из конкретных дел которого стало социологическое исследование самими кружковцами по месту жительства — история колхозов. Общешкольные родительские собрания. Военная — патриотическая игра «Зарница». Смотр-конкурс на лучшее сочинение по темам: «Мать», «Родина», «Ленин», дискуссия «Спраши-

ваем — отвечаем!». Полемика о смысле жизни, о проблеме заполнения ее благородным содержанием. Диспут «Кем быть?» с участием колхозных специалистов — полеводов, животноводов и механизаторов.

Школа, возглавляемая Горичевым, живет заботами страны — вооружает молодые поколения знаниями, воспитывает их в патриотическом духе и приучает к труду, обсуждает переход на всеобщее среднее образование, заботится о закреплении молодежи на селе.

Среди преодолеваемых трудностей есть и как бы, сюрпризы — внеплановые, неожиданные. И в то же время вполне присущие межличностным процессам, происходящим в учительских коллективах сельских школ, где тоже поляризуются добро и зло. Накапливается вроде бы мелкий антагонизм, сгущаются амбиции. Так, в Рощинской восьмилетке постоянно отравляет всем жизнь бывший директор школы — завистник, хапуга и абсолютно бездарный педагог Фрол Злобин. Школьникам он придумывает унизительные прозвища, за что те по-мальчишески неуклюже мстят ему. Восстают против дисциплин, которые он ведет. И хотя пользы от злобинского преподавания — никакой, этот корыстолюбец нагло вымогает у директора добавки часов, — при чем угрожает и шантажирует, упреждая отказ. Репутация его предельно низка — родители радуются, если их дети не попадают в классы несносного «учителя».

Много страниц повести Петра Козина посвящено раскрытию внутреннего мира главного персонажа. Это и контакты Горичева со своим университетским прошлым (переписка с бывшими однокурсниками), и с будущим (в лице учащихся, которые переживут учителей), и дневниковые раздумья. В настоящем и личном у него тоже вполне устойчивая опора — горячо любимая мать, ради которой он и прибился в деревенскую глушь, а также — молодая жена и дочь — первенец. Светлыми надеждами и верой в будущее переполнена душа Горичева, вопреки бедам, сыплющимся на него одна за другой — смещению с поста директора школы и внезапно-трагической смерти матери.

Он выстоит, — потому что молод и крепок, а под ногами у него — родная земля, и вокруг — добрые люди, которых всегда больше, чем плохих.

* * *

В главе «Поэт» и после нее Петр Козин по — благородному, что в его характере, не договаривает всей правды о «негативных последствиях» встречи Горичева (персонаж автобиографичный, за ним — сам автор) с поэтом областного масштаба, но глобальных амбиций. Он и поныне выдает себя за гения, хотя весь в репьях подражательности и самоповторов. Способных литераторов он загодя «прищипывает», не давая им обогнать себя в творческом росте. Он вообразил себя «стрелочником» в орловском литературном процессе. При малейшем «неповиновении» — на долгие годы вышибал из него, благодаря наработанным связям, любое заметное дарование. Именно поэтому книги Петра Козина выходят только сейчас — с опозданием на 20 лет.

Эти страницы — не монография. И я, чтобы не удлинять пути читателя к самой повести, воздержусь от дальнейших комментариев. Однако отмечу, что помимо «Дыма Отечества» и публикуемых в книге «Донских очерков» и рассказов — былей, в активе у Петра Козина — новые повести и сборник стихов. Значит, он уже ступил на литературный большак, пребывание на котором оправдывается его оригинальным и задушевным словом.

Пётр РОДИЧЕВ,
член Союза писателей России

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Повесть

Глава первая

КЛЮЧИ

Все двадцать верст от райцентра до своей деревеньки Ключи Василий Горичев шел пешком. Не потому, что цивилизация конца 60-х не дотянулась до этого, когда-то медвежьего угла. И здесь давно не боятся не то что тележного скрипа, а и самых современных машин. Тому способствует не только телевизор — техники в колхозе хоть отбавляй.

Василий шел пешком не потому, что большак вдруг опустел, обезлюдел, как это случается в сезонную распутицу. Ему хотелось насладиться прелестью августовского дня. Но во всей красоте, окружающей Василия уже чувствовалось дыхание осени. Вон у березы — целые пряди в зеленых кронах золотисто — желты. Ярким огнем вспыхивают клены, багрянеют осины, густо краснеет лист черемухи. Поблескивают паутинки в постарелой траве, где все еще стрекочут кузнечики.

Придорожный бурьян сомлел. Полынь источает горечь, чадят осоты. Скоро отлетят стрижи. Перестали подсчитывать любопытным года кукушки. Не то бы они никого не оставили равнодушными. Лесные вещуньи как-то предрекли Василию, что проживет он девять лет — ровно столько, сколько был вдали от родного дома.

Спустя именно этот срок, Василий вернулся к землякам, в милую отчую сторонку. И вот уже третий день подряд отмеривает пыльные версты от Ключей до районного центра и обратно.

По большаку взад и вперед сновали юркие грузовики до самого верху наполненные янтарной пшеницей: кипела страда. Беспокойная, радостная пора. Для всех ли? Для земледельца — безусловно. Ведь в солнечном отливе пшеницы, румяных налитых яблоках, в ярко-красных тяжелых помидорах — тепло его рук. Но и Василий не глядел на дары лета глазами пришельца. В детстве и юности он достаточно потрудился в колхозе и дома. Последние девять лет разделились на две неравные, половины: шесть и три. Три года он служил в армии, шесть лет отдал учебе в университете. Разве есть в этом его вина, что он полюбил историю как науку, стихи — как средство выражения самых сокровенных мыслей.

Дорого — любо, кормилица нива,
Видеть, как ты колосишься красиво,
Как ты янтарным зерном налита,
Гордо стоишь — высока и густа!

Эти проникновенные некрасовские строки, пришедшие по ассоциации с картинами окружающей природы, Василий впервые услышал от своей любимой учительницы Софьи Андреевны. Это она привила ему вкус к изящной словесности, как сказали бы в Пушкинские времена. Это она развила в нем чувство восторга к неброским краскам срединной полосы России. И первые стихи в стенгазете «За учебу» появились при ее участии. Это она страстно и выразительно читала его наиболее удачные сочинения перед классом — юношами и девушками, готовившимся вступать во взрослую жизнь. И она же первой пробудила его неопытное сердце, заставив сладко содрогнуться от прикосновения пухлых белых рук, когда на школьном вечере в десятом классе ей вздумалось пригласить его на белый танец. Тогда от невероятного смущения он готов был, подобно джину волшебной лампы Аладдина, превратиться — в столб огня и дыма.

Как давно это было! Огонь угас. Дым рассеялся. А нежное чувство благодарности к Софье Андреевне не остыло. И нет его вины в том, что он так долго отсутствовал. Совесть чиста. Собранный в университетском саду нектар знаний он готов был отдать детям весь до капельки. Василий испытывал не только постоянную жажду учиться, но и учить. Ради этой заветной цели он, слов-

но на крыльях жар — птицы, прилетел в родное гнездо, в отчую глухомань. К бесконечно дорогим односельчанам, к радости сердца своего — старенькой маме, к ярким лугам и заветным рощам. К серебристой речушке Ключи, давшей название деревеньке, дымящей по утрам, на склонах зеленой балки, всеми тридцатью пятью трубами. Прав Грибоедов. Действительно, «когда ж пространствуешь, воротишься домой, и дым Отечества нам сладок и приятен».

«Дым Отечества» же, оказался для Василия с горчинкой, кою чувствуешь при сжигании полыни. Как это ни печально, родные палестины не приняли его в свои объятия. Дело в том, что он не мог осуществить своей мечты: учить и учиться. Вот уже в третий раз, заведующий РОНО Иван Тимофеевич Круглов, отказал ему в месте школьного учителя. Полный розовощекий мужчина с юркими мышиными — так они малы и серы — глазками был до крайности вежлив и сдержан в разъяснениях: «Мы, конечно, были бы рады вас принять. Как-никак с университетским дипломом. Но, простите, свободных вакансий историков у нас нет».

Но Василий не понимал. Не хотел понимать. Возможно ли, вот так разом оборвать крылья, отказаться от мечты? Вернуться в большой южный город, где ему предлагали столько соблазнительных должностей — завучем в средней вечерней, редактором многотиражки и офицером — воспитателем в трудовой исправительной колонии. Седой профессор предлагал подготовиться в аспирантуру, находя в его курсовых работах по истории Древней Греции и рабовладельческого Рима отчетливые задатки исследователя. И вот — на тебе: исследователю угрожает даже безработица. И где? — в сельской школе! В районе, отрезанном от железной дороги шестьюдесятью верстами. В недавнем медвежьем углу. Откуда до столицы на сказочном Сивке— Бурке неделю скакать — не доскачешь. Нет, не сладким оказался родной дым Отечества, где так много значат слова: мама, школа, ученики. Лес, рыбалка, стихи.

И не вина, а беда его, что все надежды оказались — замком на песке. Просить, умолять Василий не умел. Хитрить, лицедействовать — тоже. В практике жизни, несмотря на свои двадцать семь лет от роду, он был не искушен. Молчалинской способности «втереться» ему явно недоставало. Глядя в узенькие щелочки серых глазок Ивана Тимофеевича, он не сомневался в том, что

зав РОНО говорит правду. Более того, в его елейном голосе слышались не только нотки искренности, но и самого сердечного участия. «Нет, он не лжет, — думал про себя Василий, — да и с какой стати? К тому ж, есть и веские аргументы. Например, райцентр располагает педучилищем, где «куются кадры» учителей. Большинство из них, что вполне естественно, оседают здесь, в районе».

Но горячее сердце не признавало логики трезвого рассудка. Неужели ни одной вакансии? Хоть десяток часов. Хоть у черта на куличках. Но заведующий был неумолим:

Извините, но помочь не могу.

Не могу и точка. От ворот, как говорят, поворот. «Положение хуже губернаторского», — пытался взбодрить себя шутливою фразой Василий, Но при мысли, как будет расстроена его седенькая мама, так много возлагавшая надежд на этот третий, по счету, визит в райцентр, он невольно загрустил.

Знакомые шоферы не раз притормаживали у обочины большака. Предлагали подвезти. Василий благодарил земляков за внимание, но ехать наотрез отказывался. Он предугадывал любопытство водителей, удовлетворять которое ему не хотелось. Вот почему гостеприимно распахнутые дверцы кабин резко захлопывались, и грузовики скрывались в серых облачках дорожной пыли. А Василий продолжал отмеривать версты на «одиннадцатом номере». Шел он медленно, не торопясь. Был, тих, и задумчив.

«Вот и птицы скоро отлетят, — с тоскою отметил он про себя, увидев над полями грачиную и скворчиную стаи, — самому, что ли, улететь? Под южное солнце. Назад — в Ростов».

И если в поезд сейчас я влезу,
Что же со степью будет тогда?

Так сокрушался Сергей Чекмарев в подобной ситуации. Со словом «степь» для Василия ассоциировались понятия — отчий край, мать. Действительно, что же с мамою будет тогда? И отвечал на свой же вопрос вновь словами поэта:

Но, нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу -

Она без меня проживет наверно,
Это я без нее — не смогу.

Мама: добрая, милая мама! Василия всегда поражало ее трудолюбие. Откуда только силы в ней и стойкости душевной? Давно пенсионерка. Пора и отдохнуть. Она же, все хлопочет. В поле и, на горячем току. В лугах на сенокосе и в собственном доме. Ни от какой работы не отказывается. И всякое дело у нее спорится. Любая вещь в ее руках поет. Мужику не уступала в сноровке: пахать, косить или метать стога.

Мама, мама. Удивительный ты человек! И право «все на свете могут наши мамы, только не умеют — не стареть». Сегодня Тимофеевна, так уважительно величают односельчане мать Василия, уже не та. Силы из нее — земля и годы выпили. Однако это ее стараниями все трое сыновей встали на ноги: выросли, выучились. Старшие — Александр и Иван обзавелись своими семьями. А Василий? Самый любимый, потому что — последыш, тоже привез с собою из Ростова молодую женщину, готовящуюся стать матерью. Но не было у Тимофеевны от того большой радости. Нескладно все как-то получалось у Василия: и женат и не женат. Не по закону живет с Ниной. Замечала мать, что холоден, скуп на слова со своей нареченной, ее — младшенький. С чего бы это? Пыталась вызнать все от невестки. Молодайка же, потупив очи, лишь краснела, отмалчивалась. Ведь были же в законном браке зарегистрированы. Потом что-то оборвалось между молодыми — развелись. И вот опять вместе. И на работу никак не устроятся.

Мать и жену Василий застал за дойкой. Доила мышастую Малинку Нина, а мать стояла рядом и подсказывала:

— Сдои, вначале, передние соски. Щипком, щипком, если кулаком не получается. Да одновременно — двумя руками. Пошибче, да поравномерней. Вот так. Ничего, ничего — сладится, коли, стараться будешь.

Малинка, переступала задними ногами, нервничала. Но, видя рядом хозяйку, и увлекшись кормом, решительного протеста не выражала. Тугие белые струйки молока звенели о стенки подойника.

— Говорят, что при доении с кормом поступление молока происходит хуже, — заметил Василий. Мать взглянула на сына, не торопясь, ответила:

— Может, и хуже. Только моя кормилица к этому привыкла. Да и своенравная она. Не задашь корму — не выдоишь.

Нина закончила дойку. Встала со скамьи с пахучим подойником в руках.

— Молоко-то процеди. Я вон и кубаны прожарила, — мать подала невестке кусок белой марли, — а вымя-то я сама оботру.

— Хорошо, мама, — Нина отправилась в сени, где стояла молочная посуда.

— Ну, как у тебя дела-то, сынок? — Тимофеевна показала глазами на сени, — твоя-то совсем извелась. Чувствую, что спросить тебя хочет, а при мне стесняется. Как с работой-то? Сладилось, али опять не вышло?

— Не вышло, мать, — ответил он, поспешив успокоить, сразу сникшую мать, — но выйдет. Обязательно выйдет. Завтра к Константину Петровичу пойду. В редакцию попрошусь.

— А возьмет в корреспонденты — то, али забракует, как в РОНО?

— Должен взять. Брал же он меня после десятилетки. А сейчас у меня специальное образование. Не зря же я газетное отделение в РГУ с отличием закончил.

— Так — то оно так. Ученый ты. Да, видно, счастье не в ученье.

— А в чем же?

— Да — вот, добрые люди говорят, что без блата теперь нельзя.

— Недобрые они, раз глупости, болтают.

— А я загадала так сынок. Если работать не устроишься, то не теряй время понапрасну. Поезжай куда хочешь. Не пропадать же из-за меня. Копалась одна, и буду продолжать копаться потихоньку. Вы же — молодые. Вам свою жизнь устраивать надо.

— Напрасно ты это, мама. Вот завтра, схожу к редактору, и все прояснится.

— Дай бог.

Глава вторая

НАЗНАЧЕНИЕ

— Ба! Старик, какими судьбами?!

Известный в районе журналист и поэт Олег Кленов с сияющими глазами вскочил с потертого редакционного стула, подбежал к вошедшему в отдел нежданному гостю и крепко сдавил его плечи своими цепкими мускулистыми руками.

Олег был по-русски красив: румян, чернобров, коренаст. О нем в старину непременно сказали б: и ладно скроен, и крепко сшит. От молодого поэта, впрочем, он на пять лет был старше Василия, исходила, полная юношеского задора, энергия здорового человека.

— Здравствуй, Олег! — Василий, а это был он, сцепив за спиной друга руки в замок, ловким и сильным движением оторвал оторопевшего приятеля от пола и закружил его по комнате.

— Ну, старик, молодец! Как видно, не истратился на студенческих харчах. Есть еще порох в пороховницах!

Олег, возбужденный этим, поправил лацкан изрядно помятого, видавшего виды, своего пиджака, располагая к себе счастливою улыбкой, вновь устремился за стол, заставленный и заваленный всевозможными книгами, письмами, журналами и газетными вырезками.

— Да, и ты сгодился бы в сынки батьке Тарасу, — в тон приятелю заметил Василий, — бицепсы— то, наверное, двухпудовой гирей накачивал?

— Не скажи! Мы все больше по-крестьянски: косой да лопатой. Наш лозунг тебе известен: «Живешь на селе — знай технику!».

— Но, прости, ты же в городе обитаешь.

— Велик ли наш Иерусалим?! Десяток с гаком тысчонок, горожан-то всего наберется. Обычный сельский городишко. Да и в нем подолгу не живем. Все больше, как грачи да агрономы, — в поле.

«Симпатичный. Глаза улыбчивые, зеленые», — сказали бы об Олеге девушки, — «Учится хорошо», — отрекомендовали бы

в деканате заочного отделения. Олег Сергеевич Кленов 1935 года рождения. Студент пятого курса литературного факультета Орловского пединститута.

«Только бы не оказался самовлюбленным, постоянно довольным собой», — думал о друге Василий, потому что не очень доверял людям, у которых, словно у американцев, о — кий! — всегда все хорошо. Идут себе спокойно по жизни, и задуматься некогда. Все-то им легко. На все ответ есть. Такие мужи, похожи на всадников, выступающих на параде правильным строем. Не ясно, кто храбр, а кто лишь, кажется таким. И лишь когда прозвучит боевой клич, да кони на дыбы встанут, да бой начнется — тогда видно будет, кто чего стоит.

Не было для Олега такого «клича», но тревог хватало. Работал парторгом на фабрике, а позже — инструктором райкома партии. Теперь ему поручили заведовать отделом писем редакции, потому что этот человек небезразличен ко всему, что его окружает. Его агитировать незачем. Надо ехать в колхоз организовывать культурные мероприятия на севе или провести отчетно-выборное собрание — отказа нет. И не только организует, агитирует, а если надо, сам сядет за рычаги трактора или за штурвал комбайна — технику он действительно знает в совершенстве. Кому-то нужна кровь — «Берите. Я же здоров, а другим — польза». А сам из-за этого однажды пострадал: надо на сессию в институт ехать, а он «обескровленным» оказался. Пришлось позже наверстывать. Но по этому поводу Олег не печалится — сил хватает. Время найдется — будут оценки в зачетке.

Вообще, печаль не в его характере. Не в том смысле, что с него все, как с гуся вода, а в том, что неприятности он не оплакивает, а преодолевает. Потому друзей и товарищей у него много.

Вот уже более десяти лет в газетах и журналах печатаются его корреспонденции, статьи, а, порой, и стихи. Районная газета, где Олег работает, регулярно публикует его материалы о прошлом и настоящем родного окского края. Кленов — бессменный председатель Совета охраны памятников истории и культуры. Слушать Олега Сергеевича можно часами. «Литературное краеведение» — этим понятием определяется та огромная исследовательская работа, которую ведет Кленов в своем городе.

Газете Олег постоянно отдает жар своего сердца. Он не только сам пишет стихи, но является и неизменным редактором «Ли-

тературной страницы». Учит начинающих авторов любить прекрасный язык Пушкина и Толстого, Некрасова и Тургенева.

Одно из первых стихотворений Василия Горичева «Где ты, детство мое босоногое?», помещенное в газете, также было подготовлено к печати им. С этой, собственно, публикации и завязалась у Олега с Василием творческая дружба.

Недавно Василий был свидетелем того, как в красном уголке фермы, что в родных Ключах, коллективно читали очерк Кленова «Его помнит Болгария», — о генерале — земляке Лаврове, герое легендарной Шипки.

Веснушчатая доярка серьезно предложила: «Девчата, надо сохранить эту статью. Ее и через двадцать лет будет интересно прочитать и самим и детям». Одного не знала колхозница: сколько лет ушло у Олега Сергеевича, пока родился очерк об этом удивительном воине и человеке, которому в районе теперь решено поставить памятник?

Кроме увлеченности, есть у Олега другая примечательная черта — ответственность. Профессию после школы не выбрал. Поступать «абы куда» не стал. Пошел на фабрику. Начал работать слесарем — вышел в передовики. И после армии работал на станке. Вступил в партию. Полностью заменил в доме отца, погибшего на фронте. Растит двух сыновей. Стремится воспитать их богатырями, подобно Илье Муромцу — отважными и сильными, душою — добрыми и честными.

Беседуя с другом, Горичев мысленно отметил про себя, что многое в Олеге есть из того, что он с удовольствием принял бы: доброжелательность, искренность, стремление не пройти мимо чего-то важного, все понять, осмыслить. И, на этот раз, рассказывая о своих делах, Олег участливо спросил:

— А у тебя, мой друг, все ли в белом цвете?

— О, нет! Скорее — в крапинку.

— Нельзя ли, подробней? Может, помочь, чем?

Внимательно выслушав Одиссею приятеля, Олег, как на пружинах, подскочил на стуле: «Ну, ты, старик, уж прости! Глупец! Как это я сразу не сообразил. Обрадовался свежему человеку, как первому снегу, и заболтался. Сейчас же идем к шефу!».

Приятели вышли в коридор. Дверь кабинета редактора районной газеты «Светлый путь» Константина Петровича Лукьянова была по обыкновению открытой.

— А, селькор! Здравствуй! — редактор оторвался от чтения очередной верстки. Полный. Дородный. Высоколобый. С добродушною улыбкой он вышел из-за стола и крепко, по-отечески, пожал руку Василию. При этом заметил:

— Давненько мы с тобою не виделись.

— Два года назад я на каникулах был. К вам с материалом о леснике забегал.

— Помню — помню. Ну, хвались, не стесняйся. Как дома? Как мать? С Университетом — как?

— Спасибо. Дома все в порядке. Мама здорова. Университет закончил. Оба факультета.

— Молодец, поздравляю! Так, значит, родился новый историк и журналист. Хорошо-хорошо! Ай, годы-годы.

Во время беседы Василий ловил себя на мысли, что Константин Петрович похож на знаменитого романиста Дюма — отца по кинофильму «Секрет великого рассказчика». Так же сдержан. Мудр. Саркастичен. Горичев не сомневался в том, что Лукьянов давно уже почувствовал что-то неладное. Виду, однако, не подавал. Беседу вел ровно, раскованно. И как-то, целомудренно, что ли, по — олимпийски — спокойно, приветливо, вежливо.

— И жену с собой привез? — глуховатый голос редактора рокотал, накатывался, как морские волны на тихий берег, — это хорошо. Это серьезно. Начинаешь, значит, самостоятельную жизнь. И планы уже составил?

— Что было, то было.

— Ну, ты, дружище, этот пессимизм брось. Это тебе не к лицу. Говори прямо, что стряслось?

Олег счел, что время приспело, и не замедлил вставить свое слово:

— Круглов ему моток на шею повесил.

— Что за ерунда!?

— Вакансий, — говорит, — нет. Только ложь это все.

Редактор сосредоточенно вертел в руках авторучку. На минуту задумался. Видно, что-то решал про себя. Просчитывал. Его карие глаза светились доверием, волей:

— Василий Павлович, — Лукьянов впервые назвал Горичева по имени и отчеству, — ты, пожалуй, без адвокатов обойдешься. Насколько я понял твоего товарища, — учителем тебя не взяли?

— Да.

— Ну, а если директором?

— Как!? Я же ничего не умею. Ни солидности, не опыта.

— Это дело наживное. Как говорят, не боги горшки обжигают.

— Да и кто осмелится пойти на такое?

— Кто же, если не Гордов!

— Я его не знаю. Кто он?

— Это — третий секретарь райкома. Клим Ферапонтович ведает школами. И уж он-то ничего не боится — сам директорствовал в свое время.

— Да он со мною и говорить не станет.

— Это мы уладим. Да, а жена как? Кто она по специальности?

— Медсестра.

— И ей работу подыщем. Не беспокойся. У нас с главным врачом полное взаимное доверие. Итак, я сейчас кое-куда позвоню, а вы пока с Олегом побеседуйте. Стихи-то пишешь, не бросил?

— Нет, не бросил.

— Вот и хорошо. Дашь что-нибудь в «Литературную страницу». Но это уже компетенция Кленова.

Василий, не чувствуя ног, вышел из гостеприимного кабинета. Неожиданное предложение редактора ошеломило его. Всего ожидал, но только не этого. В том, что Лукьянов — человек слова и дела, он не сомневался. Константина Петровича уважали и любили. Не было в редакции ни одного человека, и не только в газете, кому бы он отказал в помощи. Много повидавший на веку за свои пятьдесят лет, он всегда стоял лицом к людям: и когда работал председателем колхоза, и когда возглавлял отдел пропаганды в райкоме партии. Была у Лукьянова и особая слабость — меценатство. Заприметит в человеке «искру божью» и ничего не пожалеет, чтобы возжечь из нее костер. Большинство журналистов — его крестники. Он открыл, приобщил, направил их способности на службу печатному слову. Люди тянулись к нему, как пчелы к цветку.

— Авторитетный человек! — похвалил шефа Олег, — член бюро райкома партии. С ним и Первый считается.

Олег еще долго награждал самыми высокими и лестными эпитетами человека, которому и сам обязан очень многим. И он был одним из «крестников» Константина Петровича.

— Давай, закурим, товарищ по одной, — Олег достал из стола пачку «Примы».

Они прикурили от одной спички. Василий неожиданно для себя почувствовал, как улетучилось, сковывавшее его ранее, напряжение, с которым он переступил порог редакторского кабинета. Хорошо ему было сейчас, вот так сидеть и беседовать по душам с давним приятелем. Олег рассказывал о своих минусах. Была у него такая привычка унтер-офицерской вдовы, постегать себя:

— Настойчивости маловато. Взять хотя бы английский. Я начал изучать его давно, а получается не лучше, чем у Макара Нагульнова — шипенье одно. До этого занимался немецким языком. В общем, и тот забыл и этот не выучил. Еще хуже с латинским. Оправданье нахожу в Пушкинских словах — латынь из моды вышла ныне, — его ха-ха прозвучало как реквием павшим бойцам.

Отсмеявшись, Кленов перевел разговор в серьезное русло:

— Более всех уважаю космонавтов и разведчиков. Они никогда на «авось» не рассчитывали и работают не ради славы. Восхищаюсь истинными борцами за идею: Рихардом Зорге, Феликсом Дзержинским, Камо, Че Геварой, Исаевым, Гагариным, Терешковой.

Это было правдой. Побывав у Олега дома, Василий приметил сам огромную библиотеку его книг из серий: «Пламенные революционеры», «Жизнь замечательных людей», «Люди Советской России». Была у приятеля черта, зовущаяся романтизмом. С романтиком же всегда интересно — окрыленным чувствовал себя рядом с ним Василий. Но известно, что романтизм плохо уживается с серостью будней, с практичностью. Действительно, Кленов — мечтатель, фантазер, но не прагматик. Тесновато живет Олег, только о достойном жилье не хлопочет: другие и хуже ютятся. Ему за тридцать, а он имеет лишь один приличный костюм.

Работают в редакции и деловые, хваткие ребята. Жора Смагин, например. Высшую партшколу окончил. Наскучило ему сельхоз отделом газеты заведовать, стал позондировать почву в

райкоме. Новую квартиру выбил сразу же по приезду из соседнего района. Недавно «Москвич» приобрел. Предложили ему пойти инструктором — отказался — платят гроши. Секретарем на место того же Клима Ферапонтовича, замешанного в увлечении хмельным, — пожалуйста. И что же? Клим устоял, а Смагин теперь — зав организационным отделом райкома партии. Видимо, Жору, наконец, и положение и оклад устроили. Но это — на первый случай, а потом — бери выше.

Корреспондент Игорь Ветров — добродушнейший весельчак. Если надо, бывает и принципиальным. Вот только слабость к «зеленому змию» его одолела. На него подрабатывает публикацией своих материалов в областных газетах. Благо редактор за то, по доброте, баню не устраивает. Понимает: журналисту нужно самоутверждение, признание. А вот «Первый» смотрит на это иначе. Прочитали как-то в редакции его критическую заметку, ахнули: пропадет Игорь! Так и вышло.

Первый секретарь не преминул вызвать автора к себе, сказал твердо и властно:

— Плохо, Ветров! Сор из избы выносишь. Знаю, что не во имя дела. Просто на бутылку сшибаешь. Так вот тебе, держи, — и протягивает оробевшему сатирику зеленый трояк. На прощание, жестко и насмешливо бросил: «И впредь, если нужда будет — заходи. Фельетоны же — в свою газету строчи. Да поершистей, как это делал Салтыков — Щедрин, чтобы пробирало. В том пользы больше будет, хотя бы в смысле оперативности. Этику журналистскую вы забыли, товарищ Ветров».

С того памятного разговора Игорь две недели в рот спиртного не брал, а трояк, как священную реликвию, дома сохраняет — в назиданье.

— Горичев! Василий Павлович — заходи! — раздался густой баритон редактора.

Глава третья

РОЩИНО

Редакционный шофер точно и в срок выполнил распоряжение Константина Петровича, доставив Василия к зеленому одноэтажному дому, что примостился прямо у оврага. Его окружал зубчатый штакетник и живая тополино-ракитовая изгородь. Коричневая вывеска и алый флаг над высоким крыльцом свидетельствовали, что это и есть Рощинский сельский Совет. Тут же размещались: почтовое отделение и библиотека. Дверь была открыта. В уютном, прохладном помещении сидели двое.

Взглянув на вошедшего внимательно-строгими глазами, седоволосая женщина лет пятидесяти встала из-за широкого стола и, в ответ на приветствие — после того, как Василий назвал себя — представилось просто и непринужденно:

— Елена Николаевна Свиридова — секретарь Совета. А это, — она повернулась в сторону уже немолодой собеседницы, перебирающей, на облупившемся от солнца подоконнике свежую, только что доставленную корреспонденцию, — заведующая библиотекой Хитрова Марфа Герасимовна. Ее муж — председатель здешнего колхоза. Как! Вы с ним еще не знакомы?

— Нет. Я только что. Первый раз, — смутился от неожиданного вопроса Горичев.

— Успеют еще поссориться, — нескладно предрекла— пошутила Хитрова, — вот и сам, легок на помине.

Василий проследил за направлением взгляда Марфы Герасимовны и отчетливо — ясно увидел из окна Совета сутуловатую фигуру мужчины с папироскою во рту. В темной фуфайке, нараспашку, он стоял у порога соседнего, финского дома, очень схожего со зданием самого сельского Совета.

— Марфа Герасимовна, — обратилась Свиридова к библиотекарше, — пожалуйста, познакомьте их, Пока еще Наум Наумович не уехал. Это будет весьма кстати.

— Иду — иду, — отозвалась Хитрова. Управившись с газетами и журналами, она подняла свой усталый взор на Василия:

— Простите, как Вас? Забыла!

— Василий Павлович.

— Да-да. Василий Павлович. Вот голова-то дырявая. Памяти совсем не стало. Пойдемте к нему, не то он опять в машину и — покатит. До ночи не отыщется, У вас же, — дела.

Председатель колхоза имени Чапаева Хитров Наум Наумович давно ожидал прибытия нового директора школы. Он хотел видеть в этой роли солидного, многоопытного учителя. Именно таким, прошедшим все муки адовы, и был скоропостижно скончавшийся директор Рогинской восьмилетки Ветров Прокоп Савельевич. Узник Освенцима. Израненный, искалеченный, он нашел в себе силы не только плодотворно работать — это при нем строилась школа, — но и заочно окончить, за год до смерти, уже пожилым человеком, педагогический институт.

— Наум, — обратилась к мужу Хитрова, — знакомься. Это и есть новый директор школы.

— Здравствуйте, — Василий глядел в прищуренные зеленосерые глаза председателя и ловил себя на мысли, что сей хозяин колхоза ему напоминает тургеневского Хоря, также — осанист, крепок, спокоен и деловит.

— Наконец-то, — председатель, широко улыбаясь, крепко пожал своими узловатыми пальцами руку Василия, — я то, грешным делом, уже и сомневаться начал: сентябрь на носу, а школа к приему ребят все еще не готова. Пристройку мы кое-как соорудили. Но и без нее хлопот в школьном хозяйстве немало. Впрочем, что это я распинаюсь. Сами все увидите. С семьей, али как?

— Пока один.

— А жена?

— В Лесной участковой больнице работать будет. Медсестрой.

— Выходит, врозь с половиной-то?

— До ее ухода в декрет, пожалуй, что так.

— Ясно-ясно. Прибавленье, значит, в семье ожидаете. И, конечно, как все наладится, к нам в Рощину полностью переберетесь.

— Хотелось бы.

— Это правильно. С учителями, знакомы?

— Не успел.

— А в РОНО вам ничего не говорили?

— Ничего.

— Тогда я скажу. Педагоги — народ сложный. Разные все. Правда, немного их. Десяток разве что и наберется. Думаю — поладите со всеми. Они, в основном, интеллигенты — сельские. К земле и ветрам, дождям и морозам, люди — приученные, а к труду — обученные. Вот только есть среди них прохвост один, некий Злобин Фрол Демьянович. Он года три тут директорствовал. Затем его по аморальной статье с поста-то и вышибли. Как всадника из седла. Да еще в приеме в партию отказали. С тех пор Злобин и злобствует. Фамилия его соответствует и его внешнему виду и характеру. Не скрою, и мне он, а не только покойному Ветрову, плешь проел за эти два года, что я здесь работаю. Ну, истинный Плюшкин — мелочен и завистлив. Где бы не оказывался, все норовит урвать, для себя: хоть дужку от ведра, хоть ботинок, кем-то за ненадобностью брошенный — все в свой дом тащит. Правление ежедневно осаждает. По возможности, конечно, мы и ему помогаем: сеном для коровы, дровами, транспортом. У него же семья — жена, трое детей. Кстати его супруга Злобина Лариса Дмитриевна — тоже учительница. Биологию преподает. Привередливая женщина. Полукавей и поумней своего муженька, будет. Чуть что не по ней — за сердце двумя руками и — в истерику. Что и говорить — трудный контингент вы, учителя.

Внимательно прислушиваясь к неторопливой беседе мужчин, Марфа Герасимовна не могла долго оставаться безучастной к волнующей и ее, теме. Отчего она не преминула вступить в разговор, обиженно возразив мужу:

Ну что ты, Наум, на них нападаешь! Есть в школе и положительные индивиды. Доброва Аксинья Марковна, например, — грамотная и рассудительная. Она — филолог — коллега Злобина. Прилежная, старательная. С детьми едва не каждый день до ночи сидит, ошибки их исправляет. Одна беда. Ей под сорок, а она все еще, простите, девушка. Никак себе, по скромности да по слабости здоровья, кавалера не присмотрит.

Или возьми математика Нелину Маргариту Карловну. Единственная женщина в школе, учительский институт окончила. Остальные учителя — выпускники педучилища. Всегда веселая разговорчивая — душа нараспашку. Откровенная и искренняя.

А учитель физики и труда Столяров Аркадий Петрович — мастер золотые руки! Культурный, вежливый человек. Правда, себе на уме. Ко всем и всякому приспособиться может. Как флюгарка на крыше: куда ветер туда и повернется. Со Злобиным, правда, они в контрах. Но, это — исключенье. Злобин разве только с быком колхозным еще не прободался. И то — потому, что его дикого нрава да крутых рогов опасается. С другими же Столяров ладит. Особенно с Глебом Максимовичем Свиридовым — сыном секретаря Совета. Ее вы теперь знаете. Глеб физкультуру преподает. Хороший баянист. Плясуньи и певицы — вокруг его. К месту вставить: какая не только песня, а и жизнь на селе — без баяна?! Художественная самодеятельность на нем держится. Так вот со Свиридовым Столяров — односельчане и живут, душа в душу.

Вдова бывшего директора, Ветрова Прасковья Ивановна, в начальных классах преподает. Она вам, Василий Павлович, мешать не будет. Ей, при ее трауре, не до интриг. Прасковья — частая моя гостья. Ее старшая дочка Лиля с нашим сыном Володей давно встречаются. Дружат. Володя летное училище заканчивает, а на каникулах у нее днями пропадает. Прасковья Ивановна — все больше со своим коллегой по младшим классам Мышкиным Степаном Афанасьевичем общаются. Несчастный тоже человек. Вроде князя Мышкина — героя романа Достоевского. Как он: мечтательно — наивен, прост, непрактичен. Точнее выразиться — неудачник! Судите сами. Вот уж, который год первой жене на двух детей алименты платит, а у второй, также двое ребят — подростков в школу бегают. Жена его — простая колхозница. Естественно, душу его пылкую, интеллигентную, изнеженную понять не может. Так он отводит ее — у сердобольной Прасковьи Ивановны. Бывшая директорша — жалостливая, сентиментальная. Кажется, что Карамзин с нее образ «бедной Лизы» писал. Чужое несчастье принимает близко к сердцу. Потому, наверное, что своего натерпелась.

Работает недавно в школе старшей вожатой Серова Римма Ивановна. Ну, та со своим муженьком — механизатором никак сундук с приданым не разделят. Муж — скандалист и выпивоха! Риммочка еще и годами и умом зеленая. Давно ли десятилетку закончила?! Ребята ее не слушаются. Кричит она на них так, что

жилы на шее вздуваются, а им все, как с гуся вода. Дразнят и грубят. Все потому, что все ее семейные неурядицы у детей на виду, Откуда тут быть авторитету.

— Ну, мне пора! — председатель открыл дверцу автомобиля ГАЗ-69, стоявший у дома, сел за руль, — вы тут беседуйте, а мне в правление спешить надо: на завтра наряд подготовить. Да, Герасимовна, ты приглашай директора-то повечерять, а то ему одному, по первоначалу, скучновато в деревушке-то нашей покажется. Тем более жена — за тремя горами, за семью ветрами.

— Как же, как же — милости просим, Василий Павлович, — засуетилась председательша, — к нам вечером на огонек. Ветров с нами, завсегда дружил. Ведь больше здесь и не с кем, словом перебросится. Порядочных людей совсем мало — чтоб культурные, да непьющие были. Больше самогонщики. Злобин тот — же, как нальется «зельем», так и начинает почки зря буровить. А он от нас через сельсовет живет, считай что сосед. А враль! Ни слова — без мата! Как земля — мать еще, такого, как он, забубенного, держит?! Диву даюсь.

— Ну, я поехал! — Хитров, изучающее взглянув на Василия, вновь хлопнул дверцей «газика», — а вы тут без меня разберетесь, что к чему. Кто — поп или дьяк, а кто просто пономарь. Заходи, Павлович, не стесняйся. Запросто, как в деревне водится.

— Спасибо! Обязательно зайду, — пообещал Горичев.

Машина плавно, переваливаясь с боку на бок на ухабах и рытвинах, урча и фыркая, выехала на большак. Набрала скорость и, поднимая засеребрившиеся на солнце фонтаны пыли, умчалась в сторону правления артели, носящей имя легендарного «Чапая».

— Жить — то, как будете, Василий Павлович? — проводив автомобиль мужа глазами, допытывалась его вездесущая супруга.

— Как все, — не понял сразу суть ее любопытства Горичев.

— Я имею в виду: в старом директорском доме, где крыс да мышей что сорняков в поле, или на квартиру к кому определитесь? — уточнила свой вопрос Хитрова, — вам ведь и столоваться и постираться надо. Вы же еще такой молодой!

— Буду жить самостоятельно, — твердо заявил Горичев.

— Значит, в старом доме?

— Если он еще не развалился?

— А не испугаетесь — одни?

— Думаю, что не побоюсь.

Ну, идите тогда. Осмотритесь. Не понравится — на квартиру к соседям попроситесь. В новом-то Доме учителя сейчас Ветровы живут. Его сам для себя бывший директор построил. Думал вечно жить — а не вышло. Вот беда-то! Смерть, она приходит, не спрашиваясь. У Прасковьи — мама и две дочки. О старшей Лиле я уже говорила. Она в районной больнице фельдшером работает, Дома только по выходным дням бывает. Младшая Танечка — восьмиклассница. Вам теперь ее и обучать придется. А вы что же, как Прокоп Савельевич Ветров, историю преподавать будете?

— Да, историю. Это моя специальность.

— Дай — то бог, чтобы все сладилось, — сказала на прощание Хитрова и, глядя из-под руки на удалявшегося под гору, к школе, молодого человека, тяжело вздохнув, направилась в сельсовет, чтобы поделиться с приятельницей свежими впечатлениями.

— Ну — что новый директор? Как он из себя? — спросила подругу секретарь Совета Свиридова.

— Рассудительный. Самостоятельный, как видно. Да, молод, доверчив к людям, — ответствовала Марфа Герасимовна, — опасаюсь, что Злобин его, как зеленый орех без усилий раскусит. Трудно ему будет.

— А мы на что? Помочь надо, — наставительно заметила Елена Николаевна, водрузив на свой маленький нос, в коричневой оправе, очки, — вашему мужу в первую очередь. На то он и хозяин этой земли.

— Что верно, то верно. Науму Наумовичу, мне кажется, он понравился. Не то не стал бы с первого знакомства в гости к себе звать.

— Это уже хорошо, — Свиридова сняла очки и положила их на страницу большой деловой книги, — прижился бы только. Не опустился бы. Да, не запил.

— Заручаться нельзя, — Хитрова покачала русой головой, — из большого города в глушь приехал. Добровольно. И это с

университетским образованием. Странно как-то. Он интеллигентный, а тут культуры — разве только клуб, да моя библиотека.

— На этот счет у него, видимо, есть свои соображения.

— Цыплят по осени считают, — недоверчиво изрекла библиотекарь.

= Отчего же? — возразила ей секретарь, — и сейчас ясно, что он — не гастролер. Легких путей не ищет.

— Дай-то бог!

Пока в сельском Совете шла оживленная дискуссия «быть — не быть» новому директору, наш герой торопко, с чувством первооткрывателя, шел по узкой, поросшей молочаем и подорожником тропинке, вьющейся по самому гребню крутого холма. Спустившись с него, Василий оказался в маленькой долине, вдоль которой извивался ручей. Два его топких берега соединял сколоченный из двух длинных досок, пружинящий под ногами выручала — мостик. Горичев не удержался от соблазна. Пробежался, как в детстве, по его скрипуче — гибкому настилу и выбрался на другой скат оврага, более пологий.

По левую сторону от тропинки, ведущей в школу, стояла, радуя глаз, белая роща. Торжественно — тих, был ее зеленый занавес, когда Василий, радостно— возбужденный невольно залюбовался плакучими красавицами в раздольной оправе лугов и полей.

Рощино! Не эта ли березовая рощица дала тебе свое название? Здравствуй, моя доселе незнакомая деревенька!

А вот и каскад прудов. Их три. И устроены они на крутых уступах — один выше другого. Так пожелал бывший владелец усадьбы помещик Рощин. Должно быть, и деревня со всеми тридцатью дымками над утренними крышами названа именем своего прежнего владельца. Кстати, дворов тогда наверняка было гораздо больше. Только выглядели они, будто на картине Билибина, — жалко и ветхо. Не то, что ныне. Каждый дом — под железной или шиферной крышей. Каждое крыльцо — воплощение искусства резьбы по дереву.

«Чем не Эрастов пруд?!» — подумал Василий, подойдя к широкому, чистому водоему с причудливым островком посредине, на котором росли кусты черемухи, орешника и ольхи. Не-

сколько позже Горичев узнает, что этот островок называют в народе «островом любви». Старожилы помнят, стоявшую на нем таинственную беседку, в которой помещик Рощин развлекался с представительницами прекрасного пола. Дно пруда и сейчас хранят печать особых забот — оно выложено кирпичом. От чего вода здесь более чистая и свежая, чем в двух других, порядком заилившихся, зацветших водоемах.

— Но что это? — Василий услышал сильный всплеск воды, — не караси ли балуют?

Однако нет. Горичев отчетливо увидел темную, лоснящуюся на солнце головку зверька.

«Нутрия! — сообразил он, — так вот она нарушительница зеленого покоя». Налюбовавшись прелестью прекрасного уголка природы, Василий открыл громко скрипнувшую калитку и, затаив дыхание, ступил на школьный двор.

На другой же день Василий Павлович Горичев занес в свой дневник первую запись:

«Прибыл по месту назначенья. На пригорке, чуть влево от небольшой деревушки Рощино, возле светлой березовой рощицы и трех прудов стоит Т— образное здание, похожее на распластавший по земле самолет. Это и есть Рощинская восьмилетняя школа. Согласно штатному расписанию, здесь мне и предстоит выступать, как говорят, в семи лицах — директор, завуч, завхоз и так далее.

Первое знакомство с хозяйством огорчает. Спортплощадки нет, Географическая плохо оборудована. Особенную тревогу вызывает печное отопление. Тринадцать печей. Это означает, что нужно завезти, напилить, переколоть уйму дров. Осенью и зимой они намокнут под дождями — не разжечь, а дровяного сарая нет. Две технические работницы, разумеется, не в состоянии обеспечить весь хозяйственный фронт работ.

20 августа 1968 года».

Глава четвертая

НАЧАЛО

«Любовь — кольцо, а у кольца — начала нет и нет конца», — так поется в популярной песенке. Но мы-то знаем, что во всем на этом свете есть свое начало и свой конец. Один из интересных и любимых современных писателей у Горичева был его тезка — Василий Шукшин. Так вот он говорил: «О человеке нужно знать три вещи: как он родился, как он женился и, как он — умер?». К этому надо бы добавить еще и то, как он учился и как работал?

Жизнь — движение. Но не по кольцу, а по спирали. Эту истину хорошо усвоил Василий еще на лекциях по философии. Если принимать школьный год за круг, по которому ему предстояло начать свое восходящее движение, то следующий год — это новый круг, но в более высокой плоскости. И так — все ближе к цели. Она же для Горичева сводилась к многотрудной задаче — стать педагогом. И не просто преподавателем, усвоившим правило делать «от сих, до сих», а быть настоящим учителем-воспитателем, подобно Антону Семеновичу Макаренко — кумиром чистых ребячьих сердец.

О как этого достигнуть? Чтобы стать таким учителем, который живет одной жизнью с учениками, бережно относится к их духовному миру — нужны еще знания общей теории обучения, проникновения в психологию и физиологию. И настоящий интерес к истории педагогики (не изобретать же заново велосипед), методикам пробуждения любви к учению.

До окончания университета Василий педагогикой занимался мало, Он, как некогда великий педагог Павел Петрович Блонский, считал в юности педагогическую литературу самой скучной в мире. На то были и объективные причины. Известно, что в университете, в отличие от педагогических вузов, вопросам педагогики внимания и времени уделяется значительно меньше.

И все-таки начало становления педагога — это не время окончания вуза и получения диплома, а гораздо раньше. Учась в школе, Василий не отличался дисциплинированностью и хоро-

шо помнил, как разгневанная его очередной выходкой учительница математики привела его в учительскую, где на него смотрели много пытливых и порою недобрых глаз. Особенно не по себе было выслушивать директора школы Георгия Гавриловича Тимохина:

— А вот сам, наверное, учителем не захочешь быть?! Трудно, скажешь, воспитывать?!

— Может, и захочу, а может и не трудно! — запальчиво ответил тогда Василий и густо покраснел. Ему было стыдно перед Георгием Гавриловичем, которого все ученики уважали, любили и побаивались.

По дороге из школы Горичев долго обдумывал свои слова. Тогда он учился в девятом классе. Писал корявые неумелые стихи, строчил заметки в «районку» и мечтал стать журналистом, а вот о профессии учителя впервые стал думать лишь после этого случая. Очень уж не хотелось оказаться болтуном перед своими педагогами.

Находясь на службе в армии, Горичев с отличием окончил одногодичную партийную школу, все три года вел комсомольскую работу. Не случайно он был избран вначале заместителем, затем секретарем комитета комсомола (на правах райкома) Ивановского пединститута, где начинал учебу.

Спустя год после смерти сестры в городе Ростове на Дону, где она жила с казаком — мужем и тремя малолетними казачатами, Василий, по просьбе семьи, переехал на Дон. С тем чтобы помочь осиротевшим детям. Перевелся на вечернее отделение Ростовского госуниверситета, а днем стал работать, вначале — грузчиком, а затем — мастером транспортного цеха гипсового завода.

На страницах областной газеты «Комсомолец», в очерке «Товарищ мастер» он писал: «На улице сыро и холодно. Плачет за окном осень. Закончилась рабочая смена. Не трудная и не легкая. Обыкновенная смена. Никогда не думал я, что стану мастером, руководителем т организатором производства. Помню, как встречался когда-то я с помощником мастера, знатной ткачихою Ивановского текстильного комбината, Героем Социалистического труда Марией Васильевной Куликовой. Слушал ее бесхитрос-

тные слова о том, что быть хорошим командиром производства — это очень большая наука. Но тогда все это было для меня просто теорией. С практикой я впервые столкнулся на Ростовском гипсовом заводе. Меряю шагами тесную комнатку мастеров, вспоминаю. Я привык разговаривать с собой. Так легче анализировать свою работу. Вот и сейчас...

«Гипсовый завод. Грузчик. Вечером — студент второго курса университета. Доволен ли ты, Василий Горичев? Да, очень. Ты давно мечтал о таком — чтобы дух захватило, — чего порою так не доставало. Работа с молодежью требовала от тебя не только знаний инструкций да умения что-то организовать. Необходим был жизненный опыт. Этого тебе подчас не хватало. «Возьмите сами в руки кайло или отбойный молоток и поработайте, например, где-нибудь на заводе. Узнайте людей. Поживите их радостями и бедами. Вот тогда родятся настоящие, нужные людям слова», — ты всегда помнил этот мудрый совет старого рабочего. И вот ты — грузчик».

Когда с первыми лучами солнца я иду на завод, то всегда вспоминаю слова знакомого мне ивановского поэта Владимира Жукова: «Начинается с утренней смены: и работа, и песня, и жизнь!».

Сколько было у меня таких утренних смен? Немного. Всего — сорок пять. А песен? То — же маловато. И вдруг предлагают работать мастером. Десятки сомнений: за свое ли дело берешься? Без году неделя как на заводе, и на тебе — мастер! Что подумают люди? Уж не карьерист ли? Будет трудно. Ведь надо работать в трех сменах. А как быть с занятиями в вузе? Но тебе слышался и другой голос. Начальник цеха Яков Захарович Ульянченко. Его строгий взгляд: «Ты — комсомолец, решай!». И через три дня ты принял смену.

Семь грузчиков. Разного возраста, но преимущественно — молодежь. Рабочие встретили тебя приветливо. Ведь — из своих. И теперь только от тебя будет зависеть авторитет организатора и руководителя производства».

Ночная смена. В вагон с помощью крана грузят крупные панели, одно из основных изделий завода. Легкий, монотонный говор машин. Колокол крана. Вира! Майна! Из предрассветной густой тьмы ярко и холодно смотрят на землю звезды.

У вагонов кипит работа. Гипсовая пыль длинным столбом поднимается вверх. Тонким слоем садится на железобетонные блоки, щедро пудрит рабочих. Владимир Толстов, один из опытных стропальщиков, чихает, откашливается и кричит крановщику:

— Эй, Миша! У тебя пыли нет?

— Нет, — отвечает тот, высунувшись из кабины.

— А здесь полно.

— Такова твоя участь.

— Ладно, ладно.

Вагон с каждой минутой все больше наполнялся прямоугольными плитами. В перерыве грузчики чинно усаживались за длинным столом, достав припасенные женами свертки, подкреплялись.

«Парни твои, Василий Горичев, не прочь были и пофилософствовать. Спор или беседу начинал обычно полный краснощекий мужчина в неизменной клетчато — алой рубашке. Смотрел он на всех с тою усмешкой, которая сама по себе никого не оставляла равнодушным.

— От слова «грузчик», — заявлял толстяк Анатолий Степанов, — пахнет нафталином моей бабушки. Это древнее выражение пора выбросить и заменить другим, более подходящим и правильным определением нашей профессии.

По мнению Олега Кислякова, Толя был прав. «При этом слове, — говорил он, — посторонний человек сразу же представлял себе горьковского паупера с опухшим от водки лицом». Но безвозвратно ушло то время, когда грузчики на собственных спинах таскали мешки по шатким трапам, ломами вталкивали тяжелые ящики в вагоны. Сейчас к их услугам — краны, автопогрузчики, подъемники, лебедки, транспортеры, электрокары. Теперь грузчику нужно уметь руководить всей этой техникой».

Но больше всего нравится мне, когда ребята начинают разговор о литературе, о книгах, о современных писателях. И здесь я понимаю, что довод Толи Степанова о замене названия профессии «грузчик» имеет все основания.

Однажды, застав Олега Кошелева в библиотеке, я поинтересовался, что тот любит читать. Оказывается, Олег прочел собрания сочинений Пушкина, Тургенева, частью — Льва Толстого, Чехова, Горького. А потом на перерыве в конторке мастеров,

ребята слушали рассказ Олега о романе Ивана Тургенева «Отцы и дети». Слушали внимательно. Тезка Олега — Кисляков, двадцатитрехлетний парень, надвинув на лоб серую фуражку, чтоб не мешал сет электролампы, казалось, старался всем своим видом понять, отчего же заблуждался такой умный человек, как Базаров. Позже я застал его в заводской библиотеке. Среди выбранных им книг разглядел на пепельном переплете: «Отцы и дети».

«Тебе нравились сосредоточенные лица рабочих, когда ты проводил с ними занятия по техминимуму. Вопросов было, как всегда, много. И ты старался отвечать на них, не прибегая к помощи книг и брошюр, которые лежали рядом. Тебе были приятны их похвалы: «Теоретик — то ты сильный». А когда кто подходил к стенной газете «Транспортник», которую ты редактировал, чувствовал, как легкая краска румянит твои щеки. Ведь ты отдал этой стенгазете не один час раздумий.

Тебя огорчали грубость, крепкие словечки, которые не ушли еще из лексикона твоих парней. Да нелегко быть воспитателем, когда тебе самому всего двадцать три от роду. Когда многие старше, опытнее тебя и лучше знают секреты производства.

А помнишь, какое письмо получил ты от своего друга из Иваново? Таня Зудина, студентка пединститута писала: «Наверное, трудно работать и учиться вечером? Да, еще такая кошмарная работа. Долго ли собираешься на ней просидеть? Неужели — грузчик — твое призвание? Ты мог бы устроиться в другом месте, тебе это не трудно. Ты же — умный! Мне почему-то всегда казалось, что тяжелый физический труд не подходит к твоей тонкой поэтической натуре».

И ты послал ей ответ полный упреков и назиданий. Может быть, не стоило этого делать? Но ты написал ей, что работать грузчиком также почетно, как и педагогом. Что Алексей Пешков и Виллис Лацис трудились в портах грузчиками. Ты написал ей о своих товарищах. О том, как они любят искусство и литературу, умеют слушать и понимать музыку.

Вокруг тебя жизнь. Ты мчался к цехам. Проверял подъезды к грузам. Звонил в диспетчерскую, добиваясь порожняка. Бежал к железнодорожникам узнавать, когда будут поданы вагоны. Надо было так организовывать процесс труда, чтобы твои рабочие были загружены всю смену, и могли бы, в конце месяца,

рассчитывать на высокую заработную плату».

Мастер. Ох, как много надо знать и уметь. Ведь не только хорошего производственника хотят видеть в тебе рабочие. Главное — товарища, советчика, друга. Как-то я встретился в магазине с Владимиром Боканевым и его молодой женой.

— Тоня, — обратился Владимир к женщине, — познакомься — это мой мастер!

И от того, как прозвучали эти слова — «Мой мастер» — мне стало легко и приятно. Очень хорошо, когда так о тебе говорят рабочие, просто и непринужденно — «Наш мастер».

И вот теперь — Рощино! Школа. Проведя первый в своей жизни педсовет, глядя на учителей, Василий очень хотел, чтобы и они в будущем сказали о нем, как некогда отзывались его рабочие, уважительно и просто: «Наш директор!». Ученики же произносили бы с гордостью: «Наш учитель!».

Но, как этого добиться? Как завоевать ребячьи сердца? Как заставить коллег поверить в него? Опыта работы комсомольским секретарем и мастером, а затем воспитателем малолетних преступников, Горичеву явно не хватало. Иной размах. Иная специфика. Другие условия. Особый социальный уклад, более высокая планка требований. Наконец, иные — цели, положение, уровень, психология и этика.

Тысячу раз он раздумывал над тем, как добиться, «чтобы слушали, чтобы верили, чтобы помнили люди тебя?». С чего начинать? С каких поступков, решений, распоряжений?

В дверь кабинета постучали.

— Войдите!

Перед взором молодого директора предстала крупная фигура человека с красным, одутловатым носом и прыгающими синими губами. Это был Злобин.

— Садитесь, пожалуйста, Фрол Демьянович, — Горичев встал из-за стола, — слушаю вас.

Учитель нервно усмехнулся, но присесть наотрез отказался.

— Я вот по какому вопросу, Василий Павлович, — начал он, — вот вчера вы на педсовете нагрузку учителям распределили. И мне лишь девятнадцать часов досталось.

— Разве ниже нормы?

— Нет-нет, не ниже. Ставка, известно, — 18 часов. Но при моих семейных обстоятельствах маловато. Сами понимаете — дети.

— Да. И что вы предлагаете?

— Отобрать уроки у Столярова и передать их мне или моей жене. Ему же и пятнадцати часов хватит. У него нет высшего образования.

— Ну, это не годится. Педсовет решил.

— Что педсовет? Как мы с вами поладим, так оно и будет. Если вы мне уступите, то я всегда для Вас....У меня большой опыт. Стаж работы директором. Да, никто против нас и словом не пикнут! Если Вы...

— Что — если я?

— Если вы будете со мною, а не со Столяровым и Свиридовым. Вместе мы их в кулак зажмем, Я же всегда за вас, если что...

— Мне пока никто не угрожает.

— Это — пока.

— Что это значит?

— Всякое может быть.

— Такое заявление — не педагогично, Фрол Демьянович.

— Может быть. Но вам, молодому человеку, не к лицу становиться на путь вашего предшественника.

— Кого вы имеете в виду?

— Ветрова! Кого еще. Он себе, что мог только, хапал. И часов понабрал. Теперь вам его нагрузка автоматически перешла.

— Не продолжайте. Я вас понял, — директор терял терпение, — два часа географии, считайте, отныне ваши. На первых порах, надеюсь, будет достаточно?

— Спасибо! — просиял Злобин, — доброго вам здоровья, Василий Павлович. Очень благодарен. А Столярова вы все — же зря жалеете. Он еще при немцах?!

— Что при немцах?

— При оккупации им служил. В анкетах же пишет: работал в личном хозяйстве.

— Это вы бросьте. Времена культа личности давно миновали. К тому же существуют особые органы. Они и разберутся.

— Я счел долгом проинформировать, чтобы Вы знали.

— Не утруждайте себя. Мне это ни к чему.

— Смотрите. Дело ваше. Ну, так я пойду домой. Жену обрадую.

— Пожалуйста.

Когда проситель покинул директорский кабинет, Василий ясно понял, что еще мгновение — и он бы не выдержал. Выругался бы или выгнал этого наглеца — вон. Прикоснувшись рукою к виску, он почувствовал, как сильно билась жилка — от высокого перенапряжения.

«Так меня ненадолго хватит, — подумал Горичев про себя, — однако расхолаживаться ни к чему. Через день начнутся августовские совещания учителей».

Василий еще раз просмотрел план работы на учебный год, составленный его предшественником. И хотя ряд пунктов носили парадоксальный характер — менять ничего не стал. Не потому что мирился с ошибками и неточностями. Причина заключалась в китайской мудрости, которой он старался следовать — не навредить.

Следуя логике, директор не ставил перед собою задачу — все перевернуть, заменить, перестроить по своему соображению, дабы продемонстрировать волю и ум. Он решил избрать тактику не революционного скачка, а эволюционного, постепенного «вживания» в коллектив. Без навязывания своего «Я», ибо он знал, что без практики, дело могло обернуться непоправимой ошибкой. Люди — сложнее машин. Его принцип потому можно было выразить транспортной формулой: «Не уверен — не обгоняй!».

Глава пятая

ВЕТРОВЫ

Первым человеком, встретившим Горичева на территории Рощинской школы, была сухощавая, среднего роста, женщина в черном платке. Она не улыбалась, но смотрела на гостя приветливо. Взглянув на эту женщину, Василий, себе на удивление, догадался, что это и есть Прасковья Ивановна Ветрова — вдова бывшего директора.

Здравствуйте! — в это короткое приветствие Василий вложил, насколько мог, тепло и ласку своего отзывчивого на чужую беду сердца.

— Здравствуйте, Василий Павлович.

Василий вздрогнул от неожиданности. Откуда учительница могла узнать его имя — отчество?

— Как! Вы меня знаете? — спросил он.

Да. Я в сельсовете была, когда из РОНО звонили, что к нам едет новый директор Горичев Василий Павлович. А так как мы тут всех знаем, а вы — новый человек, то я и подумала, что Вы и есть директор. И, как видите, не ошиблась.

— Значит, новости у вас распространяются со скоростью телефона?

— Бывает и быстрее, — пробовала пошутить Ветрова. Но улыбки на лице не получилось. Вместо нее в ее чертах появилось какое-то подобие гримасы — она явно страдала.

— А я о Вас тоже слышал. О вашем горе.

— Да уж хуже-то горя не бывает.

— Не откажите ли вы мне в любезности показать школу, — попросил Горичев.

— Отчего же. Сейчас пошлю Таню за техничками. Они ключи принесут.

Не прошло и десяти минут, как появилась моложавая женщина плотного телосложения. В ее руках поблескивали ключи. Поздоровавшись, она открыла школьную дверь.

Василий с волнением переступил порог школы. Прошелся по гулким ее коридорам. Осмотрел классы и кабинеты. Вот и директорский, Из мебели там стоял один стол и несколько стульев. Впечатление было удовлетворительным.

— А теперь осмотрите свой дом, — предложила техничка, которая назвала себя Фросей и ни за что не хотела, чтобы ее величали по отчеству.

Они миновали спортплощадку, окруженную высокими деревьями. Старое здание школы, заросшее бурьяном и крапивой. Новостройку, в пять стен, дом Ветровых. Вот, наконец, подошли к ветхому строеньицу, крытому поржавевшим железом.

Вот это и есть Ваши апартаменты, — улыбнулась Фрося, — милости просим.

Василий пригнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку вошел в сени. Из давно непроветриваемой комнаты потянуло запахом плесени. Едва новый хозяин ступил через порог — из-под ног прыснула в запечье мышиная стайка, испуганная вторжением людей. Стены, когда-то оклеенные обоями, и даже потолок казались изъеденными оголодавшими грызунами.

— Здесь и крыс полно, — заметила Фрося и гневно выразилась, — ни одна отрава, их, зараз проклятых, не берет.

— Считай, три года здесь прожили, — грустно бросила Ветрова

— И мы поживем, — в тон ей, но с долей оптимизма, сказал Горичев.

Тут же, с помощью технички, перенесли из старого здания школы проржавленную кровать с отсыревшим матрацем, небольшой книжный шкаф, который Василий решил использовать на первых порах под одежду. Появился также и письменный стол. Из разбросанных частей Горичев собрал на гвоздях несколько старых стульев.

Как говорят: и крыша есть и стол готов. Большего и не надо. Василий, детство которого прошло частью в землянке, освещаемой «лампадой» из снарядной гильзы, частью — в гнилом доме, слепленным его горемычной матерью из наката той же землянки, — испытал такое, что его уже не пугали, такая ерунда, как мыши. Тем более что Фрося вызвалась принести кошку. К тому же не осталась безучастной и Прасковья Ивановна. Она тут же принесла из своего дома «крысиную отраву», которую все вместе, они и рассыпали по щелям.

На следующий день Василий, побывав в Ключах, привез с собою постельное белье, часть необходимых книг. И засветился на территории школы еще один огонек.

Первую ночь Горичев спал беспокойно. Его разбудил сильный шорох бумаги и звонкий хруст, производимый мышиными зубами. Он встал. Включил свет. И увидел, как врассыпную пустились наутек длиннохвостые создания — крысы. «Черт не выдаст, свинья не съест», — как молитву прошептал перефразированную поговорку Василий, и вновь улегся спать. Свет, однако, оставил включенным до утра. «Ничего — привыкну, — успокоил себя наш герой, — бывает и хуже».

Каждое утро Василий просыпался с петухами: вернулась привычка детства. Выходил на освещенное малиновым солнцем крыльцо, принимал «ванну» из висевшего здесь же рукомойника и шел прогуляться в омытый росою школьный сад — единственная радостная утеха молодого директора. Сад состоял в основном из яблонь, нескольких груш и слив и смыкался с пришкольным учебно-опытным участком, на котором вызревали краснобокие помидоры и золотились перезревшие огурцы. Чувствовалось, что здесь давно не было юннатов — весь участок зарос травою и крапивой. «Это не годится», — отметил про себя Василий.

Уже на другой день пребывания в школе на встречу с ним собрались все учителя, жившие неподалеку. Из райцентра, неведомо как и кем предупрежденная, приехала учительница литературы Аксинья Марковна Доброва.

Когда Василий вошел в помещение здания школы, то педагоги уже были в полном сборе. Он не знает, какое произвел на них впечатление, но их внешний вид его несколько шокировал. Еще, будучи школьником, Василий привык считать, что учитель — это образец культуры. И по — Чехову, «в человеке должно быть все прекрасно: и одежда, и слова, и мысли» Его наставники и являли собою воплощение красоты, чистоты и аккуратности. В первую очередь в одежде. Не зря же в клубах девчата пели: «чтоб учителя любить, надо, чистою ходить, а неряхою такой, не полюбит — никакой!». Но Василий видел своих учителей лишь в учебное время. В домашней обстановке он их не наблюдал, так

как от деревни, в которой он жил, до школы, где учился, было шесть верст, проселочной дороги.

Здесь же, в Рощино, коллеги предстали перед ним в своей обычной рабочей одежде. Пришли они, пропыленные и загорелые, от садов и огородов. Пришли, чтобы увидеть его. Думали о нем, а о себе, как видно, забыли. Первая фраза после приветствия, которую произнес новый директор, звучала примерно так:

— Это и есть Рощинские учителя?

Все дружно уставились на шефа, пытаясь угадать скрытый смысл фразы, но так, видимо, ничего не поняв, скромно промолчали. Нашлась лишь Прасковья Ивановна:

— Да, все на лицо.

Подавив в себе чувство минутной неловкости, Василий коротко рассказал о себе. Попросил поделиться своими впечатлениями о каникулах, планами на новый учебный год. Разговор получился деловой и непринужденный. Никто не обиделся и на замечания по поводу заросшего учебно-опытного участка. А его заведующая, биолог Лариса Дмитриевна Злобина, тут же составила список юннатов, которые должны были навести в школьном саду надлежащий порядок.

Чудо. Буквально, через час, неведомо откуда, сбежались загорелые и веселые мальчишки и девчонки. Взялись за кирки и лопаты, вилы и грабли. Уже после обеда Василий с радостным удивлением наблюдал результаты их труда. Делянки огурцов и помидоров, гороха и пшеницы были в полном ажуре. Все благоухало, цвело и пело.

«Чем не Гайдаровские тимуровцы? Молодцы ребята!» — с удовлетворением подумал о школьниках Горичев. Сорвал налитый соком помидор, вытер его яркую кожуру о носовой платок и отправил в рот, наслаждаясь свежестью и сладостью поспевшего томата.

Навели мальчишки марафет и на спортивной площадке. Под руководством учителя труда Аркадия Петровича Столярова отремонтировали рабочий инструмент в школьной мастерской. Вскопали яму для прыжков. Обозначили беговую дорожку.

Технички, как смогли, то ли скосили, то ли сшибли траву — бурьян вокруг нового здания школы.

Учителя начальных классов — Ветрова Прасковья Ивановна и Мошкин Степан Афанасьевич — собрали семилеток и еще раз отрепетировали с ними то, что их ждет в первый день учебного года.

Пионеры навели чистоту в пионерской комнате, пересмотрев и перетряхнув все пионерские атрибуты.

Все работали с увлечением и воодушевлением. Василий невольно любовался школьниками, Шутил. Помогал. Подсказывал. Ребята с легкостью и раскованностью выполняли все его распоряжения.

Учителя украдкой, исподволь наблюдали за действиями своего шефа, о чем-то тихонько переговаривались между собою. У многих из них еще не закончился отпуск. Тем не менее, никто не пытался уйти пораньше, хотя он их во времени не ограничивал.

Вечером Прасковья Ивановна, по-соседски, пригласила Василия к себе:

— Поужинаем вместе, не то Вы все в сухомятку. Зря себе желудок только портите, убеждала она, — а я борщ с курятиной приготовила. Заходите, чего стесняться. Считай, что под одною крышею живем.

Горичев понимал, что своим отказом он огорчит соседку, только что перенесшую большое горе. Да и, честно признаться, прошло уже три дня, как он не брал в рот, ничего горячего. Питался в основном молоком да консервами. Поэтому напоминание о вкусном борще, к тому же с курятиной, невольно разожгло его здоровый аппетит.

Ветровы жили втроем: 70-летняя старушка — мать Прасковьи Ивановны, сама хозяйка, и ее восьмиклассница — дочь Таня. Девочка — тихая, скромная, симпатичная. Но на этот раз в просторной горнице сидели — четверо.

— Василий Павлович, познакомьтесь, — обратилась к вошедшему в зал гостю, хозяйка дома, — это моя старшая дочь. Из города на выходные приехала.

Миловидная, полногрудая девушка лет двадцати трех небрежно поправила ниспадавшие на плечи густые каштановые

волосы, широко улыбаясь и глядя прямо в глаза Василию, представилась коротко:

— Лиля.

— Очень приятно.

«Прямо таки, невеста», — отметил про себя Горичев, — невольно любуясь ее складной фигурой и румяными щеками, а вслух сказал: «О, да вы копия Марии Кодряну!».

— Неужели?! — кокетливо воскликнула Лиля, — интересно, а кто же она такая?

— Певица из Молдавии.

— И знаменитая?

— Конечно. В прошлом году на международном фестивале в Сочи за исполнение песни Александры Пахмутовой «Нежность» ей был торжественно вручен Диплом.

— Как интересно, а я не знала.

Василий по интонации ее голоса понимал, что она с ним лукавит. Кокетничает. Однако, обиженным, себя не чувствовал. Напротив, ему доставляло удовольствие продолжать эту неожиданно завязавшуюся игру. Все лучше, чем молчать.

— Вы сами, случайно, не поете? — спросил он.

— К сожалению.

— Работаете?

— Да.

— Где же?

Василий еще из повествования жены председателя Хитровой знал, что Лиля — фельдшер. Что она дружит с ее сыном — летчиком. Вопрос же задал потому, чтобы раньше времени не обнаруживать свою осведомленность.

— В больнице, — Лиля взяла с полки сборник стихов.

— И больные вас любят?

— Конечно.

— И выздоравливают?

— По-разному. Кто поправляется, а кто и нет.

Тут Лиля неожиданно уронила книгу. Закрыла свое полное лицо обеими руками и, громко вскрикнув, упала на диван.

— Успокойся, доченька, — бросилась к Лиле ее мать, — ну что теперь делать. Значит, судьба наша такая.

Хозяйка, утерев, внезапно нахлынувшие слезы уголком платка нервно заходила по комнате. Наконец, успокоившись, остановилась напротив Василия.

— Вы уж извините, — вздохнула она, — Недавно сорок дней справляли мужу. Да и как такое забудется. Со старшей дочерью они души друг в друге не чаяли. Ну, что же вы, садитесь за стол, пожалуйста.

Лиля встала с дивана. Вышла на кухню. И через минуту, как ни в чем не бывало, вернулась. Свежая и красивая — она села рядом, за дымящийся борщом, стол.

— Поминки были, — продолжала Прасковья Ивановна, — как положено. Колхоз барана дал. Не пожалел. Гостей было, как говорят, из семи волостей — из райкома, сельсовета, из РОНО — тоже. Все уважали Прокопа.

— Если бы уважали, мама, — возразила неожиданно матери Лиля, — то наш отец был бы жив и сейчас.

При этих словах Горичев невольно насторожился: «Что она хочет этим сказать?», — подумал он про себя.

— И то правда, Василий Павлович, — продолжала развивать мысль дочери хозяйка, — хлопотун был мой муж. Все о школе пекся. Канителился — строил. То школу, то этот дом, где мы теперь ужинаем, а себя не уберег.

Да, — вырвалось у Лили.

— Но много ли на голом энтузиазме понастроишь? То денег нет, то кирпича, то леса. Это сейчас, права Лиля, и в колхозе и в Совете соболезнуют, сочувствуют: «Хороший — де был человек». Если бы этому «хорошему» они помогли во время, то не пришлось бы нам сегодня горькие слезы проливать.

— Не надо мама!

— Нет, почему же? Пусть Василий Павлович знает все. Ему тоже не сладко здесь придется. Ведь как получилось? Обивал — обивал мой благоверный пороги местной власти, а все без толку. Лето кончается, а школа все еще в лесах. Тут заседание исполкома назначили. Он депутатом был. Пришел Прокоп после заседания — лица на нем нет. «Что, — говорю, — с тобой?».

— На исполкоме, — отвечает, — поругался с обоими председателями — и колхоза и сельсовета.

— И чего добился?

— Мало чего. Вот завтра в райком пойду. Докажу этим бюрократам, что умру, а школа стоять будет.

Так оно и случилось. Муж, как лег спать, так и не проснулся. Сердце у него пошаливало. К слову, что он перенес — не приве-

ди господь и самому злому врагу: плен, лагерь Освенцим, побеги, избиения. Да на нем живого места не было. Разве лишь воля была крепкою. Так и не сходил в райком. После же смерти — и в артели и в Совете — словно все проснулись после долгой спячки. Опомнились. Неведомо откуда сразу же появились: и кирпич, и раствор, и пиломатериал, и рабочие. Недели, после похорон не прошло, как школу уже выстроили. Вот и спрашивается: неужели у людей, у так называемых руководителей, у того же Наума Наумовича совесть так была глубоко припрятана, что, лишь загубив жизнь человека, она проснулась?

Во время всей нашей беседы мать Прасковьи Ивановны, худенькая и тихая старушка, несколько раз молча появлялась в горнице, где мы вечеряли, и также молча вновь уходила на кухню. Там стояла русская печь — постоянное место ее отдыха. На этот раз, войдя в комнату, она горько запричитала:

— Лучше бы мне, старой, помереть, чем Прокопу. Трех сироток по свету пустил. Господи, горе — то, какое! — и она заплакала. Громко, навзрыд.

— Не надо, мама. Успокойся. Как-либо, переживем. Мир не без добрых людей. Иди лучше отдыхай.

Старушка, стоная и охая, вновь отправилась к себе на лежанку.

— Да, трое — невест, у нас с Прокопом, — подтвердила слова матери Прасковья Ивановна. Двоих вы уже знаете. А третья — средняя — в Москве: Светлана в техникуме там учится. У родственников на квартире живет. На каникулах домой приезжает. Дай бог, все устроится. Замуж повыйдут. Вон Лиля с председательским сыном встречается. Неплохой парень. Но только после смерти мужа видеть его не хочется. И отца его с матерью.

— Ну, к чему ты это, мама? — покраснела Лиля, — о женихах разговор заводишь, Да не нужен мне никто.

— Не говори так дочка. Доля наша женская такая. Приходит время — выходим замуж.

— А, где же ваша младшая, Таня? — спросил Василий.

— К подружкам пошла. Книжку интересную вместе читают. Она вся в отца — строгая и серьезная. Да вы и сами ее узнаете. Вот еще что хотела вам сказать: остерегайтесь Злобина. Уж сколько он Прокопу, напраслины навел! Сколько компромата на

него в район сочинил! Тяжелый, злой человек — со всеми учителями перегрызся.

— Его же Лариса Дмитриевна еще подлее мужа будет — заметила Лиля, — начнет учеников ругать, вся побагровеет, кровью, как паук нальется. Кричит, даже, захлебывается.

— Что, правда, то — правда. Все учителя их побаиваются. Не хотят связываться. Один Аркадий Петрович разве что иной раз скажет. Так они его заклевали. Василий Павлович, я попросить вас хочу.

— Пожалуйста, — Горичев приготовился внимательно слушать.

— Я к себе жить Аксинью Марковну хочу взять. Скучно и трудно мне одной. Да и ей, чем у чужих людей квартировать лучше со мною жить.

— Пожалуйста.

— И еще. Вы мне дров не выпишите? Мы ведь еще за прошлый год не получали.

— У кого списки?

— У председателя профкома Столярова.

— Тогда подходите завтра в школу. Разберемся, Если положено — выделим.

— Спасибо Вам, Василий Павлович.

— И вам спасибо — и за ужин, и за беседу.

На следующее утро техничка Фрося привела из бригады запряженную в старую и разбитую телегу лошадь. На ней Ветрова с Добровой перевезли из школьного склада к своему дому воз дров. Горичев сам помог женщинам справиться с этой нелегкою работой.

Глава шестая

ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ

Первого сентября — день первого звонка. Так мы привыкли считать. Однако в 1968-ом, учебный год начался — не первого, а второго сентября. Календарь подвел. Он нарушил традицию советской школы: на первый день осени выпало воскресение.

Днем радости стал понедельник, второго сентября. Солнечно — розовым утром, задолго до звона колокольчика, в маленькую, но дорогую каждому ребячьему сердцу школу, минуя белоствольную березовую рощу и заросшие травою и кустарником пруды, стали проворными ручейками стекаться мальчишки и девчонки. В такой день, каждое детской сердце волнующе — радостно трепещет от мысли, что ты стал на год старше. Следовательно, умнее и сильнее, когда так несказанно хочется петь и смеяться от предчувствия приятной встречи с друзьями-одноклассниками, с любимыми учителями. В такой день нельзя быть одному — душа общения просит.

По тропкам и стежкам, сбивая новыми туфлями и кедами серебристую росу и легкие прозрачные паутинки с придорожных трав, из окрестных деревень и поселков шли в родные пенаты юные Ломоносовы и Гагарины.

Над сценарием дня «Первого звонка» Василий Павлович Горичев начал думать сразу же после августовского совещания учителей. Внимательно выслушав благие советы, он решил прибегнуть к драгоценному опыту великого педагога Антона Семеновича Макаренко, который всю жизнь любил военное — форму, строй, честь, уважение к Знамени. Да и пример его школьного директора Георгия Гавриловича Тимохина значил не мало. Он — некогда боевой офицер, ветеран Великой Отечественной — всегда являл собою образ сосредоточенного, энергичного, собранного, по-армейски подтянутого, преданного трудовому распорядку и дисциплине руководителя.

В армии Горчиев был младшим командиром — сержантом. Командовал отделением и взводом. По завершению службы был аттестован в лейтенанты. Проходил обучение на офицерских

курсах. И ему вполне доставало опыта, навыков и приемов в организации управления строем.

— На торжественную линейку — стройся! — звучит команда преподавателя физкультуры Глеба Максимовича Свиридова. Он на два года моложе нового директора. Выпускник педучилища, Глеб уже несколько лет проработал учителем начальных классов в соседней школе. В Рощинскую восьмилетку пришел, после того как обзавелся семьей. Женился против воли матери на худенькой, ясноглазой девчонке. По натуре был добрым и покладистым человеком. Его любовь к музыке, а он отлично управлялся с баяном и гармошкой, не оставляли к нему равнодушными отзывчивые на ласку детские сердца. Они его уважали, а потому охотно подчинялись.

Свиридов выстроил ребят в две шеренги, которые яркой лентой перерезали школьную площадку — класс, к классу. Злобин пытался протестовать. Возмущался: «Что вы нас на положение школьников ставите?! Мы не в армии! Учителю держать руки по швам — стыдно!». Но директор в своем решении был тверд и непреклонен. Фрол Демьянович, бурча под нос и охая, все же возглавил шеренгу семиклассников, а его супруга Лариса Дмитриевна, из соображений этикета, а может в знак благодарности за подаренные ей Горичевым два часа географии, без возражений стала в ряд с шестиклассниками.

Аксинья Марковна Доброва внимательно осмотрела своих питомцев — пятиклассников. Степан Афанасьевич Мышкин сделал последние внушения шалунам из второго и четвертого классов.

На правом фланге стояли самые старшие — восьмиклассники, руководимые Аркадием Петровичем Столяровым — коренастым, с мужественным лицом, седоволосым с карими глазами учителем.

Рядом с первоклассниками, стоявшими на левом фланге — у всех на виду — Прасковья Ивановна Ветрова. На этот раз ее худое лицо освещалось ничем не сдерживаемой улыбкой. Она искренне радовалась детям, возня с которыми, по ее же словам, развеивает мрачное настроение.

Равняйсь! Смирно! — физрук Свиридов строевым шагом подошел к стоявшему перед строем Василию Павловичу и четко доложил: «Товарищ директор! Учителя и учащиеся Рощинской

восьмилетней школы на торжественную линейку, посвященную новому учебному году, построены!».

— Вольно!

Физрук дублирует эту команду директора и становится на правый фланг.

Василий Павлович говорил, сжато и энергично. После обычно-традиционных поздравлений и пожеланий, Горичев выразил благодарность депутатам сельского Совета и правлению колхоза за помощь школе.

— Ведь это их заботами сегодня ребята имеют возможность обучаться в новом здании, — говорил он и при этом не спускал глаз с присутствующих на линейке двух председателей — Савина и Хитрова, которые, уловив в голосе Горичева нотки снисходительности, выразительно переглянулись между собою: знает или не знает?

От имени гостей взял слово парторг колхоза Иван Лукич Сомов — лысый, низкорослый, но весьма подвижный и деятельный человек. Она напоминал Василию образ Чарли Чаплина своим внешним видом и ломаной походкой. Речь Сомова отличалась высокопарными общими лозунгами.

С приветствием от выпускников обратилась комсорг школы Зоя Столярова, дочь Аркадия Петровича. Сосредоточенно-серьезная, вдумчивая девочка — круглая отличница. Она пользовалась заслуженным авторитетом, а главное, уважением всех ребят, не столько за глубокие знания, а больше — за свою отзывчивость и скромность. Никому, никогда в помощи не отказывала. Забегая вперед, отмечу, что не зря Зою считали гордостью школы. Она не только блестяще завершит восьмилетку, с золотою медалью окончит среднюю школу. Избрав своею профессией медицину, она с красным Дипломом окончит Курский медицинский институт, аспирантуру. Ныне Зоя Аркадьевна — кандидат наук, одна из ведущих светил медицины Орла.

Но вернемся к празднику. Когда комсорг закончила свое выступление, то Горичев, отметил про себя, что и Зоя, к сожалению, говорила, заучено, по трафарету: «Ребят нужно учить — образно мыслить, и логично выстраивать свою речь» — решил он.

В завершение торжественной части группа восьмиклассников вручила цветы юным первоклашкам. В свою очередь, они,

три мальчика и трое, девочек, подарили собранный ими огромный букет — своей первой учительнице — Прасковье Ивановне.

Прозвенел, — Первый звонок.

Если в прошлые годы, в подобной ситуации, ребята, освободившись от строгих условностей строя, рассыпались, словно горох, во все стороны, осаждали ставшую неожиданно тесной широкую входную дверь школы, то на этот раз, как было заранее предусмотрено, все классы, уступив путь малышам, вошли в переднюю дверь строем. Соблюдая очередность, без излишнего шума и суеты.

Спустя одну — две минуты, потребовавшиеся для того, чтобы взять в учительской журналы, педагоги разошлись по классам, чтобы приступить к первым урокам в новом учебном году.

Рабочие уроки, а не организационные, как бывало прежде. По всем правилам методики: с объяснением нового материала, закреплением его и задания на дом. «Ни одной потерянной минуты!» — такой лозунг, который, возможно, более пригодный для производственного коллектива, еще на педсовете выдвинул новый директор.

— Организационную часть, — объяснял он свою мысль коллегам, — вы сможете провести на классном часе. Тем более что вы прекрасно знаете не только своих воспитанников, но и достоинства и недостатки их родителей.

Учителя, в основном были местные люди. А на селе уж так испокон повелось — о соседях знают больше, чем о самих себе. И педагоги — рощинцы, как их уважительно величают в районе, не были в этом исключением. Здоровому их любопытству, к тому же, сопутствовал и чисто профессиональный долг.

— Энергично берется! — отзывался в кругу товарищей о новом директоре учитель Мышкин.

— Ничего, остынет, — злорадно бросил Злобин, — укатают Сивку крутые горки.

Под ними он, наверняка, предполагал свои козни, которые в силу злого характера, не собирался прекращать и при новой власти, хотя она, по образному выражению, еще не успела ему на хвост соли насыпать.

— Новая метла, по новому метет, — мудро рассудила математик Нелина Маргарита Карповна.

— А что?! Он мне нравится, — наивно, по — детски выразила свое мнение старшая пионервожатая Серова Римма Ивановна.

Коллеги переглянулись между собой. Лариса Дмитриевна без обиняков выдала мысли вслух: «Смотри, Римма, не увлекись! Не то твой муженек хвоста тебе закрутит».

— Вот чего, испугали! — покраснела Римма Ивановна, — что думаю, то и говорю.

— Ну-ну!

Через час после начала занятий Василий был уже в сельском Совете, откуда доложил по телефону в РОНО, что все 135 учащихся Рощинской восьмилетней школы приступили к занятиям. Что все они здоровы и полностью обеспечены учебниками.

— Желаем успехов!

— Спасибо!

В РОНО были довольны.

Глава седьмая

УЧИТЕЛЬСКАЯ

Незаметно миновали первые недели учебного года. Василий Павлович работал с большим напряжением. Эти сентябрьские дни стали проверкою его на зрелость. Ее-то как раз и недоставало. Оказалось, что совсем не просто дать три урока «своих» да еще посидеть на двух — трех занятиях у других педагогов. Посещение их занятий он запланировал в своем рабочем дневнике еще накануне. Будучи эмоциональным и впечатлительным, Василий не мог оставаться обыкновенным созерцателем. Усевшись где-нибудь «на камчатке» он внимательно следил за ходом уроков. Их композицией. Методическими приемами. Мысленно отвергал одни, принимал другие, открывал заново для себя — третьи. Но во всем чередовании приемов и методов, переходов и связок, звуковых и изобразительных средств он пытался отыскать, увидеть главное направление, почувствовать ту изюминку, без которой не может быть удачного урока.

Посещение уроков позволило Горичеву лучше познакомиться с педагогами, увидеть их в живой работе, которая наиболее ярко раскрывала характеры, широту или узость знаний и интересов.

Доверительно, просто, по-матерински ласково ведет беседы с первоклашками Прасковья Ивановна Ветрова. С подчеркнутой строгостью разъясняет Степан Афанасьевич Мышкин четвероклассникам правила решения арифметической задачи. Он болеет за тишину во время объяснения урока, ибо по опыту знает — кто приучил своих учеников слышать падение иглы, тому не нужно палить в пушки, чтобы быть услышанным.

Муха неслышно не пролетит и на уроках Ларисы Дмитриевны Злобиной. Рассказывая пятиклассникам о мире живой природы, о строении растительной клетки, ведя беседы на другие темы, она пытается прибегать к опыту и знаниям, уже имеющимся у школьников. Индуктивный метод позволяет ей добиваться хороших успехов.

«Все вы знаете красавицу русского леса — белоствольную березку. Так, что мы называем березой? — спрашивает она. Выслушав два — три ответа учительница подводит итог: береза — стройное дерево с гибкими, часто свисающими, плакучими ветвями и ярко — зеленой, блестящей листвой».

Учитель физики Аркадий Петрович Столяров с первых уроков пытается внушить восьмиклассникам, что изучить физику без любви к природе и ее проявлениям — невозможно. На его занятиях всегда используется метод эксперимента, насколько это позволяют технические возможности физического кабинета. Его ребята всегда — первооткрыватели. Столяров мирится с «рабочим шумом» — его подопечные психологически раскрепощены. Никакой авторитарности. Только — взаимоуважение и взаимопомощь.

Фрол Демьянович Злобин имеет обыкновение не отрываться от догм учебника. Оживлять урок эмоциональными приемами считает излишним. Не шутит — язвит. Речь его тускла и монотонна. Так, видимо, в старых школах преподавали «Закон Божий».

В противоположность своему старшему коллеге, учитель литературы и русского языка Аксинья Марковна Доброва — излишне сентиментальна. Раскрываемые образы литературных героев, выглядели гладко — причесанными, благопристойными. Даже откровенные злодеи вызывали умиление и жалость. Старшеклассники изучали «Горе от ума»! Восхищались Чацким, и не испытывали презренья к Скалозубу. В устах Аксиньи Марковны авторская фраза, характеризующая солдафона — полковника: «хрипун, удавленник, фагот. Созвездие маневров и мазурки» воспринималось не как обличенье, а лишь просто, как отрицательные черты героя. Доброва не любила резких оборотов, выражений, боясь привить детям — дурной вкус.

Преподаватель математики Нелина Маргарита Карповна, напротив, показалась директору излишне широкой натурой. Даже — анархичной. На ее лице постоянно отражались душевные волнения и чувства, которые она не умела скрывать. С ребятами держалась, товарищески, на равных. И они платили ей за это доверием. Резкий голос учительницы не вмещался в стенах класса. Его всегда можно было услышать в обоих школьных коридорах. Математик Нелина, достаточно владела своим предметом, и знания ребята получали прочные.

Учитель физкультуры Глеб Максимович Свиридов был, как мы отмечали, всеобщим любимцем ребят. Он, помимо своих профессиональных забот, откликался на просьбы старшей вожатой, помогая ей проводить пионерские сборы и линейки. Как и все физически сильные люди, он обладал удивительным душевным спокойствием и уравновешенностью характера. Свиридов, ни по какому, даже каверзному поводу, не раздражался. Не читал нотаций хулиганам. Он просто указывал «шалуну» на печальные последствия его дерзостных поступков. Тут же переключал его энергию на какое-либо полезное действо. Хотя бы напилить или наколоть дров для школы. Или же перекопать яму для прыжков. «Труд облагораживает человека», — любил повторять он.

— Что такое выносливость? — спрашивал он ребят. И как горох сыпались ответы:

— Выдержка.

— Кто дальше пробежит или на турнике больше подтянется.

— Кто не устает.

— Кто больше поднимет и унесет.

Глеб Максимович широко улыбается. Его радует активность ребят.

— Выносливость, — подводит анализ мыслям ребят учитель, — это способность организма противостоять утомлению. Основным средством воспитания общей выносливости является спокойный бег в сочетании с ходьбой. А теперь проверим вашу выносливость на практике: «Равняйсь! Смирно! Шагом — марш! Бегом — марш!». И ребята уже не просто выполняют свои обязанности на уроке, а проверяют себя на выдержку и выносливость.

Много интересных приемов и методов увидел на уроках своих учителей Василий Павлович. Многому научился сам. И все-таки Горичев не спешил с выводами: первое впечатление могло быть обманчивым. Поэтому после посещения очередного занятия, он говорил взволнованному учителю:

— Я приду к вам в следующий раз. Тогда и дам оценку урокам. Мне еще кое-что необходимо усвоить — для себя. Извините.

Обещание «заглянуть» повышало чувство ответственности. Все жили с ощущением напряженного ожидания. Первая, подобной пытки, не выдержала Маргарита Марковна.

— Осторожничает, — раскрыла она свое кредо учителям, собравшимся на большой перемене в учительской, — чего ждать — не знаешь.

— По моему, ему просто нечего сказать, — заключил Злобин, пыхтя папироской марки «Север», — молодо — зелено.

— Так уж и нечего?! — возразила Ветрова, — его, что зря шесть лет в Университете учили? Моя Таня, как приходит с его уроков истории, так от восторга вся и сияет: «Василий Павлович так интересно рассказывает, как «Папа». А это у нее — высшая оценка. И еще сказала, что все ребята в исторический кружок записались — сам директор вести будет!

— Не спорю, что, правда, то — правда. Моя дочь Кира то же от истории без ума! Но, что понимают в педагогике дети? Это — серьезная наука. И ее, так сразу, с кондачка, не усвоишь, — мудрствовал лукаво Фрол Демьянович, пуская через нос сильную струю сизоватого дыма, — теория без практики, что топор — без рук.

— Наоборот, — поправила супруга Лариса Дмитриевна, — практика без теории.

— Не все ли равно, — Злобин в раздражении оборвал жену, — тоже еще будешь меня учить.

Ничуть не смутившись, Лариса Дмитриевна резонно отреагировала:

— Это тебя не я, а философ Вильгенштейн учит: «Не говори всего, что знаешь, но помни то, что говоришь!».

— Я и без твоего философа знаю, что — яйца курицу не учат, — Злобин в сердцах с отчаянием пытался раскурить погасшую папироску.

— И все же — не зная брода...

— Что?

— Не суйся в воду.

— Чего это я не знаю?

— Да, нового директора.

— Что его знать-то? — Фрол Демьянович обжегшись окурком, по — извозчичьи перебрасывал его с ладони на ладонь. Затем, поплевав на палец, затушил его слюной и метнул в урну.

Крякнув с досады, что промахнулся, заключил, — обыкновенный мальчишка и есть.

— Это в двадцать семь-то? — оппонировала супруга, — да в эти годы, как Горичев сам ребятам рассказывает, Наполеон всю Францию, вкупе с Италией, к рукам прибрал.

— Ну, ты, Ларис, загнула! — ехидствовал Злобин, то — Наполеон! Тут же, какой-то Горичев! Вслушайся в словосочетание: Го-ри-чев. Горе горькое или полынь — трава. В общем, горе одно и есть.

— Не торопись с выводами, Еще хвоста-то тебе накрутит.

Тут не выдержала Прасковья Ивановна:

— Фрол Демьянович! Это чем же вам новый директор не угодил? То Савина выжили, то Нелина, будучи директором, вам не по сердцу пришлась — ели пока сама заявление не подала. То вам мой Прокоп не угодил — до инфаркта доводили, Теперь уже и молодой директор к вам на зуб попал. Не может так быть, что все нехороши, один лишь Злобин — паинька. Ни стыда у вас, ни человечности — ничего не осталось.

— Старая песня, — буркнул Злобин.

— Злопыхатель! Вот вы кто! — лицо учительницы зарделось, как калина на морозе. На бледном лбу, у зачесанных на пробор волос появились мелкие бисеринки пота — она все еще была слаба.

После такого выпада Злобно явно вышел из себя. Его мясистые крупные щеки задрожали, как студень. Он несколько раз порывался выругаться матом, но, встретив упреждающий взгляд жены, только нещадно чертыхался:

— Все вы черти — одним миром мазаны! Недоучки! У вас ни у кого нет высшего образования, кроме меня. Горичев хотя и нацепил «поплавок», но далеко еще кулику до Петрова дня.

— Зря ученостью похваляетесь, — вступил в спор физик Столяров, — заочно, на чужих шпаргалках, разве что и дотянули за семь лет институт. Василий же Павлович очное образование имеет. Обучался на двух факультетах сразу. От того, видно, и стал вам поперек горла — черная зависть заела. Конкурента увидели.

— Чья бы корова мычала, а твоя бы — молчала. Тоже мне психолог от стружки, — Злобин вертел в дрожащих, прокопченных пальцах очередную папиросу.

Аркадий Петрович, в условиях малокомплектной школы, совмещал преподавание физики с уроками труда. Он увлеченно занимался с ребятами в столярной мастерской, где они ремонтировали школьную мебель, искусно выпиливали и выжигали всевозможные поделки. Этот факт и стал поводом для злобинского афоризма — психолог от стружки. Злобин и звал Столярова не иначе, как «стружка». Раздавать прозвища и приклеивать ярлыки он был чрезвычайно охотлив. Попадались на его злой язык и учащиеся.

Сын колхозного конюха, восьмиклассник Степан Корнюхин значился у него — «конюшенным». Его товарищ Фрол Гуляев — «пиратом». Жора Быков, за некрасивость, окрещен, как — «Квазимодо». Свету Амосову, мать которой работала на ферме дояркой, называл «Чернавкой», а второгодницу Любу Феклину — «Мадонной».

На уроках, водя толстым, пожелтевшим от никотина указательным пальцем по классному журналу, он, приторно осклабившись, вопрошал:

— Пират!

— Здесь, отвечал, вставая, смущенный Фрол.

— Мадонна?

— Я, — краснела Люба.

— Квазимодо здесь?

— Да.

— Шагай к доске. Проспрягай мне глагол «быть».

И Жора из-за нескладности фигуры и от злого насмешливого взгляда учителя, еще более чем обычно, горбатясь, выходил отвечать урок.

Никто из ребят романа Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери», конечно, не читал. Не дошел еще в эти места и одноименный фильм. Потому никто не ведал, в том числе и Жора Быков, что это за слово такое — «Квазимодо».

Родители ребят нередко попрекали Фрола Демьяновича за его странное увлечение — давать прозвища. Впрочем, урезонивать Злобина было небезопасно. Особенно в ту пору, когда он директорствовал, а это было в конце пятидесятых. Тогда он позволял себе купеческие замашки Тит Титыча. Оценивал знания учащихся и работу учителей, мягко говоря, необъективно. Основываясь на личных симпатиях и антипатиях. Свысока держался с

родителями, а кто из них пытался перечить — тому здорово доставалось на родительских и колхозных собраниях. Непокорных учеников исключал из школы. Многое сходило с рук Злобину. Потому что мог лицемерить перед районным начальством, угождать местной власти. Однако жалобы на него сыпались, как из рога изобилия. Реакция была своеобразная. Учителям при распределении рабочей нагрузки под благовидным предлогом «урежет часы». Дети несговорчивых родителей оказывались второгодниками. Таким образом, проработал Фрол Демьянович три года. Но — как мухи, когда садятся на клейкую бумагу, не знают, что могут, прилипнуть, — случилось такое и с нашим героем.

На четвертом году из-под него было вышиблено административное кресло. Этому способствовала в немалой степени его же супруга. Она долго терпела волокитство своего суженого за бывшей учительницей математики Клюевой. Наконец ее терпение лопнуло: вмиг поредела прическа у соперницы, и так же надежно был припечатан синяк к правому глазу незадачливого Дон — Жуана.

Прибывшая по письму Ларисы Дмитриевны представительная комиссия из райцентра сделала оргвыводы. Клюева была переведена в другую школу, а Злобин, по мановению волшебной палочки, превратился в рядового учителя. Для человека с фельдфебельскими замашками снести подобный удар было нелегко. Конфуз. Уязвленное самолюбие подстегнули его искать иные пути к возвышению. Злобин взял на вооружение великого Лобачевского, который как-то обронил мысль, что «человек родился быть господином, повелителем, царем природы, Но мудрость, с которой он должен править — не дана ему от рождения: она приобретается учением».

«Эврика!» — воскликнул экс — директор. Первая попытка поступить в институт окончилась поражением — срезался на сочинении. «Сезам, откройся!» — заклинал Злобин. Лишь после третьего штурма цитадель науки открыла перед ним свои двери. Учился он на заочном отделении литфака Орловского пединститута вместо пяти — целых семь лет. Трижды был под угрозой отсева за неуспеваемость. Спасали справки о составе семьи: ректорат снисходил к судьбе троих его детей.

И во всех случаях, его выручали незатейливые шпаргалки. Миг счастья все же наступил — Диплом приятно тяжелил карман. Не в характере Фрола — ждать у моря погоды. Еще Мичурин учил «не ждать милостей от природы». Решил наш герой попытать судьбу. Принарядившись, он на попутной машине прикатил в город. Побродил по его людным местам, заглянул в РОНО. Но — удивительное дело: ни спасительный «поплавок», ни институтский Диплом не произвели в этом учреждении, ни малейшего эффекта — в правах директора так и не восстановили. Вот и слушай после этого Лобачевского!

«Бюрократы!» Я покажу вам, кто такой Злобин! — кипел от негодования незадачливый соискатель. Однако, — не отступил. Решив начать штурм крепости, но уже с другого конца — подал заявление в ряды КПСС. Но и тут его ожидало фиаско. Члены бюро райкома, отлично зная, кто, есть кто, не утвердили решение парторганизации о приеме его кандидатом в члены партии.

Озлобившись на весь мир, Фрол Демьянович всю свою желчь направлял теперь против директоров «его» школы, которые и впрямь менялись как перчатки. Цель ясна: доказать руководителям района, что без него школа — сирота.

Естественно — будь Горичев трижды талантлив, он заведомо не был бы признан Злобиным за авторитет. Политика медленного выживания противника не в его характере. Злобин шел в бой с открытым забралом. И на этот раз, используя неопытность молодого директора, он дал волю своему гневу:

Молоко еще на губах не обсохло, а уже гляди-ка, принципы имеет. И подпевалы тут как тут. Решив, что будет еще и на его улице праздник, Фрол Демьянович, забыв о подаренных ему двух часах географии, о проявленном великодушии, дал себе слово — вышибить молодого седока из седла. И начал вести к тому тщательную подготовку. Что сетовать — таков характер!

Глава восьмая

ЗАБОТЫ

— Василий Павлович, сегодня на два часа назначено заседание местного комитета, — председатель профкома Столяров сообщает повестку дня.

— Хорошо.

— Вас просили зайти в сельсовет, — почтальон Осина копается в сумке, — да еще и письмо вам из РОНО.

— Зайду. Благодарю

— Мы ждем Вас на комсомольское собрание, — комсорг Зоя Столярова, говорит, как всегда вежливо и серьезно.

— Буду.

— Василий Павлович, — обращается к директору учительница Доброва, — я была в правлении колхоза — секретарь парторганизации просил передать, что завтра в пять часов вечера, состоится отчетное — перевыборное собрание общества «Знание».

— Спасибо. Постараюсь.

Заботы. Заботы. Много их у директора. Особенно в первые месяцы учебного года, когда весь школьный механизм необходимо раскрутить, дать ему полный ход.

Горичев заглянул в рабочий дневник, весь испещренный цифрами: 15 сентября — утверждение планов воспитательной работы. С 10 по 18 сентября — выборы комсомольского бюро, а 18 по 25-е — родительских комитетов. «7 сентября — беседа с пятиклассниками: «Как надо учиться?».

К тому же необходимо подготовить план недели, где предусмотреть медицинский осмотр учащихся, график дежурства, расписание занятий кружков и факультативов. Нельзя оставить без внимания и юниоров — помощь составить план спортивных мероприятий на год.

Вспомнилось Василию и первое занятие в сети политпросвещения. Тогда ему было поручено руководить семинаром «Ленинские принципы коммунистического воспитания». Из многочисленной литературы он выбрал речь Ленина на третьем съезде

комсомола, документы Всесоюзного съезда учителей, состоявшегося в Москве с 2 по 4 июля 1968 года, постановление ЦК партии — о подготовке к Ленинскому юбилею, о 50-летии ВЛКСМ.

Слушатели — учителя школы. Явка — стопроцентная. Пропагандист Горичев сделал экскурс в историю, поведал о том, как Маркс и Энгельс еще сто лет назад представляли себе решение проблемы воспитания человека бесклассового общества. Охарактеризовал ошибочность учения первых социалистов-утопистов о воспитании. Остановился на исторической обстановке в России, предшествующей 3-му съезду комсомола. Подробно изложил основные положения речи Ленина.

На конкретных примерах из жизни школы показал, как осуществляется воспитание молодежи. В заключение лекции пропагандист остановился на последних документах партии, связанных с данной проблемой. Отдельным слушателям были предложены конкретные темы докладов, с которыми они должны были выступить на следующем семинарском занятии.

Через две недели Рощинские учителя вновь собрались в помещении седьмого класса, как наиболее просторном и светлом, чтобы обсудить вопросы, поставные накануне. Упор был сделан на материалы съезда учителей. Основываясь на указания партии, Василий говорил, что школа должна давать каждому вступающему в жизнь полноценное общее образование, формировать коммунистическое мировоззрение, воспитывать учащихся в духе коллективизма и интернационализма, любви к своей Родине и честному труду на благо общества.

— Выполнение ответственных задач, стоящих перед школой, — подчеркивал он в своем выступлении, — зависит, прежде всего, от учителя, от его идейной зрелости, научных знаний, педагогического мастерства.

Доклады слушателей были, в общем-то, формальные, гладко-причесанные. И тогда, чтобы оживить разговор, Горичев поставил конкретные вопросы. Например, — своевременна ли задача всеобщего среднего образования? Роль школ — восьмилеток в успехе Всеобуча?

Доброва: «Нельзя не согласиться с тем, что развитие производительных сил и воспитание всесторонне развитого человека невозможно без осуществления среднего образования».

Столяров: «Для здания нужен фундамент. Для среднего Всеобуча — это восьмилетка. А добились ли мы на сегодня полного 8-летнего образования? К сожалению, — нет. В прошлом году отсеялись два ученика, трое оставлены на второй год. Если сопоставить цифры определяющие отсев и второгодничество по району, области, наконец, — стране, то они уже будут со многими нулями. Потому, я считаю первоочередной задачей — добиться 100-процентного всеобуча на базе 8-летних школ, а уж потом идти дальше».

Злобин: «Полагаю, что для осуществления всеобуча необходимо, прежде всего, стимулировать труд учителя — материально. Не то до смешного доходит, мы получаем заработную плату на уровне кочегара или технички. Об этом, как я понял из документов совещания, некоторыми учителями поднимался разговор. Вот и у меня — трое детей. Их же обуть, одеть, учить надо. Да и запросы растут. Разумею, что для учителей, имеющих высшее образование, необходимо значительно увеличить оклад. Это и других будет стимулировать к повышению своего профессионального уровня. Не то, на поверку выходит, что меня приравняли со Столяровым, у которого за плечами лишь — педучилище».

— Нельзя ли без фамилий? — бросил реплику физрук Свиридов, — здесь идут политзанятия, а не педсовет или профсоюзное собрание.

— Я без вас, Свиридов, знаю, где что можно, а что нельзя, — отпарировал Злобин.

— Ну, опять завелся! — возмутилась Лариса Дмитриевна, — ты Фрол о деле говори.

— Именно о деле я и говорю, — Злобин, перевернув страничку конспекта, продолжал, — индивидуальная работа на уроках предполагает развитие материальной базы школ, требует высокого качества дидактического материала, пособий, Мы же все готовим вручную, сами. Затрачиваем личное время. Вот в прошлом году, покойный директор с Аркадием Петровичем ничем, кроме собственных апартаментов, не занимались, а мы, словесники, картонки резали да клеили.

— Давно ли вы себе особняк отстроили? Кстати, — за счет школы, — отозвался Столяров, — весь материал к вам и уплыл.

— Не ваше дело — за чей счет я свой дом построил, — побагровел и забрызгал слюной Злобин, — на это начальство есть. Оно знает, что и как.

— Тогда зачем о Прокопе надо вам было упоминать, — тяжело вздохнула Прасковья Ивановна, — и на том свете ему бедному покоя нет.

— Ничего ему там не сделается, — Фрол махнул рукой, — а пусть Василий Павлович знает, что вы занимаете его дом. Он же, по молодости, согласился крыс кормить в старой развалюхе — Вас жалеючи.

— Достаточно об этом, — встал Горичев, — Фрол Демьянович у вас есть еще, что сказать по существу?

— Я еще хотел сказать, Злобин перекинул очередную страницу своих записей, — что колхоз и его председатель Наум Наумович Хитров со своими специалистами слабо помогают нам в вопросах профориентации. Никого в школу калачом не заманишь. Находятся хозяева лишь, когда ребят надо на картошку да на свеклу организовать. Дети в поле, а они — в магазин за спиртным. Вот и вся ориентация. В колхозе работать уже некому. Одни калеки остались. Кстати, за рабочий труд — никакого вознаграждения от Хитрова. На то он, видать, Хитровым, считай, — хитрым и зовется. С директором Ветровым, они все что-то мудрили, а дело до конца не довели — 400 рублей, заработанных ребятами денег, так и остались лежать в колхозной кассе. Может, они у Ветрова и остались. С кого спросишь? Его нет, а как любил повторять товарищ Сталин: нет человека, то нет и — проблем.

— Как вам не стыдно?! — выкрикнула, вся, пунцовея, Прасковья Ивановна, — да Прокоп Савельевич копейки ни у кого не взял! Не то, чтобы чужие деньги, присвоить — своих средств не жалел, не вам — чета!

— У Вас все?! — остановил, вскочившего со стула Злобина, директор, — ну, тогда садитесь.

Василий Павлович, по накалившейся атмосфере, чувствовал, что продолжать занятия далее нельзя и решил подвести краткий итог. «Учительский форум, — сказал он, — состоявшийся в июле, — большое и волнующее событие в жизни страны. Советская власть открыла для наших детей светлую и широкую дорогу в счастливое будущее. Радостно, что дети понимают это и ценят.

С каждым годом наука играет все большую роль в развитии общества и школы. Не случайно президент Академии наук Келдыш говорил на совещании, что сегодня невозможно стать высокообразованным математиком, например, без умения пользоваться электронною — вычислительной техникой.

Хорошие современные учебники, безусловно, будут написаны в содружестве ученых с педагогами — практиками. Нам же необходимо уже сегодня быть готовыми к работе по новым программам. Для этого следует усилить роль методических секций, факультативных занятий, самообразования. История и литература должны способствовать пониманию каждым учащимся высоких идеалов коммунистической морали. Этого же нельзя достичь, если учитель сам аморален в своих словах и поступках.

«Каков характер народа, таков и характер его воспитания», — писал Ушинский. Иначе — каков учитель, таков и его воспитанник. Вот почему нам нужно критически пересмотреть свои взгляды, методы работы, свое отношение к окружающим. «Призвание учителя есть призвание высокое и благородное», — указывал Лев Толстой. «Вся гордость учителя в учениках, в росте посеянных им семян», — утверждал гениальный Менделеев. Сеять — «разумное, доброе, вечное» может лишь человек с широким сердцем и душой, исполненной благородства и любви к людям, вот об этом нам никогда не следует забывать.

Окончились политзанятия. Пропагандист ушел в свой кабинет, а слушатели еще долго беседовали между собой, обменивались свежими впечатлениями.

Первыми ушли из класса супруги Злобины. Зайдя в учительскую, они торопливо оделись и, с портфелями в руках, промелькнули мимо окон директорского кабинета.

Умчались на велосипедах, основном учительском виде транспорта — Столяров, Мышкин и Свиридов. Вслед за мужчинами, разошлись и учителя — женщины.

— Василий Павлович! Можно идти? — просунула голову в цветастом платке в дверь кабинета простодушная техничка Фрося, — мы уже все убрали.

— Пожалуйста.

Но Фрося не уходила.

— Я еще вот что хотела сказать, — начала она.

— Слушаю.

— Когда Вы нам дровяной склад построите? Нажали бы на председателя Совета. Да и колхоз мог бы помочь. Не знамо, какое большое дело — сарай городить! Не палаты же Царские?!

— Верно — что не палаты.

— Так что — можно надеяться?

— Надо надеться, Фрося, — улыбнулся директор.

... Заботы, заботы. Необходимо завершить подписку учителей и учеников на газеты и журналы. Заполнить ведомость на получение зарплаты. Ни бухгалтера, ни делопроизводителя в школе нет, и, стало быть, это тоже — забота директора. Прав Злобин, зарплата у педагогов действительно не соответствует их высокому званию, — подумал про себя Василий. Сам он получал сто тринадцать рублей в месяц, а некоторые учителя, не смотря на большой стаж, и того меньше. Доброва, например, двадцать лет своей жизни отдала детям, а ее получка составляет 87 рублей — не густо! У Злобина зарплата выше директорской — нагрузкой его не обидели, а все мало. Жалуется, а та же Доброва — и словом не заикнулась. Как-то на ее счет Лариса Дмитриевна заметила: «А куда ей деньги девать? Детей у нее нет, мужа — тоже. Одной и этих хватит — не в гроб же вложить».

Льготы для учителей. Они были. В них входили: дрова, свет, квартира. Но продуктов по себестоимости колхоз не выделил. Хлеб, поступавший в магазин, быстро разбирался колхозниками. Учителям же нередко приходилось довольствоваться сухарями.

Из подспорья — личное хозяйство. Его вели, как правило, местный учителя: Злобины, Свиридов, Столяров, Нелина, Серова. В доме Прасковьи Ивановны имелись только куры. У Аксиньи Марковны, кроме учебников, не было ничего. Мышкин домашним хозяйством мало занимался, вроде тургеневского Калиныча.

... Заботы, заботы. Школа, не обихожена. Ни спортивной, ни географической площадок — нет. Как нет — цветочных клумб и забора. И это не мелочи, когда над входом в школу, в коридорах ее не увидишь — ни красочного плаката, ни стенда, ни достойного лозунга.

Хорошо поработали ребята на картошке — правленцы довольны, но расплачиваться медлят. Не зря Злобин резко высказывался. Кстати, школа могла бы и сама кое-что заготовить для себя — яблоки, огурцы, помидоры. Но, где хранить? Ни кладовки, ни погреба нет. Потому ребята съели все, как говорят, на корню. Благо бы на пользу, больше раскидали — бесхозяйственность это.

Догорает октябрь. Все чаще наведываются морозцы. Посадка деревьев вокруг школы все не окончена — надо ускорить.

Настало время проверки личных дел учащихся. Вплотную познакомиться с ребятами, их семьями, бытовыми условиями. Василий внес в рабочий дневник записи о посещении родителей слабоуспевающих школьников. Наметил проведение с ними индивидуальных бесед.

Волнуют заботы и личного плана. Мама, как всегда, мечется в поисках корма: с осени не приготовишь, зимою — наплачешься. Она, правда, просьбами не докучает, да и сына-то видит раз— два в месяц. Но ведь на то и сын, чтобы думать о маме — без коровы— кормилицы ей не выжить. Она же и питается одним молоком. Все на бегу. Вечно ей, хлопотунье, некогда.

— Тебе, Тимофеевна, и умереть будет некогда, — шутила ее подруга — односельчанка Губаниха.

Василий Павлович вспоминает мать — и в душе его теплеет. Любит он ее, как никого на свете. А жену? Да, скоро должна пойти в декрет его Нина. Скорее бы! Надоела холостяцкая жизнь — на консервах, на сухомятке. Спасибо Прасковье Ивановне — нет — нет, да и зазовет домой: то щей, то супа отведать. И как ни упрямится сосед, а совесть не позволяет ему обидеть человека. Чувствует — это от всего сердца, без умысла.

Заботы, заботы. Звонили из редакции газеты. Просили написать о начале политических занятий. Тут еще скопилась гора писем от друзей и знакомых. Прочел, и то — наспех. Надо ответить ребятам — ждут же.

Глава девятая

ПИСЬМА

Чудесны вечера в Рощине. Осень выдалась сухая, безветренная. Деревья роняли стозвенную листву. Ею были усыпаны все дорожки, ведущие в школу. Ветхий директорский домик выглядел среди лиственного багрянца сказочной хижиной дядюшки Тома. И впрямь — вокруг Горичевской обители и особняка Ветровых — могучая живая изгородь из огромных тополей, ясеней, ракит и берез. С четырех сторон они окружали и опавший яблоневый сад. На веранде дома соседей постоянно горел свет, заметный и из окна директорской хаты. Внизу, под верандой, нес свою ночную вахту черный, как смоль, пес Шарик. Его лай напоминал жильцам, что кто-то из гостей решился их навестить. Это случалось не часто. В деревне мало любителей бродить по вечерам возле учительского жилья. Все понимают, что педагогам нужен покой, чтобы завтра придти в школу во всеоружии новых знаний.

Василий Павлович не терпел абажуров, лишних занавесок, заставок, накидок — всего того, что создает уют, но рассеивает взгляд, мешает сосредоточиться. Думы Горичева на этот раз были особенные, романтические. Это случалось с ним, когда он доставал папку со старыми и свежими письмами и, перечитывая их, предавался сладким воспоминаниям. Его мысли в этот миг можно было передать словами:

Кого-то нет, кого-то жаль,
К кому-то сердце рвется в даль.

Но к кому? На своем жизненном пути Василий знакомился со многими девушками. И с каждой по — особенному. Одни надолго, может, и навсегда оставались в его памяти. Другие, как бабочки — поденки, — освещали на мгновение и угасали.

Наиболее яркое впечатление оставила в его душе совсем некрасивая лицом, походкою, манерами, ничем внешне не примечательная студентка — выпускница Ивановского пединститута Татьяна Зудина.

Это случилось пять лет назад, несколько месяцев спустя, после того как Василий встретился на молодежном вечере в клубе ремизобердочного комбината с Ниной — своею будущей женой. Нина привлекала Василия красотой — тугая коса до пояса, на щеке черная, как спелая смородина, родинка, скромный застенчивый взгляд, открытое доверчивое лицо.

А Таня? Чем она могла задеть сердце молодого студента — ровесника? Разве — тонким, проницательным умом, нежным искренним отношением. Да. С Таней было приятно пофилософствовать о диалектике природы и человека. С нею можно было говорить долго и обо всем — она так прекрасно умела слушать и понимать!

Нина, напротив, попусту, как она выражалась, говорить не умела и не любила. Окончив десятилетку, приехала из Фурманова в Иваново поступать в медицинский институт, но не прошла по конкурсу. Чтобы не тратить время даром, оказалась в профтехучилище. После его окончания работала бригадиром на мясокомбинате. Но мечты не оставляла — начала посещать курсы медсестер. По окончании — поступила на работу в детские ясли.

Нина и Таня знали о существовании друг друга, хотя никогда и не виделись. У них был один любимый — это Василий Горичев. На Первомай в шестьдесят третьем Таня пригласила Василия в гости к своим родителям, жившим в леспромхозе, недалеко от Кинешмы. Встретил их Танин отец, директор леспромхоза, и отправил домой по Волге на своем катере. Таня была по-настоящему счастлива. Она так и светилась радостью. Василий, кроме удовольствия от первой в своей жизни встречи с могучей русской рекой, так поэтично воспетой Некрасовым, — никаких иных чувств не испытывал.

Родители Тани оказались на редкость добрыми и гостеприимными людьми. Три дня пролетели, как в сказке. Василий помнит, что к Тане приходил ее друг — художник. С мамою они говорили о каком-то еще приятеле Татьяниного детства. Но чувства ревности от общения с соперником Василий не испытывал. Он воспринимал Таню как друга и товарища по институту. Тем более, Таня была комсоргом курса, в то время как Василий — секретарь комитета ВЛКСМ всего института. Ее комсомольский шеф. За его плечами была, с отличием законченная, партийная

школа. Опыт армейской жизни. У него не возникало даже никакого желания поцеловать девушку.

Помнится вечер в леспромхозовском клубе. Вокруг нее толпились поклонники. Она смущенно улыбалась им, извинялась, но танцевать с ними не шла. Ждала, что Василий обратит, наконец, на нее внимание. Но наш герой подошел к ней лишь после танцев, чтобы вместе идти домой.

Был поздний вечер. Ярко светила луна. Из репродуктора лились звуки песни, повторяемые через каждые два часа «Куба — любовь моя». В это время в Москве, по приглашению Никиты Хрущева, с визитом находился легендарный коммандос Фидель Кастро. Таня ласково смотрела на Василия. Она, томилась надеждой, что он будет более внимательным и ласковым. Но парень думал о Кубе, о Фиделе и Рауле Кастро, других славных и смелых революционерах, не испугавшихся противостоять мировому капиталистическому хищнику — США.

Из Кинешмы до Иванова добирались в поезде. Василий обратил внимание, что Таня долго и пристально смотрела на него, а потом она вдруг разрыдалась.

— Танюша, что с тобою?

И тогда, захлебываясь слезами, бедная девушка прошептала:

— Я так хотела бы, чтобы ты тонул или не мог бы выбраться из пылающего в огне дома, а я спасла бы тебя.

— Это зачем мне такие испытания?

— Может быть, тогда ты обратил на меня внимание.

Уезжая в Ростов, Василий зашел попрощаться с Таней. Она жила во втором студенческом общежитии. Девушка взглянула на парня и поняла, что расстаются они навсегда. С Таней творилось что-то, необъяснимое. Она сидела на диване, широко раскрыв глаза, и глядела в какую-то невидимую точку. У нее не было сил ни встать, чтобы попрощаться, ни сказать напутственное слово. Она попыталась улыбнуться, но улыбки не получилось.

Василий не мог долго оставаться в общежитии. На улице его ждала Нина. И она дала на прощание с Таней не более пяти минут.

Находясь в Ростове, Василий писал Тане нежные письма. Ему было стыдно за свое поведение. Он понимал, что своим невниманием он оскорблял такую прекрасную, чистую, искрен-

нюю, горячо любящую его девушку. И стремился хотя бы письмами сгладить свою невольную вину.

Таня отвечала на письма друга. Великолепные лирические письма. Василий сохранил их. И когда ему было грустно и трудно, он перечитывал их, каждый раз обретая при этом спокойствие и умиротворение. Вот они, отдельные, из этих чудесных, посланий.

«Здравствуй, Вася!

Благодарю тебя за письмо. Я никогда не забываю людей, давших мне минуты счастья. А с тобою мне было почти всегда так хорошо! Ты сердишься? Опять, скажешь, проявляю свои эмоции.

Ты еще не привык в этом большом южном городе к работе, к университету. Мне даже немножко завидно, что ты живешь там. Особенно, когда представляю, как я через месяц отправляюсь в свою деревеньку. Через два дня у нас будет распределение, Все, естественно, волнуются и с нетерпением ждут, куда же их забросит судьба. А пока сдаем курсовые экзамены. Вот и все мои дела. В институте скучно и тихо. Занимаются только четвертые и пятые курсы. Иногда в коридоре появляется твоя последовательница из комитета комсомола. Она, конечно, не так общительна и мила. Старшекурсников же вообще стесняется.

Вася» Первое время после твоего отъезда казалось странным и необычным, что нет тебя в кабинете, на этажах — такого, веселого и быстрого. Я даже твою походку отлично помню. Смешно?

Сейчас мне, действительно, кажутся смешными мои нелепые переживания. Но тогда.... Тогда страшно не хотелось идти в институт, и особенно — проходить по третьему этажу: больше всего на свете хотелось увидеть тебя. Опять я на запрещенную тему.... Извини. Хорошо, что ты мне так долго не писал, а то бы измучила тебя своими длинными письмами. Сейчас уже все прошло, перегорело. Сижу спокойно и сочиняю.

Не представляю, что может тебя заинтересовать?...Девочки просили передать привет (наша комната и Люба Медведева). Все тебя очень тепло вспоминают. Всегда жду твоих писем.

Таня»

Вот и второе письмо.

«Здравствуй, Вася!

Я очень часто вспоминаю тебя. И при этом бывают почти противоположные настроения: то сожаление, что тебя нет, то просто недовольство собой. У нас как-то не очень хорошо получилось, правда? Больше всего — дружбы. А это — главное! Ничего из ряда вон выходящего в моей жизни не произошло. На несколько дней приезжал мой старый друг из Москвы. Помнишь, я туда тайно ездила? Он, конечно, все о том же: поедем в Москву. И это — без конца, и очень настойчиво. Он мил, хорошо относится ко мне, говорит, что любит. Но мы давно не были вместе. Изменились. А я ведь, как законченная идеалистка, мечтаю о высоких чувствах!

Стыдно признаться: мне — 23 года, а я хочу, — настоящей любви. Любви чистой и, до конца, верной. Где она? По-моему, люди должны жить вместе только тогда, когда они иначе не могут. Понимаешь — нужны сильные, крепкие руки и ласковые, умные глаза, которые бы всегда говорили, что им нужная только я. Где они? Несколько лет я думала, что есть на свете человек, который найдет меня. Ждала. Верила, но...» скажи тому — «любви конец», кто на три года вдаль уедет», а мы расстались на четыре. Случилось то, что никогда не прощается, тем более — ему. Во-вторых, — ты! Мое увлечение поколебало уверенность в себе. Значит, я не так-то уж любила его. В общем, у меня всегда личные трагедии на тему любви и дружбы. Вечно о чем-то переживаю, кого-то жду. Ты, наверное, презираешь меня за это. Да? Но уж такой у меня характер! Кажется, ты — другой. Неужели у тебя нении одной сильной привязанности? В хорошем смысле, конечно. Прости, — больше о любви не буду.

Ехать в Москву не согласилась. Отложила до лета. Там будет видно. Он часто говорит со мной по телефону и умоляет приехать. Да, знаешь, что мы делали? Я целые дни сидела в научной библиотеке и готовилась к экзамену, а он смотрел на меня и читал математику. Вечером гуляли и ругались. Вот и все.

Вася, если бы ты знал, какая у меня жизненная программа на этот год? Как у Льва Толстого! И всего интереснее, что на первом месте — спорт, на втором — самообразование. Главный лозунг: «Не опускаться!». Главный принцип: «Не мелочиться!»

Страшно хочу работать. Да и отдыхать. Единственное, чего боюсь — это в деревне не получится второе. Школу еще не знаю, какую дадут. До последнего момента колебалась: взять свободный Диплом и уехать в Москву, или — в деревню.

Экзамены сдаю хорошо, но приходиться много заниматься. Из жизни института ничего позитивного не знаю. Сейчас там так много народу, ступить некуда. Многие вернулись из колхозов. Из мира техники и науки ничего не знаю, кроме того, что в Америке изобрели портативный гроб. Немного, правда? Как сдам «государственные экзамены», буду повышать свои политические и литературные знания. А сейчас я самый настоящий «утюг».

Как твои университетские дела? Все-таки хорошо, что тебе еще так много учиться! Завидую! Если бы была не так коротка жизнь, я окончила бы пять институтов, а потом стала бы работать по специальности, которая мне более всего нравилась бы. Какая утопия, боже!

Да, папа все болеет. Лежит в том же санатории. Будет там до февраля. Чем это кончится? Вася, «Латинский язык» пока не нашла. Постараюсь. До свиданья, милый. Жду письма.

18 мая 1964 года. Иваново.

Таня»

Содержание следующего письма взволновало Василия особенному. Возможно, потому что было написано в несвойственной Татьяне манере.

«Вася, здравствуй!

Так давно тебе не писала. Да и сейчас не надо бы. Но не хочется быть бестактной, тем более что в последнем письме ты был так мило откровенен «если в порыве тоски или страсти, ты предложишь мне свою руку, я не оттолкну ее».

Очень великодушно с твоей стороны. Но мало ли что было. Ведь ты всегда говорил, что мы с тобою друзья — не более. И вот все кончено. Не вериться, что еще зимой я могла так краснеть и волноваться, ждать, плакать. Я была слишком восторженна! Не каждый день смотрят на тебя доверчивые глаза. В совместной жизни любовь совсем не то. Вася-Вася! — я нисколько не жалею, что я — не твоя. Наоборот, не смогла бы жить с

тобою ни одного дня. Это я поняла только сейчас. Что со мной происходит? Волею судьбы живу в городе Обнинске Калужской области. Приезжай в гости, если хочешь. Здесь чудесно! Почему, отчего — напишу в другом письме. Хочется сначала получить от тебя.

Позади экзамены, институт, подруги, общежитие — все. С чего начинать? Так трудно. Учителем смогу работать только с первого сентября следующего года. А пока — воспитатель. Может быть, я выбрала в жизни легкий путь? Иногда мучает этот вопрос, но я трудолюбивая. И работа без перспективы для меня — могила. Я работала бы, как ишак. Но зачем? Здесь же можно жить, работать, даже учиться дальше. У меня не ромбик, а «поплавок», плаваю по поверхности. Копни глубже — ничего не знаю. Надо все начинать с начала. Теперь я совсем взрослая, самостоятельная. А так не хочется быть такой.

Не хотела писать тебе о самом главном, но не могу. Ведь я навсегда запомнила твои слова, когда ты говорил, что без сожаления узнаешь о моей новой фамилии. Пожалуйста: ЛОГИНОВА Татьяна Ивановна. Смешно и не верится. А он вовсе не физик, а сверхсрочник, сержант. Учится в вечернем политехникуме на первом курсе — сомневаюсь, что окончит. Страшный лентяй. Зовут — Геной! Знакомы семь лет. Четыре года не встречались, я об этом писала. Выросли, изменились. Особенно — он. Я жена и не жена. Причина — нет квартиры. Живем в разных общежитиях. Как ты к этому относишься? Думаешь, я — легкомысленная? «Нет одного, без борьбы пойду к другому!». Это не правда! Нас с ним все было долго и серьезно. На пути было все. Даже — ты! Ты, такой милый и смешной, но трудный и непонятный иногда. Среди моих документов — диплома, свидетельства о браке — лежат твои стихи. И все-таки еще люблю тебя! Совсем немножко, но не хотела бы встретить. Грустно. Напиши, пожалуйста, хоть одно маленькое письмецо: пожелай мне счастья. Я плачу...

Извини, пожалуйста, — даже с праздником тебя не поздравила. Сейчас, конечно, это слишком поздно. Ты, наверное, переписываешься с кем-нибудь из Иваново, так что все узнаешь. В твоем комитете командуют две девчонки. Все развалено, как «Мамай прошел». Ходила сниматься с учета. Вася, у нас там был банкет. Тебя вспоминали. Да, а у меня — свадьба, два дня

назад. Все так странно, неожиданно, непонятно. Счастлива ли? Не знаю. Но, кажется, без всего этого была бы не счастлива. Мы с ним так давно и долго хотели быть вместе, что, когда наступил этот день, мы смотрели друг на друга удивленными глазами. И думали: «Боже мой, чего мы так долго ждали? Чего!? Все гораздо проще и хуже, чем мы думаем. Нет, почему же хуже? Не хуже. Но, как-то не так. И, вообще, я еще ничего не понимаю. Нескромно я веду себя сегодня. Все о себе. А как у тебя дела? Учишься ли? Работаешь там же? И тысяча обязанностей? Но ты ведь любишь быть в центре всего. Напиши что-нибудь о себе, если сочтешь нужным. До свиданья!

26 ноября 1964 года. Обнинск.
Таня»

Видимо, прав был старик Гельвеций, когда писал, что «подлинное счастье не заключается ни в чувственной любви, ни в честолюбии. Любовь лишь временно опьяняет человека и внушает ему иллюзии о подлинном счастье. Но время берет верх, безразличие и скука сменяют любовь». Так думал Василий, прочитав ноябрьское письмо Тани.

«Что такое счастье в жизни? — размышлял он, — разве возможно полное счастье, даже если женишься на любимой девушке? Нет. Нужна цель в жизни. Эта цель должна быть не на один год, а на всю жизнь. Тогда она будет действительно интересной. А без цели, по принципу: день да ночь — сутки прочь — это не жизнь. Большая цель и любящая жена — вот без чего счастье невозможно».

У Василия, как и у его подруги Татьяны, была и оставалась важная цель: стать настоящими педагогами, воспитателями ребячьих сердец. Сейчас, вновь и вновь перечитывая письма Тани, он еще больше проникался к ней уважением и симпатией. Восхищался ее доброю, отзывчивой и чуткой душой. Ему хотелось представить — как приняла на себя бы миссию учительства — она, что испытала на этом не легком пути?

«Здравствуй, Вася!

Прости, пожалуйста, — опять беспокою тебя. Но ты не будешь очень огорчен, правда? Просто скоро 16 февраля — день

нашей первой встречи. И я опять вспоминаю тебя. Ведь все было так недавно — два года назад. И вот теперь все совершенно иначе. Хотела поблагодарить тебя за поздравление. Написала три письма, поздравила с Новым годом, но не отправила. Почему? Не знаю. Показалось, что это не нужно. А, может быть, не хотелось, чтобы ты лишь из учтивости поблагодарил и позволил писать тебе. Ты, конечно, считаешь своим долгом ответить. Вот, Васенька, я всегда — всегда в начале своих писем упрекаю и обижаю тебя, хотя не имею на это никакого права. Не сердись, пожалуйста, это бывает очень редко, а может быть и в последний раз. Кто знает, может, мы никогда не встретимся. Но я все-таки очень хотела бы, пусть издалека, увидеть тебя — знакомую походку и твою милую улыбку. Я не забуду тебя, хоть и была миллион раз обижена тобою, милый Вася.

Немного о себе. Работаю в 50-ти километрах от Обнинска. Вот уже два месяца. Живу в маленькой деревне. Преподаю немецкий язык и историю. Веду пионерский театр «Искорка». А еще я — пионервожатая и секретарь комсомольской организации. По твоим стопам пошла. Как видишь, скучать некогда. Готовлюсь в аспирантуру. В субботу и воскресенье бываю в Обнинске. Вот мое общественное лицо. Между прочим, дисциплина на моих уроках отличная. У меня серьезный вид и никаких фамильярностей. Расхвасталась!? Да, мне не хочется быть той «доброй, милой, скромной, замкнутой девушкой», какой ты меня всегда считал, и какой я почти никогда не была.

Очень трудно и страшно каждый день ходить по 6 километров в школу. Особенно в десять часов вечера, после уроков в вечерней школе. Но что поделаешь. Трудное начало, может быть, потом будет лучше. Все дни заняты школьной суетой. Подготовкой к урокам. Только поздно вечером, иногда, вдруг становится очень грустно. Вспомню всех своих старых друзей, подруг. Где они? Хочется всех увидеть. Особенно часто вспоминаю тебя. С сожалением? Нет. С какой-то грустью. Ясно — с хорошей. В тебе есть черты, которые меня очень привлекают и которых порою нет в самом близком мне человеке. Надеюсь, ты меня поймешь. Хочется знать о твоей жизни больше. Только, пожалуйста, не цитируй нигде моих слов. Это только для тебя, а не для «широких народных масс».

Как я мечтаю, Васенька, присесть на стол в коридоре нашего второго общежития и поговорить с тобой. О чем угодно. Как когда-то. Я так хорошо помню твою манеру говорить, смотреть, ходить, что, кажется, видела тебя только вчера. Но это все уже невозможно.

О моей семейной жизни. Я — женщина. Пожалуй, меньше восторженного ожиданья любви. Единственное, что изменилось во мне — это наивная вера в какое-то необыкновенное чувство любви. Теперь я еще больше уверена, что обязательно должна быть на свете любовь. Без нее трудно и неинтересно жить. Есть ли она у меня — еще не знаю. Это выяснится позже. И обыкновенна и сложна, эта самая любовь! Почему-то не могу выразить то, что чувствую. Но счастье — это всю неделю ждать субботы, а потом ехать с волнением на автобусе, электричке, идти 6 километров пешком, подчас бегом — и знать, что тебя ждут, любят, хотят всегда видеть. Разве не счастье — когда ты кому-то очень и очень, — нужна!?

Нам дали комнату в большом новом доме. Правда, она почти пустая, но это неважно. Ты думаешь — зачем это я пишу тебе о своем счастье? Просто хочется поделиться. У меня есть свои огорчения, заботы, неудачи. И не так все прекрасно. Гена меня очень любит, но, понимаешь, больше как женщину.

Я помню твои слова, что интересен тот, с кем без скуки можно поговорить два-три часа. У меня так никогда не получается с Геной. Мы очень мало говорим с ним о литературе, истории, философии. Может это и не так уж обязательно. Он поет. Любит сцену, стихи, электричество. Но еще больше любит смотреть на меня. Это он готов делать часами. Хорошо это или нет? У нас так мало общих интересов, общих друзей. В общем, Василий, это все мои сомнения. Ты только не делай свою физиономию иронической, это я помню, хорошо у тебя получалось.

Когда ты женишься? Только, ради бога, не на толстой, глупой, грубой женщине. Ты прав, не так в жизни обязательны — пылкость, страстность, восторженность. Лучше — уважение и порядочность. Остальное — будет. Опять — мораль, советы. Может, они тебе и не нужны? Мне кажется, ты давно знаком с психологией женщины, так что должен знать — что это такое и что более важно. Хотя, по опыту, я знаю, что ты жи-

вешь, думаешь иначе, чем я. Да, не беспокойся. Гена давно все знает о тебе и знает, о нашей переписке. Твое замечание, на этот счет, не могло не обидеть меня! Ты всегда это делаешь легко.

Ну, ничего. Все в прошлом. Мы уже совершенно взрослые люди. Как жить? О чем мечтать? Чему посвятить себя? Как прожить красиво и честно? Как быть трудолюбивой, общительной, умной и скромной?!

Это — вечные вопросы. И их необходимо постоянно решать.

Очень хочется получить от тебя, как всегда, умное и обстоятельное письмо, у тебя это превосходно получается. Жду с нетерпением и радостью.

Обнинск, 31 января 1965 года.
Таня»

«Мой хороший и добрый друг Василий!

Почему-то мне всегда приятно получать от тебя поздравления, письма. Приятно вспомнить о тебе. У меня своя жизнь. Свое счастье, своя любовь. Твои открытки не заставляют, как раньше, тревожно биться мое сердце, но твоя душа всегда чем-то привлекала меня. Она — открытая и наивная, как моя. Я долго молчала. Дело в том, что я два месяца не работала. Была в Обнинске. Почему? Пожалуй, просто женская слабость. Я не лишена того, что свойственно всей нашей прекрасной половине человечества. Показалось трудным преодолевать по десять километров пешком. Ушла, но не смогла жить без работы, без школы, без детей. Опять здесь. Это — мое место. Пять дней в деревне, два в Обнинске. Бесконечно долго тянутся эти дни. Но — что делать? Зато опять радость встреч, горечь разлуки. В этом есть своя прелесть. Да и сейчас стало теплее. Чудесная природа! У вас, наверное, очень тепло, да? Ведь ты теперь — южанин. Так хотелось мне всегда — побывать на Юге! Но, видно, суждено остаться «северянкой». Когда-нибудь разбогатею и поеду на юг купаться — на Черное море. Жариться на солнце и есть фрукты. Тебе — завидую!

Васенька! Первого мая тебя вспоминала, Нашу поездку под Кинешму, к родителям. Так все быстро изменилось. Кто мог

знать! Я удивлена, твоим заявлением, что май 1963 -го остался для тебя «приятным воспоминанием». Что ж тут было для тебя приятного? Ты тяготился мною и моей сентиментальностью! Ну, ладно, разумный и холодный юноша, все позади.

Из меня, действительно, получилась слишком любящая жена — до ужаса заботливая. Плачу, когда у мужа поднимается температура и радуюсь, если он хорошо ест. Кажется, что без него не могла бы прожить и дня. Я очень счастливая, наверное. Мы любим, бродить по нашему городу. Конечно, ему не сравниться с твоим Ростовом. За короткое время Обнинск стал родным. Он как будто даже снился мне, когда я маленькой девочкой мечтала о взрослой жизни, именно в таком городе. Нет, мне хорошо живется на свете. А тебе? Радостно любить жизнь, работу, человека. Правда? Пусть у нас больше будет всяких прелестей и наслаждений.

К нам приезжали мои родители, Прошлись по кинотеатрам. Папа чувствует себя хорошо, все форсит в той, знакомой тебе, лесной форме. Мама сдала — потускнела как-то: очень волнуется за папу и меня. От Серпухова, где живет твой брат Александр, до Обнинска курсирует автобус. Это совсем недалеко — я была бы рада увидеть тебя. Приезжай в гости. А пока — жду письма.

7 мая
Таня»

Вот и последнее эпистолярное сочинение Татьяны Логиновой — Зудиной. Оно взволновало Василия. Весть о том, что она вскоре станет матерью, обескуражило парня. Ему подумалось, что он, просто, становится лишним. И не вправе мешать семейному счастью такой прекрасной женщины, как Таня. К тому же ей уже не до общих рассуждений о смысле бытия. Теперь у нее конкретная задача: стать заботливой и любящей матерью. Потому его ответ на это послание был преднамеренно раскованным, даже грубоватым, после чего Татьяна замолчала на долгие годы. Она, как всегда, была — умною и все понимающей.

«Здравствуй, Вася!

У меня будет скоро малыш — Алешка. Я его уже сейчас люблю. Тебе, конечно, моего чувства не понять, даже если ста-

нешь отцом. Но это очень, чудесно — ждать и заранее любить Алешку.

Наверное, странно, что после года молчания я вдруг решила написать. Просто нужно убедиться, что все в мире не так мрачно, как в мыслях моих, что есть друзья. И надо узнать, как они живут, что их волнует. Как они изменились, возмужали.

Прошедший год для меня был самым трудным. Почти все лето работала в деревне. Потом — небольшой отпуск. Ездили в Иваново и на Волгу. С начала сентября работала в школе — уже в городе. Опять вела историю и иностранный язык. Кроме того, — классный руководитель 7 класса, где 19 самых безобразных мальчишек. Ничего, мы понемногу нашли общий язык и сработались, хотя понадобилась большая выдержка. Свою работу я очень люблю. Не знаю, как буду теперь — без нее.

Тринадцатого октября у меня неожиданно умер папа. Ты помнишь, — он лечился 9 месяцев в санатории. В феврале уже был дома, с радостью работал. Однажды поехал в командировку и скончался в пути. При вскрытии, оказалось, что легкие у него здоровы, и лечиться в санатории не стоило. Умер от болезни сердца — миокардит. Странно. Он никогда не жаловался на сердце, не лечил его.

В нашей памяти он остался очень энергичным, жизнерадостным человеком. До сих пор не верится, что я хоронила собственного отца. Видела, как закрывают крышку гроба, и медленно опускают его в могилу. Это так ужасно! А в мире все идет своим чередом, как будто ничего не случилось: одним человеком меньше...

Больно только для близких. Мама осталась почти без средств. Нашей семье дали квартиру в Иванове, в новом доме. Мама работает. Женя учится в индустриальном техникуме, а Саша — в автодорожном. Недавно Женя и Саша были у нас, в Обнинске. Им очень понравился город. Вот и вся моя «волна откровения». Как я живу? Нормально, как и следовало ожидать. Я привязана, к своему мужу, заботлива. Не представляю, как можно жить одной? У нас бывает, конечно, всякое. Иногда ссоримся — до чемоданов, но, в общем, мы — дружны и любим друг друга. Гена учится на 3-м курсе, играет в спектаклях, как и я, ждет Алешку. Обычная семья. Трудновато, правда, в материальном отношении, но это не столь важно.

Ты спрашиваешь об аспирантуре. Пожалуй, первый шаг сделан — оканчиваю заочные курсы иностранных языков. Там будет видно — ведь мой малыш ограничит меня во всем. Посылаю фото — старое. А я сейчас похожа на кенгуру — смешно!

До свиданья, Вася! Всегда жду твоих писем.

Обнинск. 27 марта 1966 года.
Таня»

Перечитаны и сложены в папку Танины письма. А мысли Василия — все о ней. Таня Логинова, едва не Пушкинская Татьяна — это чистый образ русской женщины. Она из тех, кто ехал за своими мужьями и женихами в далекую сибирскую ссылку. За всего, почти 28 лет, Василию не встречалась более искренняя, нежная, отзывчивая девушка.

Мысли Василия нарушил стук в окно, Он прильнул к оконному стеклу, чтобы понять: в чем дело, — может ветер, качнул? — под окном росли тополя. Но — нет. Горичев успокоился и только решился взяться за свежее письмо из Ростова, от университетских товарищей, как стук повторился. Василий, преодолев страх, прошел через коридор на крыльцо — веранду, где, вся в белом, его ожидала знакомая соседка.

— Лиля, ты?! — окликнул он девушку, — ты меня напугала. И, что за бесовское одеяние?

— Просто медицинский халат, — лукаво улыбнулась Лиля.

— У тебя ко мне дело?

— Нет. Просто решила проверить вас на испуг

— И это удалось.

— Чем Вы тут занимаетесь?

— Читаю.

— Я видела. Какие-то письма перебирали. От жены?

— Не совсем, — уклонился он от прямого ответа.

— Понятно — скрываете

— Нет, почему...

— Носом чую — чего-то не договариваете.

— Какие у меня могут быть секреты? Впрочем, есть идея!

— Какая? — соседка с интересом и любопытством взглянула на директора.

— Отучить тебя пугать соседей по ночам.

— Каким же образом?

— А я вам черкну сатирические куплеты.

— Экспромтом?

— Если хотите, то зайдите через полчаса.

— Хорошо. Пойду домой, сниму халат, коль вас он смущает, переоденусь.

— Быть тому.

Спустя некоторое время, Лиля вслух читала посвященные ей строки, которые Василий уже успел отстучать на машинке:

Допустим, я совсем не смелый -
В глазах — ни искорки огня...
Но все равно халатом белым
Тебе не испугать меня!

Ведь ты в бесовском одеянии
По свету бродишь не одно:
В халате белом, — на свиданье,
Ко мне ходила и — жена.

— Интересные стихи, — Лиля вдвое сложила листок бумаги и сунула в карман пиджака, вероятно, отцовского, — пойду маме почитаю

Как бы спохватившись, спросила: «А можно?».

— Пожалуйста, — улыбнулся Василий.

— Когда же, Василий Павлович, жена ваша приедет?

— Скоро.

— Лучше бы она совсем не приезжала.

— Это почему же? — насторожился он.

— Новая женщина в нашем кутке — лишние хлопоты. Мы— то к вам уже привыкли.

— Привыкните и к ней. Еще и подружитесь.

— И не подумаем! — Лиля быстро закрыла дверь и уже с порога, добавила, — извините, что помешала мечтать над письмами.

«Вот черт, — подумал Василий, — и с чего это ей взбрело в голову следить за ним по ночам, когда ее молодой жених, завтрашний летчик, в очередной отпуск приехал». Вслух же сказал:

— Ничего, заходите — всегда рад соседям.

— Нет. Уж пусть лучше к Вам моя бабушка заходит, — де-

вушка явно была разочарована вежливым, но холодноватым приемом.

— Как знаете.

Когда за Лилей захлопнулась дверь, и тревоги улеглись, Василий принялся за письмо из Ростова на Дону.

С Константином Жижиным, будущим врачом, Василий вместе учился на журналистском факультете. Это о нем в учебной газете «Молодой журналист» от 5 июля 1967года, староста курса Тер — Минасьян написал: «Жижин К. С. Не знаю как к врачу, но попасть на его журналистский зубок — опасно!». О нем, там же можно было прочесть: «Затмил всех числом статей».

Вот и письмо врача — журналиста. Костя писал броско, размашисто. В отличие от аккуратной Тани Куликовой — бумагу не экономил.

«Здравствуй Василий!

Ну, вот видишь, все в твоей жизни устроилось. Я рад этому, искренне рад и просто завидую, по-хорошему!

Идет к концу и моя учеба. Скоро, как и ты, выйду на собственную дорогу. Обуревают те же сомнения и волнения, что мучили тебя. Было предварительное распределение: записался я к черту на кулички, в самое пекло — в противочумную сеть здравоохранения. Так что будущее — светло и прекрасно! Пытаюсь прорываться в центральную печать. Стал популярным обитателем порогов областной газеты «Молот». Изредка она меня тешит вниманием. Но это просто от лености мозгов моих или потому, что не хочу писать обо всем, а только в медицине вижу своего конька. Ну, а редактора мне говорят, что газета — не сводка последних событий с поля боя медицинского фронта.

Завидую я тебе, черт бы тебя взял! Со стороны все у тебя так складно: и директорствуешь, и жена есть и все прочее. Бог мой! У меня же все в зачаточном состоянии. Впрочем — кто тебя знает, каково у тебя на душе? Если напишешь об этом — буду рад.

И еще... Дурака с едой не валяй! Разве мне тебе говорить, что желудок твой — враг твой! И такое легкомысленное отношение к нему выйдет тебе боком! Не обязательно есть по — человечески, если нет условий, то соблюдай хотя бы регуляр-

ность. Ритм — самое главное, вернее одно из главного....Видишь, как я растрезвонился! Но ты задел меня за живое своей безалаберностью по отношению к своему здоровью.

На будущее мой тебе совет: не дружи с медиками. Пиши.

Твой Константин»

«Заботливый друг Костя! — думал Василий. Хотя знал, что он сам, если надо, если потребуется, кого спасать, не раздумывая, ринется на помощь. И уже наверняка о собственной безопасности обязательно забудет. И чума ему, видно, не страшна».

Да, советы давать легче. Прочитал Горичев и послание от верного товарища, уже по истфаку Николая Бовдурца. Вспомнил, как помогал ему готовить курсовые по истории завода «Ростсельмаш». Тот, в свою очередь, натаскивал Василия по немецкому языку.

Николай сообщал, что к Новому году староста их группы Лиля Фокина пришлет ему пространное письмо с характеристикою каждого сокурсника, чьи лица красуются на общем снимке выпускников.

«Было бы очень интересно!» — заранее обрадовался Василий. Но вот небольшая весточка от ростовских друзей, коим Горичев помог выхлопотать квартиру. От имени семьи писала его ученица Вера Борисова. Ее он готовил для поступления в училище искусств.

«Здравствуйте, Василий Павлович!

Поздравляем Вас с началом новой увлекательной работы. Мы очень довольны за вас. О себе. Сдавала экзамены. Получила две четверки и больше не стала пытать счастья. Бесполезно. У меня нет стажа, а конкурс — 10 человек на место. Если бы даже я получила еще две пятерки, то все равно не прошла бы. Сейчас работаю в детском садике воспитателем. А в училище я все равно поступлю. Сдам экзамены на пятерки и войду на его порог с гордо поднятой головою, а не пригнувшись.

Здорово вы задели за живое моего папу, когда написали про охоту и малокалиберную винтовку. Он сказал, что как только мой брат Александр вернется из армии, так они сразу приедут к вам зайцев стрелять. Ведь у вас с моим папулей одна Родина

— окская земля. Сам он рождением из районного города Новосиля.

Ростов хорошеет. Преобразился. Украсился цветами и фонтанами. В том числе и дорогой вашему сердцу — университетский переулок.

Горячий привет от мамы — она вас очень любит и часто вспоминает.

Вера Борисова, ваша ученица»

Письма, письма.

Спохватившись, Василий посмотрел на часы. Они показывали четверть пятого утра, еще ведь надо писать конспекты.

Наутро директор Рощинской восьмилетки пришел на работу с усталым, но счастливым лицом. Он не только подготовился к урокам, но выкроил время на короткие ответы своим далеким друзьям.

Письма, письма...

Как без вас жить? В эту пору раздумий у Василия сами собой, сложились стихи:

Журавлиным пером в облаках,
Что над белою рощею виснут,
На зеленых крылах ветерка
Прилетают ко мне ваши письма.
Чуткой птицей трепещут в руках,
Дарят нежность и светлые мысли,
И нельзя к ним привыкнуть никак -
Так волнуют меня ваши письма.

Глава десятая

КОЛХОЗ

Крестьянские дети — это понятие еще до Некрасова прочно вошло в литературу. Именно деревенским мальчишкам и девчонкам выпало счастье с самого рождения вплотную соприкоснуться с чудесным миром природы. Только дети крестьян наделены даром, тонко чувствовать, ее нюансы, ее временные связи — весну и лето, осень и зиму. И все им нипочем: трескучие январские морозы, буйное мартовское половодье, палящий июльский зной, промозглые, хмурые ноябрьские дожди.

Дети радуются: первому снегу — будет раздолье на коньках и лыжах, а с первой весенней проталиной есть, где поиграть в мяч или погонять чижа.

Деревня — это особая страна. Страна лазурного неба, поспевающих золотистых хлебов, белых плакучих берез. Страна, которая располагает к глубоким и серьезным раздумьям.

Деревня дорога сердцу щедрой землей, полевым простором. Извечен зов земли, не подвластен — ни времени, ни переменам бытия. Возвращается человек на родную землю, часто оставаясь здесь навсегда, если не может остаться, то по-настоящему завидует тем, кого уважительно называют в народе пахарями, хлеборобами, тружениками села. И уж каждый обязательно гордиться своей родословной.

Гордится ею, и Василий Павлович Горичев. И отец его, и мать, и деды — все исконные хлеборобы-землепашцы. Из крестьян и космонавт Евгений Хрунов. Запомнились ребятам его слова, прочитанные директором на одном из комсомольских собраний: «Красива наша земля! Мне довелось убедиться в этом. Но для меня красота земли нашей имеет особый смысл. Из деревни родом Юрий Гагарин, Герман Титов, Павел Попович, Андриан Николаев. Люди с открытым сердцем, щедрою душой, проницательным умом. Ведь крестьянский труд учит наблюдательности, вливает в руки особую силу. Упорство, с которым крестьяне выращивают урожай и нам сродни. Та многотрудность, с которой нам достается каждый кусок хлеба, сопутствует и в нашей

работе. Нет, полет в космос — не вознесение над землей, а продолжение вашего труда. Ваш урожай!».

Крестьянский труд. В корне он изменился за прошедшие годы. Сегодняшний крестьянин — это образованный человек, управляющий мощной техникой, широко использующий достижения науки. Он полноправный хозяин земли своей, творец новой счастливой жизни. Как-то на очередном занятии членов исторического кружка — он был впервые организован в школе в октябре шестьдесят восьмого — Василий Павлович спросил ребят — кто такой Микула Селянинович? Ответы сыпались, как горох:

— Народный герой! — выкрикнул с «камчатки» Фрол Гуляев. Он записался в кружок, чтобы лучше узнать нового директора, о котором только и трезвонят по всей школе, что он Университет окончил, что стихи пишет. «Посмотрим — чего он стоит на самом деле», — решил себя Фрол.

— Богатырь! — пробурчал себе под нос Жора Быков. Он записался в исторический союз, потому что любил собирать всякие диковинки: старые монеты, пожелтевшие рукописные книги, всевозможные гербы. Их уже было полно в школьном музее, созданном молодым директором. Сами же ребята и натащили. Кто «Екатериненку» у бабули выпросил, кто серебряный рубль у деда забрал. А сам Жора принес неизвестно как оказавшийся в их доме бляху сельского старосты, где проштампована дата — 1861 год.

— Оратай! — твердо заключила староста кружка их одноклассница Светлана Амосова. Она любила читать древние книги. Ей нравилось, как Горичев вел уроки, а всего более — тяжелые старинные фолианты и журналы с любопытными иллюстрациями, которые он приносил с собою на занятия.

— Ответы правильные, — подвел итог Василий Павлович, — а что означает слово — агрономия?

Ученики переглянулись между собою. Отвечали вразброд:

— Слово о земле.

— Наука об обработке земли.

— Ученье о том, как растить хлеб.

Выслушав мнение ребят, Горичев объяснил, что слово — агрономия, происходит от греческого «агрос» — поле и «номос» — закон, что означает — полевой закон. И новый вопрос:

— Что вы знаете о развитии земледелия в России?

Ответы юных историков не выходили за рамки учебников, поэтому их руководитель счел необходимым дать краткий экскурс в историю.

В Боспорском царстве, — начал он, — а оно существовало в четвертом столетии нашей эры, пантикапейский монетный двор на золотых статорах, чеканил грифона, стоящего на пшеничном колосе. А на медных пластинах — голову быка, колос и детали плуга: дышло, грядиль, рукоять.

Славянская Русь была главным поставщиком хлеба в Юго-Западную Европу. Она была страною самого передового по тому времени земледелия. Наши предки на заре новой эры пахали землю сохой с металлическим наконечником — предплужником, которого не было тогда ни у одного народа Европы.

Киевская Русь имела многовековой земледельческий опыт. О возделывании ржи на полях у Оки писал еще Нестор — летописец (1056—1115). Если вы побываете в областном краеведческом музее, — продолжал свой рассказ Горичев, — то увидите предметы крестьянского обихода, навсегда ушедшие в прошлое. Это — кочедык, деревянные сохи, глиняный двойник для разносов обедов в роле.

— Деревянная соха и у нас есть, — не выдержал, чтобы не поделиться своим открытием сын колхозного конюха, веснушчатый Степка Карнюхин, — мы ей огород пашем.

— Верно — есть. И не только у вас. Но решающей роли в земледелии, как орудие труда, они уже не имеют. Используются в садах и на участках, где трудно развернуться с плугом. Да и внешний вид их во многом отличается от древней крестьянской сохи. Бедность, забитость была уделом дореволюционного крестьянина. Царизм тормозил развитие производительных сил. Урожаи хлеба не превышали сам — три или сам — четыре. Да, кстати, а какие урожаи получают в нашем колхозе?

— Сам — семь

— Сам — девять.

— 10—12 центнеров с гектара.

— Не много, — констатировал Василий Павлович, — а какие первые марки советских тракторов вы знаете?

— ХТЗ

— ДТ -54

— НАТИ

— Коммунары

— СК — 4

— ЧТЗ

— Правильно, — Горичев был удовлетворен осведомленностью своих воспитанников, отметив про себя, что городские школьники на эти вопросы, наверняка бы не ответили. Им же, — деревенским мальчишкам и девчонкам, это известно по традиции от отцов и дедов — извечных российских землепашцев.

«Традиции! Невесомое, незримое, но какое грозное оружие!» — метко сказал как-то писатель Борис Горбатов. И хорошо сказал! Когда же Василий Павлович попросил кружковцев поведать об истории их родного колхоза, то ребята смутились — этого они, оказывается, не знали.

— Так вот вам первое ответственное задание, — сказал руководитель кружка, — каждому, по месту жительства, встретиться со старожилами села. Расспросить и записать их рассказы. Будем вместе писать историю о том, «откуда есть и пошел колхоз имени Чапаева?». Понятно?

— Понятно! — хором отозвались ребята.

— Лучшие работы будем публиковать в нашей стенной газете «Юный историк». Записывай, редактор, — Горичев обратился к дочери Злобина, темноволосой девочке Кире, — это по твоей части — сроки предоставления материалов.

— Хорошо, — ответила Кира.

— Так что старайтесь, ребята, — улыбнулся Василий Павлович присмиревшим кружковцам.

— Есть стараться! — за всех отчеканил несдержанный на язык Фрол Гуляев. Он вскочил из-за парты и по-военному отдал честь.

— Фролушка! — одернула крикуна староста Светлана Амосова, — ты, наверное, забыл, что к пустой голове руку не прикладывают?

— Подумаешь, без нее не знают, — обиделся Фрол.

Ребята весело рассмеялись.

Спустя назначенное время юные корреспонденты — историки принесли свои первые исследования, зарисовки, интервью. Амосова и Злобина отобрали наиболее удачные из них, снабдили заголовками и доставили руководителю кружка на проверку.

Василий Павлович одобрил проделанную работу. Особенно понравилась ему запись Тани Ветровой.

— Колхоз имени Чапаева, — сообщала она, — находится в южной зоне Нечерноземья и расположен на Средне-Русской возвышенности. Он объединяет: пять деревень и три поселка, где проживают 760 человек. В том числе: 236 пенсионеров и 190 ребят школьного и дошкольного возраста. В артели 4200 гектаров земли. В том числе — 3100 пашни, 40 гектаров сада. На четырех животноводческих фермах содержится 1050 голов крупно — рогатого скота, 1000 свиней и 980 овец.

В 1968 году продано государству: 6500 центнеров хлеба, 1050 центнеров мяса, 4300 центнеров молока, более 15 центнеров шерсти.

В хозяйстве — 28 тракторов, 12 автомашин, 10 зерновых комбайнов, а также — два силосоуборочных и один свеклоуборочный комбайны.

Сданы в эксплуатацию: пристройка к зданию Рощинской школы, колхозная столовая, полумеханизированный ток.

Денежные доходы выросли на три процента в сравнении с 1967 годом. На пять процентов увеличилась производительность труда. Заработная плата колхозников, занятых в полеводстве, возросла на 20 процентов. Оплата одного трудодня составляет 3 рубля 28 копеек.

В сельской библиотеке насчитывается 6 тысяч книг, 573 читателя. Десять лет назад было всего 2 тысячи книг и 100 читателей. В Рощинской восьмилетней и Доловской начальной школах работают 13 учителей. Большинство из них имеют высшее и средне-специальное образование. В 1947 году, например, работало 8 учителей и лишь двое из них имели специальное образование.

Деревня Долово — центральная усадьба колхоза имени Чапаева. Здесь расположены — правление, клуб, «Сельмаг», медицинский и ветеринарный пункты».

Из записей Светланы Амосовой можно было узнать, что колхоз организован в октябре 1930 года. Возглавлял его «двадцатипятитысячник», рабочий Орловского завода Сергей Максимович Парамонов.

Вот заметки самого Василия Павловича о нынешнем руководителе хозяйства. «Хитров Наум Наумович. Кряжистый, сутуловатый 55-летний мужчина. Внешне напоминает тургеневского Хоря. Он — энергичен, ловок, глядит угрюмо, с хитрым прищуром. Колхоз возглавляет два года».

Прежний председатель, по словам колхозницы Дарьи, и водку пил и глотку драл. Без крика и ругани Наум Наумович также не может. Но, как прежний председатель, не идет наобум, напролом, а больше лицемерит, дипломатничает, хитрит. Человек — себе на уме. Хитров — не старожил, а переселенец из соседнего района, где был замом. Он приятель журналиста Георгия Смагина. С ним они приехали искать удачу на новом месте. Не случайно Георгий — частый гость в хозяйстве Хитрова. Наведывается по нужде. То ему необходимо на зиму овощи и картошка, то свежая бараненка — на шашлыки. Скуповат председатель, но Смагину не отказывал. Тут резон был: Георгий Иванович стал завом организационного отдела райкома партии и мог, при случае, и у — Первого секретаря за Наумовича словечко замолвить — рука руку моет.

Чем ближе знакомился директор школы с хозяйством артели, его руководителями, специалистами и рядовыми колхозниками, тем яснее становилось подлинное лица председателя.

«Всякая артель — Атаманом крепка» — эта народная мудрость не теряет своей актуальности. Атаман же «чапаевцев» был мудр и опытен: живой барометр. «Пшеницу надо сеять в полнолуние, — часто повторял житейскую байку Наум Наумович, — горлица заворкует — коноплю сеять. Огрехи на пашне — не к добру. Овес сей — когда запоют лягушки и станет распускаться береза, когда крылатые муравьи покажутся. Когда, наконец, босая нога на пашне не озябнет».

Хитров — практик. За его плечами — неполное среднее. Труд Колумеллы «О сельском хозяйстве», созданный еще в первом веке он, конечно, не читал. Но основную модель авторского кредо «сельским хозяйством можно управлять без тонкостей, но оно не терпит и глупости», он для себя уяснил из житейских источников.

Не ведал Наум Наумович и о вышедшей в России 42 — томной сельскохозяйственной энциклопедии ХУ!!! века, автором которой был А. Т. Болотов. Краем уха уловил «артельный ата-

ман», что первым агрономом в стране, удостоенным звания — доктора земледельческих наук, является А. В. Советов. Не с него ли пошло выражение «Совет». Пойти «посоветоваться»? Может, и так. Действительно, у доктора спрашивали «совета» многие. Даже и такие гиганты научной мысли, как Докучаев, Прянишников, Тимирязев, Мичурин.

Ученый Советов считал делом великой важности — облегчить тяжелый труд миллионов пахарей, что кормят нас всех. Освободить их от ига предрассудков, суеверий, невежества и от всецелого порабощения природы.

Эта задача частично решена. Но свою цель, принимая колхоз, Хитров видел в освоении других постулатов. Члены правления были удивлены, когда он на первом заседании начал разговор о строительстве школы, Дома культуры, бани, жилья для колхозников. И это при годовом доходе — 300 тысяч рублей! Зерновых собрали по 10 центнеров, от коровы надоили по 1800 килограммов молока. Большинство отраслей хозяйства — нерентабельные. Не случайно правленцы стали возражать:

— Да, у нас фермы развалены. Скоту зимовать негде.

— Фермы надо подлатать, утеплить. Годика три еще постоят, — объяснил свою позицию председатель, — райком нас в первую очередь спросит — почему нет людей? Кто будет работать на фермах? Почему молодежь уходит из села? Что ни выпуск в школе — то потеря рабочих рук. И не только ученики, но и взрослые как на божью благодать на город смотрят.

Мудрый сказ. И от своих идей Наум Наумович не отступал. Но, увлекшись строительством с помощью «диких бригад», из числа чеченцев, он опустошил артельную казну. И не только недоброжелатели — специалисты, но и рядовые колхозники усмотрели в действиях председателя — личную корысть. Поговаривали, что многое от высоких «гонораров» строителей и к его волосатым рукам прилипает. Сам Хитров об этом был наслышан от приближенных к нему людей. Имел он опыт выращивания «элиты» — за счет дополнительного «прикорма» формировать личную охрану, которая и за честь и за жизнь его могла постоять. Большую осторожность проявлял председатель к подбору ответственных кадров правленческого аппарата. За три года его «атаманства» сменились — четыре главных бухгалтера, трое рядовых счетных работников. Не закреплялись в колхозе и молодые

кадры — агрономы, ветеринары, инженеры, зоотехники, Все те, кто не понаслышке знали работы Гесиода и Аристотеля, Варрона и Плиния Старшего.

Как-то в беседе с Хитровым агроном с высшим образованием, упомянул о первом на Руси подробном практическом руководстве по земледелию и огородничеству. Оно именовалось «Книга, глаголемая Назиратель» и вышла в Московском государстве, еще в ХУ! веке. Так Наум Наумович лишь хитро улыбнулся: зачем старым жить? Но его не интересовали и последние научные изыскания Тимирязева и Мичурина, Вильямса и Мальцева. «Пускай себе пишут. Мы, как-нибудь, по-крестьянски, по-деревенски управимся с землицей, — отшучивался «атаман, — не ждет Мартын чужих полтин, а стоит Мартын за свой алтын!». Таково его кредо.

Неудивительно, что, столкнувшись с ним, не получая поддержки и внимания, молодые специалисты — сникали. Они уходили в забвение, опускались, чувствуя себя без вины, — виноватыми. Затем под благовидным предлогом покидали село — дела им председатель не доверял.

К приезду Горичева, в колхозе должность главного агронома исполнял тракторист Степан Извеков, имевший за душой лишь семилетку, зато — верный и послушный. Главным зоотехником работала 20-летняя девушка, студентка 2-го курса сельхозтехникума Зинаида Галкина. Но ни она, ни Извеков никакой роли в делах не играли, а были у председателя лишь «на посылках». Вот почему Хитров слыл незаменимым. Стоило ему отбыть куда, как начиналось вавилонское столпотворение — масса людей напрасно обивала пороги правления. Без Наума Наумовича, не то чтобы запасную часть к трактору, но и гвоздей выписать было невозможно.

Будучи в гостях у председателя, Горичев заметил, что супруги Хитровы как-то уж слишком любезны с ним. Узнав, что у Василия Павловича есть старенькая мама, которой трудно обеспечивать корову кормом на зиму, Марфа Герасимовна упрекнула мужа:

— Все ты жадничаешь, Наум! Клеверу бы, что ли, выписал. Директору-то помочь надо.

— Можно и выписать, — согласился он, — зайди как-нибудь в правление.

Улучив паузу в бесконечных школьных делах, Горичев заглянул в Долово, что в километре от Рощино. В правлении он узнал, что председателя на месте нет.

— А кто за него? — спросил директор школы.

— Его личный шофер! — ответила молодая розовощекая девушка-бухгалтер.

— Как?!

— Очень просто, — не поняла она его восклицания, — водитель Николай Федунов — член правления. У вас срочное дело?

— Н — да, — только и нашелся сказать Василий Павлович, и добавил, — нет-нет. Дело потерпит. Зайду в другой раз.

— Зря. Вдруг опять председателя не будет?

— Где же он?

— В отпуске.

— Надолго?

— На месяц. Но вы не волнуйтесь. Мы его через неделю телеграммою вызовем. Не первый раз.

— Далеко он уехал?

— В Рязань. Там его сын на летчика учится. Проведает и вернется.

— А как же отпуск?

— Да, он три года без отпуска. Потому что заменить некому. Сами видите. Райком об этом знает, а за отпуск мы ему компенсацию начислили.

И тут во второй раз Горичев произнес, нечто, не вразумительное: «Н — да!». Подумал: «Куда же смотрит парторг колхоза?».

Секретарем работал известный читателю, как оратор, выступавший в школе на празднике Первого звонка. Этот, похожий на комика Чаплина, низкорослый, лысый мужчина по имени — Сомов Иван Лукич — бывший учитель. По окончанию педучилища некоторое время работал директором семилетки на острове Сахалин. Возвратившись с Дальнего Востока, заведовал Доловской начальной школой. Затем был избран секретарем колхозной парторганизации.

Иван Лукич изредка наведывался в Рощино. Рассказывал ребятам о том суровом времени, когда ни о чем, кроме еды, не хотелось думать. О безрадостном детстве, когда хлебными карточками измерялась жизнь человека. И когда в сказочного Ива-

на — царевича и серого волка, в Конька — горбунка и Жар — птицу верилось больше, чем в то, что есть еще где-то белый хлеб. И люди едят его досыта

Он просто вселял ужас. Внимая ему, Василий поймал себя на мысли, что все сказанное парторгом, он уже где-то слышал.

— Земля! — патетически восклицал Сомов, — мы живем на ней. Мы ходим по ней. Земли так много, что мы порою не замечаем ее. Как не замечаем воздуха, без которого минуты прожить не можем. Между тем, об этой земле испокон веков тосковал и мечтал русский мужик — крестьянин. От скольких врагов защитил он ее, родную? Обильно полил ее своею кровью. Сколько соленого пота впитала она, а в руки ему не давалась?! Как воздух не возьмешь в руку, так всякий раз ускользала меж пальцев земля — кормилица и поилица!

Мужик обрабатывал ее, засевал, укрощал. Он каждый комочек ее в руках потрогал. Знал ее запах — душистый, хлебный. Он любил ее, а она оставалась чужой.

Трудно это представить вам, ребятишкам, живущим в счастливое нынешнее время. Это для вас построена новая школа. Для вас учительский съезд решил издать новые программы и учебники, чтобы вы были еще умнее, образованнее и культурнее. И все это достигнуто огромным трудом наших отцов и дедов. Так приумножайте их славу: хорошо учитесь, будьте достойной им сменой!

По-книжному грамотно, возвышенно говорил с людьми парторг. Однако недолго просекретарствовал. Конфликт с председателем — а о причинах можно только догадываться — привел к тому, что Ивана Лукича избрали на ту же должность, но другом колхозе, где коммунистов было больше и хозяйство крупнее. Вроде бы и повысили, Главное избавились от критикана — это для Хитрова было важнее. И тут не обошлось без помощи «руки» — земляка Георгия Смагина.

Секретарем у «чапаевцев» стал экономист колхоза Яков Захарович Жарких. Умный и тактичный, образованный человек. Он, по — существу, и был «мозгом» правления. Пятидесятилетний горожанин, он приехал в Долово один, без семьи. И не по зову сердца, а по несчастью.

Жарких работал на высоком руководящем посту в областном центре. Его жена обошла супруга по служебной лестнице.

Она являлась — Первым секретарем одного из райкомов партии Орла. Конфликт в семье привел к тому, что Яков Захарович был снят со всех занимаемых им постов. Более того, ему недвусмысленно намекнули, что его пребывание в городе нежелательно. Опальный чиновник — номенклатурщик, Жарких, официально разведясь с женой, поспешил воспользоваться приглашением своего клиента по торговле Наума Наумовича — приехал в Долово. Здесь, новый экономист колхоза, решил устроить лежбище — надежно закрепиться. Дабы не печься с обустройством, женился на молодой еще вдове, работающей заведующей «Сельмагом». Перебрался на жительство в ее просторный дом. Стал на партучет.

Все пережитое наложило на характер Жарких отпечаток страха: обжегшись горячей водой, он дул на холодную. Хорошо изучив нрав Наума Наумовича, он, будучи под дамокловым мечом своей всесильной экс — супруги, не стремился поправлять своего спасителя. Инертность, безынициативность, излишняя осторожность стали свойственны его делам и поступкам. Это обстоятельство вполне устраивало Хитрова — экономист был у него «на крючке». С ним он мог поступить по — Пугачеву: хочу — казню, хочу — помилую. Вместе с тем распространившееся общественное мнение, как о невинно пострадавшем, хорошем специалисте и человеке, вполне устраивало самого Жарких. Мирное сосуществование с председателем не нарушалось и тогда, когда Яков Захарович стал парторгом колхоза.

В Рощинскую школу Жарких заходил только по великой нужде вроде выборов или родительских собраний. В отличие от Сомова, выступал редко и говорил кратко, не растекаясь «мыслью по древу», как его предшественник и без показной патетики. Еще со времен войны его беспокоил, застрявший в коленном суставе правой ноги осколок, потому он хромал и неизменным его спутником был костыль. Ребята так и прозвали его — «Костыль».

Глава одиннадцатая

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ

На первое общешкольное родительское собрание пришла едва ли не половина взрослого населения колхоза — отцы и матери, дедушки и бабушки, представители местной власти. Кое-кто заглянул на школьный огонек и просто из-за любопытства. Ибо их дети их уже успели выйти из стен школы или только подрастали. Это было вызвано интересом к личности нового директора. Каков он? — волновало многих — родители хотели знать: в чьи руки попали их дети.

Горичеву пришлось немало попотеть. Просторный 7-ой класс, где по обыкновению проводились все общешкольные мероприятия, не вместил всех собравшихся. Пришлось спешно переоборудовать под зал широкий коридор.

За столом президиума — секретарь Рощинского Совета, педагог по образованию, Елена Николаевна Свиридова, механизатор — орденоносец Яков Сергеевич Смолин, парторг Жарких и Горичев. Председательствовала Елена Николаевна. Она и предоставила, слово для доклада директору школы

Василий Павлович внимательно окинул взглядом притихший зал, набрал в легкие больше воздуха и начал свою речь.

— Еще недавно, — говорил он, — весь брак, допущенный в воспитании детей, ставили в вину только одному учителю. «Школа недосмотрела, школа упустила» — эти слова были привычными. Тревожила беспечность, вызываемая этой успокоительной формулой у некоторых родителей.

— Вот, — дает! — толкнул, локтем, сидевшего на скамье рядом пожилого соседа механизатор Федот Серов — муж старшей пионервожатой школы. Страдая пристрастием к «зеленому змию», он и на этот раз был при градусах. «Ну и режет!» — громко шептал на ухо он уже соседу — справа, — правду — матку, не взирая на лица!».

— Подожди, не мешай! — односельчанин одернул Федота, — дай послушать, Если тебе неинтересно — выйди.

— Что? Это ты выйди! — голос Федота привлек всеобщее внимание.

Председательствующая, Свиридова, постучала карандашом по графину. Он стоял, на покрытом красной скатертью, столе:

— Прошу соблюдать тишину!

Неожиданная пауза помогла Горичеву освободиться от напряжения и скованности, овладевавших им в начале ответственных выступлений, как это бывало во Дворце культуры, где он читал стихи собственного сочинения или на совещаниях директоров при отчетах о делах школы. Он даже был невольно благодарен скандальному Федоту за эту предоставленную возможность — овладеть собой.

— Дети — наше будущее, — твердым голосом продолжал Василий Павлович, — через десяток лет они встанут к штурвалам кораблей, к станкам, за пульт управления сложнейших машин. Мы должны знать, в какие руки передаем богатства, созданные трудом старших поколений. И не просто знать, а вместе, сообща воспитывать человека будущего, беречь и закалять его, внимательно следить за тем, чтобы у нас не было моральных калек — жертв неправильного воспитания и дурного примера.

При этих словах, сосед Федота слева, дернул его за рукав промасленного пиджака и шепнул на ухо: «Это о тебе!». Серов не остался в долгу: «Сам ты — калека! — и добавил, — нравственный».

— Если молодые посадки, — говорил Горичев, — в той или иной степени повреждены, то, сколько труда нужно, чтобы выходить их и выровнять. Да и не всегда это удается. Так и с людьми нового поколения. В подтверждение этой мысли, позвольте напомнить слова нашей учительницы Прасковьи Ивановны Ветровой, когда она, вызывая в школу нерадивых, простите за резкий эпитет, отцов, внушала им не проверять в нетрезвом состоянии своих 7-8 — летних детей. «Вы, не разобравшись, черкаете правильно выполненные упражнения, грубо ругаете детей за правильно выполненный урок, — справедливо возмущалась он, — вы этим самым принижаете достоинство ребенка, раните его сердце. Разбиваете у него веру в себя, в учителя. И, конечно, подрываете свой авторитет».

Зачем родителям авторитет? Объясню на примере. К нам в школу пришла женщина. Усталое, изборожденное морщинами лицо. Пришла узнать, как ведет себя ее сын. Услышав о том, что у Жени успеваемость хорошая, удивилась: «Ничего не понимаю. А дома меня совсем не слушает. Ну и дети пошли!». Эта беседа заставляет задуматься. В самом деле — почему?

Из середины зала раздались голоса:

— Это Женька-то, наверное, Марковны сын?

— Чей же еще?!

— Тогда ясно. Маму с базара на аркане не утянешь. Ей не до ребенка тут.

— Наказывать надо!

— Самого тебя, черта лысого, наказывать надо, — не сдержалась полная румяная женщина, мать Светланы Амосовой, — за своим соколом, лучше смотри. Всю осень, он с дружками — хулиганами, по чужим садам шастали.

— Ну, это детство.

— И «детство» нужно к строгости приучать, как в старину бывало. Да поздно, видать. Твоих пострелят, оголтелых, уже поперек лавки не положишь.

— За рукоприкладство — знаешь, что по закону бывает?

— Знаю. Дети должны слушаться родителей беспрекословно, без всяких — как там выразился директор — авторитетов.

Василий Павлович прервал, споривших селян, вопросом: «Так ли это?». И рассказал о случае, вызвавшем возмущение и негодование учителей.

— Опять Гуляев!

— У меня из-за него урок сорван.

— Пора положить конец его безобразиям!

Случай был действительно необычным: восьмиклассник Фрол Гуляев, зайдя к первоклассникам, учил их бранным словам. Ослушавшихся мальчишек, — награждал тумаками. Классный руководитель замечает, что Гуляев держит в страхе весь класс. Он может обругать, ударить товарища, пригрозить.

Не людей терпеливее педагогов. Знали они, в каких тяжелых условиях растет Фрол. Пытались помощь. Но мальчишка не понимал добрых слов. Настал предел и долготерпению педагогов — появилась характеристика на ученика 8-го класса Рощинской школы. Она предназначалась для детской комнаты

милиции. Правда, признаюсь вам, характеристика не пошла дальше моего стола: Фрол должен в стенах школы стать настоящим человеком.

— Правильное решение, — отозвался парторг Жарких.

— Кто виноват, что за подростком закрепилась репутация — неисправимого? — директор посмотрел в глубину зала, где сидела притихшая, уже немолодая женщина в сером поношенном платке, — колхозницу Гуляеву Антонину Афанасьевну нельзя обвинить в отсутствии материнской любви. Но проявляет она ее, прямо скажем, во вред своему сыну. Мать ни в чем не отказывала Фролу. Скоро усвоил мальчишка такую мораль: учеба не главное, а живет человек ради денег. Но много ли могла дать ему мать: Выручал брат — киномеханик. Появились сомнительные друзья, которые не расставались с колодой засаленных карт. Фрол, одалживал деньги, у детей, тайком, как выяснили мы с классным руководителем Столяровым, брал у родителей. А мать по-прежнему считала, что воспитывает сына правильно. Советы учителей и соседей не желала признавать. Но более всего повинен в плохом воспитании подростка, — Горичев отыскал глазами крепкую фигуру мужчины, сидевшего у самых дверей, — его отец Захар Филиппович Гуляев. Он — заведующий мастерской и, как мне стало известно, одновременно исполняет обязанности главного инженера колхоза. Работник — не рядовой. Но мне ли вам говорить, что Гуляев — старший не расстается с бутылкой спиртного.

— А кто сейчас не пьет? — вновь подал свой голос Федот Серов, — одна только сова. И то потому, что днем не видит, а ночью магазины закрыты.

В зале раздались смешки.

— Стыдно, товарищи, — поднялся из-за стола Яков Захарович, — над кем, как сказал когда-то гоголевский герой, смеетесь? Над собой смеетесь! Директор дело говорит. Мы еще у себя этот разговор кое с кем продолжим на партбюро, а сейчас послушаем докладчика. Продолжайте, Василий Павлович.

— Беда не только в том, что Гуляев — старший сам пьет. Вдвойне опаснее, что он и сыну в этой слабости не отказывал. Когда же спохватился, стало поздно. Сын вырос. «Розги» уже не помогали. И вот результат:

— Фрол! — чтобы мать пришла в школу!

— Ха! Подумаешь. Хоть бабушку вызывайте. Я вообще могу не ходить в школу. Мать его все-таки приходила.

— Я и сейчас скажу, — ответствовала со скамьи Антонина Афанасьевна, — отец — пьяница, разве сыну не у кого учиться.

— Хватить тебе, — огрызнулся Захар Филиппович, — хоть бы людей постеснялась.

— Это не мне, а тебе, красноносый черт, надо стыдиться

Когда перепалка супругов Гуляевых окончилась, Горичев продолжал:

— Вот и ругой пример. Совершенно противоположный. Семиклассница Валя Лунина не выучила урок. Плохо вела себя. И когда мы попросили ее родителей зайти к нам для беседы, она заплакала: «Не надо. Мама так расстроится, если узнает, что я безобразничаю. Я исправлюсь, честное слово». И слово свое сдержала. Две семьи, а, на сколько разные — пути, средства т методы воспитания в них детей.

Да и сам Лунев-отец, хоть и инвалид, а по — возможности колхозу помогает, — резонно заметила секретарь Совета Свиридова, — и в поле и в мастерской, хотя и ноги его не слушаются. Вот с кого надо брать пример, товарищи родители.

— Верно. Недаром у Лунева, как с фронта пришел — вся грудь в орденах, и ребята к нему, как мухи на мед, липнут. Умеет поговорить с детьми, на путь правильный поставить, — добавил парторг Жарких.

Василий Павлович от души радовался, что его доклад превратился в живую беседу о формах и методах воспитания. И его нисколько не огорчало, что он часто прерывался.

— Какие родители не желают, чтобы дети выросли послушными, вежливыми, честными? — рассуждал он, — но одно дело хотеть, а другое — мочь. Далеко не все родители знают, как добиться желаемого. Отсюда и ошибки. Одни хотят построить свой авторитет лишь на чувстве доброты и любви. В такой семье ребенку все позволено. Ни в чем нет отказа. Здесь не существуют слова «нет» и «нельзя». Но странное дело. Детям желают добра, а они вырастают эгоистами.

Поучителен случай с восьмиклассницей нашей школы, Любой Феклиной. Мама с малых лет пестовала дочку. Не обременяла заботами, по хозяйству. Одевала «по моде». Как она сама выражалась — даже в летние каникулы девочка меньше помо-

гала семье, а больше бродила по райцентру в поисках развлечений.

Любе сейчас 17-ть. Она же только — восьмиклассница. Девушка уже стыдится своего роста перед одноклассниками. И по существу забросила школу. Правда, мы с Аркадием Петровичем побывали в ее семье и вернули Любу за парту. Но надолго ли? В первой четверти из-за пропусков занятий Люба осталась не аттестованной. На работу в колхоз не идет. Все старания учителей и общественности вернуть ее на верный путь разбиваются, как волны о скалу, встречая безразличие к судьбе дочери со стороны родителей. Матери дочь грубит. Порою и вовсе уходит — в неизвестном направлении. Где, с кем бывает дочь? — это маму интересует мало. Вот и сейчас нет ее на родительском собрании. Между тем судьба у Любы может, сложится, весьма трагично. Ведь запущенное с детства воспитание рано или поздно оборачивается непоправимой бедой.

Свое выступление мне хочется закончить словами замечательного педагога Антона Семеновича Макаренко: «Ваше собственное поведение, — писал он, — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете или поучаете его, приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас (родителей) нет дома. Как вы одеваетесь. Как вы разговариваете с другими людьми и о других людях. Как вы радуетесь или печалитесь. Как вы обращаетесь с друзьями и врагами. Как вы смеетесь, читаете газету, — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшее изменение в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей. И воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут».

Отсюда ясно, что наши дети должны воспитываться в обстановке искренности и правдивости. В отношениях между родителями и детьми не должно быть места фальши и лицемерию. Надо всегда иметь в виду, что решающее значение в воспитании имеет пример родителей и вообще — старших.

Значительную часть доклада родители слушали молча и внимательно, а последние слова были прерваны аплодисментами.

Затем выступали учителя. Классные руководители охарактеризовали успехи и промахи каждого ученика, благо, их в школе не так уж и много, назвали четвертные оценки.

Когда же окончились все выступления, в том числе и некоторых родителей, Василий Павлович дал сигнал учительнице Добровой. Через пять минут, возникла импровизированная сцена и перед родителями предстали их дети. Один за другим сменялись номера: песни о Родине и частушки о ленивых учениках, веселые пляски и смешливые сценки из школьной жизни.

Взрослые восхищались:

— Смотри-смотри, мой-то Игнат, что — вытворяет?!

— Настя, доченька, не подкачай!

— Ну и голос у Люси — вторая Зыкина растет!

— Как Миша басню выразительно прочел — порадовался бы за него и сам Игорь Ильинский.

Когда ведущая концерта, старшая пионервожатая Серова объявила о его закрытии, многие родители продолжали сидеть. К директору подошла мать Степана Корнюхина, сказала:

— Василий Павлович! Когда же Злобина вы приструните?

— Не понимаю.

— Чту тут понимать. Моего Степку «конюшенным» прозвал. Что плохого в том, если мой сын коней любит? Да и сам хозяин мой вот уже почитай, десяток лет, как в конюхах числится. От отца и к сыну — страсть передалась.

— Верно. Это не то, что плохо, а даже очень — хорошо.

— И я говорю о том, но зачем же прозвища давать, насмехаться?

В разговор вмешалась, подошедшая сзади, мать Фрола Гуляева.

— Мой-то сын, — начала она, — вы тут правильно все говорили — действительно, — дебошир! Но зачем же кличку «пират» ему Злобин приклеил? Разве убил или ограбил он кого? А так Фрол уразумел, мол, коль он — пират, то и должен его поведению и соответствовать. Сами же воспитатели и толкают мальчишку на всякие нарушения. Разве, хорошо это?

— Совсем плохо, — подтвердил Горичев и предложил: «А вы непосредственно с Фролом Демьяновичем сами и поговорите! Он вам и ответ даст».

— Да мы с ним уж который год грыземся! Ему все, как с гуся вода. Чуть что — двойками изводит.

— Кто у него учится, тот, считай, ни на что не годный: ни в техникум, ни в училище — никуда не поступит. Вот мы и всегда стараемся, чтобы по русскому и литературе дети к Аксинье Марковне попали, а не к нему.

— Долго еще нам его терпеть?

— Это решает РОНО.

— А вы — то, на что?!

— Хорошо. Я побеседую со Злобиным, — успокоил родителей Горичев, — постараемся все уладить.

— Эх! Как бы не так! Он тут всех директоров извел, истолок.

— Ничего-ничего. Все образуется. У каждого есть свои недостатки.

— Но Злобин же — учитель?

— И учителя, прежде всего, — люди. И им, как всем, простым смертным, свойственно ошибаться.

— Вот ведь вы куда повернули?! — заулыбались женщины, — только защищать его не надо. Не стоит он того.

После собрания, когда все родители и гости разошлись, Василий Павлович еще раз просмотрел список нового родительского комитета. Председателем его вновь была избрана секретарь Рощинского Совета Елена Николаевна Свиридова. Горичеву нравилась эта — высокого роста, седоволосая женщина, с удивительно умными, проницательными глазами.

Глава двенадцатая

КОЛЛЕГА

Как-то, уже в канун нового 1969 года, под вечер, когда за окном трещал сердитый мороз, и неистово бесновалась метель — повитуха, — во двор и носа не хотелось показывать. Именно, в это время к приземистому, осевшему от времени и дряхлости, едва ли не по самую крышу утонувшему в огромном сугробе, домику Василия Павловича подъехали голубые »съездки» — так именуют в селах легкие конные санки.

Они были накрыты цветастым ковром. На нем, в огромном овечьем тулупе, восседал богатырского сложения мужчина лет пятидесяти. Крупные, правильные черты его лица напоминали Горичеву образ знаменитого крестьянского вождя, казака Емельяна Пугачева. Да и сам, его старший коллега, директор Калиновской средней школы Андреев Панкрат Федосеич, — а это он приехал навестить молодого товарища, — был родом с Дона, из настоящих казаков. Так что все основания считать Андреева потомком достославного «Пугача» были налицо: внушительный рост, горделивая осанка, непоколебимая уверенность в себе, в свои действия и поступки. Да и голос его — зычный, густой бас — внушал уважение и покорность.

Рощинская восьмилетка входила в зону Калиновской средней школы и ежегодно поставляла туда часть своих выпускников. Вот почему у Андреева всегда находился благовидный предлог посетить Рощино. И на этот раз, направляясь в райцентр на совещание, он решил завернуть на огонек к Горичеву, чтобы вместе продолжить путь. Но так как совещание было назначено лишь на следующий день, то Панкрат Федосеич нисколько не сомневался в том, что Василий Павлович и его молодая хозяйка вряд ли откажут ему в ночлеге. Уж очень хотелось вездесущему Андрееву познакомиться с рощинской директоршей, как уже величали в народе Нину.

— Тпру! — раздался за окном громкий голос Федосеича, так в кругу друзей обычно называли Андреева, — здесь стоять!

Крупный гнедой мерин, покорно повинуясь воле хозяина, не остановился, а будто осел в глубоком рыхлом снегу у высоких, застуженных тополей, образующих у двух учительских домов живую, непреодолимую ограду.

Из-под крыльца Ветровых выскочил, весь взъерошенный пес Шарик и недовольный тем, что его, в такую пургу и стынь, потревожили, глухо залаял. Ему вторил каштанового цвета Дружок, уже подросший за осень охотничий щенок-птицелов, принесенный Ниною в подарок супругу еще в сентябре.

Шарик— Шарик! — позвал Федосеич черного пса, — ты, что не узнал старого друга? А это — кто тут еще звук подает!?

Гулкий бас Андреева, лай собак, пофыркивание коня, жевавшего овес из, уже надетой на голову, торбы, — все это заглушалось свирепым воем декабрьской вьюги. Вот почему Горичев не смог встретить гостя на крыльце, а обнаружил присутствие Федосеича, лишь, когда он, широко улыбаясь, вместе с серыми клубами морозного воздуха не вошел — ввалился в комнату, заполнив собою весь дверной проем.

Здоровы были, дорогие хозяева! — пророкотал осипшим от ветра баском Андреев, — не откажите в приюте бедному путнику — буран в степи!

Это выражение из пушкинской повести «Капитанская дочка», сам неожиданный гость подзадорили Горичева. Он пошутил:

— Приветствуем вас, батюшка Пугачев, прости, некстати обмолвился, дорогой Панкрат Федосеич! — Василий крепко пожал мощную руку Андреева и помог ему раздеться, — Нина, знакомься — это мой старший коллега, из Калиновской обители.

— Очень приятно! — Нина подала гостю свою гибкую руку и, по обыкновению застеснявшись, покраснела.

-— О, да у тебя жена — красавица, Василий Павлович! — Андреев лукаво подмигнул Нине, — и скромница к тому же.

— На судьбу не жалуюсь. Цветок на Ивановском лугу сам для себя выбирал.

— Да не цветок, а чудесный бутон! Вижу, — продолжал гость рассматривать пополневшую талию хозяйки, — что скоро прибавление в семье ожидается.

— Надеемся, к весне.

— Кого ждете: сына или дочь?

— Нина — дочь, я — сына.

— Но, а если и то и другое?

— Будем рады.

— Это хорошо, когда дети есть, а вот нас с половиной, — Федосеич глубоко вздохнул, — господь обошел, как говорят, стороной. Уже скоро на пенсию начнем готовиться, а старость нашу утешить будет некому. Так — то несправедливо в жизни бывает. Кому густо — как вашему Мышкину, например: у первой жены двое, да у второй уже трое, а кому, вроде меня, — пусто, — ни одного. А я живу, не в зависть тому же Мышкину, справно. Все есть — полным хозяйством обзавелся. У тебя, я смотрю, щенок один, да и тот, что-то лает уж больно неохотно.

— Охотничий он.

— Да, ну?!

— Точно.

— Ну, и я догадался, когда уши его отвислые увидел. Сразу понял, что не дворняжка. Где ж ты его раздобыл?

— Нина позаботилась.

— Я же говорил, что молодец у тебя жена! — заключил Федосеич, — а насчет коровы, поросеночка что-нибудь думаете?

— Ни к чему, — ответил Горичев, — школой некогда будет заниматься.

— Ну, ты бы школой, а жена — хозяйством. Не то скучно будет ей, да и накладно — все с купли.

— Вот весною участок возьмем, так что будет, где скуку — то разогнать. Там еще малыш по рукам свяжет.

— Ну, это не беда. В случае чего — технички помогут.

— Да им бы с печами, дровами, полами да цветами — справиться. Много у них всяких забот.

— Не усложняй, Василий Павлович. Не так страшен черт, как его малюют. Если что, дай знать. Дрова перепилить, переколоть — своих работников, тебе на помощь пришлю.

— Спасибо. И у меня найдутся, при случае, помощники.

— Откуда они у тебя?

— Да, ребята, старшеклассники.

— Это ты оставь. С подростками — дело серьезное. Ногу поранят топором или пилою палец отрежут — греха не оберешься.

— Но дома-то, они все делают?

— То — дома, где, говорят, и солома — ядома. Но, если в школе, что случится, то родители не простят. Жалобами изведут. По судам, да райкомам затаскают.

— Риск — дело благородное! Вот мы уже сарай для дров соорудили — технички не нарадуются! И делали его сами ребята, Под руководством учителя труда, конечно.

— Со Столяровым?

— Да.

— Аркадий Петрович — находка для школы. Трудовой мужик! Руки у него — золотые.

— Это уж верно. Вот посмотрите, какой он подарок жене моей сотворил к новоселью, — Горичев показал рукою на свежевыкрашенный буфет, — не хуже фабричного.

— Хорош буфет! У меня учитель труда, к сожалению, без царя в голове, — грустно обронил Федосеич, — никакой творческой инициативы. От сих до сих объяснит, а пока ребята пилят, да клеят — сам десяток папирос выкурит. Без призвания человек, а Столяров — с огоньком! Как у него отношения со Злобиным?

— Сосуществуют.

— Но мирно ли?

— Не всегда.

— У меня таких особей, зловредных, как твой Злобин, — двое. Пишут и пишут на меня, — жалобы всякие. То им не нравится, что у меня корова да свинья с курами есть. То — будто технички у меня на личном огороде с утра до вечера надрываются. То — будто я деньги ребячьи себе присвоил. Им, видно, зуд в руках покоя не дает. Притихнут немного и опять за старое. Первое время переживал — выбивался из колеи. Сейчас обвык, притерпелся. Собака лает — караван идет. Да и усвоил истину: как не будь хорош, а для всего мира пирога не испечешь. Всегда недовольные крикуны найдутся, и завистников — пруд пруди.

Посуди сам. Нас — двое. Жена — учительница с 20-летним стажем. Сам — директор. Детей нет, а значит и больших расходов, не имеем. Получаем прилично — многим с нами не сравниться. Отсюда и — черная зависть. На Руси так исстари повелось: не прощают люди тем, кто лучше их живет.

— Диалектика!

Андреев засмеялся:

— Верно, — диалектика. Так и наш шеф с тобою — зав РОНО Круглов любит выражаться. Правда Иван Трофимович поет с чужого голоса — все больше Климу Ферапонтовичу поддакивает. Самому же Гордову, если по совести, не секретарем райкома, а на лучший конец, где-нибудь в заготконторе работать. Скандалы любит. Наша же интеллигенция, естественно, к его грубостям и дерзостям, привыкнуть не может. Восстает. Помнишь, как он на тебя, еще в августе накричал: «Рощинская школа чертополохом заросла!».

— Нет. Он более определенно выразился, — поправил старшего друга Горичев, — я всего пять дней в селе, хозяйство еще толком не осмотрел, а он с трибуны бросает упрек: «Рощинский директор школу бурьяном зарастил!». Вроде бы и правильно заметил, а обидно, что публично и без учета обстоятельств. Как петух прокукарекал, а там хоть и не расцветай. Прошумел, как ветер в пустую трубу.

— Ну, это только цветочки, ягодки — впереди. От него не один десяток учителей плачут. Многие с работы уволились. О директорах я уже не говорю. Их доля такая — терпеть! Правду, неправду мелет с трибуны — соглашайся, не то из района — вон! Для него все учителя — лентяи и бездельники: на фермы не ходят, бесед не проводят. Это по его мнению. Ты, уже на своем опыте знаешь, что значит, учительский труд Прямо скажем — не рай! Уроки, конспекты, ученики и родители, дом и колхоз — только успевай. Половина беды, если учитель рядом со школой живет. Но, а коли он за пять — десять верст в какой-нибудь деревушке обитает? Пропащее дело. У меня таких «несчастных» — десяток наберется. В школу и обратно — все затемно. Я уже о различных после урочных и вечерних мероприятиях не говорю — тогда им в школе ночевать приходится. Особенно — зимой, Гордову же все кажется, что легок учительский хлеб. Вот тебе и — диалектика: не зная броду — лезет в воду. Тебя Гордов в школу, направил?

— Он! Кому еще?

— Интересно: какую картину он тебе рисовал?

— Я вначале отказывался идти в директора. Ссылался на отсутствие хозяйственного опыта. Он желчно усмехнулся и изрек: «Тебе, — говорил он, — там и ничего делать не придется.

Технички сами и дров наколют и печки протопят, и полы помоют».

— Узнаю Гордова — шутник! По его словам, кому как не сельским директорам «живется весело, вольготно на Руси!». Но и на старуху бывает проруха.

— Вы о чем?

— О том, что и его долгий праздник обернется — великим постом.

— Как?

— Слышал я, что и нашего унтера Пришибеева, не сладкая участь ждет.

— Не может быть?

— Точно, в райцентре ему уже и восьмилетку определили.

— Но он секретарь райкома партии?

— Освободят.

— За что такая немилость?

— Понятно — за пьянку. Если говорить откровенно, то ему лечиться от алкоголя надо. Первому, как бают в райкоме, уже надоело с ним возиться, Так вот он, в кулуарах, где-то и обронил, что быть Гордову директором школы.

— Вот так новость!

— Пути господни неисповедимы, — философски заключил Федосеич.

Пока же коллеги вели между собою доверительную беседу, Нина в это время хлопотала на кухне. Ужин был скромным: хлеб, борщ, яичница да сало.

— Сало— то у вас, откуда? — спросил гость, — никак у Наума выписали?

— Нет. Это от мамы.

— Понимаю. А какие у вас отношения с председателем? Ладите?

— Пока — да.

— Ну, он ничего, хозяйственный мужик. Скуп и прижимист, — правда.

— Как Хорь.

— Кто? — не понял сразу Андреев.

— Тургеневский Хорь.

— Это точно — не в бровь, а в глаз, — согласился с таким определением председателя гость, — Хитров — мужик мудрый, хотя скрытный и нелюдимый. Помогает?

— Да. Мама ему, благодарность за клевер для ее коровы, что он выписал, выразила, — вступила в разговор Нина, — а больше мы ничего в колхозе не берем. Молоко нам в деревне продают. Хлеб из магазина. Яйца у мамы берем.

— Понятно. Скромничаете, стесняетесь просить.

— Колхоз — бедный. Действительно, неудобно со своей нуждой беспокоить

— Да уж не обеднял бы на одного барана к директорскому столу. У меня с этой проблемой четко отлажено. Наш Калиновский председатель мне ни в чем не отказывает.

— Баран! Что, баран? — заметил Горичев, — и без него можно обойтись, а вот, к школьному буфету не на чем продукты подвезти — это беда.

— Что! Лошадей нет?

— Лошади, правда, худющие, а есть, но ход — один на всю бригаду. Исправного хомута — днем с огнем не сыщешь.

— То-то, я смотрю, ты, Павлович, на совещания в РОНО, словно ковбой, верхом ездишь. Когда я увидел тебя в седле, то позавидовал: вот ведь самый молодой наш коллега, а наездник — лихой! Смелый! Что значит крестьянской жилки человек! Теперь, понимаю, что не от хорошей жизни ты по 15-ть верст отмахиваешь, на кляче. И не от избытка молодого задора, а от нужды.

— Верно — куда деваться? Осень. Грязь. Машины в город не ходят, пешком — далеко. И дождь к тому же.

Вот тебе, коллега, мой совет, — Федосеич откинулся на стуле так, что он не выдержав нагрузки, протяжно заскрипел, — первое: купи сбрую. Да — на школьные деньги, чтобы никто не попрекал. Второе: попроси Столярова, пусть соорудит тебе легкие конные санки, вроде, моих гонок. Третье: потребуй от председателя закрепить за тобою лошадь и телегу.

— Спасибо за идею. Есть резон — поговорить в сельсовете.

— С кем?

— С председателем.

— Не трать время. Лучше договорись с секретарем Свиридовой. В ее руках все школьные статьи прихода и расхода. С ней

и решай! И еще. Оформи пока, на время, жену на должность делопроизводителя. Там у тебя полставки?

— Нет — четверть. Всего 15 рублей.

— Не густо. Но и пятнадцать рублей не помешают. Все равно ты сам всю бухгалтерию ведешь. Причем — бесплатно, как я выяснил.

— Где?

— В сельсовете. У меня же там все давнишние знакомые. О тебе у нас был крупный разговор. Не волнуйся! Мнения о тебе они хорошего. Застенчивость же твою объясняют неопытностью. Просили подсказать.

— Спасибо, Федосеич! — вновь поблагодарил Василий Павлович своего наставника, — а сейчас.

— Что сейчас?

— Давай — те, выпьем! — Горичев кивнул в сторону поллитровки, только что принесенной из коридора Ниной, — правда, холодновата. Не заболеть бы вам.

— Никакая лихоманка меня, старого казака, не возьмет, — успокоил хозяина гость, — на фронте бывало всякое. И на морозе пили. И в снегу мерзли, и — ничего.

— Тогда начнем, — Василий снял металлическую пробку, разлил водку по стаканам.

Нина налила в свой стакан компоту. Произнесли здравицу. Выпили. Закусили огурцом и салом. Послей второй пошли в ход — и борщ, и яичница.

— Как тепло стало! — приложил ладонь к широкой груди своей Андреев, — много пить вредно, а в меру, по — Неру — на пользу: вены расширяет. Коньячок, особенно.

— Извините, но коньяка у меня нет

— Да я — к слову. Водка — истинно русский напиток.

После ужина и гость и хозяин вновь сидели за чистым столом, прибранным заботливой Ниной, и продолжили мирно беседовать. Мощный бас Федосеича заглушал тенор Горичева.

— Знаешь, а ты мне нравишься, — Андреев извинительно улыбнулся, — нет-нет, не во хмелю говорю — по существу. Есть в тебе стержень! За дело горячо берешься! Полгода не прошло, а у тебя уже сдвиги есть, И не только по школьным делам я сужу — по твоим выступлениям в печати. Сейчас все мои учителя тво-

ими стихами да статьями зачитываются. В молодости и сам этим баловался и в печатном слове кое-что смыслю.

У меня идея такая вертится — почему бы тебе не стать нашим — вторым Сухомлинским?! Ты его, конечно, читал — большая умница! Я некоторые его резоны на ниву своей педагогики перенес. Но тут дело индивидуальное. Как говорят, что дано Ивану — не дано Петру. Вернее, что дано Горичеву, не дано Андрееву! Не все у меня ладится, А ты бы, уверен, смог! Ты и моложе и тоньше чувствуешь, чем я. К тому же на тебя не давит старый опыт, отжившая свой век методология.

— Сухомлинским стать нельзя! — убежденно заметил Горичев.

— Почему?

— Потому, что он один, Сухомлинский-то. Один! Повторить его, как всякую яркую личность, невозможно. Скопировать его приемы и методы, пожалуй, можно. Учиться у него, директора Павлышской школы, надо. Но стать им, пусть и вторым, третьим — это простите, как вы сами выразились, — дело индивидуальное.

— Может ты и прав. Но помнишь его слова, что надо чувствовать движения детского сердца. Я, как и Сухомлинский, стремлюсь убедить своих учителей в том, что если ты видишь ученика только из-за своего стола в классе, если он идет к тебе только по вызову, если весь разговор с тобою — только ответы на твои вопросы, никакие знания психологии тебе не помогут.

Надо встречаться с ребенком, как с другом, единомышленником. Пережить вместе с ним радость победы и горечь утраты. Многие ли учителя встречаются с учениками, как с друзьями? Злобин ваш, например, он и с учителями-то свысока, сквозь зубы говорит, а с учениками беседует только, менторски: назидательно, да поучительно. Столяров же ваш, я отлично знаю, держится с ребятами по — товарищески, доверительно. Оттого его дети и любят. Я хорошо помню Фрола Демьяновича в роли директора школы: сплошные команды, приказы, наставления, окрики. Сам он, работая в колхозе, — хотя одну свеклу выдернул или картошку подобрал? Нет. Ты же с ребятами уже сарай соорудил! И не зря в сельсовете говорят, что половину работы вы со Столяровым сами сделали: воспитывали ребят, так сказать, на личном

примере. Вот и Сухомлинский не зря утверждает, что быть хорошим учителем можно, только будучи хорошим воспитателем. Без участия в воспитательной работе вся педагогическая культура, все знания учителя являются мертвым багажом. Я и говорю, чтобы ты был нашим вторым Сухомлинским потому, что ты, по существу, уже стал на его путь.

— За доверие — благодарю, но мы все — немного Сухомлинские.

— Ты хочешь сказать, что все — хорошие учителя?

— И те, кто стремится таковыми стать.

— С этим я, конечно, согласен.

— Федосеич! А как ваши учителя отнеслись к идее среднего всеобуча? — полюбопытствовал Горичев, — материалы учительского съезда вы наверняка с ними прорабатывали.

— Как же — это наше святое дело. Только прямо скажу, что рано мы со средним всеобучем затеваем. В городе еще, куда ни шло, а на селе рановато. Вот пример. Кто у нас остаются работать в колхозе? В основном те, кто бросил школу. Потянуло их к машинам, на ферму раньше времени. Стали работать механизаторами и уже до армии, наверняка, никуда из села не уйдут. Они свое дело нашли. И довольны.

Но те, кто окончил десятилетку, считают зазорным оставаться в колхозе. Для чего тогда было учиться? — вот как они ставят вопрос. Будут бездельничать, на отцовских хлебах сидеть, а в колхоз не пойдут. И еще одна немаловажная загвоздка — слабая материальная база. Труд на той же ферме все еще преимущественно ручной, вилами да лопатой. Недостаток и в машинах и в энерговооруженности. В общем, для решения задач по полной механизации и автоматизации в сельхозпроизводстве и в целях закрепления кадров на селе — с Всеобучем следовало бы повременить.

— Но есть постановление ЦК партии по этому вопросу?

— К сожалению, не все постановления выполняются. Но ведь и политбюро не исходило из расчета на наши слабо мощные хозяйства беднейшей зоны Нечерноземья, а делало упор на современные колхозы и совхозы, где комплексы развиты во всем: в полеводстве, в животноводстве, в лесоводстве и рыбоводстве. Помяни мое слово, что партия, в недалеком будущем обратит

внимание на нашу Нечерноземную зону. И дело поправит. Тогда и Всеобуч будет к месту.

— А что говорят ваши учителя по поводу введения новых программ? — Горичеву не терпелось узнать: в чем едины и в чем различны мнения Рощинских и Калиновских педагогов по этому вопросу.

— Трудное это дело, но нужное. Действительно, работать по старинке нельзя, — спокойно выражал свое мнение директор Андреев, — время ликбезов прошло. Теперь наши дети еще до школы знают многое такого, чего мы и в школе не знали. Тут тебе все средства информации к их услугам — и телевизоры, и радио, и книжки научные и с веселыми картинками. А сама действительность? Раньше люди трактора, как черт ладана, боялись, стороной обегали. Сейчас детишки с малых лет не то что к трактору, а и к комбайну, к автомобилю приучены. Тут важна их форма общения с, взрослыми «машинными» людьми. От отцов знания передаются детям. Чему мог научить ребенка крестьянин тридцать лет назад, когда сам едва мог расписаться? Сейчас их родители — грамотные люди, и детей своих многому могут научить. Отсюда несколько и угасает авторитет учителя, который совсем недавно был единственным светочем в селе. Но и польза от всеобщей грамотности большая. Какой вывод: дети стали более подготовленные к школе — этому способствуют и специальные занятия с шестилетками. Если, как отмечалось на съезде учителей, учесть новый уровень развития науки и техники, то без эволюции программ не обойтись. Не станешь же теперь доказывать ученику, что атом неделим, когда они уже знают, что такое — атомная и водородная бомбы. Тут еще новые открытия в биологии, химии, астрономии, медицины. Ведь выход человека в космос — это дело уже вчерашнего дня.

Мнения же учителей, наверное, и ваших, как наших — различны. Педагогам со старым багажом трудно, конечно, переучиваться. Но жизнь ест жизнь. Материя в диалектическом развитии. Остановить жизнь невозможно, как и запретить ученым, совершать новые открытия. Хочешь, не хочешь, а надо поспевать за временем. Другое дело, если программы будут перенасыщены ненужными подробностями? А на что тогда мы, учителя? Мы и должны на практике обучения убедиться в жизнестойкос-

ти новых учебников и программ. Здесь для мыслящих учителей открывается необъятное поле деятельности — твори, выдумывай, пробуй! Еще лучше — экспериментируй! Помнишь, как Лев Толстой метко сказал: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться. А спокойствие — душевная подлость».

— Кто же вам позволит ошибаться?

— Жизнь, кто же еще...

— Но ошибки в педагогике могут дорого обойтись?

— Верно. На то и существует педсовет. Этот коллективный разум педагогов и должен предотвращать ошибки. Один ум — хорошо, два — лучше, а ум тысяч учителей? Уж он то, чего-нибудь да стоит! Ученые теоретизируют, а практическое решение вопросов оставляют нам, простым смертным. И мы еще должны найти ключ — обучать по новым программам. Ведь, как в песне поется — «на свете ничего невозможного нет».

— Панкрат Федосеич! Как у вас с техническими средствами обучения?

— Не лучше, чем у вас. Учителя, по — обыкновению, оборудовали свои специфические уголки. Точнее, предметные указатели: где, что, когда? Разговор сейчас идет о внедрении кабинетной системы, но — далеко кулику до Петрова дня! Я часто бываю в школах Орла и не нахожу в большинстве из них настоящих кабинетов. Правда, встречаются кое-где — лингафонные, химические, физические, но их капля в море. Ведь создать их не просто — это материальный вопрос, а не дело кустарей — энтузиастов. Вот у нас в первой школе райцентра громогласно объявили, что у них создано три кабинета. А что в них? В химическом кабинете — лишь прикрепленные, к полу столы, да пробирки. В физическом — несколько приборов в шкафах. В литературном зале — диаграммы да плакаты, портреты да учебники. Это замазывание глаз. Но кому мы втираем очки? Ответ ясен — самим себе. Хотя я уверен, что это не очередная компания, не игра, а насущное веление времени.

— Что вы скажите об объявленной двухлетке: «Комсомол — сельской школе»?

— Читал я об этом в «Комсомольской правде», но большого энтузиазма не испытываю. Что могут сделать комсомольцы, если

руководители предприятий в этом не заинтересованы — блеф один. Мне по душе, — другая идея. Что я имею в виду? Практическое оказание помощи со стороны колхозов и совхозов. Как на Украине. Там один из председателей, некий Сиромаха выделил на строительство школы и детсада пятьсот тысяч рублей.

— Пристройку и у нас соорудили.

— Именно, соорудили, — тяжело вздохнул Андреев, — а чего это стоило? Жизни директора, твоего предшественника Ветрова.

— Мне Прасковья Ивановна кое-что об этом рассказывала.

— Вот и хорошо, что сам знаешь. Повторяться не буду. А ведь тот — же Сиромаха полмиллиона не пожалел. Оборудовал в школе массу настоящих кабинетов, учебные мастерские, библиотеку. Организовал бесплатное питание ребят. Обеспечил их путевками в лагеря, здравницы. Вот это — размах! Не полумеры, не натяжки, а сама реальность. Естественно, что проблема профессиональной ориентации там решена. Как говорят, от добра, добра не ищут. Да и кому захочется отправляться за Жар-птицей в тридевятое царство, когда в родном колхозе они, выпускники школы, обретают настоящее счастье. Наши дети любят труд. И это нормально. У нас постоянно работают ученические производственные бригады. Но может ли опытническая работа способствовать воспитанию любви к сельским профессиям, если участки школьников выделяются самые худшие, и — никакой техники? Нет и нет. Наши председатели, в том числе и ваш Наум Наумович, действуют по принципу: абы отвязались.

— Это верно, — подтвердил мысль старшего друга Горичев, — нашей школе, как я узнал от биолога, действительно дали 10 гектаров старого запущенного сада, где и сейчас колхозники пасут скот. Но что можно сделать с таким садом без техники? Окопать и то трудов стоит не малых.

— Ну, вот ты и сам согласился с тем, что проблем у нас — через край. И нам, директорам, есть «разгуляться, где на воле». Есть за что и с кем бороться! Тут на память вновь приходят крылатые слова классика: «Не говори воспитываемому и в особенности не выдавай за священную, непререкаемую истину того, во что ты или совсем не веришь, или в чем, хотя сомневаешься. Поступить так — великое преступление». Как всегда — мудр Лев Толстой! Таков мой ответ на твой вопрос: верю ли я в силу комсо-

мола? Верю в одно, что все средства хороши для достижения цели, в данном случае, подъема уровня обучения и воспитания учащихся сельских школ. В том числе и помощь комсомола будет нелишней. Но это — при условии, если колхозы по — настоящему повернуться лицом к школе. Да, коль начистоту, то без Наума Наумовича тебе дело не поднять, какими бы ты благородными помыслами не руководствовался. Согласен или еще сомневаешься?

— В принципе — да, я согласен.

— Вот и хорошо.

Было далеко за полночь. Нина давно уже спала, а коллеги все еще продолжали свой профессиональный разговор.

— Федосич! Не пора ли вздремнуть? — преложил гостю Василий.

— Ого, как заболтались, — Андреев взглянул на часы, — уже петухи, наверно, не раз прокричали? Как там моя Сивка — Бурка? Озябла, поди!

— Ничего. Нина отвела коня в сарай, благо, он пустой.

— Когда же она успела?

— Да пока мы с вами байками занимались.

— Ай да молодец женщина! Ай да хозяйка!

— Федосеич! Вы мышей — не боитесь?

— А что?

— У нас, их полно.

— Вот как!

— И крысы есть

— Потравить их к чертям!

— Травили, а что толку — их тут целый легион!

— Кошку вам надо.

— Была.

— И что же?

— Сдохла. Мышку съела, а он оказался отравленным.

— Вам сибирского кота нужно, он бы всех крыс передавил.

— Да, Нина принесла котеночка, — вон он пушистенький — у печи мурлычет

— Ну, это не сибирский кот! Но, видать, тоже — породистый экземпляр.

— Не важно, что крысу не поймает. Важнее, чтобы — дух был.

— У тебя, Василий Павлович, впрямь в доме — и русский дух и Русью пахнет! И жена твоя, молодка, молодцу — находка! — весело продекламировал Андреев.

— Благодарю на добром слове.

— Это тебе и Нине мое спасибо за приют. Буран — то видать стихать начал. Ветер не так жутко стал в трубе выть. Приказ поступил, значить будем спать.

— Спокойной ночи!

Калиновский гость лег, на подготовленный для него диван, а Василий, осторожно, чтобы не потревожить жену, устроился сбоку, на кровати. Уснули друзья сразу. И совсем не слышали: ни крысиного зубовного скрежета, ни мышиного писка, ни сладкого мурлыканья котенка.

На утро метель улеглась. Наскоро позавтракав, что приготовила Нина, оба директора, поблагодарив хозяйку, занялись подготовкой к отъезду. Через полчаса голубые санки — съезди уже, катили, по перенесенной снегом, едва видимой дороге по направлению к райцентру.

Глава тринадцатая

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ

Вот и ушел в Лету 1968 — ой год — особенно памятный для Василия Павловича Горичева. Женитьба. Дипломы. Школа. Это наиболее солнечные рубежи. Возвращение в отчий край, где «дым отечества нам — сладок и приятен». Встреча с мамой, объятия друзей, знакомство с новыми товарищами, коллегами и новыми заботами на ответственном, трудном и почетном посту директора сельской школы.

Школа. Она живет по особому календарю. Если в январе каждого нового года заводы и фабрики, колхозы и совхозы подводят итоги содеянного за год, то школа — за полугодие.

Первое полугодие. Каким оно было для коллектива учителей и учащихся Рощинской восьмилетки? Если, в общем, то школьный корабль шел правильным курсом. Это не означает, что путь его был прямым. Да этого невозможно достичь и ни одному океанскому лайнеру. Ни программы, ни учебники, ни многочисленные учебные и воспитательные планы не обеспечат прямого и верного курса, если стоящий у штурвала школьного корабля — директор окажется плохим лоцманом. Незадачливый же лоцман и в штиль может посадить корабль на мель — без надлежащей ориентации среди подводных скал и рифов, учета попутных ветров и течений.

Искусный лоцман — это не просто отличный практик, но — теоретик и психолог. Нет, Горичев не был опытным судоводителем. Не был он и тонким педагогом — психологом. Будь он таковым, то не стал бы рубить сплеча. Хотя, если рассматривать вопрос теоретически, то директор был прав, объявляя «выговор» классному руководителю 6-го класса Нелиной Маргарите Карповне. Вот выписка из приказа № 109: «В ходе проверки учебно-воспитательной работы выяснилось, что в шестом классе по геометрии на 20 декабря — семь учащихся не имеют оценок. Трое — по одной неудовлетворительной, а их последующие знания не проверялись в течение пяти-шести уроков подряд. Подобное

положение в этом классе у трех учащихся и по арифметике. Из двух контрольных работ не проведено — ни одной. Из 19 обучающихся не успевают тринадцать. Контроль, над надлежащим ведением дневников учащимися, неудовлетворительный. Дневник ученицы Веры Смирновой, например, не подписывался ни классным руководителем, ни родителями в течение всего полугодия. Подобное отношение к преподаванию и воспитанию в шестом классе может привести к случаям второгодничества».

И далее директор, обобщив факты, за нарушение правил методики, низкий уровень учебно-воспитательной работы объявил Нелиной выговор и потребовал от всех учителей пересмотреть свое отношение к труду и подготовить конкретные предложения по его улучшению.

Педсовет состоялся в канун Нового года. Отчитывались классные руководители. По их докладам выяснилось, что не все так плохо. Не успевали 8 ребят. Оценку по поведению предлагалось снизить троим. Василий Павлович только пожимал плечами, когда Маргарита Карповна назвала в своем классе лишь двух неуспевающих. «Где же она набрала оценки? — недоумевал Горичев, — ведь нужно их минимум — три». Ларчик открывался просто: учителя привыкли выставлять оценки задним числом. За это их никто не ругал, и все шло гладко, как сыр по маслу, а тут молодой директор вдруг принципиальность проявил. Ни к чему она. Таково было мнение большинства педагогов, считающих коллегу Нелину «козлом отпущения» за их общие тяжкие грехи. На педсовете все говорили серьезно, официально. С выводами директора по большинству вопросов соглашались. Зато в кулуарах все обстояло иначе. Раскуривая очередную папироску марки «Север», Фрол Демьянович ехидно заметил:

— Василий Павлович»! Математик Нелина, вас, подсидит. Не простит «выговора». Она на язычок слаба.

Прасковья Ивановна была противоположного мнения:

— Маргарита Карповна человек — эмоциональный. Сильно за взыскание переживает. Но не такая она женщина, чтобы кому-то мстить. Да и все справедливо. Расслабились мы. Прокоп Савельевич больше стройкою занимался, хозяйством, чем учебным процессом. Вот и результат.

Осторожный председатель месткома Столяров доверительно сообщил:

— Провинившуюся, математичку Нелину, теперь Злобины в свой лагерь перетянут. Невыдержанная она, за Фролом вряд ли пойдет, а вот Ларисе Дмитриевне, с которою дружит, при случае, подпоет. Объяснительную записку, почему не представила? Ясно — Злобины научили.

«Вот оно что? — размышлял про себя Горичев, — не все это так просто, как кажется на первый взгляд. Смотри, лоцман, не разбейся о подводные рифы!».

Жизнь, однако, шла своим чередом. Директор вникал в текущие дела: как пропагандируют книгу учителя? Как восьмиклассники готовят традиционную встречу с выпускниками школы? Как проводятся состязания юных математиков, физиков, историков, химиков? Продуман ли план проведения зимних каникул?

Тут же полным ходом идет инвентаризация, значит, необходимо пересмотреть материальное обеспечение по всем учебным предметам. Вспомнил — что говорил ему Калиновский директор в отношении технических средств обучения. Загорелся идеей купить узкопленочный киноаппарат «Украина». Советовался по этому поводу в сельсовете — в деньгах не отказывают.

Остановил Горичев свой взгляд на школьном коридоре, частично уже оборудованный под зал стараниями юных историков — остался доволен. На своем месте висели и стенды, и плакаты — под общим заголовком: «Никто не забыт, ничто не забыто», с фотографиями воинов, отдавших свои жизни за освобождение родной земли.

Новогодний вечер прошел весело и непринужденно. Наум Наумович, как и в Октябрьский праздник, выделил заработанные учащимися деньги на приобретение новогодних подарков. Члены родительского и профсоюзного комитетов, аккуратно разложили все по кулькам, и раздали детям. Не обошли и дошколят. Есть такая традиция в селе: на Новогоднюю елку приводить и приносить с собою малышей, а самая привилегированная часть человечества, известно, всегда ждет подарки от Деда Мороза.

Участники художественной самодеятельности во всю проявили свои малые таланты. Нашлись и танцоры, и чтецы, и пев-

цы, и даже, баянисты. На »Тульских» и «Ливенских» гармони умели играть, едва ли не каждый третий мальчишка.

В плане зимних каникул Василий Павлович учитывал пожелания педагогов и предложения комитета комсомола во главе с Зоей Столяровой, Совета пионерской дружины, руководимой Валей Степановой и старшей вожатой Риммой Ивановной Сомовой.

Естественно, что предпочтение нужно было отдать свежему воздуху и спорту, Тут без участия совета физкультуры, возглавляемого учителем Глебом Максимовичем Свиридовым, никак не обойтись. Прогулки на лыжах в лес, катание с гор на коньках и салазках — это было организовано не как забава, а как очередной тренировочный этап в проведении зимней игры «Зарница». Четко поставленная цель дисциплинировала ребят, окружала их игры ореолом таинственности, состязательности. Вот как об этом напишут позже в местной районной газете «Светлый луч»:

«В эту зиму рощинские школьники решили провести третий этап игры «Зарница», основательно подготовившись к ней. Были сформированы два отряда из учащихся 5-8-х классов. Командовали ими Виктор Панов и Валерий Попов. Создали штаб. Назначали военных консультантов и посредников. Каждый отряд насчитывал по четыре отделения. Укомплектовали группы разведчиков, связистов, санитаров, редакторов «боевых листков». Юнармейцы принялись изготавливать макеты, оружие, снаряжение. Затем они прошли обучение военным специальностям. Например, с разведчиками проводила занятия преподаватель географии Злобина, с санитарами фельдшер Юрий Столяров, будущий преподаватель Орловского медицинского училища. За четыре дня до игры провели смотр боевой и строевой подготовки. В ходе его выяснилось, что многие юнармейцы проявили подлинную смекалку в изготовлении макетов и оружия. Всем командам была вручена памятка о правилах проведения военной игры «Штурм снежной крепости».

И вот наступил долгожданный день. На совещании у командира всей группы, директора школы Горичева, начальник штаба, участник Великой Отечественной войны, учитель школы Степан Афанасьевич Мышкин вручил командирам секретные пакеты с изложением сути боевого приказа.

Первый отряд Виктора Панова, вместе с военным консультантом, учителем Столяровым и посредниками, вышел на час раньше второго отряда в район, указанный на карте, чтобы успеть соорудить «снежную крепость» в две-три линии обороны. Ровно через час командир второго отряда Валерий Попов получил приказ, в котором ставилась задача: отыскать и захватить крепость обороняющихся.

Игра началась. Первый отряд избрал очень удобную позицию в лесу, хорошо укрепился. Второму отряду с большими трудностями пришлось атаковать своего противника. Наконец, после отчаянных вылазок, две линии обороны были взяты, несмотря на большие «потери» штурмующих. Но захватить саму крепость у «красных», «синим», не удалось.

По очкам победа была присуждена первому отряду. Несколько слов о недостатках игры, ибо устранение их в будущем поможет организовывать ее еще более ярко. Выявилась слабая подготовка командиров отделений, которые почти не проявили самостоятельности в ходе боевых действий: сказалось отсутствие репетиторов из среды военнослужащих. Не все «убитые» выключались из игры — никто не хотел умирать? Это создавало некоторую сумятицу, неразбериху. Если разведка и связисты неплохо справились со своими обязанностями, то санитары и повара остались преимущественно без работы: никто также не хотел, есть и считаться «раненым».

Однако, при всех недочетах, успех был налицо. Юнармейцы в проведении военно-патриотической игры «Зарница» проявили энтузиазм, волю, много смекалки и выдумки в подготовке и ходе самой игры».

После окончания игры учителя высоко оценили деятельность своего директора, который и был по существу главным организатором и вдохновителем ребячьих побед. Родители с изумлением рассматривали вооружение детей, охали:

— Ну, вояки! Ну, разбойники! Как бы чего не набедокурили?!... Но ребята, напротив, становились серьезнее и строже. А розовощекий малыш — третьеклассник Вова Ларин внушал своим дружкам: «У них все, как в настоящем бою было: и пулеметы, и автоматы, и ракеты. Жаль, что нас там не было, мы бы уж «синим» показали!».

— Факт! — охотно соглашались Вовины приятели, — нам бы такое оружие, а то рогатки уже надоели, да и директор за них ругает.

— А давайте мы у ребят автоматы попросим. Правда, мы слышали, что им автоматы будут на майский парад нужны. Вон Панов с Поповым свое оружие уже покрасили. Готовятся, значит.

— Да, ну и дела, — прогнусавил Вовка, — а ничего мы попросим Аркадия Петровича, он нас в мастерскую пустит. Там себе оружие и сделаем.

— А что, — можно, — согласились приятели.

Школьная мастерская Столярова была поистине предметом притяжения ребячьих интересов. Здесь они готовили модели судов и самолетов, вырезали и выжигали цветы и узоры, лепили из пластилина замысловатые фигуры, мастерили рамки для портретов, ремонтировали парты и стулья.

По просьбе Василия Павловича здесь же и были изготовлены, директорские съезди. Вообще на конные санки они были мало похожи, потому что сын конюха Степан Карнюхин, который и был главным исполнителем практических работ, тонких полозьев на базе колхоза раздобыть не смог. За то он вместе с приятелем Фролом Гуляевым притащили старые полозья от тяжелых саней. За их обработку и принялись ребята. Жора Быков оказался специалистом по прожиганию, а Фрол Гуляев, оказалось, умел обращаться с металлом. Полозья подрезали, подстругали, подогнули, скрепили болтами. Изготовили ребята и стойки, и подлокотники. Обили основание железным листом, покрасили. За оглоблями дело не стало — их в лесу найти было не сложно. Неделя возни в свободное каникулярное время — и директору был готов подарок: облегченные конные санки.

Помня совет Федосеича, Горичев в районном сельмаге купил новую сбрую. Дело оставалось за конем. Но тут и Степан Карнюхин оказался бессильным. «Не лошади, а горе одно», — грубо и печально сказал он, — жалеет Наум Наумович овсеца для них, а на сене, соломе — далеко не ускачешь».

И все-таки по острой нужде можно было и на худом коне проехать: и в район, и в «Сельмаг» — за продуктами для школьного буфета.

Побывал на зимних каникулах Василий Павлович в гостях у мамы. До Ключей добирался с оказией. Путь не ближний — тридцать верст. Но зато — как радовалась сыну мать! Обняла и расцеловала.

— Нина-то, как там? — был первым ее вопрос.

— В порядке, — улыбался Василий, — за нею местные доктора, как за больною царевной присматривают. Так что — не волнуйся!

— Дал бы Бог, чтобы все было хорошо, славно, — вздыхала мать, — а я уже для ребеночка-то одежду, справила. Приготовила.

— Спасибо! Да только Нина сама уже всего нашила.

— Что скроить, что сшить, она у тебя — мастерица, — похвалила невестку мама и наказала, — уж ты, сынок, береги ее. Следи, чтобы ничего тяжелого — не поднимала.

— Стараюсь. Я сам и дрова колю и за водой хожу.

— Колодец— то у вас, далеко?

— Метров за триста будет.

— Ох, боже мой! — всплеснула руками Тимофеевка, — поди, как у нас. Чего ты у школы колонку не сделаешь? И техничкам ведра тяжело таскать — такую даль!

— Верно — не легко. Только колонку сделать — проблема! Мы на возвышенности живем. Так, что тут артезианский колодец пробивать нужно. Лопатою не отделаешься.

-И то, правда. Не то время, чтобы лопатою ковыряться, — согласилась мать и посоветовала, — ты бы, сынок, с председателем поговорил, глядишь — помог бы машинами.

— При случае, поговорю, — согласился Горичев, — только у него своих забот — полон рот.

— Колхоз, что прорва, — подтвердила Тимофеевна, — как ни старайся, все равно всех дыр не залатаешь.

— С председателем-то, ладишь?

— Пока — да! — так же формально, как ранее Андрееву, ответил он матери.

— Ты, сынок, особо характер не показывай — уступай. За ним-то — сила. И райком и Исполком. Спохватившись, засуетилась, — прости, меня, старую, заболтались на улице. Пойдем в дом — молочка свежего, с дороги, попьешь. Скулы-то смотри, как обострились. Желудок не беспокоит?

— Ничего. Нормально, — успокоил мать Горичев и усмехнулся, вспомнив наказ ростовского друга-медика Кости Жижина: «Дурака с едой не валяй. Желудок твой — враг твой!». Вспомнил он, и как в студенческие годы валялся в больнице с отравлением, как лечили его Борисовы, заставляя принимать после алоэ со спиртом — мед с маслом.

Ростов — Ростов. По возвращении от мамы в Рощино прочитал он долгожданное письмо из этого славного южного города — колыбели его мятежной юности.

Бывшая староста курса исторического факультета, энергичная и волевая белокурая девушка Лиля Фокина, как всегда серьезно и обстоятельно излагала последние новости о друзьях — товарищах, по принципу: «Кто есть — кто?».

Здравствуй, Василий!

Извини, что задержалась, даже очень, с ответом. Надеюсь, простишь. Впредь постараюсь быть прилежной и исполнительной. Рада твоим успехам, хотя, судя по письму, сами вы не в восторге. Вася, ты не захотел увидеть в подчеркнутом слове значимость всего тобою осуществленного, для нас. Я отправила тебе фотографию нашей группы. Надеюсь, ты ее хорошо изучил.

Знаешь, что поведал Дима Ермолов, когда услышал о тебе? Он сказал, что Горичев пойдет далеко. Вот увидишь, — через год он будет заведующим РОНО. Предвижу твою скептическую усмешку, так как знаю — метишь повыше — в партийные секретари, например.

Теперь подойди к фотографии, которая красуется у тебя в рамке на стене и окинь всех взглядом, слева направо. Начинаю повествование, хотя знаю не обо всех:

«Попов — возглавляет лекторскую группу городского сада. Карпухина Людмила работает в нашей университетской библиотеке — довольна. Ткачева Тамара взяла вначале направление в Зимовниковский район. Хотела уже ехать, еле мы уговорили подождать еще три дня. Хорошо сделали, так как за это время с помощью Земцовой, ей представилась возможность работать недалеко от Батайска. Бывает в Ростове три дня в неделю. Вижу ее часто. Последнее время у нее что-то упало на-

строение — не ладится с работой. Она имеет 12 часов истории и шесть — ботаники. Говорит, — отработаю в школе учебный год и брошу, — стараемся поддержать ее морально.

Южный Виктор уехал к себе на Родину, кажется, Килия называется — то ли город, то ли райцентр. Возглавляет музей — директор. Его штат — он сам да уборщица. Лагутин просился к нему, хотя бы в сторожа. Южный, кроме того, имеет уроки в вечерней школе.

Томилина — там — же, в Батайске. В Доме пионеров ведет какой-то кружок. А вот у следующего товарища большие перемены. Во — первых, наш Георг Забазнов — женился. Мы очень весело погуляли у него на свадьбе. Во — вторых, отлично устроился с работой — замполитом профтехучилища. Это училище он когда-то окончил. Стаж его еще не велик — полтора месяца, но говорит, что приходится нелегко.

Земцова Надя частично ушла из школы. Трудится в Аксае ответственным секретарем по охране памятников и имеет два дня в школе.

Вашу улыбчивую физиономию я пропускаю. О своих успехах и неудачах, если пожелаете, расскажете мне в письме.

Фокина — это я, автор не очень гладкого повествования. Предложение работать воспитателем в профтехучилище отклонила. Тружусь сейчас в техническом архиве одного проектного института. Немного занимаюсь научной организацией труда, Здесь же и Черникова.

Шакуров остался там же, на фабрике, в должности инженера — экономиста. Балахонов Саша сотрудничает в редакции нашей университетской газеты «За науку» Чтобы не повторяться — там же трудится и Лагутин Виктор — ребятам повезло. Но до этого им, знаешь, сколько пришлось всюду побегать. Виктор говорил, что придется, наверное, коптить на заводе, а Саша хотел устраиваться на какую-то базу. Но, как говорится, все то хорошо, что хорошо кончается. Оклад у них по сто рублей.

Дима Ермолов частенько забегает ко мне. Недавно уволился с завода. Обещали устроить в школу — не получилось. Работает воспитателем в профтехучилище. Оклад 90 рублей. Не очень ему нравится. Первое, занят с девяти утра до одиннадцати вечера, выходной — вторник. Второе, — обучаются та-

кие ребята, у которых самый высокий балл по поведению — четверка. Он говорит, что если останется живым до лета, то это хорошо. И все же пытается найти с подростками общий язык.

Ваня Низейко пока на заводе. О Лидии Плескачевой ничего не знаю. Твой друг Николай Бовдурец так же на заводе. Жора говорил, что он теперь в профкоме и ему там не плохо.

Роза по-прежнему, рабочая завода. Приходила ко мне несколько раз. Просила устроить ее в нашем институте. Пока ничем не можем помочь. Супруги Ануфриевы работают тоже.

Иосипчук превосходно устроился — инструктором обкома комсомола. Говорит, что нелегко ему досталась эта должность. Но, как видишь, все-таки, досталась.

Безверхая — в профтехучилище, где мне предлагали воспитателем. Ведет четыре часа в неделю политэкономию и исполняет должность библиотекаря. Всего — сто рублей, считаю — неплохо. Сиротин — без изменений.

Ну вот, Василий — обо всех понемногу. Привет тебе от наших ребят, которых встречаю. Пиши о себе. Счастья тебе в Новом году!

Лиля Фокина.

Василий внимательно еще раз перечитал письмо и задумчиво произнес, видимо, имея в виду, своих прежних товарищей:

Мы — Колумбы, мы — Коперники,
Мы — студенты, мы — вечерники.

Не многим из них довелось найти занятия по специальности, Но отдельные устроились не плохо. Мало кто стал Колумбом — первооткрывателем фантастического острова их мечты, именуемого, — школой. Невольно воскликнешь: «Мечты, мечты! Где ваша сладость?!». Для большинства его товарищей мечта не стала явью. Однако мало кто из них попытался устроиться на периферии, как он. Все больше в Ростове, или на худой конец — окрест его. И еще удивило Василия, как это Лагутину и Балахонову, историкам, удалось стать газетчиками? Ведь, не один из них, журналистского образования не имел. (Горичев, единственный студент, из всей группы Фокиной, параллельно с историческим

факультетом, окончил, причем, с отличием, газетное отделение РГУ). Притом они за все шесть лет совместной учебы не опубликовали в печати ни одной заметки. Странно! Видимо, он об их способностях и увлечениях ничего не знал. Тут налицо, как метко замечал коллега Андреев: «Поистине, пути господни неисповедимы!».

И еще подумал: «Мечтаю ли я стать заведующим РОНО?». И сам себе ответил: нет и нет. Его товарищи просто, ошибаются. И в мыслях такого полета мысли, не было, тем более еще и — выше. Не ведают они, что с высоты — падать — больно!

Выходит, и его друзья — однокурсники не знают? Даже, вездесущая Лиля Фокина! Не знают, что главная его мечта — это написать книгу, а может, и не одну. О чем? Ясно, как белый день. В первую очередь — о своей малой родине, о земляках, о чудесной женщине на свете — милой маме, отце. Если повезет, то и о его работе директором в этой глубинной сельской школе. Здесь, подчас, нелегко и непросто. И больше будней, чем праздников, но всегда — интересно.

ДОЧЬ

Начало третьей четверти в Рощинской восьмилетке было ознаменовано невероятно — радостным для ребят событием. Первым о приятной новости узнал неугомонный Степка Карнюхин. Столкнувшись в коридоре с Фролом Гуляевым, настырно сновавшим из класса в класс, он остановил приятеля и спросил:

— Ты слышал?

— Чего? — не понял Фрол.

— Киноаппарат привезли.

— Куда привезли?

— Ну, бестолковый! В школу — тебе говорят. Узкопленочный. Марки — «Украина», и фильмы к нему. Исторические и всякие другие.

— Как называются?

— Не знаю. Пошел бы, да сам спросил.

— У кого?

— У директора! У кого еще? Это он привез и сам аппарат и, как он выражается, кинофрагменты.

— Здорово! А, что это такое?

— Да неполные части фильма так называются. Тупой ты, как — балда!

— Сам ты три дня не умывался, — отпарировал обидевшийся на друга за неуместное, на его взгляд, оскорбление Фрол, — откуда я должен знать, если у нас такого еще в школе никогда не было? Нигде, кроме Доловского клуба нам кино не крутили.

— Теперь ты сам будешь крутить.

— Ну да? Я же не умею.

— Научишься. Василий Павлович сказал, что всех мальчишек исторического кружка обращаться с киноаппаратом научит.

— Вот, здорово! Сам-то он, где научился?

— В школе.

— В какой?

— Он же говорил нам, что окончил Репнинскую среднюю школу, где и научился. Там у них специальный кружок киноме-

хаников был. Василий Павлович и учителя физики называл, который этот кружок вел. Фамилия у него какая-то интересная. Ага, вспомнил! — Петр Иванович Блинчиков.

— Почему не Петр Иванович Бобчинский или Петр Иванович Добчинский? — съязвил Фрол, — так смешней было б.

— Тебе только зубы скалить, — упрекнул Степан приятеля, — а я дело говорю. Сегодня занятия исторического кружка. Директор сам кино крутить будет. Так что приходи.

— Конечно, приду. Страсть хочется эти «фрагменты», как ты говоришь, посмотреть. Может действительно интересное что будет.

Весть о приобретении киноаппарата благодаря Степану Карнюхину, помогавшему Горичеву сгружать его из саней, в мгновение ока, разлетелось по школе. Василий Павлович не успевал отвечать на вопросы. И чтобы удовлетворить любопытных, после окончания уроков, он распорядился зашторить окна Ленинского зала и продемонстрировал ребятам едва ли не весь запас пленок. Особенно им понравился отрывок из художественного кинофильма «Капитанская дочка» — его прокрутили дважды.

Перед зрителями предстал — важный, осанистый, чернобородый казак Емельян Пугачев, выдававший себя за «чудесно спасшегося» императора Петра III, мужа Екатерины II. Пугачев, который по его словам «не мог вытерпеть притеснения народного, когда во всей России чернь бедная терпит великие обиды и разорения», рассылал выразительные указы. Диктор за кадром читает один из них: «Всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, награждаем — вольностью и свободою, и вечно казаками. Не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями лесными и сенокосными угодьями...».

— Во, — дает! — не утерпел, чтобы не выразить свое восхищение Пугачевым, неугомонный Фрол и попросил: Василий Павлович покажите еще раз капитана Белогорской крепости, когда он перед повешением, смело, заявил атаману: «Ты мне — не государь, а вор и самозванец!».

— Хорошо, — согласился Горичев. И прокрутил пленку, уже, в третий раз.

Вызвал полезное любопытство и фильм о природе субтропической Колхиды, о вулканах и гейзерах. В этот день школь-

ники впервые узнали, что такое «Ласточкино гнездо» и где оно находится. Кино пробудило интерес к учебе, чего, собственно, он, директор школы, и добивался.

Вернувшись, как всегда, поздно к себе домой, Василий застал у жены Настасью Федоровну Столярову, заведующую Доловским акушерским пунктом. Спокойная, рассудительная женщина с чутким и ясным взглядом серых глаз встретила Горичева приветливо и сразу же поставила в известность, что Нину Афанасьевну, его жену, следует направить в районный родильный дом.

— Да-да. Уже время! — убеждала супругов Наталья Федоровна, — скоро я буду иметь удовольствие поздравить вас с рождением ребенка.

— Надо так надо, — сразу согласился Горичев, — а ты, Нина, сама-то, как?

— Чувствую, что время.

— В таком случае сегодня и отправим.

— Я потому и пришла, Василий Павлович, — сказала Столярова, — что хочу взять ее с собой. Мне, кстати, дали машину из районной аптеки кое-какие лекарства привезти, — вот ею и воспользуемся.

— Значит, будем собираться. Я очень признателен Вам за заботу, Наталья Федоровна, — поблагодарил фельдшера Горичев.

— Заботиться о новом поколении, Василий Павлович, — ему в тон ответила Столярова, — это моя священная и профессиональная обязанность.

— Спасибо!

Через пять минут, Василий простился с женою. Вновь, он остался один, в пустом и неуютном доме. Было тоскливо, особенно по вечерам. И, чтобы забыться, Василий пододвигал к себе чистый лист бумаги, брал авторучку и начинал сочинять стихи. Созвучия и рифмы заполняли его целиком. Старый, испорченный мышами и крысами дом, наполнялся теплом и светом. Приходили на память исполненные откровением пушкинские строки: «Поэзия, как ангел — утешитель, меня спасла, и я воскрес душой!».

Не прошло и недели, как из сельсовета прибежал посыльный. В это время Горичев находился в школе. Сидел за столом своего служебного кабинета, просматривая тетради учащихся. В дверь постучали.

— Да, войдите!

В кабинет вошла молодая, с румянцем на тугих щеках, заведующая Доловским сельским клубом Клава Собина и прямо с порога, объявила:

— У Вас — дочь! Поздравляю, Василий Павлович!

— Благодарю. Но, когда это произошло? Я только вчера из города.

— Сегодня утром. Из-за ветра связь плохо работала. Поэтому, только что сейчас в сельсовет позвонили. Я там была. И вот к вам — с приятной новостью.

— Сегодня — третье февраля 1969 года. Запомним. Я — мигом!

Горичев не стал — ни просить машины, ни возиться с лошадью. На это ушло бы много времени. Наспех собравшись, он не пошел, а побежал, более того — полетел в город. Туда, где сейчас — он это ясно представлял, — среди белоснежных подушек и простыней возится розовый комочек, его — родная дочь.

Февральский день выдался не на шутку, морозным и ветреным. А тут разыгралась метель — метелица. За пять метров вокруг — не зги не видно. Как в песне о любви: «Вьюга смешала землю с небом!». Проваливаясь по колено в глубоком, рыхлом снегу, укрывая лицо от ветра коротким воротником старенького пальто, Василий, несмотря ни на что, чувствовал себя хорошо. «Без вина пьян!» — думал он о себе.

— Дочь, дочка! Какая она? Здорова ли? Ведь рождаются же и неполноценные? — тревоги и сомнения не покидали Василия, — нет, надо скорее увидеть ее. Расспросить Нину, чтобы, наконец, успокоиться. А как она сама — новоявленная мать? Могут быть осложнения. Роды — это же не просто, это — революция организма!

Как мы назовем дочь? — Машей, Галей, Валей? Ну, нет. Слишком уж обычные, часто повторяющиеся имена. Но и не — Сезанна, не Флора, не Жоржет! Оставим эти имена для иностранцев. Надо, чтобы и просто и вместе с тем выразительно. И — обязательно русское имя. Что если назвать дочурку Ирой? Да,

да: Ирина, Ира, Ирочка! Как угодно видоизменять можно: Ируля, Ирунчик, Ирулик? К дьяволу «Ируликов» — просто Ирина. Да, — Ирина Васильевна. А что, — звучит! Но согласится ли Нина? Ведь она тоже, наверняка, придумала своей крохотуле имя — имечко. Какое же?

Вьюга, тем не менее, продолжала выть в ушах путника. Порывистый ветер подхватывал с крутых сугробов и косогоров охапки снега и швыряя его в спину, в грудь, в лицо. Но Василий упорно и настойчиво продвигался вперед. В его сознание жила одна мысль — дочь. И это во имя ее, под вой пурги, он сочинял эти звонкие строчки:

Напрасно, вьюга кружишь
И снегом бьешь в лицо:
Вчера я был лишь — мужем,
Сегодня стал — отцом!
Оставь свои обиды,
Прошу, метель, уймись.
Спешу я дочь увидеть -
Мою весну и жизнь!

Почему — «мою весну»? Ведь до весны еще — целый месяц? И все-таки природа сделала крен к весне. Да, да. Февраль — последнее время торжества вьюг. Бесится старушка — зима! Неистовствует, но время ее уходит. Солнце все выше, а дни все яснее. Да и сами деньки уже по — воробьиному шажку прибавляют.

С такими мыслями, весь запорошенный снегом, ступил молодой отец на пороге городской больницы. Сестра родильного отделения сказала: «Сейчас жена ваша выйдет». Вот и сама Нина! Василия поразила матовая бледность ее щек — ни кровинки в лице.

— Как ты? — Василий поцеловал жену в щеку, — как себя чувствуешь? Как дочь?

— Много крови я потеряла. А дочь хорошо — три шестьсот.

— Это мало или много?

— Нормально.

— Что тебе нужно — я принесу.

— Не беспокойся зря. Здесь дают все, что положено.

— Знаешь, а я имя уже придумал, да боюсь, — ты не согласишься.

— Какое?

— Ирина!

— Неплохо. Я — согласна!

— Спасибо. А знаешь, что оно означает?

— Что?

— Мир. Ирина, значит — мир! Здорово, правда?

— Хорошо.

— Как же будет рада мама! Она сказала — как ребеночек родиться, то обязательно с тетей Маришей приедут навестить. Ты же знаешь — мы, все братья, так Марину Захаровну Дерябину с детства зовем. И я, и Иван, и Александр.

— Знаю.

— Они уже и подарки приготовили.

— Какие заботливые бабушки! — Нина улыбнулась.

От этой улыбки Василию стало теплее и, главное, спокойнее. Он окончательно пришел в себя, когда, воочию, увидел «розовый комочек» — мирно дремавший на детской кроватке.

Ровно через неделю, как и предсказывала Нина, из больницы сообщили, что можно забирать — их выписали.

На этот раз Василий Павлович вместе с Натальей Федоровной Столяровой выехали в город на автомобиле. Но так, как дорога была нелегкой из-за снежных заносов, сопровождал машину специально выделенный председателем трактор — вездеход.

Нина, на этот раз, выглядела веселее. Розовый комочек весь потонул в простынях и одеяльцах — дочурка сладко спала.

С полдороги до Рощино автомобиль шел своим ходом: водители уже успели накатать дорогу. До того по ней прошелся грейдер. Но от сельсовета до школы машина двигалась лишь с помощью тягача.

Так в директорском старом доме стало на одного жильца больше. Василий полагал, что теперь покоя ему уже не будет. Он заранее собирался по вечерам уходить заниматься в свой школьный кабинет. Но все оказалось проще. Нина объяснила, что первые недели ребенка свет не раздражает, а здоровые, ухоженные дети редко плачут.

В первую ночь Иринку, за неимением люльки или качалки, молодая мать положила, все перевитую на большой ящик из-под

книг. На нем и провела дочь несколько дней. Затем, как в сказке, появились — и качалка, и специальная детская кроватка. Качалку и кроватку подарила соседка, полевод тетя Паша — от ее малышей осталась. Специальную же кроватку приобрел в районном магазине сам молодой отец.

Ирина поразила Василия. Она росла удивительно спокойным ребенком. Мать называла ее «искусственницей», так как у нее неожиданно пропало молоко, и дочь рано стала пользоваться бутылочкой с мягкой соской, в которой было обыкновенное коровье молоко с сахаром. Когда ей исполнилось одиннадцать месяцев, и она уже умела потихоньку ходить, смеяться и — что особенно порадовало отца — первое слово, вымолвленное крохой, было не «мама», а «папа» — произошло маленькое приключение.

Дело в том, что и в деревне и в райцентре трудно было купить простую соску — это был дефицитный товар. Мать, как зеницу ока, берегла для дочери соску — пустышку. Но Ира любила возиться с Дружком — собачку иногда, ради нее, пускали в дом. Дочь переступала, опираясь о предметы, по комнате. Гладила Дружка и чему-то смеялась. Тут соска и — выпади изо рта. Пес внимательно посмотрел на мало знакомый ему предмет, понюхал, и неожиданно захватил пустышку в свои крепкие зубы. Нина бросилась отнимать соску, но нес, опережая события, живо нырнул, в темную подпечь — только его и видели. Изжеванную соску Дружок затащил под пол, откуда ее невозможно было достать. Да и был ли смысл — она наверняка была уже загубленной.

Это приключение, к счастью, имело добрые последствия. Мать, первое время, расстроенная, стала замечать, что дочь не особенно скучает по соске, стала привыкать, есть с ложки. Нина обрадовалась, и уже не так сердилась на злополучного пса.

— Ведь есть дети, — говорила она, — которые до трех лет с соскою не расстаются, что сдерживает развитие ребенка, а тут — не было бы счастья, да несчастье помогло.

Летом, когда на школьном дворе, густо росла трава, и пышно благоухали цветы, Василий любил наблюдать за дочерью, которая всем существом своим неудержимо тянулась познать этот сказочный для нее мир.

— Где Ира? — спрашивала мать.

— Лепесточек в благоухании, — радостно отвечал отец.

— Что это значит? — Нина удивленно смотрела на мужа.

— Это значит, что дочь наша — лепесток, и, что она находится среди цветов, источающих аромат.

— Ну, прямо, — поэт! Образ, какой придумал — «лепесточек в благоухании».

С того самого времени — и родители, и учителя, и школьники, и технички дочку директора называли не иначе как «лепесток» и нередко добавляли — «в благоухании». Или просто — «благоуханный лепесток».

Ирина рано потянулась к книгам. Ее волновали изображенные на их страницах красочные рисунки. И как-то Василий написал об этом:

Она ручонками тянется к книжкам,
Не умея еще читать.
Дорогая моя малышка —
Обо все на земле хочет знать.

Да, кстати, бабуши сдержали свое слово. Они приехали неожиданно, без предупреждения: мама и милая сердечная женщина — тетя Мариша. Та самая тетя, которая в трудные военные и послевоенные годы делилась с мамою Василия, обремененной четырьмя детьми и инвалидом-мужем, чем только могла. И теперь привезли с собою гору гостинцев и кучу деревенских новостей. Они умильно радовались внученьке Ирочке, которая росла полным, здоровым ребенком и с любопытством следила за проворно суетящимися, вокруг нее, добрых бабушек.

В эти дни Василий и Нина чувствовали себя счастливо. Рубашки, трусики, костюмчик — оказались велики, Но это не расстраивало молодую маму.

— Подрастет — износит! — говорила она свекрови, — уж вы, пожалуйста, напрасно не хлопочите — мы сами все купим.

— Как это — «сами», — обижалась мать, а мы на что — чужие разве?

— Ох «лепесточек» ты наш! — радостно подбрасывала на руках малышку тетя Мариша, — имя-то, какое красивое, — надо же придумать!

Мать с интересом ознакомилась со школою, где директорствовал ее сын. Как-то незаметно сдружилась с техничками и соседями. Она это умела.

На третий день бабушки заторопились с отъездом, Охи да вздохи: как там теперь скотина без нас!?

— Приказала Ане Алайкиной за коровою присмотреть, — говорила мать, — да разве мою Малютку кто подоит? Если и подоят, то не все молоко отдаст — норовистая корова. Ты же ее, Ниночка, знаешь. Помнишь, как сама-то доила?

— Как не помнить, — улыбалась Нина, — но ко мне она уже привыкать начинала.

— Ухватка у тебя хорошая, — похвалила мать. И наказывала: живите, деточки, мирно и дружно, чтобы люди над вами не смеялись. Дочка теперь у вас. Вырастет, если что — спросит!

— Все будет в порядке, мама, — успокаивал Тимофеевну сын, — ты уж, пожалуйста, сама себя береги.

— Чего мне-то беречься? Я уже свой век — пожила, потерпела. Вот теперь на внучку посмотрела, да и спокойно помирать можно.

-Что ты, Лена?! — упрекнула мать тетя Мариша, — разве можно такое говорить? Мы еще с тобою должны правнуков понянчить.

— Хорошо бы! — как-то грустно согласилась мать.

Бабушки уехали в свои деревни, а впечатлительная дочь Ира еще долго лепетала, добиваясь у своей матери ответа: «Где, Ба?».

— Уехали, дочка, уехали твои «Ба», — с печалью в голосе отвечала Нина.

Глава пятнадцатая

ДЕПУТАТ

Горичев любил получать почту — свежие газеты и журналы, открытки и письма. Но часто, особенно в зимнюю пору, почта работала с перебоями: почтальонам трудно было добираться из деревни в деревню, от избы к избе. Поэтому Василий, изучив график доставки корреспонденции из райцентра, часто отправлялся за почтою сам. От школы до отделения связи — оно размещалось в помещении Рощинского сельсовета — не больше полуверсты.

Такие прогулки после занятий, между двумя и тремя часами дня, когда уроки в школе уже заканчивались, — не только не обременяли, а, напротив, вселяли бодрость и энергию в душу молодого директора. Нетерпеливый характером, он спешил в Совет, чтобы первым просмотреть еще пахнущие типографской краской газеты, где все чаще и чаще печатались его стихи и корреспонденции. И где, всегда с улыбкою, встречала его приветливая секретарь — она же и председатель родительского комитета школы — Елена Николаевна Свиридова.

В помещении сельсовета было тепло и уютно, а за окнами хозяйничал студеный ветер. Он, словно всю зиму копил силы, чтобы под конец похвастать своей удалью.

— Вдруг в такую погоду солдат подняли по тревоге, — с беспокойством в глазах говорит Елена Николаевна, — нелегко сейчас солдату в степи.

Женщина представила себе заснеженную дорогу, свет фар, пробивающийся свой густой рой пляшущих снежинок. Будто наяву увидела молодое, строгое лицо своего сына Володи, служащего в армии. Как он похож на отца. И слова-то в письме подобрал отцовские: «Хорошо мне служится, родная, потому что ты — рядом».

При воспоминании о муже Елена Николаевна грустно отводит глаза: в областной больнице Максим Дмитриевич. Ко всем фронтовым ранениям новые болезни у него.

Василий смотрел на сидящую перед ним седую женщину, стараясь угадать в ней молоденькую учительницу Калиновской средней школы, когда она повстречалась там с учителем Максимом Свиридовым. Тоненькая сероглазая девушка и молодой, не по летам строгий учитель полюбили друг друга и поженились. Началась война. Максим, ушел на фронт. Жена осталась с двумя малышами на руках. Трудно им пришлось в черные дни фашистской оккупации.

В марте 1944 года, после тяжелого ранения, Максим Дмитриевич лишился речи, правая рука и нога были парализованы. Врач и медицинская сестра в госпитале написали о состоянии раненого воина домой. Все в палате с нетерпением ждали ответа жены. Видимо, не меньше, чем герой рассказа Алексея Толстого «Русский характер» Егор Дремов ждал писем от своей мамы и невесты. Часто, в сумерках больничных палат, солдаты вели невеселые разговоры. С нескрываемой тревогой толковали искалеченные войной о том, нужны ли они будут теперь дома, хватит ли у жен и невест души?

И вот пришло письмо. Его несколько раз читали вслух. Жена писала: «Дорогой Максим! При первой возможности приезжай. Никогда не оставлю тебя, каким бы ты ни был!». Эти слова сильной духом русской женщины звучали не менее выразительно, чем просьба красавицы Кати, обращенной к капитану с изуродованным лицом, танкисту Егору Дремову: «Егор, я собиралась с вами жить навек. Я вас буду любить верно, очень буду любить. Не отсылайте меня».

Разные люди, но как похожи их судьбы!

Как за малым ребенком ухаживала за мужем Елена. Он упорно лечился, стал говорить. Научился ходить без палки, писать левой рукой, потому, что правая рука, так и не отошла. Он получает пенсию, ему дают путевки на курорт, шьют бесплатно специальную обувь.

Его не забывают товарищи. Но какой пустой и одинокой была бы его жизнь без Лены. Некоторые говорили Елене Николаевне: «Чего живешь с калекой?». А она с возмущением: «Вы понимаете, о чем говорите? Он для меня все тот же дорогой чело-

век, за которого я вышла замуж более тридцати лет назад! Разве он виноват в постигшей его болезни?!». Вся она в этих словах — верная и мужественная подруга Максима Дмитриевича.

«А как они схожи с моей мамой!», — думал Василий, — и имена у них одинаковые и судьбы». Ведь мама Василия Павловича тоже двадцать два года прожила с калекой — мужем. Елена Тимофеевна, как и Елена, Николаевна, не бросила своего суженого, хотя ей приходилось еще труднее. Маме Горичева пришлось воспитывать и растить во время войны, и после, четверых детей, а отцу Василия никакой пенсии не платили: он был лишь инвалидом быта. Видимо, по мнению властей, они, — кушать не хотят или просто не должны. И ходить, в отличие от Максима Дмитриевича, он совершенно не мог, даже на костылях: только ползал на четвереньках. И так — двадцать два года.

Обе Елены едины в одном — в мужестве. Своим личным примером они учили своих и чужих детей правде и справедливости, доброте и благородству, бесстрашию и трудолюбию.

После войны у Свиридовых родилось еще трое детей. Добрыми, умными, отзывчивыми людьми вырастили они всех пятерых. Они, как один, избрали благородную профессию родителей: старший сын окончил педучилище, работает в школе, и одновременно он — студент пединститута. Глеб Максимович преподает физкультуру в Рощинской восьмилетке. Владимир, после окончания педучилища, призван в армию. Младшие, Александр и Тамара — выпускники педучилища.

В большой и дружной семье Свиридовых авторитет матери непререкаем. Слово «мать» дорого всем, кто живет на земле. Слово «мать» накрепко связано со словом «жизнь». Об этом Василий Павлович не раз говорил с Александром Свиридовым, молодым студентом — практикантом его школы.

Надо прямо сказать — он заслужил отличную характеристику. Способный преподаватель, активный общественник, прекрасный баянист, парень быстро завоевал уважение учащихся и учителей школы.

Для односельчан Елена Николаевна — строгая, умная, волевая женщина. Злобин, например, терпеть ее не может, — потому что боится, но для детей она — чуткая, нежная мать.

— Мама привила нам любовь к музыке. Каждый из нас на чем-нибудь да играет, — рассказывал директору Александр, —

мамино слово — всегда для нас закон, несмотря на то, что все мы уже взрослые люди. И даже в тех случаях, когда мы не соглашаемся с нею, делая что-то, по-своему, жизнь доказывает, что самым верным было ее решение или совет, и мы идем к маме с повинной головою.

Елена Николаевна Свиридова — бессменный депутат сельского Совета. Во всякое дело она вкладывает свою душу. Она заботится о нуждах школы и о ремонте медпункта. Люди тянутся к ней, ища поддержки, совета или помощи. В этом она вся. Заботы людей — ее личные заботы. И Горичеву подумалось: хорошо, когда в селе есть такой человек. На него можно равняться. К нему можно обратиться в любую минуту, и всегда он отдает и взрослым и детям немеркнущий свет своей души.

Библиотекарь Марфа Герасимовна Хитрова встретила Горичева громким приветствием:

— Здравствуйте, Василий Павлович, здравствуйте! Давненько что-то в нашу библиотеку не заглядывали. Понимаю — дела.

— Вы сегодняшнюю районную газету, смотрели? — спросила директора Свиридова.

— Нет, а что там?

— Опубликован состав членов избирательной комиссии по Рощинскому избирательному округу № 28, — библиотекарь протянула ему номер «Светлого луча».

Василий развернул газету, в которой сообщалось, что он избран председателем участковой избирательной комиссии — от профессиональной организации союза работников просвещения. Федунов Николай Васильевич — заместителем председателя — от парторганизации колхоза имени Чапаева. Доброва Аксинья Марковна — секретарем комиссии. Рядовыми членами ее стали: Собина Клавдия Петровна — от комсомола, Хитрова Марфа Герасимовна — от профсоюза работников культуры.

— Что ж, можем начинать первое заседание, — пошутил Горичев, — двое членов комиссии налицо.

— Маловато, кворума нет, — заметила Хитрова, — Василий Павлович, что же вы не расскажите, как у вас вечер встречи с выпускниками прошел? Жаль, не удалось мне соприсутствовать. Наверное, интересно было?

Восьмиклассники постарались. Все прошло, как говорят, на уровне. Были — речи, обмен приветствиями, художественная часть: литмонтаж, музыка, танцы. Хозяева и гости, кажется, довольны.

— Мне ребята, читатели мои, рассказывали, что Злобина Лариса Дмитриевна так и заявила, что «Ваши успехи — это наши успехи, ваши неудачи — наши промахи».

— Все верно.

— Господи, — покачала головою Хитрова, — как люди красиво говорить умеют. Самих же, этих Злобиных, что попросишь помочь — как о стенку горох, пальцем не шевельнут. Говорю както Фролу Демьяновичу: давайте совместную читательскую конференцию с семиклассниками проведем. И что же? Отказался, заявил: «Вам надо вы и проводите!» — вот и весь ответ. Пришлось Доброву просить — та с удовольствием согласилась.

— Злобин — лентяй, урокодатель, — Елена Николаевна сняла и положила на стол очки, — живых дел он боится.

— Да и уроки то, через пень-колоду дает, — вставила Хитрова, — ребята на него жалуются. Он на них, как зверь рычит. Сам по книжке читает, а ребят наизусть заставляет декламировать. Не то, чтобы пример показать. Сам, видать, не лучше Пушкина учился — чему-нибудь, да, как-нибудь! Вот вы то, Василий Павлович, ученики восхищаются — больше наизусть — и стихи и прозу читаете.

— Что дано Горичеву, не дано другому. У каждого — свой талант и призвание, — серьезно рассудила Свиридова, — Злобин же — случайный в педагогике человек.

Вот так получалось всегда. Куда бы директор не пришел, с кем бы не разговаривал — всегда центром внимания становились Злобины, их дела и поступки. В последнее время ему стало надоедать, и он старался, при случае, менять темы бесед. И на этот раз задал вопрос секретарю Совета:

— Вы к нам на заседание комиссии придете?

— У вас сам председатель Совета будет. Да, кстати, он вас рекомендовал в депутаты местного Совета, Так что выборы для вас должны стать — двойным праздником.

— Спасибо за доверие.

Возвратившись из сельсовета, домой, Василий открыл ка-

лендарь, прочитал: «В феврале — недаром он зовется бокогреем — после того как зима с весной встретились на Сретенье — в хорошие ясные дни солнце греет так сильно, что с крыш начинает капать. С каждым днем все ближе и ближе весна. Март уже весенний месяц. С «Алдакей» (первого марта — праздник Евдокии) начинается весна. Герасим — грачовник — четвертого марта. Грач — первый вестник весны, дорогая, долго ожидаемая птица. Сороки девятого марта — сорок мучеников севастийских: день с ночью меряется. Жаворонки прилетят — радость принесут. Семнадцатого марта — «Алексей — с гор вода»: ручейки потекут, снег погонит, ростепель начнется. На солнце греет так, что хоть полушубок снимай, а к вечеру примораживает».

Итак, выборы в местные советы назначены на 16 марта, в канун святого Алексея, как «с гор вода потечет».

Утро шестнадцатого марта не было светлым. «Все врут календари!» — припомнились Василию строки Грибоедова из «Горя от ума». Несколько дней бушевавшая метель перемела все дороги. Огромные заносы трудно было преодолеть даже снегоочистителю. Но едва на востоке забрезжило — к Рощинской школе, где располагался избирательный участок, потянулись подводы, направились пешком, увязая в снегу, избиратели — в селах люди поднимаются рано.

Первым опустил бюллетени ветеран колхоза Симонов Дмитрий Николаевич. Несмотря на свой преклонный возраст, давно на пенсии, он не сидит дома, как говорят, сложа руки. Симонов по-прежнему незаменимый мастер своего дела — о виртуозных поделках кузнеца, местного «левши» давно идет добрая слава.

— Я голосую за выходцев из народа, за нашу Родину и ее светлое, завтра, — сказал, бросая бюллетень в урну, Дмитрий Николаевич.

Не менее, старший по возрасту, Филипп Иванович Карпов, опуская свой бюллетень, выразил благодарность советской власти и добавил: уверен, это люди, за которых я голосую, — примерные в труде и общественной работе.

Впервые в своей жизни участвовали в выборах недавние выпускники школы — 18 — летние: Петр Еремин, Алексей Симонов, Юрий Зенов.

Избирательный участок выглядел в этот день красиво: просторное, светлое помещение, пурпурные кабины, малиновые скатерти на столах. Все члены комиссии четко и безукоризненно выполняли свои обязанности. Неплохо было организовано и культурное обслуживание избирателей. По результатам голосования — все кандидаты стали полноправными депутатами, в том числе — Василий Павлович. Удостоверение депутата было выписано и выдано Горичеву секретарем комиссии соседнего избирательного участка, учителем школы Аркадием Петровичем Столяровым.

-Поздравляю! — Столяров крепко пожал руку своему директору, — и примите первый наказ избирателей: соорудить в нашей деревне Шилово, где я живу, настоящий колодец с чистой водой. Наш-то совсем заилился.

— Непростое поручение, — сказал Горичев, — тут Аркадий Петрович, без вашей помощи явно не обойтись.

— Всегда рады помочь тому, кто тянет сам, — глубокомысленно ответил Столяров. Учителя хорошо понимали друг друга.

Спустя неделю, после выборов, к молодому депутату явился на прием первый посетитель. Им оказался старик Карпов Филипп Иванович, тот самый избиратель, который выразил уверенность, что его визави — люди — примерные, в труде и общественной работе.

— Вот оказия, какая у меня, товарищ депутат, — начал излагать свою просьбу Филипп Иванович, — ремстройучасток обязался мне дом отремонтировать. Деньги-то я уплатил, а они дела своего не сделали. Помоги, если сможешь!

— У вас есть какие-либо документы?

— Дынь, как без них, имеются, — старик подал Горичеву сверток из газетной бумаги, — смотрите сами, а то я без очков ничего не вижу.

Через десять минут, Василий Павлович уже отстукал на пишущей машинке свой первый депутатский запрос:

«*Директору комбината бытового обслуживания*
тов. Иванову А. С.

Ко мне обратился гражданин Карпов Ф. И., проживающий в деревне Рощине, по вопросу невыполнения ремстройучастком

пунктов договора № 48. Согласно квитанции № 731744 от 23 мая 1968 года мой избиратель уплатил вам за ремонт его дома 1035 рублей 93 копейки. Ремонт же, соответственно внесенным средствам, не произведен. Для уточнения истинного положения дел, прошу выслать в мой адрес копию Вашего Договора.

Депутат Рощинского Совета В. П. Горичев»

Спустя две недели пришел ответ:

«Депутату Горичеву В. П.!

Руководство РСУ, на Ваш запрос, отвечает. Гражданин Карпов действительно уплатил по договору 1 48 деньги в указанной сумме. Как подтверждает бывший мастер Туленков, все работы в основном, выполнены, за исключением обивки двух стен тесом и настилки пола. Карпову было предложено доплатить за материалы, согласно существующим у нас расценкам. Он отказался. Следовательно, вопрос о перерасчете не решен. По данному вопросу Карпову необходимо обратиться в управление бытового обслуживания, где находятся документы заявителя.

Старший мастер РСУ Н. Копытов»

Получив данное разъяснение, Василий Павлович в этот же вечер посетил Филиппа Ивановича в его доме, который осмотрел в плане ремонта. Познакомил с содержанием ответа. Старик хмыкнул. Протер заслезившиеся от яркого света электрической лампочки глаза, сказал:

— Ясное дело. Деньгу выжимают. Где же их взять-то? Может, колхоз поможет, а, мил человек, не поговоришь ли с председателем? Ведь всю жизнь на колхоз гнулся, а теперь что ж — не нужен!? Как же это так получается, а, товарищ депутат?

Горичеву хотелось сказать, что дед обратился к нему не по адресу, что он — депутат другого округа, но, видя, как тот расстроен, пообещал:

— Хорошо. Я поговорю с Наум Наумовичем.

— Поговори — поговори. Сделай любезность. Не пропадать же! Силы у меня не те, я бы сам дом обиходил, не кланялся бы.

Миссия у председателя артели не принесла должных плодов. Хитров прямо и откровенно отказал: «У него есть дети, вот пусть к ним и аппелирует!».

— Но живет он — один, — пытался возражать Горичев.

— Знаешь что, Василий Павлович, — Хитров встал из-за заваленного бумагами стола, — мне некогда тут с мелочами разбираться. Я одно тебе скажу: не лезь ты в эту кашу. Тебя просто за нос водят. Ты знаешь, кто такой этот Карпов? Нет?! А раз не знаешь, то и не берись помогать.

— Интересно, — кто же он такой?

— Бывший единоличник!

— Но не все сразу стали колхозниками?

— Ну, понимай, как знаешь.

Горичев еще раз побывал у старика. Передал ему результаты неудачных своих переговоров с председателем. Однако не упоминал термина — единоличник, чтобы, напрасно не расстраивать.

— Я на тебя не гневаюсь, мил человек, — растрогался Филипп Иванович, — ты, что мог, сделал. Спасибо тебе за хлопоты.

— Пожалуйста. Но может мне с вашею дочерью побеседовать, — предложил свои услуги, Горичев.

— Не надо, ничего. Я уже сам с нею побалакаю. И сыны у меня есть — помогут.

Уже летом Василий Павлович узнал о том, что дом старика Карпова отремонтировали его дети. Тем не менее, Филипп Иванович не забывал тропку в школу. Нет — нет, да и заглянет: то на вечер, какой, то на собрание. И, как сам выражался, — он любил «Культурное общество». Это приятно, когда таковым селяне считают свою школу.

Колодец же в Шилове, как и возле школы, выкопать, не удалось. Удалось, другое, это — обновить старый Шиловский источник. По просьбе депутата Горичева сельский Совет выделил часть средств, на которые был куплен и установлен на прежнем колодце новый сруб. За него — то избиратели — жители деревни Шилова — остались благодарны своему заботливому депутату.

— Вычистить-то — мы сами сможем. Не впервой. Самое главное, — говорили они, — чтобы дети в колодец не падали, да скотина не провалилась.

Из бесконечных хлопот по депутатским делам Горичев уяснил, что быть настоящим депутатом — слугою народа — весьма трудно, но миссия эта — почетная и необходимая. И как-то сам о себе он написал:

Депутат, как солдат:
Служить Родине — рад!
И по зову — вперед,
Он в сраженье идет!

Глава шестнадцатая

РАСТИТЬ ГРАЖДАНИНА

Как-то один из литераторов справедливо сетовал по поводу ненужной иронии, когда о ком-нибудь говорили: «Его мысль не была плодом кабинетных размышлений». Многие прекрасные мысли в педагогике и в других науках, по его мнению, родились именно в кабинетном уединении, среди книг, в ночных озарениях. «Кабинетная» мысль часто бывает ближе к жизни и больше говорит о ней, чем мысль, рожденная непосредственно в классе, на заводе, в лаборатории, в поле или в колхозной мастерской.

Василий Павлович Горичев был из тех молодых педагогов, которые склонны к постоянному анализу своих дел и поступков, к размышлениям обо всем увиденном, услышанном и перечувствованном. А где, как не в тиши своего кабинета, когда в школе — никого, лишь опустевшие классы да коридоры, а перед тобою на столе лежат горы книг и тетрадей, — самое место подумать и поразмышлять. Вот о таком случае, например: — шел урок. Широко раскрытыми глазами смотрел Жора Быков на указку в руках учителя географии Фрола Демьяновича Злобина, на карту материков, но ничего не видел. Мальчишка не слушал объяснений, — мысли его были в сельском клубе, где недавно показывали кинофильм «Собор Парижской Богоматери». Там он впервые узнал, наконец, происхождение своего прозвища — «Квазимодо». Жору мучило собственная физическая неполноценность, а тут еще насмешки товарищей, и он решил отомстить Злобину. Но — как?! Учителя не встретишь за углом, не скажешь: «Пойдем, поговорим!». Бросить в него ненароком камень? Бросали, да не попадали. И по ночам в окно трещотку прикрепляли — пугали. Надо что-то новое. Так созрел план.

Жора подсмотрел, где технички кладут ключи от классов, выбрал один из них и теперь ждал, когда ребята выйдут на перемену. Прозвенел звонок. Ученики, как горох, высыпались из класса. В нем, склонившись над журналом, задержался лишь учитель — это было и нужно. Жора встал со своей парты и, выйдя за дверь, прихлопнул ее. Вставив в замочную скважину ключ,

дважды повернул его. Сам выбежал из коридора на улицу и стал ждать развития событий.

Злобин, закончив возиться с журналом и собрав принесенные с собою учебники, журнал, карту и указку, направился к двери. Его отчаянные попытки открыть ее успехом не увенчались: не прыгать же в окно на потеху детям, к тому же и окна еще с осени законопачены, и бумагою оклеены.

В кабинет директора заглянула учительница Прасковья Ивановна, сказала:

— Василий Павлович! Там ребята Злобина на ключ закрыли.

— Как закрыли? Кто?

— Это надо с мальчишками говорить.

— Возьмите ключи у техничек — откройте.

— Да там уже пять минут как Аркадий Петрович возится — ключи не подходят.

— Хорошо. Я сам.

Лишь после того, как Столяров принес из мастерской топор, дверь удалось открыть. На это ушло пятнадцать минут. Урок математики был, по существу, сорван. Восьмиклассники больше думали не о логарифмах, не о синусах и косинусах, а, о случившемся событии, что вмиг, облетело всю школу.

— Это сделал Быков, — объяснил ситуацию Злобин, — он последним ушел из класса. Выгнать его из школы к чертовой матери.

— Кого? — не понял Горичев.

— Хулигана Быкова! Я еще с отцом его поговорю — выдерет как сидорову козу.

— Вот этого делать как раз и не нужно.

— Я сам знаю, что нужно и что не нужно.

— Вся беда в том, что вы много на себя берете. Ни с кем не считаетесь.

— Но вы обязаны наказать Быкова! — мясистые красные щеки Злобина тряслись, как студень. Он не стоял, а нависал над столом. Брызгал слюною, — хватит потворствовать безобразиям в школе!

— Это решит педсовет, — спокойно ответил Василий Павлович, — а вам следует задуматься о своей индивидуальной ра-

боте с учащимися, и — прекратить клеить детям позорные прозвища. Кстати, и родители просили меня сказать вам об этом.

— Вот как?! Значит, вы уже и среди родителей против меня работу проводите? — Злобин неистовствовал.

—Если вы ничего не поняли, то оставим разговор до педсовета.

— Чем напугали — педсоветом! Чихал я на него!

— В таком случае я вас больше не задерживаю, — твердо сказал Горичев, — идите, готовьтесь к следующему уроку.

Злобин, бурча и шмыгая носом, вышел из директорского кабинета.

Посещая уроки учителей, Василий Павлович наблюдал за учениками. Делать это было легче, чем на собственных занятиях, когда мысли сосредоточены на теме и целях проводимого урока.

Задумалась девчонка. Мечтает мальчишка. И как бывает порой: много работаешь с ними, учишь, воспитываешь, а видишь в них лишь то, что в глаза бросается. На самом же деле, — они — как далекие планеты — там свои бури и грозы, свое голубое прозрачное небо.

«В каждом человеке, быть может, умер Моцарт», — говорил Сент-Экзюпери, и посему первостепенная задача учителя познать ученика, развить у него гуманные чувства, нащупать тот главный стержень, на котором держится его духовное «Я». Направить возможности в нужное русло, обезопасив его, таким образом, от хронических неудач.

Как воспитать в детях высокую сознательность и гражданственность? Доброту и чуткость, внимание и самодисциплину?

Школьник, нарушающий дисциплину, вряд ли ведет себя так от внутренней испорченности. Скорое – это уродливый метод самоутверждения, мнимое геройство, ложная солидарность. Ведь многие восьмиклассники знали о плане Жоры Быкова, но не помешали его осуществлению. Это серьезный симптом нравственного обнищания, и отступать в таком случае учитель не имеет права. Вдвойне хуже, если сам учитель, подобно Злобину, является причиной ребячьих шалостей и аморальных поступков. Впрочем, как сказал как-то сам Горичев в беседе с восьми-

классниками – аморальным не может быть тот поступок, который характеризует борьбу личности за свое собственное достоинство. Это его кредо и послужило в какой-то мере оправданием проступка Быкова.

Чтобы правильно воспитывать ученика, надо как можно больше знать о нем самом, о его семье, товарищах. О его убеждениях, которые у него только начинают складываться. Горичев редко жаловался родителям на своих подопечных. Напротив, старался подчеркнуть в разговоре со старшими ценные, положительные стороны личности учащегося, которые открылись ему на уроках истории или на занятиях историка – краеведческого кружка.

Есть и другая сторона познания личности школьника. Это – выявление его способности творчески мыслить, искать, обобщать найденное. Например, собирая краеведческий материал об организаторах колхоза, героях революции и войн, о героях – современниках, создавая летопись истории Рощинского крепостного театра, а он существовал здесь еще в X! X веке, Василий Павлович сталкивался с неумением ребят кратко и ясно выражать на бумаге свои мысли. Чтобы поправить это положение, он и решил провести смотр-конкурс сочинений юных историков на наиболее близкие и посильные для них темы. Создали жюри. В него вошли – старшая пионервожатая Римма Ивановна Серова, учительница литературы Аксинья Марковна Доброва и сам директор.

Были предложены три темы, приближенные к возрастным особенностям школьников: для пяти – шестиклассников – «Моя мама», для семиклассников – «Родина – это необъятная страна и дом отеческий», для восьмиклассников – «Чем мне дорог Ильич?».

О ребячьих сочинениях Василий Павлович рассказал, по просьбе своего приятеля – журналиста Олега Кленова, на страницах газеты «Светлый луч».

«ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ МАМА»

Накануне работы над первою темой мы говорили ребятам: «Напишите о своей матери, ничего не утаивайте – ни ее тревог, ни заплаканных глаз, ни ее радостей. Напишите – что делает вы, чтобы помощь той, что родила и воспитала вас».

Шестиклассница Зоя Калинина пишет восторженно и горячо:

«Что может быть дороже святого слова — «Мать»? Это ей мы обязаны и солнцем, которое светит для нас, и звездами, которыми усыпано небо, и запахом трав, и шелестом лесов. Это ее руки поддерживали нас, когда мы делали первые шаги, это ее песни звучали над нашей колыбелью. Недаром Родину свою народ зовет матерью!».

«Моя мама — славная труженица села. Она всю жизнь работает в колхозе телятницей. Я часто вижу, как она ухаживает за своими питомцами, любовно гладит их мордашки своей шершавой от воды и ветра рукой. В те минуты мне моя мама, особенно дорога и понятна. Я очень люблю свою маму», — откровенно пишет Людмила Семенова.

Зина Рыжова гордится тем, что ее маму «все любят и уважают». Она получает Почетные грамоты за свой труд.

«Дома у мамы тоже уйма дел: уборка за животными, стирка, приготовление пищи. У нас большая семья. Успеть и на работе и дома очень трудно. И я часто спешу помочь своей маме. Она у меня самая лучшая в мире:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!».

Можно много еще приводить отрывков из сочинений ребят о трудовой доблести их матерей. И, читая эти взволнованные строки, невольно размышляешь о том, как часто мы забываем о таком замечательном и, несомненно, действенном средстве воспитания, как личный пример родителей и близких.

Ребячьи сочинения помогут мне как учителю увидеть в их мамах много нового, о чем, увы, не успеваешь узнать на родительских собраниях.

«ВОСПИТАНИЕ ЛЮБВИ К РОДИНЕ»

Мы напутствовали семиклассников: «Одно из самых важных открытий, которые успевает сделать человек — это откры-

тие своей личной связи с Родиной, с ее народом и природой. Вспомните свое село или поселок, любимый тополь или реку — не с них ли начиналась для вас познание земли русской. Что же такое для вас, авторов сочинений, ваша Родина?».

Привет тебе, мой край родной,
С твоими темными лесами,
С твоей великою рекой
И неоглядными полями!
Привет тебе, народ родной,
Герой труда неутомимый.
Среди зимы и в летний зной!
Привет тебе,
мой край родной! -

Людмила Воробьева начала свое сочинение словами поэта С. Дрожжина.

— Я родилась, — продолжала Людмила, — в чудесной стране, которая называется Россией — это моя Родина! Она очень велика, богата и прекрасна! Я горжусь своей Родиной» Я восхищаюсь подвигом ее космических героев — Юрия Гагарина и Валентины Терешковой!».

Несколько в ином аспекте выражает свои мысли Наташа Леонтьева:

«Родина. Я вижу тебя всюду: на лугу, в лесу, в саду. Я не была на Кубани, но я люблю ее широкие ковыльные степи и звонкие трели соловья в густой вечерней тишине. Я не была в Сочи, но меня волнует ровный шум морского прибоя. В нашей стране очень много самых разных народов и наций. Многие из наших россиян удостоены высокого звания Героя Труда — например, наша землячка — доярка Ефросинья Ивановна Тазенкова. Я хочу и буду достойной продолжательницей их славных героических дел и подвигов».

Галина Прохорцева вспоминает в своем сочинении о том, как еще в первом классе она составляла по слогам слово «Родина». Для нее Родина — это ее деревня, дом, сад, родители, товарищи.

Мы, учителя, очень рады, что у ребят правильные мысли, цели, желания. Подобные ребячьи сочинения позволяют нам

определить, насколько у них развито чувство любви к своей стране, чувство гражданственности.

За воспитание качеств патриота, борца, интернационалиста, мы, педагоги, всегда в ответе перед страной и своей совестью.

«ИМЯ ЛЕНИНА — В СЕРДЦЕ КАЖДОМ»

Скоро мир будет отмечать 100-летие со дня рождения Ленина. Гениальный мыслитель, пламенный революционер, человек энциклопедических знаний, он всю жизнь посвятил борьбе за счастье людей.

«Подумайте над тем, — говорили мы ребятам, — каким чертам Ильича вы хотели бы подражать?».

— О Ленине, — признается восьмиклассница Галина Кисутина, — я узнала в школе от своей первой учительницы Прасковьи Ивановны. Чем старше становлюсь я, тем больше узнаю, о его жизни и деятельности. Я прочитала много книг о вожде, прослушала грампластинку с его речью, смотрела о нем кинофильмы.

Простота, скромность, неиссякаемая любовь и забота о детях — будущем нашей страны — вот за эти качества я и люблю Ильича.

Все на свете дети любят Ленина,
Потому, что Ленин их любил.

Вот, что пишет уже Светлана Амосова: *«Ленин не ограничивался тем, что Россия стала свободной, он боролся за свободу и счастье всех людей на земле. За интернационализм и человечность я и люблю нашего вождя»*.

Фрол Гуляев и Степан Карнюхин рассказали в своих сочинениях о том, как они ценят в Володе Ульянове его волю, твердость характера, усидчивость, целеустремленность, его разносторонний ум. Они раскрывают также — коллективизм и демократизм Ленина в руководстве, отмечают его терпимость к инакомыслию.

На этом можно было бы поставить точку. Однако еще несколько слов об условиях и итогах конкурса. Мы предоставляли учащимся полную свободу в выборе жанра. Большинство из них

избрали обычную форму школьных сочинений. Вывод: ребят следует учить жанрам. Требование было одно: быть искренним и самостоятельным. Да и велика ли польза от подражания текстам умных книг, заемных мыслей?!

Но мы не возражали против их книжной подготовки. Порыться в книгах, документах, журналах, тем более в собственной памяти — всегда полезно. Не были мы и против уместного использования отрывков из художественных произведений, материалов диспутов, встреч со знатными людьми, писем, кинофильмов.

Работая над сочинениями, юные историки, к сожалению, редко использовали живую речь своих героев. Недостаточно ярко передали краски и запахи, звуки — мир природы естественной и рукотворной. Этому тоже надо учить ребят.

И все же выявилось, что ребята стали учиться мыслить, изображать. Это, на мой взгляд, главное. Собственно, именно это и было нашей целью. Пройдет совсем немного лет и наши школьники начнут самостоятельную жизнь. Если спросить любого педагога, каким он хочет видеть своих питомцев, ответ наверняка будет однозначным — сознательным гражданином. Затем последуют определения — знающим, идейно убежденным, любящим Родину, культурным, принципиальным. Все перечисленное, лишь подтверждают мысль о том, как это не просто и ответственно.

И становится им молодой человек, разумеется, не в день получения документа об окончании школы. Уже сегодня мы, педагоги, стремимся воспитать у ребят истинные представления о долге и ответственности перед коллективом класса, умение и навык отстаивать свои убеждения перед любым идейным противником.

С целью воспитания этих убеждений мы и проводим подобные смотры — конкурсы. Победителей ожидают награды».

Статья «Растить гражданина», опубликованная в печати, вызвала большой отклик среди учителей и родителей. Ее обсуждали на педсоветах, цитировали на родительских собраниях, разбирали в частных беседах.

Василий Павлович получил и ряд письменных откликов. Особенно его взволновало письмо из села Репнина, где он когда-то учился. Супруги Баскаковы писали:

«Уважаемый товарищ Горичев!

Мы, ваши бывшие учителя, прочитали в газете статью «Растить гражданина». Очень рады вашей педагогической инициативе и первым несомненным успехам. Мы помним вас еще учеником нашей школы: способным и вдумчивым. И вот хорошие ростки — налицо! Особенно приятно поражает восторженно — душевное отношение к матери Зои Калининой. Ее изложение — это шедевр. Хочется выразить родительскую благодарность Зое и другим ученикам, давшим прекрасную оценку своим матерям — труженицам села.

Вместе с тем, простите, Василий, мы хотели бы, на правах старших, сделать вам маленькое замечание. Вернее, — подсказать.

У вас есть такое выражение: «Там свои бури и грозы, свое голубое прозрачное небо» — это о далекой планете. При чтении этих строк чувствуется астрономическая неграмотность. «Голубое, прозрачное небо» — это применимо к нашей планете, которая называется — Земля. По новейшим астрономическим данным, небо на других планетах выглядит или черным или может отцвечиваться другими, неземными красками. Просвещенному учителю сие надо знать, чтобы давать правильное направление ученикам.

Поверьте. Василий Павлович, мы от чистого сердца, по-товарищески желаем помочь вам в этом вопросе, поскольку сами интересуемся астрономией.

С уважением — Пелагея Павловна и Сергей Ильич БАСКАКОВЫ»

«Вот это называется, — похвалили? — размышлял Василий Павлович над письмом, — а ведь правы его бывшие педагоги. Действительно допущена образная неточность, что сродни, невежеству. Историку это непростительно. И еще подумалось: своевременно, очень своевременно решен вопрос о переходе на новые учебники и программы. Что касается астрономии, то в ней, после запуска космических спутников и ракет, поистине произошла «космическая революция». В том числе, и в человеческих умах! Вот уж где справедлива истина: учитель до тех пор учитель, пока сам учится. Твердо решил — прочту письмо ребя-

там. Пусть знают, как благодарны им за отзывчивое сердце — старые педагоги. И в первую очередь — Зое Калининой. Пусть ведают и о его промахе. Ведь, чтобы воспитать ребят честными, нужно самому быть таким. Да и астрономических и прочих знаний у них прибавится — наука юношей питает.

Нет, в тиши «кабинета» могут придти хорошие мысли — прав литератор. И стихи пишутся в одиночестве куда успешней, как эти, например:

Жуль Верн когда-то в тишине
Писал романы о стране,
Хотя в ней не был никогда,
Но убедительно, — всегда!
Все потому, что мало спал -
Труды ученых изучал!
Его открытья, на — ура! -
Воспринимали мы вчера.
И, чтоб сегодня мудрым быть,
Должны — науке мы служить!

Да, Горький прав, что чтение — лучшее учение. Умные мысли из прочитанного, свои стихи и педагогические наблюдения Горичев аккуратно заносил в дневник. И не беда, что «кладезь мудрости» грешил неточностями. У молодого директора была возможность широкого эксперимента.

ЧЕРЕЗ УЧЕНИЕ — К СЧАСТЬЮ

Первый учительский год в жизни Василия Павловича Горичева шел к концу. Это был трудный и вместе с тем — радостный год. Трудным оттого, что нелегки пути «в незнаемое», чем была для Горичева педагогическая стезя. Событием радостным, потому, что «езда в незнаемое» — всегда интересна и увлекательна, во всяком случае, — поучительна.

В течение всего учебного года молодому директору сопутствовала неискушенность в понятии — «впервые». И производные эпитеты: «первое», «в первый раз», «первый», «первоначально».

Первые должности — учитель, директор, завуч, завхоз. Первый урок в классе. Первое совещание. Первый педсовет, первое политзанятие. Впервые руководил историческим кружком, впервые составлял педагогические планы. Впервые проводил родительское собрание, впервые выступал на районном совещании руководителей школ. Впервые писал приказы, характеристики. Впервые поощрял и наказывал.

Первоначальные поиски и находки, срывы и неудачи, озарения и выводы, оценки и обобщения. Впервые был избран депутатом Совета, впервые исполнял обязанности председателя товарищеского суда колхоза имени Чапаева. Впервые опубликовал стихотворение в областной газете.

Впервые осуществлял должностной контроль над подшефной Доловской начальной школой. Впервые составлял приходно-расходные акты и сметы, впервые готовил платежные ведомости.

Первый раз стал хозяином большого государственного дома — школы. Наконец, впервые стал — мужем и отцом.

Итак, первый учебный год позади. Что содеяно полезного? Этот вопрос постоянно был на повестке дня молодого директора. Однако сделано немало. В первую очередь, осуществлено знакомство с делами школы, налажен контакт с ребятами, их родителями, большинством учителей. Изучены, в основном, програм-

мы восьмилетней школы по всем преподаваемым дисциплинам, проработана методическая литература. Внесены коррективы в управление хозяйственными делами школы, организована работа буфета, «продленки» в Доловской начальной.

Что взято в актив? Многое. Это четкое разграничение обязанностей между классными руководителями, учителями, техническими работниками, родительским комитетом, ученическими органами самоуправления. Это освоенный опыт проведения еженедельных «пятиминуток» — совещаний при директоре, где решаются текущие вопросы, умения в организации массовых школьных и внешкольных мероприятий, навыки в дирижировании полифоничным оркестром школьной жизни. В актив можно записать и опыт руководства историка — краеведческим кружком, систему учета и проверки знаний учащихся, формы трудового воспитания ребят и наставничества.

Что же осталось в пассиве? Скованность, неуверенность в себе, в своих силах, неумение сосредоточиться на главном. Мало был с детьми. Как ни старался, а не успел побывать дома у всех родителей, чтобы подробнее узнать об их жизни. Много потратил времени на различные заседания в школе, колхозе, районе, сельсовете.

Причины? Разные. И объективные и субъективные. Директору сельской школы мало 24-х часов в сутках, тем более — в малокомплектной, восьмилетней, где нет ни завуча, ни завхоза, ни организатора по внеклассной и внешкольной работе и, где сам директор выступает — в семи лицах.

Школа — это страна знаний. Велики ли они у выпускников — восьмиклассников? Это и решил проверить молодой директор, для чего использовал один учебный урок по истории и два занятия исторического кружка.

«Экзамен» проходил в форме: «Спрашиваем — отвечаем». Задавать вопросы — прерогатива и Горичева и самих школьников. Итак, девятнадцать мальчишек и девчонок — подростков, живут ожиданием. Еще бы! Сегодня должно решиться: «Кто есть кто»? То есть проверка на эрудицию.

Василий Павлович внимательно вглядывается в лица своих воспитанников, спрашивает: сколько книг они прочитали за год? Ответы — сто, семьдесят, пятьдесят, двадцать. Из них — по

программе? Оказалось, что большинство литературы прочитано именно по ней, что, в общем — факт положительный.

— Кто читал Библию?

Трое. Ни верующих, ни склонных к религии среди учеников Горичев не замечал. Эти же трое прочли «Библию» лишь частично, из-за любопытства. Отыскалась она у верующих родителей.

— Что говорит «Библия» о происхождении человека?

Ответила Светлана Амосова:

— И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и подобию нашему. И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни. И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Эдамском, чтобы возделывать и хранить его».

— Кто первым в науке опроверг эту библейскую истину?

— Чарльз Дарвин, — сказала Валентина Строганова, — он написал книгу «Происхождение видов», которая была впервые издана в Англии в 1871 году.

Далее ребята поведали о борьбе с дарвинизмом, О том, как в 1925 году в американском штате Теннеси реакционеры затеяли судебный процесс против учителя школы Скопса за то, что он осмелился рассказывать детям о теории Дарвина.

Знали ребята о находке голландца Эжена Дюбуа в 1891 году, когда на острове Ява были обнаружены останки древнейшего предка человека — питекантропа.

Гейдельбергский человек — неандерталец — атлантроп — телантроп — синантроп. Затем — питекантроп — неандерталец — кроманьонец — такова эволюция древнейших людей.

Их предшественником была человека — образная обезьяна. Об этом школьники знали из учебников.

— Свыше миллиона лет, — говорил Фрол Гуляев, — ходил по земле человек, которому понадобилось еще миллион лет для того, чтобы научиться добывать огонь и пользоваться им. Вот и получается, что история человека, похожего на нас, длится всего сто тысяч лет. Вышел же человек за пределы Земли лишь несколько лет назад — это первый шаг Алексея Леонова в открытый космос.

О космонавтах, выяснилось, знали все. Это было событием сегодняшнего дня. Но вот о рождении науки, как «суммы позна-

ний и средств, позволяющих человеку увеличивать свою власть над природой» многие забыли.

— Где родина европейской науки?

— Египет. Рим. Вавилон, — называли ребята места древнейших цивилизаций. Точный ответ дала Зоя Столярова, назвав античное греческое государство.

— Именно греки, — горячо утверждала она, — создали философию, изобрели математику. Греками были — Гомер, Еврипид, Аристофан. Родоначальником античной науки считают Фалеса, уроженца Милета. Современники считали Фалеса, жившего в шестом веке до нашей эры, одним из семи величайших мудрецов, известных миру. Фалес первым отказался считать небесные светила божествами и утверждал, что они — естественные тела природы. Начало всех вещей он видел в воде. Ее осадок — земля, ее пары — воздух и огонь. Фалес открыл способ определения расстояния корабля от берега, высоту пирамид. Он объяснил причину солнечного затмения, определил видимую величину Луны.

— В чем основное заблуждение Фалеса?

— В том, — продолжала Зоя, — что он ошибочно считал, что земля — центр Вселенной.

— Кто такой Демокрит?

— Это автор знаменитой книги «Великий диакосмос», — ответила Светлана Амосова, — Демокрит доказывал, что мир состоит из неделимых частиц — атомов. Движение объяснял свойством атомов, считая его вечным, как сами атомы.

— Кого мы называем основоположником идеалистической философии?

Об этом знал и Жора Быков, который назвал имя греческого философа Платона и его гениального ученика — Аристотеля.

— Сорока лет от роду, — говорил Жора, — Платон основал в Афинах философскую школу. Со своими учениками он беседовал в тенистых аллеях садов Академа, потому и школа стала называться Академией.

Степан Карнюхин дополнил рассказ товарища, напомнив, что та дружба людей, возникшая в садах Академа, объединенных общей любовью к истине, стала называться — платонической, по имени Платона, который утверждал, что мир создан Бо-

гом и состоит из четырех элементов: огня, воздуха, воды и земли.

— Аристотель — ученик Платона, — делился своими знаниями с ребятами, Степан, — и ему принадлежат слова: «Платон мне друг, но истина дороже». В Афинах Аристотель основывает школу — Ликей или Лицей. В России Лицеем называли учебное заведение, в котором учился Александр Пушкин. Аристотелю принадлежат десять книг — «Исследование животных», он основатель формальной Логики.

— Когда и где возник первый музей?

Отвечала Таня Ветрова.

— В третьем веке нашей эры, — сказала она, — в Александрии находились знаменитая — библиотека и Мусейон (обитель муз). Жаль, что их погубит пожар.

— Что означает слово «Эврика»? Кто его произнес первым?

— Эврика, значит «нашел!», — пояснила Ветрова, — а это восклицание принадлежит Архимеду, открывшему, что тела в воде кажутся легче, чем в воздухе. Ему же принадлежат и слова: «Дайте мне точку опоры — и я сдвину Землю!». Архимед открыл закон рычага, объяснил действия механизмов — клина, блока, лебедки.

Перейдя к характеристике развития научных знаний в других странах, Василий Павлович спросил ребят: «Чем мы обязаны римлянам?».

От соблазна проявить свои знания не удержался и Фрол Гуляев. Он сказал, что римляне оставили миру Римское право — свод юридических законов. Построили дороги, акведуки, первую канализационную систему, крепости. Римлянам мы обязаны изобретением календаря, открытиями в медицине.

Не все ответы учеников удовлетворили учителя. Не всегда они были полны и точны. Тем не менее, чувствовалось — его уроки истории, занятия в кружке не прошли даром. Восьмиклассники неплохо знали античную историю. Убедившись в этом, он решил проэкзаменовать своих воспитанников по материалам истории средних веков, в плане развития научной мысли.

Рассказывала Кира Злобина:

— Когда пала Великая Римская империя, в странах Европы государственной религией было признано христианство. Священное писание возникло в глубокой древности. Согласно ему, Иисус

Христос являлся спасителем человечества. Важные церковные споры решались на Вселенских соборах, где победившая точка зрения называлась — истинной, а противоположная — ересью.

Учрежденная в XIII веке с целью искоренения ересей «священная инквизиция» уничтожала всех подозреваемых в отступлении от христианства — огнем и мечом. Уничтожалось также все связанное с язычеством: произведения искусства, книги, люди. В частности, греческий математик Гипатия. Эти времена справедливо называют — веками мрака. Только с 10-го века нашей эры церковь начинает проявлять заботу об обучении своих пастырей. Появились соборные школы, позже — университеты: Парижский, Кембриджский, Пражский, Краковский.

Римляне насчитывали девять свободных искусств. Это — математика, диалектика, риторика, арифметика. К ним также относились — геометрия, астрономия, музыка, медицина и архитектура. Средневековые ученые преподавали эти дисциплины. Учебников не было. Книги в Университетских библиотеках приковывали к столам — так они были дороги.

За долгие годы средневековья европейские ученые не внесли в науку ничего нового. Были, однако, изобретены — хомут, пушки, пергамент, бумага из льняного тряпья.

Об эпохе Возрождения говорила Светлана Амосова:

— Родина Возрождения — Италия. Начало его — XIV век. Первые глашатаи — поэты Петрарка и Боккаччо. Ученые стали выступать против латыни, и смело защищать родной язык. В России XVIII века это сделал русский гений Михаил Ломоносов. Он писал: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем: великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского. Сверх того — богатство и сильную в изображении краткость греческого и латинского языка».

В борьбе с латынью используется разящее искусство сатиры. «Божественная комедия» Данте подводит итог средневековой науке. В 1603 году в Риме создается Академия. В 1711 году, по просьбе Петра Великого, математик Лейбниц написал проект

«О введении наук в России». В 1718 году появляется Указ царя «все, что зело старо и необыкновенно, так бы приносили, на что будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены». Так возникла знаменитая петровская Кунсткамера. В 1724 году царь «учинил» Академию.

Ребята многое знали о великом итальянце Галилео Галилее, который соорудил телескоп и микроскоп. Доказал, что Земля находится в движении вокруг Солнца. Поведали о трагедии Коперника и Джордано Бруно, об открытиях Рене Декарта и Исаака Ньютона.

В заключение беседы Василий Павлович Горичев остановился на характеристике современной Российской науке.

— Ребята, мы сделали с вами экскурс в историю научных знаний, — сказал Горичев, — от эволюции самого человека до новейших открытий в области освоения космического пространства. Ваша задача, усвоив знания, добытыми учеными всех веков, стремиться внести свой посильный вклад в развитие науки. Кто знает, может, и среди вас сегодня находятся свои Платоны и «Невтоны», Коперники и Ломоносовы!

Известную Ломоносовскую формулу «Через учение — к счастью!» можно большими буквами начертать на фронтоне каждой школы. Для Михаила Ломоносова — знания составляли основу его существования. Знание — это гордость страны и в то же время — огромное счастье для каждого человека.

Вечен и всегда нов призыв: «Учитесь учиться!», ибо знания это наше оружие, наша сила!

В добрый путь, выпускники!

Глава восемнадцатая

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ

Экзамены, как и ожидалось, окончились благополучно. Все девятнадцать выпускников получили «Свидетельства» о восьмилетнем образовании. Но что ждало их? Естественно, в техникумы и училища сможет поступить лишь часть из них. Как же, остальные? В колхозе останутся единицы, значит, определенный процент выпускников окажется в городе, на производстве, к которому они не подготовлены ни духовно, ни физически. И все же большинство ребят станет девятиклассниками Калиновской средней школы. Уже подготовлены для передачи Андрееву десять личных дел.

Ведь — как указывалось на съезде учителей — в условиях стремительного научно-технического и социального прогресса всеобщее среднее образование стало объективной необходимостью и призвано обеспечить всестороннее развитие подрастающего поколения. Осуществление в основном к 1970 -у году в стране всеобщего среднего образования — задача не из легких. Переход на новые учебные планы и программы — вдвойне. И все-таки это станет реальностью, в чем Горичев не сомневался.

В беседах родителей с директором высказывались такие мысли: «Зачем еще два года «мучить» ребенка?». Об этом говорили матери Степана Карнюхина, Фрола Гуляева, Жоры Быкова. Они требовали отдать ребятам документы и не «морочить» головы ни им, ни учителям. Горичев не соглашался. Он считал неправильным мнение большинства родителей, связывающих среднее образование с перспективою поступления в институт. Если в вузы сейчас поступает каждый пятый десятиклассник, то незачем напрасно время тратить, пусть ребята получают квалификация, работая на производстве? Нет и нет. Среднее образование должны получить все школьники, независимо от того, намереваются они поступать в вуз или нет.

— Школьное образование — это тот фундамент, который может помочь выдержать колоссальные нагрузки современного технического прогресса, — повторял он, — сегодня мы создаем

космические корабли, целые автоматические системы, но обслуживать их смогут лишь образованные рабочие.

Там же, где доводы не помогали, Василий Павлович прибегал к букве закона. Маме Степана Карнюхина он вдумчиво разъяснял взгляды первого наркома просвещения Луначарского, который писал: «Невеждою не должен быть никто. Всякий должен знать основы всех наук и всех искусств. Будь вы сапожник или профессор, если у вас закрыта душа к любому из искусств, — значит вы урод. Такой же, как если бы у вас не было ни одного глаза или вы были бы глухими, ибо образование человека заключается именно в том, чтобы все, в чем человечество творит историю и культуру, что отражается в произведениях, идущих на пользу человека, или на его утешение. Или просто на наслаждение жизнью, — чтобы все это было доступно каждому человеку, при этом он имел какую-нибудь специальность».

Общее образование потому и называется общим, что оно имеет в виду каждого человека. На эти доводы мать Карнюхина отвечала:

— Да что мне нарком? Сама понимаю, что учиться надо. Но разве это дело — за десять верст ребенка в школу отдавать? Дома — то он и поможет, если что, и поест вовремя. А там? С чужими людьми? И пить, и хулиганить начнет. Потому что догляду никакого в их общежитии не будет.

— Но в школьном общежитии есть воспитатели, — возразил Горичев.

— Да когда им за всеми басурманами усмотреть, когда дома за одним глаз да глаз нужен. Ведь дети, сейчас какие, пошли? Одно слово — атомные!

Василий Павлович искренне рассмеялся:

— Зря беспокоитесь, — продолжал он убеждать пожилую женщину с густою сеткой морщин на впалых щеках, — дети без надзора не останутся. И вырастут они не басурманами, а настоящими гражданами нашей великой страны. Да и мы, учителя, помощь окажем.

-Ну, если так, — не сразу согласилась мать Карнюхина, — то пусть Степан идет в девятый класс. Только вы накажите Калиновскому директору, чтобы он нас в курсе держал, если что.

— Это деловой разговор. Обязательно подскажем. Хотя он и сам хорошо знает свои обязанности, — ответил Горичев.

Подобные беседы пришлось провести едва ли не с каждым родителем будущего девятиклассника.

На итоговом педагогическом совете было решено двух ребят — пятиклассника Игоря Нефедова и шестиклассницу Машу Холину оставить на второй год, но чтобы лето у них не ушло впустую, позаниматься с ними.

Годовой отчет у Горичева принимал инспектор РОНО Черных Сергей Павлович, одутловатый, приземистый мужчина лет сорока пяти.

— Что это у вас в графе «осенники» стоит цифра «2»? — спросил он.

— Василий Павлович объяснил:

— Предполагаем оставить их на второй год, а пока пусть походят на летние занятия.

— Так не бывает, — усмехнулся Черных, — если оставили на осень, значит, они должны перейти в следующий класс. Иначе не к чему с ними и время тратить, процент успеваемости снижать и по школе, да и в целом по району. Поставь их в графу успевающих.

— То есть, как ребят, перешедших, в следующий класс? — уточнил Горичев.

— Совершенно правильно поняли.

Василию Павловичу ничего не оставалось делать, как исправить отчет. Тонкостей и хитростей в роновской канцелярии он не понимал. Черных же был докой.

Возвратившись в школу, он встретился с учителями и простодушно доложил, что их школа вышла в число передовых.

— Как?! — воскликнула Нелина Маргарита Карповна, — а двое второгодников?

— Осенников, вы хотите сказать?

— Да, именно, их.

— В РОНО распорядились поставить их в графу перешедших в следующий класс.

— Понятно, — глубоко вздохнула Доброва Аксинья Марковна, — во имя процента они и Ветрову то же самое в прошлом году предлагали.

— И что Ветров? — заинтересовался директор.

— Не велика беда, — вмешался Злобин, — что вы, Аксинья Марковна с Маргаритой Карповной, эту осень без дела посидите,

хоть отдохнете. Зато школа вышла со стопроцентной успеваемостью. Это же — Победа!

— Еще одна такая победа, — философски изрек Василий Павлович, — и я останусь без армии, то есть без вас.

Фрол Демьянович не сдержал смеха:

— Верно, Василий Павлович! Учителя вам еще холку накрутят.

— Выраженья бы хоть подбирал, Фрол! — деланно возмутилась Лариса Дмитриевна, — кому ты такое говоришь? Подумал бы!

— Пусть жираф думает — у него шея длинная, — вновь захохотал Злобин. Его радовала неудача директора с отчетом. «То ли еще будет?» — размышлял он про себя.

— Спасибо, хоть с невестой все уладилось, — бросил реплику Степан Афанасьевич Мышкин, — а то бы роды пришлось принимать.

— Мадонна есть мадонна, — двусмысленно изрек Злобин.

Речь шла о восьмиклассницe Любе Феклиной, которую с большими потугами удалось дотянуть до конца учебного года. Семнадцатилетняя девушка готовилась к свадьбе. Об этом было известно всем учителям.

— Вот уж действительно по — фонвизински: «не хочу учиться, а хочу жениться», — процитировала Лариса Дмитриевна.

— Не беда, что 17-летняя девушка решила обзавестись семьей — она взрослый человек, — резонно заметил Столяров.

— Вы ее классный руководитель — вот и защищаете честь своего мундира, — съязвил Злобин.

— Не честь мундира, — отпарировал Аркадий Павлович, — а право и достоинство молодой девушки.

— Можете не уточнять! — издевался Злобин, — ваша логика шита белыми нитками. Феклина — несовершеннолетняя, а это — факт!

— На Украине семнадцати, а в Узбекистане — 16-летние, считаются совершеннолетними, — обронила мысль Прасковья Ивановна Ветрова.

— Ого! То на Украине милой, да в солнечной Средней Азии, — прервал ее Злобин, — а не в России — матушке. Нам эта роскошь не по климату.

Лариса Дмитриевна не выдержала и громко со сладострастием рассмеялась, как ей казалось, довольно остроумной шутке своего нескладного супруга. Оживились и другие учителя. Василий Павлович был доволен, что спало напряжение и можно, наконец, решать важные вопросы, такие, как — летний отдых ребят, переподготовка учителей по новым программам, ремонт школы.

Еще в апреле — мае была проведена большая работа по благоустройству территории школы — починена изгородь, разбиты газоны, высажена аллея молодых деревцев вдоль убранных и окантованных красным кирпичом, дорожек.

На пришкольном участке уже все цвело. Лариса Дмитриевна, при желании, была способна на многое. Под ее непосредственным руководством юные садоводы обрезали и окопали могучие яблони в саду, очистили от сушняка заросли вишен и слив. То же самое проделали с крыжовником и смородиной. И цветоводы не сидели, сложа руки: цветы благоухали и вдоль дорожек и вокруг школы. Юные спортсмены немало потрудились над приведением в надлежащий порядок спортивной площадки. Как-то учитель физкультуры Глеб Максимович Свиридов попросил директора:

— Василий Павлович! Нам бы песочку привезти в яму для прыжков, да и дорожки кое-где посыпать.

— И много?

— Машины две — три.

— Я поговорю с Наум Наумовичем.

Председатель колхоза на просьбу директора отреагировал отказом:

— Что ты, мил человек, — сказал он, — у меня каждая машина на счету. Уборка скоро, а ты с песком пришел. Начнется учебный год, тогда что-нибудь и придумаем.

— Но ребята и летом занимаются на площадке, — спорил Горичев, — у детей нельзя отнимать право на занятия спортом.

— Никто и не собирается, — отклонил все доводы директора Хитров, — я только говорю, что дело терпит. И машин у меня в обрез. Если вам к спеху, так берите телегу на бригаде и возите.

— Но телега одна, а нужд много. В школьных же санках за песком летом не поедешь.

— Ну, как знаешь, — Наум Наумович склонился над бумагами, давая знать директору, что аудиенция окончена.

Так и вернулся Горичев из правления колхоза ни с чем. Песку ребята кое-как натаскали. Благо, залежи его находились поблизости от школы. Но многое ли натаскаешь ведрами такую тяжесть.

С весны Хитров выделил Горичеву под личный огород 25 соток бросовой, не унавоженной земли.

— Твори, выдумывай, пробуй! — скаламбурил он.

— Без удобрения здесь одна полынь расти будет, — грустно заметил Василий Павлович, — почва-то, глинистая.

— При случае, подбросим, — пообещал председатель, — не навозу, так из минеральных удобрений что-нибудь.

Горичев, не полагаясь на слово Хитрова, и — дабы не предаваться утопическим грезам, попросил Наума Наумовича выписать ему пару мешков виковой смеси.

— На что это тебе? — удивился председатель, — тебе картошку, овощи растить надо, чтоб к столу.

-Много ли мне надо, — ответил Горичев, — а вот виковая трава для маминой коровы как раз на суглинках и вырастет.

— Ну-ну, делай, как знаешь, — покачал головою Хитров и подписал бумагу на выдачу викового зерна.

Сейчас личный участок директора напоминал колхозное поле — сплошная зелень, а где вика не взошла — цвел осот или колыхалась на ветру полынь.

Первое мая в школе отметили торжественною линейкой, а в День Победы отряд участников игры «Зарница» побывал на параде в райцентре. Им руководили сам Горичев и физрук Свиридов. Выправка участников шествия, форма одежды и снаряжение, движение строем и строевая песня получили хорошую оценку организаторов парада. Рощинцы вернулись домой, вдохновленными воинами, полными самых ярких впечатлений.

Программы по всем учебным предметам были выполнены. Выдержана и годовая сетка часов. Если в начале учебного года Василий Павлович, посещая уроки, делал разбор их на совещаниях при директоре, то позже ограничивался лишь индивидуальным разбором.

Много уделял внимания молодой директор работе классных руководителей, которые также подвели итоги прошедшего учебного года, а некоторые из них составили на ребят характеристики. Результаты воспитательной работы рассматривались на педсоветах и совещаниях, на которых неизменно присутствовали учителя Доловской начальной школы. Выяснилось — все кружки, факультативы, секции справились со своими задачами, сохранили основной контингент учащихся в них до конца года. Юные биологи подготовили коллекцию растений, гербарии. Юные историки накопили массу материалов по краеведению: письма, дневники, альбомы, газетные вырезки, книги. Юные техники, под руководством Аркадия Петровича Столярова, устроили в конце учебного года выставку своих поделок — модели кораблей, самолетов, различных приборов и приспособлений. Сам Столяров на секции учителей труда в райцентре сделал удачный доклад о результатах его творческих экспериментов.

Библиотекой в школе заведовала, по совместительству, Доброва Аксинья Марковна. Число книговыдач в целом и по жанрам в прошедшем году значительно возросло. Библиотека пополнилась произведениями писателей — классиков. И все-таки Василий Павлович не мог оставаться полностью довольным библиотекой — слишком незначительным был ее фонд. Да и размещался он не в специальном помещении, а в шкафах, пристроенных в коридоре, из-за чего прямого доступа у ребят к книгам не было.

Комитет комсомола подвел итоги выполнения поручений. Семнадцать пионеров стали комсомольцами. Таким образом, численность комсомольской организации, после ухода восьмиклассников, осталась прежней. После Зои Столяровой комитет возглавила Жанна Тарасова, серьезная и активная девочка. Прошли перевыборы и в Совете дружины.

И вот наступило лето, именуемое в школе — «пятой четвертью». Не успела завершиться пора сенокоса — пришла жатва. Каждый день механизаторы колхоза имени Чапаева выводили на поля свои степные корабли. В этот период можно было часто слышать слова: «Все в поле!». Действительно, взрослые и школьники, пенсионеры и некоторые представители интеллигенции встречали в поле розовые рассветы и провожали вечерние зори.

В пролетке главного агронома колхоза, бывшего тракториста Степана Извекова, лежала большая охапка гречишной соломы.

— Садитесь! — пригласил он Горичева, — поедем в поле, к нашему орденоносцу Якову Сергеевичу Смолину. Его Василий Павлович помнил еще по выступлению на родительском собрании: скромный, сильный, трудовой человек. Таким он ему показался тогда.

Горизонт полыхал, словно хвост огромной Жар-птицы. За пролеткой вился густой шлейф пыли. Он смешивался с легкими синеватыми струйками тумана, уже обволакивающего низины холмов.

Вот и поле. Глазам директора — агитатора представилась удивительная картина: все в малиновом цвете — и гречишное поле, и закатное небо, и деловито урчащий трактор.

Беседа с Яковом Сергеевичем была летучей:

— Как дела?

— Хорошо. Двадцатый гектар заканчиваю.

— А норма?

— Тринадцать.

— Намолот как?

— Хороший. Зерно чистое.

— Кто же ваш помощник?

— Ваш ученик, а мой сын — Василий Смолин.

— И как он?

— Сметливый малый. Старательный. Добрая смена растет.

— Очень рад за Вас.

— И я за вас. Вы у него со знаком — плюс! Добрые знания даете.

Когда степной корабль Смолиных вновь поплыл по гречишному полю, Горичев продолжал, прерванную беседу с агрономом.

— Яков Сергеевич, — рассказывал Степан Извеков, — одним из первых начал жатву, убирая, — прямым комбайнированием — по пятнадцать гектаров в день. И это, несмотря на то, что ненастная погода не давала возможности вести жатву в полную силу. Сидеть, однако, без дела не приходилось. К тому же, у Смолина поломка произошла — мотор застучал. Пришлось ему с сыном за запасными частями в Орел ехать, а затем комбайн налаживать. Многолетний опыт и сноровка выручили и тут.

Ответственный человек. За две недели августа намолотил Смолин две тысячи центнеров зерна. Настоящий мастер! Его работу можно узнать с первого взгляда: низкий, ровный срез, ни единого колоска, ни единого зернышка — потерь. И солому-то он складывает аккуратно. Впрочем, это забота и заслуга его сына Василия. Славный мальчуган. Шустрый и сметливый. Второй сезон с отцом в поле. Говорит, что окончит в следующем году восемь классов, и в сельхозтехникум поступать будет. Механиком хочет стать. Уверен, что так и будет! Дело свое, технику сызмальства, любит. Да и отцовский пример — перед глазами.

Когда мы подвели итоги уборки, то оказалось, что впереди — агрегат Смолиных. В его активе — две тысячи пятьсот центнеров зерна с убранных трехсот пятидесяти гектаров. Отличный результат!

В период уборки у Василия Павловича было две обязанности: политинформатора и председателя товарищеского суда. Беседы он проводил прямо на полевом стане. Другая же должность требовала специального ритуала — ее в поле не выполнишь.

Произошел такой случай. По наряду бригадира колхозник Аникушин Иван Семенович был направлен на центральную усадьбу за фуражной мукой. Получив ее на мельнице, он встретил в пути некоего Карлова Кузьму Кузьмича, который вез ячмень со склада на ту же мельницу. Тот переложил мешок ячменя на телегу Аникушина и предложил продать его.

И что же? Похищенный ячмень Иван Семенович отвез в деревню Шилово и сбыл гражданке Орловой за три рубля. Учитывая, что Карлов неожиданно умер, Аникушин, ранее не судимый, положительно характеризуется по работе, руководствуясь соответствующей статьей уголовного кодекса, районный отдел милиции принял постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и передал все следственные материалы для принятия мер воздействия в товарищеский суд.

Разговор на суде велся начистоту. Один за другим выступали товарищи провинившегося, осуждая его проступок. Даже механизатор Федот Серов в этот день оказался трезвым и всем своим видом демонстрировал, что не одобряет поступок односельчанина.

— Хороший колхозник не тот, — сказал на суде Хитров, — кто добросовестно работает, но и кто честно живет.

— Как будто сам честно живет?! — подал кто-то в углу неожиданную реплику.

Наум Наумович, пропустив замечание, мимо ушей, продолжал:

— Не в колхозе крадут Аникушины, а у нас с вами, у себя же.

Выслушав обе стороны, товарищеский суд, постановил: «Аникушина Ивана Семеновича за кражу зерна подвергнуть штрафу в размере 25-ти рублей. Его соучастницу в преступлении — Орлову, учитывая ее чистосердечное раскаяние и пенсионный возраст — на десять рублей. Купленное, ею, зерно — конфисковать в пользу колхоза».

После суда Аникушин подошел к Горичеву и сказал:

— Это, правда, Василий Павлович, что в Америке — кто кошелек украдет, того в тюрьму сажают, а кто приберет к рукам железную дорогу, того делают сенатором?

— Бывает и такое, — согласился председатель товарищеского суда, — ибо таковы парадоксы страны, где властвует капитализм.

— Значит, при социализме этого не случается?

— Нет. У нас преобладает общественная (государственная) форма собственности.

— Положим, что так. А вот наш Наум Наумович, например, полсотни баранов направо — налево разбазарил по начальству, да курей не одну сотню, да зерна — без счета. Это, что — не преступление?! — допытывался колхозник.

— Это надо доказать! — насторожился Горичев.

— Доказать можно. Да только бесполезно это.

— Почему же? Закон един для всех.

— Кто мне поверит?

— Судьи.

— А судьи — кто?! — патетически воскликнул он, — не те ли самые, что этих баранов увезли к себе и — съели.

— Простите, но, не зная броду...

— Понимаю. Не суйся в воду. Есть две дырки в носу — ходи и посапывай! Однако, обидно, что мне за мешок ячменя всю душу

вытрясли, а Хитров, сам вор, а все туда же — о честности распинается. Ему верят, а мне — ни на грош.

— Понимаешь — не кради!

— Ну, с этим я завязал — проучили. И с мешком меня Карлов — сбил. С него — не спросишь.

— Верно.

— Да. Выходит, что покойники хватают за горло живых.

— В данном случае, виноваты и вы.

— И другие — не меньше.

На этом и закончилась беседа председателя суда с осужденным. Но она оставила в душе Горичева неприятный осадок — не спокойно в Датском королевстве!

В период летних каникул он только дважды навестил мать. Все остальное время провозился с ремонтом школы и огородом. Три дня провел в областном институте усовершенствования, где прошел спецкурс по переподготовки директоров школ.

Постоянно интересовался: как его ребята провели каникулы?

— Папа, возьми меня с собой, — просит отца, шофера Тимошина, его дочь третьеклассница Галя.

— Ну, что же, садись, — улыбнулся Анатолий Михайлович.

Дорога длинная. Без конца и края. По обе ее стороны, колыхались, отягощенная литыми колосьями золотистая рожь. Ветер мечется у поднятого стекла кабины. Отец смотрит через него усталыми глазами, которые видели немало подобных дорог. Подъехали к комбайну. Бункер с зерном открыл помощник комбайнера восьмиклассник Коля Симонов.

На колхозном току разгружали машину — тоже ученики школы: Толя Самохин, Сережа Пивин и Коля Кисутин. Рядом с током строится столовая, Там помогает строителям Леня Воробьев.

Когда машина выехала с тока, Галя заметила из окна автомобиля группу мальчишек с удочками на плечах. Это заядлый рыболов шестиклассник Сережа Митрохин, пасынок парторга Жарких, ведет свою компанию, на речку Скань — пескарей удить. Нередко наведывался и сам Василий Павлович туда с ре-

бятами. Он тоже, не менее чем Багров внук — Сергей Аксаков, — любитель рыбной ловли.

Затем перед любознательной Галей перебежала дорогу стайка девочек с ведрами и корзинами в руках. Это грибники — Люся Кондрашова с триумвиратом Валентин — Королева, Степанова, Хромова.

Галя тоже провела лето интересно. Ходила в лес — за грибами, ягодами и орехами. В библиотеке у Аксиньи Марковны вместе с подружками книги подклеивать помогала.

Незаметно, как наступило первое сентября.

Глава девятнадцатая

ПОЭТ

4-го сентября 1969 года произошло событие, которое, казалось, не имело прямого отношения к школе, и, тем не менее, наложило свой отпечаток на дальнейшую судьбу молодого директора.

Уже под вечер, когда Василий Павлович был у себя дома и с интересом занимался со своею крохотною дочуркой — Ирина уже умела стоять в своей кроватке, — к крыльцу подъехал вездеход «ГАЗ-69». Из него вышли трое. Встречая гостей, Горичев обрадовался, увидев среди них своего друга журналиста Олега Кленова и знакомого по совместным заседаниям и совещаниям первого секретаря райкома комсомола Евгения Скворцова. Третьего Горичев видел первый раз. Это был русоволосый, среднего роста и весьма энергичного вида молодой человек.

— Знакомься с поэтом, Василий! — широко улыбался Кленов, указывая глазами на незнакомца. Тот не заставил себя ждать и первым протянул увесистую, влажную ладонь. Представился:

— Александр Ручьев, журналист областной комсомольской газеты.

— Рад познакомиться, — сказал Горичев, назвав себя.

Через несколько минут все четверо молодых людей сидели за накрытым Ниною столом и пили спирт — подарок Федосеича. Он предназначался для медицинских целей, но для журналистов и поэтов Василий Павлович, по обыкновению, не жалел ничего. Как не крути — родные души.

Василий смотрел на этого рыжеватого с нарушенной переносицей, собранного в пружину, но в любую минуту готового разжаться для дерзкого поступка парня и размышлял про себя: «Значит, он и есть Ручьев! И это о нем известный писатель высказывался в печати: «Уже малы отцовские рубахи парням, рожденным в грохоте войны». Родившийся «в грохоте войны», и в силу этого, по существу, не ощущавший ее сознательно, воспитанный в мирные годы, Саша Ручьев все-таки стал бойцом. У него

характер бойца. И это накладывает отпечаток на все его творчество. Непримиримость в идейной борьбе должна быть основой основ творчества каждого советского писателя, и этой непримиримостью Саша Ручьев обладает».

Здорово сказано. На поверку же — высокопарно и лживо. Как позже выяснит Василий, он и Саша родились летом 1940 года, с разницей в полтора месяца. Причем, именно на такой срок, Ручьев оказался моложе. Фашисты пришли на Орловщину в октябре 1941 года. Им в это время шел второй год. Отсюда, эпитет «рожденный в грохоте войны» — есть ложная посылка, явно непродуманный образ. Он, вероятно, пришел в голову большому писателю, чтобы польстить только что проклюнувшимуся «орловскому гению».

Это умозаключение придет позже, а сентябрьским днем 69-го, Горичев этих подробностей не знал, а потому с интересом отмечал в собеседнике: и вдохновенную манеру говорить и спорить, и особенно читать собственные стихи.

Олег и Евгений в один голос попросили новоявленного «бойца», порадовать их новыми сочинениями. Саша не позволил долго уговаривать себя. Отложил в сторону вилку. Задумался, и, не поднимая глаз, будто про себя стал декламировать строки из стихотворения «Кошка»:

В этом доме давно не живут -
Обветшалый, стоит в запустении,
И ночами по стеклам скребут
Безголосые старые тени.
Да, пугая покой нежилой,
Свет зеленый блуждает в окошке.
Все хозяева взяли с собой,
Лишь забыли про старую кошку.

Выдержав паузу, Ручьев многозначительно и внимательно оглядел слушателей, слегка дрогнувшим голосом, продолжал:

Скоро холод наступит опять,
Ляжет снег на холмы и долины.
Скоро кошка пойдет умирать
Далеко — далеко за овины.

Всем сразу стало грустно. Василию же почему-то вспомнилась рыжая кошка, которая, съев мышь, отравилась и, чувствуя час гибели, ушла умирать, неведомо куда. Горичеву и впрямь казалось, что это об их кошке так проникновенно написал поэт.

— Хорошо, — выразил свое мнение Олег Кленов.

— Да, — глубокомысленно вторил ему Евгений Скворцов, — обычная кошка может стать предметом поэзии.

— Давай еще, — попросил поэта Кленов.

Ручьев продолжил:

А лес еще листву не сбросил,
А лес еще зеленым был
Но ранний снег, минуя осень,
На землю пышно повалил.
И было в том очарованье -
Что снег летит, а лес не гол.
Зеленый свет без увяданья
Спокойно в белый перешел.

— Просто и точно, — произнес Скворцов.

— Все великое, всегда, просто, — уточнил Олег.

Александр Ручьев, решительно опорожнив стакан разбавленного водою спирта, аккуратно закусив, обратился к хозяину:

— Ты, старик, молодец! Читал я твои стихи и, знаешь, в них что-то есть.

В общении друг с другом, как позже выяснил Горичев, поэты склонны к фамильярности. Обращение «старик» и вовсе было из уголовного жаргона.

— Василий, прочти и ты нам свои стихи. О матери, если можешь, — попросил Кленов.

Горичев совсем не собирался при настоящем поэте показывать себя со слабой стороны. Он знал цену своим виршам. И, подобно Сергею Чекмареву, писал больше для себя. Ломаться, однако, было неприлично. И он прочел посвящение матери, где были такие строчки:

Не раз стояла у угла -
Перед иконою молилась.
У Серафимова крыла
Ночная бабочка кружилась.

Последние строки Ручьев предложил повторить.

— Ну, старик, это прекрасно подмечено:

У Серафимова крыла
Ночная бабочка кружилась.

— Теперь, Олег, твоя очередь, — сказал Евгений Скворцов, — мне очень интересно присутствовать на своеобразном состязании поэтов. Вы — все равно как тургеневские «Певцы» — кто кого?

— Мы, поэты, — больше для души, — не согласился с доводом товарища Олег, — прочитать, что — это можно.

И начал не читать, а декламировать, громко и выразительно, как старательный ученик, свое творение «Победный меч»:

Земля стонала, небу было жарко.
Казалось, что живое все умрет.
И кованый сапог фашиста шаркал,
И в грудь земли уперся пулемет.
Роняли вдовы на дороги слезы,
И волком ветер выл на пустыре,
И труб скелеты на седом морозе
Маячили, как призрак на заре.

Далее автор рассказывал о том, какой пир был устроен «гостям незваным» на советской земле, Закончил так:

Бегут года, но память ветерана
Забыть не может ни разлук, ни встреч.
Мать — Родина с Мамаева кургана
Взметнула к солнцу свой, -
Победный меч!

Ручьев, слушая декламацию, шептал, запоминая, понравившиеся ему слова, обороты, а по окончании чтения сделал замечание:

— Уж больно нарочито! О любви к родине надо говорить тихо, приглушенно, как это умеет делать поэт Владимир Фирсов. Вот, послушайте:

Уезжать не впервые!
Путь до дому неблизкий.
Как столбы верстовые
Вдоль дороги
Стоят обелиски.

Та же тема, но она передана по-своему, свежее, ненавязчиво.

Никто из присутствующих на обеде не стал спорить с поэтом Ручьевым, что было и небезопасно. Саша был нетерпим к пустой фразе. Не терпел он и инакомыслия в оценке стихов, если чувствовал, что его оппонент не подготовлен профессионально. Александр окончил Литературный институт имени Горького. Знал жизнь, тонко улавливал биение ее пульса, многое пережил сам. Его эрудиция не оставляла сомнений. Он мог читать десятки, сотни стихов других поэтов, отмечая особинку в каждом. Такого восприятия поэзии не доставало ни Олегу, ни Василию. Поэтому все его критические замечания они воспринимали как должное.

Первым опомнился Евгений Скворцов:

— Ба! Да мы засиделись. За окном уже темным — темно. Фу ты, и я тут с вами стихами заговорил, — засмеялся он и твердо добавил, — нам с Олегом пора, а вы еще поговорите. У двух ровесников войны, надеюсь, найдется общая тема для беседы.

— Безусловно, — подал свой голос Горичев, — однако на посошок, на дорожку.

Товарищи дружно опорожнили стаканы, не менее активно закусили. Прощаясь, первый секретарь райкома комсомола Скворцов предупредил Василия:

— Ручьев приехал писать статью, Может, что и о школе напишет. Так что смотри — сам понимаешь, какой народ журналисты, Пьют, едят, а у себя на уме. К тому же, если они еще и поэты.

— Учтем, — Василий пожал руку секретаря. Постоял на крыльце дома, пока автомобиль, круто разворачиваясь, не скрылся за высокими тополями. Затем вернулся к столу, где Александр вел незатейливую беседу с Ниной.

— Ну, расскажи, как дела у тебя в школе? — спросил Ручьев, — завидую тебе. Ребят воспитываешь. Серьезным делом занимаешься, Все ли ладится, а?

— Стараемся.

— Кленов рассказывал, что ты на августовском совещании выступал, опытом делился. Школа со 100-процентной успеваемостью — это здорово!

-Так получилось.

— Зря скромничаешь. И секретарь райкома комсомола о тебя хорошего мнения — это что-нибудь да значит!

— Секретарь у нас редкий гость, — заметил Горичев, — и о школе сам знает лишь понаслышке.

-Вот, что Василий, ты мне дай все свои опыты, какие есть. Я посмотрю. Если разрешишь, то лучшие стихи, возьму с собою. Помогу опубликовать в Орле. Ты ведь у нас еще не печатался?

— Пока нет.

Значит, напечатаешься. Ручаюсь. Как это у тебя: «У Серафимова крыла — ночная бабочка кружилась». Здорово. Очень удачный образ! Такого, я ни у кого не встречал. О маме писал и я. Что-то в моих стихах есть созвучное с твоими мыслями. Вот послушай:

По глазам туманы -
На тебя лишь гляну.
Мама, моя мама,
Исповедь моя.
Как же не заметил,
На каких полянах
Отшумела в сумерках
Молодость твоя.

И об отце у тебя неплохое стихотворение. Двадцать два года — на коленях! Это жестоко! Нечеловечно! А, знаешь, мой отец не пришел с войны. Погиб! Мой священный долг написать в его честь поэму. Я бы так ее назвал: «От февраля до февраля». Сгинул в феврале. Что-то есть в этом месяце от пожаров, от войны. И День Советской Армии мы в феврале отмечаем. Симптоматично.

Лишь далеко за полночь Василий и Александр улеглись спать, а ранним розовым сентябрьским утром продолжили начатый разговор, Так продолжалось до полудня, пока к крыльцу директорского дома не подъехал райкомовский вездеход.

На прощание Ручьев тепло и по своему обыкновению, энергично, обнял обретенного в Рощине друга. Подарил на добрую память свой второй сборник стихов «Зеленый купол» с размашистой надписью: «Василию Горичеву, прекрасному русскому человеку. С надеждами! Искреннее — Александр Ручьев».

Через пару недель от Ручьева пришло письмо. Саша писал:

Василий!

Отобрал шесть стихотворений. Отбирал жестко. От души. Понравилось «Гораций». Это хорошо! Особенно вторая строфа. В этом стихотворении ты — весь: твоя душа, твой интеллект — прости за это мудреное слово. Но, ей — богу, тебе следует искать себя в этом ключе. Росинки, былинки, ежевицы, чечевицы, бузина и редька — это не для тебя. Ты думаешь, что у тебя тенор? Нет-нет, не тенор. Твой голос — шире и крепче! Но тебе-то видней. Срочно напиши мне несколько слов о себе.

Твой Александр Ручьев.

Горичев порадовался письму. В его голове даже сложились строфы:

Любоваться почерком -
Радость для меня.
Знать, поэт, ты Рощино,
Посетил — не зря!

Действительно, не зря. Через месяц в областной комсомольской газете, где Ручьев заведовал отделом писем, Василий прочем два своих стихотворения «Бетховен» и «Озимь». Позже были опубликованы «Мне грустить не пристало» и «Курганы».

Что касается «Горация», так горячо тронувшее сердце поэта, то его почему-то не напечатали. По этому поводу Василий искренне сетовал:

К чему безумные овации,
Напрасных спичей перезвон,

Когда хваленого «Горация»,
В газете не увидел он!

Да и стоило ли ставить это в вину только поэту. Видимо, редактор был о его творении противоположного мнения, чем его губернский гость.

Неудача с публикацией «Горация» — это был лишь малый симптом тех неприятностей, которые валом обрушаться на голову директора в недалеком будущем, ибо визит поэта в Рощино, наряду с положительными эмоциями, имел и серьезные негативные последствия.

Глава двадцатая

БУРЯ

Визит Ручьева, стал ударом молнии в пороховую бочку. В тихую рощинскую заводь был брошен камень, круги от которого, словно петля, захлестнули и жизнь молодого директора, и окружающий его мир.

Не прошло и месяца после гостевания Александра в Рощине, как Горичев получил из областной комсомольской газеты письмо на официальном бланке редакции, однако написанное от руки.

Уважаемый Василий Павлович!

Приехавший из командировки Александр Ручьев, заведующий отделом писем газеты, рассказал нам и о вас, и предложил обратиться к вам в плане сотрудничества. Предлагаем вам тему: «Двухлетка: комсомол — сельской школе». Смотрите «Комсомольскую правду» от первого августа 1969 года и нашу газету. Из всех тем, ответвлений, которые входят в генеральную тему двухлетки, вы можете выбрать любую, но ориентировочно можем посоветовать вам следующие: ваша школа и ваши шефы. В чем заключается это шефство? На бумаге и в жизни, шефство за деньги и шефство за идею? С чего начинается, здоровье школьника? (Школьное питание, подвоз далеко живущих ребят в школу, спортивная работа, отопление). И все это — через призму шефской работы, через призму «двухлетки».

Если по каким-то причинам вы не сможете сейчас взяться за перо или вас не заинтересовала эта тема, то, пожалуйста, напишите нам.

Отдел учащейся молодежи.
Сергей Андреев

Письмо озадачило Василия. Не потому что его не взволновала предложенная тема. По опыту своей журналистской практики он понимал, что писать в газету — это значит вызвать огонь

на себя. И колхоз, и райкомы, и РОНО остро отреагируют на печатное слово, а он, **посеявший ветер, пожнет бурю**. Ведь именно Ручьев и должен был написать статью о двухлетке. За тем и приезжал. Хитрый поэт! Он его просто подставляет.

Горичев посоветовался с женою. Высказал свои опасения. Нина согласилась с его доводами, что критический материал будет вызовом тем, кто лицемерие сделал нормой жизни, кто не хотел бы, как говорят, «выносить сор из избы».

Василий написал в редакцию, что корреспонденция его может быть лишь отрицательной. Из «Комсомольца» отозвались по-деловому: «А ведь это и есть тема: комсомолия колхоза малочисленна и пассивна, Помощи школа не получает много лет. Городских шефов нет».

По тону письма, Василий чувствовал, что Андреев оставляет вопрос открытым. Памятуя, что на добро (публикация стихов) нужно отвечать добром, он решил — будь что будет, и взялся за перо. Писать было нетрудно — живой материал перед глазами. В начале декабря 1969 года в «Комсомольце» опубликовали его, занявшую целую полосу, снабженную подзаголовками и рисунками статью «Мы ждем вас, шефы».

В разделе «Стенограмма школьных забот» Горичев дал характеристику школе через отрывок из дневника от 20 августа 1968 года, и далее — извлечение бесед с педагогами:

«В учебной мастерской надо подключить станки. Я мог бы заняться этим и сам, но у нас нет оборудования: ни рубильников, ни переключателей, ни проводов. В колхозе тоже нет — я спрашивал. Их нужно доставать в городе». (Из беседы с учителем труда Столяровым)

«Никак не соображу, как мне изготовить приборы для географической площадки. Тут нужны технические навыки, а у меня и у ребят их, к сожалению, нет. Вот если бы у нас были заводские шефы». (Из разговора с учителем географии Злобиным)

«Ребята уезжают из села, Окончат 8 — летку, и в город. Вот было бы хорошо, если бы сельские комсомольцы помогли нам решить проблему профориентации, но их в школу не дозовешься. А можно было бы и совместную художественную самодеятель-

ность организовать и читательские конференции проводить». (Из беседы с библиотекарем Добровой)

«Вот уже второй месяц возимся с ремонтом школы: парты, стены, окна. Объем работ еще большой, а краски в обрез. Опять ищи — свищи. Пропал мой отпуск. Но видно такая уж судьба у сельского директора. Помощи — ниоткуда. Спасибо школьникам. Какие они у меня молодцы! Да с такими мальчишками, как Володя Мишин, Вася Шанин, Коля Шишкин, Леня Зенов — можно и горы стронуть. Вон как мастерски Леня Саутин и Коля Симонов трубы оштукатурили, ну, право, как заправские печники. Что я смог бы и успел без них?!». (Из дневника директора школы)

«ДВУХЛЕТКА» — что это такое?

Поистине большие проблемы приходится решать сельской школе. И они не ограничиваются только хозяйственными заботами. На переднем плане, как всегда, учебная и воспитательная, просветительная работа. Вот почему я считаю весьма актуальным решение шестого Пленума ЦК ВЛКСМ (декабрь 1968) о двухлетке.

Согласно разработанному райкомом комсомола и его штабом плану мероприятий «двухлетки», за каждой сельской школой должны быть закреплены шефы — комсомольцы промышленных предприятий города и сельские комсомольцы. Это, — должны. А на деле? Судите сами.

«Да, к сожалению, за вашей школой шефствующего предприятия не закреплено, но мы это уладим. К вам приедут комсомольцы с нового завода. Они вам окажут помощь в художественном оформлении школы, в организации кружка технического творчества. Кроме того, за вами числятся комсомольцы колхоза имени Чапаева.

— Разве только числятся.

— Они обязаны вам помогать».

(Из телефонного разговора, с первым секретарем райкома комсомола Скворцовым)

Однако — предоставим слово самой колхозной комсомолии.

— О «двухлетке» я ничего не слышал. В чем ее суть — не

знаю. Да и все наши 14 комсомольцев — тоже. Никто в райкоме нам ничего не говорил. Сами такой инициативы не проявили. Ни на комсомольском собрании, ни на бюро мы ею не занимались.

— В разработанном районным штабом планом мероприятий сказано, что комсомольская организация колхоза имени Чапаева принимает участие в строительстве Дома учителя при Рощинской школе. Вы знаете об этом?

— Нет.

— Я тоже. Меня как директора, никто не уведомлял ни о каком строительстве. И вообще, как-то странно и необдуманно составлялся вышеупомянутый план.

— Это верно.

— Да, кстати, — не отступал я, — вы тоже учитель. И в этом году были застройщиком.

— 18 ноября новоселье справил.

— И вам, конечно, помогли ваши товарищи в постройке дома?

— Никто, кроме родственников.

— Выходит, что вы сами плохо воспитывали своих комсомольцев?

— Получается — так.

(Из беседы с воспитателем Доловской начальной школы, бывшим секретарем комсомольской организации колхоза Анатолием Прохорцевым)

— Здравствуйте, Зина! Пригласите, пожалуйста, к телефону вашу тезку, секретаря комсомольской организации Галкину.

— А ее нет. Она на сессии в сельхозтехникуме.

— Тогда ее заместителя.

— Валь (голос в трубке), а кто у нас заместитель секретаря?

— Завклубом Клава Собина. Но ее тоже нет — она в отпуске.

— Кто за нее?

— Не знаю.

— Но вы же член комсомольского бюро?

— Откуда вам это известно?

(Из телефонного разговора с бухгалтером колхоза,членом комсомольского бюро Зинаидой Мухиной)

И еще один эпизод.

Моросил дождь. Изрядно промокший, я с трудом вытащил свои пудовые сапоги из грязи и, облегченно вздохнув, вступил на серое полотно асфальта. Меня догнал грузовик. Дверца распахнулась. Меня пригласили в кабину. За рулем сидел мой деревенский сосед — молодой, крепкий парень Алексей Фирсов. Разговорились.

— Ну, как ваша комсомолия? — спросил я.

— Спит, — улыбнулся Алексей.

— И ты то — же?

— И я.

— О комсомольской «двухлетке», слышал что?

— Слышу от вас.

Я подробно изложил Фирсову идею этого важного дела.

— Теперь, когда она уже, на втором витке, вы, может быть, раскачаетесь?

— Вряд ли. Своих забот полно — не до общественных мероприятий.

Окажите содействие

В новом Примерном Уставе сельхозартели предусмотрено, что колхоз содействует родителям и школе в правильном воспитании детей, поддерживает тесную связь со школой, оказывает помощь органам народного образования в производственном обучении детей, предоставляет школе земельные участки, технику, семена, удобрения и транспорт, обеспечивает трудоустройство выпускников школ в колхозе.

Однако, сельхозартель имени Чапаева, на территории которого находятся Рощинская восьмилетняя и Доловская начальная школы, еще недостаточно помогает нам, учителям, в решении этих важных задач. Вот, например, как решается проблема транспорта — своим школа не обеспечена. Чтобы подвезти ребят к школе или завезти продукты из магазина в школьный буфет, необходимо занимать очередь за подводой.

— Может быть, в колхозе лошадей нет? — спросите вы.

— Лошади-то есть, а вот ходов — маловато. В бригаде одна телега — нарасхват она.

О каком содействии в строительстве дровяного сарая или переводе школы на водяное отопление (в ней 13 печей!) может идти речь, когда мы до сих пор не смогли завезти песок на спортплощадку.

Очень жаль, что и колхозная комсомолия утратила свой юношеский задор и самоустранилась от всякой общественной работы. А ведь помощь школе — это ее первый долг. Большинство из 14-ти комсомольцев имеют среднее специальное образование. И кому, как не им участвовать в организации труда, на школьных новостройках, оказывать помощь в ремонте их зданий. А разве сняты вопросы учебной и воспитательной работы в сельской школе, повышения ее роли в идейно-политическом, эстетическом и физическом воспитании подрастающего поколения?

Всегда следует иметь в виду, что сельская школа оказывает воздействие не только на детей и подростков. Она во многом определяет уровень всей духовной и культурной жизни села и прямо связана с решением таких задач, как закрепление молодежи на селе, улучшение условий ее труда и отдыха, повышение общественной активности сельского населения.

Мы, сельские учителя, хорошо осознаем огромную свою ответственность за решение этих важных задач. Но в одиночку нам их не решить. Вот почему мы так горячо рассчитываем на коллективную помощь в нашей многотрудной работе со стороны колхозных комсомольцев, коммунистов артели, родителей, учащихся. Мы надеемся также на активную помощь и от обещанных нам городских шефов: Комсомольцев — производственников.

В налаживании живой связи с шефами нам, конечно, должен посодействовать районный штаб «двухлетки» во главе с первым секретарем райкома комсомола Евгением Скворцовым.

Василий Горичев,

Директор Рощинской восьмилетней школы

Данная статья «Мы ждем вас, шефы!» расшевелила всех. Через неделю в школу заглянула заместитель секретаря колхозной комсомолии, она же завклубом Клава Собина. Доверительно сообщила:

— Что там было! Как ураган прошел.

— Где? Что?

— Я и говорю — у нас комитет заседал. Готовили ответ в редакцию на вашу статью. Наум Наумович много плохого, на вас наговорил — прямо ужас! И — что ребят осенью в колхоз не дали, и что зазнались. И что тень на колхоз навели. Распорядился, чтобы мы ответили в редакцию, что вы — клеветник.

— Вот как! — удивился Горичев.

В тот же день Василия Павловича вызвали в сельский Совет. По телефону из райцентра звонил Евгений Скворцов:

— Ну, ты, Василий, наделал шума. **Целую бурю поднял!** Неужели нельзя было по-товарищески, без выступления в газете обойтись? На тебе — прославил райком на всю область! На нашем отрицательном примере сейчас других учат. Ну и удружил, — и, перейдя на официальный тон, распорядился, — завтра явитесь на прием к третьему секретарю райкома партии Велихову Игорю Семеновичу.

— Да, но почему не к Гордову Климу Ферапонтовичу? Он же — третий!

— Гордов освобожден.

— Давно?

— Только что. Он будет работать директором третьей городской школы.

При таком неожиданном известии, Василий не удержался, чтобы экспромтом не скаламбурить. Прочел в трубку:

Но, как не пыжился Гордов,
Он все-таки не стал Орлом,
В глазах учителей упал -
Стал тем, кого критиковал!

— Удивляюсь тебе, Василий! — возмущался Скворцов, — ты такую кашу заварил — не расхлебать! У тебя же еще хватает решимости — стихи сочинять. Ручьев, видать, на тебя плохо влияет. И статью, чувствую, с его подачи, в печать дал. В общем, завтра — на прием.

— Новому секретарю, может, какие документы потребуются?

— Не думаю. Он просто хочет познакомиться и поговорить о твоей корреспонденции.

На следующий день, провожая мужа в дорогу, Нина Афанасьевна умоляюще просила:

— Ты, Вася, будь, пожалуйста, в райкоме выдержанней. Кому нужна твоя, принципиальность?! Сейчас в цене — Молчалины, а не Чацкие.

— Как же без принципиальности? — твердо возразил супруг, — так можно и все лучшие качества человеческие растерять. Чему нас партия учит? Критике и самокритике. Причем, снизу — доверху.

— Вечное «Горе от ума»! Я же в теории партии, сам знаешь, не сильна. У меня лишь среднее специальное образование. Одно знаю, что в реальной жизни редко бывает, чтобы кто-либо сам себя высек. Это, если верить Чехову, сделала лишь одна унтерофицерская вдова. Тут же высокое начальство — сила — то, какая! Ты же, правду говорят, бурю устроил. На революцию замахнулся! Тебе и ответ держать.

— Ну и что?!

— А то, что с волчьим билетом на все четыре стороны отправят. Тысячу раз прав будешь, а не оправдаешься.

— Выходит, с богатым не судись, а сильным не борись. Так, что ли?

— Хотя бы и так. Кто же его знает, что это за человек — новый секретарь.

— Не долго осталось ждать. Через два-три часа узнаем, — пытался пошутить Василий Павлович. Но жена не приняв его шутки, добавила:

— Если что — к редактору сходи, к Лукьянову. Константин Петрович тебя любит, сам признавался, поможет.

— Зайду, — пообещал Горичев, усаживаясь в легковые санки.

Он, энергично тронул коня вожжой, — с богом! Нина же, помахала вслед рукою дорогому человеку, которого все более скрывал от ее глаз снежный вихрь.

Игорь Семенович Велихов показался Горичеву человеком более рассудительным и уравновешенным, чем Гордов. Но было в нем что-то от позы самолюбования. Когда он говорил, создавалось впечатление, что он слушает, подобно певчему глухарю, только себя. Не замечая вокруг ничего и никого, в том числе — и своего собеседника, будто сам с собою разговаривал.

Преемник Гордова был еще молод. Лет тридцати пяти, не больше. В аккуратном костюме. Руки в карманах брюк, как это позволял себе Клим Ферапонтович, он не держал. Предпочитал располагать их на свободном от лишних бумаг столе.

И лицом Велихов был довольно симпатичен. Округлые, как у девушек, брови, румяные щеки, полные губы. Вот только смущали глаза. Хотя они были обыкновенные, карего цвета. Но глядел он ими куда-то в сторону или поверх головы посетителя. Василий где-то читал, что если человек избегает смотреть собеседнику прямо в глаза, то это признак скромности или робости, или совесть его не чиста.

— Прошу садиться, — предложил Велихов.

— Благодарю.

— Так это вы писали в газету о «двухлетке»?

— Я.

— И что же побудило вас, серьезного человека, взяться за перо? Желание получить гонорар или что-либо другое?

— Желание улучшить положение дел.

— Что вы имеете в виду?

— Шефскую помощь.

— Вам ее не оказывают?

— Нет.

— И колхоз? Разве Наум Наумович о школе не думает? А кто пристройку сделал, мастерскую построил. Не Хитров ли?

— Но это было раньше, до «двухлетки».

— Да что вы заладили: «Двухлетка — двухлетка»! — Игорь Семенович явно выходил из себя, — этот вопрос вы с комсомолом решайте, а у нас с вами разговор особый.

— О чем еще?

— Все о том, чтобы вы зарубили себе на носу, что нам директора, а не журналисты нужны. Писак у нас своих хоть отбавляй — целая редакция!

— Но, свобода печати. С нею как же?

— Вы же не мальчишка, чтобы мне вам по нескольку раз повторять одно и то же. Добром не возьмем, сделаем оргвыводы.

— Как понимать?

— Так, что мы сочтем, что вы еще не дозрели для директорской должности. Если уж так не терпится сочинять, то, пожалуйста, пишите в «Светлый луч». Никто ничего не скажет. По-

нять нужно одно, вы — райкомовская номенклатура. К тому же и наш коммунист. И не к лицу вам, члену партии, свой район чернить перед всей областью.

— Я и не черню.

— Вы опять ничего не понимаете? Тогда нам с вами придется расстаться.

После нескольких многозначительных фраз Василий Павлович Горичев покинул кабинет секретаря с твердым намерением уйти с работы добровольно. Не ждать, когда в райкоме партии окончательно сделают обещанные Велиховым — «оргвыводы».

Побывав в РОНО, он оставил там же написанное заявление об освобождении от занимаемой должности.

Заведующий, тихий человек с маленькими, мышиными глазками, Иван Трофимович Круглов, держа заявление в дрожащих руках, обронил:

— Как же это — в середине года?

— А что мне делать?

— Смириться.

— С чем? С беззаконием?

— Со своим положением. Тихо и спокойно сидеть в Рощине. И трудиться, как раньше. У тебя же все не плохо получалось до этой каверзной статьи.

— Но в райкоме сказали.

— Вы — новичок и не знаете, что там всем такое говорят. Меня то же, не раз пугали. И ничего — работаю. Уходить всерьез надумаю, то, верю, что не отпустят.

— Почему?

— Да, кто — же добровольно возьмется этот груз на себе везти. Ведь кто такой заведующий РОНО? Не знаешь? Отвечу — слуга трех господ! Считай: ОБЛОНО — раз, райком — два, райисполком — три. Я уже не говорю о всевозможных внутренних противоречиях. Обязанностей — поверх головы. Права? Да, собственно, — никаких. Учителя — без Клима Ферапонтовича или теперь без Игоря Семеновича — я своей властью взять на работу не могу и уволить тоже. О директорах же школ и не заикаюсь — это уж их законная прерогатива.

Василий Павлович внимательно слушал откровения своего непосредственного начальника. На мгновение вспомнил убеж-

дение некоторых своих университетских друзей, что через год он станет заведующим РОНО, и грустно улыбнулся. В директорах ему было куда веселей, чем его шефу — спокойному и скромному человеку, который сказал ему.

— Езжайте к себе в школу и обо всем забудьте.

— А как же с моим заявлением?

— Пусть пока у меня полежит. С Велиховым я встречусь. Обсудим. Но до конца учебного года, полагаю, тебе придется поработать.

Дружески простившись с Кругловым, помня наказ жены, Горичев направился к журналистам газеты «Светлый луч». Первым, кого он встретил в редакции, был его улыбчивый, никогда неунывающий друг Олег Кленов. С ним Василию всегда было уютно, светло и радостно.

В отделе писем, которым Кленов заведовал, он был не один. За соседним столом сидел незнакомый парень — плотный, круто плечистый, с приятным лицом. В его руках находился блокнот с авторучкой. Олег представил его Василию:

— Владимир Петров — корреспондент областной партийной газеты.

После обмена рукопожатиями Кленов предложил Василию, как он любил выражаться, — «выложиться», освободить свою душу от черной накипи сомнений и разочарований.

Горичев откровенно, без утайки подробностей, рассказал о своей Одиссее, не щадя ни своих оппонентов, ни собственного самолюбия.

— Вот видишь, Володя, что проделывают наши патроны! — горячо воскликнул Кленов, обращаясь к Петрову, — знай, край да не падай! Бьют — терпи, секут — молчи. Посапывай в две дырочки в носу. Хозяев же тронуть не смей. Сорвешься — угодишь в самое пекло. И не помогут выбраться. Ты думаешь, я сгущаю краски. Ведь, что с Василием, то же самое с начальником районного финотдела было. Как-то сказал Первому в райкоме что-то невпопад. И что же? Теперь работу новую ищет. Таких примеров сотню могу привести.

— Обычные районные будни, — философски заметил областной корреспондент.

— Склоки, — хочешь сказать? — уточнил Олег.

— Вот именно, — подтвердил Петров.

— Но за ними стоят человеческие судьбы. Нередко — судьбы людей честных и справедливых.

— За правду тоже нужно уметь постоять! Вы здесь районная власть — вам и карты в руки. Действовать надо!

— Но, что мы можем, если сам Константин Петрович навытяжку перед Первым стоит? Нет, без поддержки в области мы обречены на прозябание. Ведь наши районные государи действуют по древнему принципу: «разделяй и властвуй». Попробуй, выступи в чью — либо защиту — так на тебя такое досье подготовят — не возрадуешься.

— Бывает и такое, — хладнокровно согласился Владимир Петров, — но вы же не безголосые. Не забывайте, в какой стране живем.

— Мы-то помним, — протянул Кленов, — а вот те, кто наверху, наверняка об этом забыли. Почивают на лаврах социалистических завоеваний. Все законы под себя подмяли. Народу — труд и кнут. Они же все к рукам гребут.

Разговор неожиданно прервался из-за появления бывшего районного газетчика, ныне заведующего организационным отделом райкома партии Жоры Смагина. Тот сдержанно поздоровался, подозрительно оглядел присутствующих, и спросил:

— Шеф здесь?

— Должен быть у себя, — ответил Кленов.

Когда же за Смагиным закрылась дверь, Олег не без иронии заметил:

— Вот «кому живется весело, вольготно на Руси». Задай ему начальник вопрос: сколько будет дважды два? Думаете, он скажет — четыре! Не тут-то было. Он осторожно спросит: а сколько надо?

— О таких людях, говорят, что они бесхребетные поддержал Горичев.

— Да, он еще и твой хребет переломит, если ему прикажут, — предупредил Олег, — отца родного не пожалеет ради собственной карьеры и выгоды.

— Приспособленцев, — мудро изрек Петров, — всегда насквозь видно, как бы они не маскировались.

— Ему плевать на наше мнение. Он, как Кентавр, пасет свое счастье. У кого из нас есть личная машина? Ни у кого, а у него —

«Москвич». Приличная квартира? Тоже — нет. Хотя ты, Володя, и МГУ закончил и в область по направлению приехал. Пока же угол получишь — горя хлебнешь! О себе, о Горичеве, я уже и не говорю. Нам еще долго свои гнилые полати греть придется. А у Смагина? Двухкомнатная квартира, с улучшенной планировкой — на троих жильцов. И досталась без хлопот. Почему? Рука есть. Родная сестра — заведующая районным финотделом. Брат — в Москве — крупный чиновник. К нам в райком наведывался, и всегда так: кому вершки, а кому и корешки.

После беседы с единомышленниками, Горичев несколько успокоился, почувствовал облегчение. Кленов еще долго распространялся о бюрократах и прилипалах, возмущался равнодушием горсовета, который не помогал ему — ответственному секретарю общества охраны памятников возрождать славу города, увековечивать имена его славных земляков.

— Собор стоит с ободранным куполом, Ведь в нем сам Иван Грозный с царицею венчался. На нем куранты, как в Москве, часы отбивают, — говорил он, — а горсовет никак смету на его ремонт не утвердит. Сколько поэтов, писателей, героев Шипки, гражданской и Отечественной войн дал стране наш район и сам город? Десятки. Я собрал гору материалов, частично опубликовал, чтобы привлечь внимание общественности. И что — же? Все согласны, что дело хорошее, а как заведу разговор о мемориальных досках, о памятниках — все в кусты. Накладно, мол. Но разве эти известные люди не заслужили, чтобы увековечить их имена? Расходы окупятся. Мы ведь должны воспитывать у юных чувство патриотизма, а на голом месте высоких душ не воспитаешь. База нужна. И материальная и моральная.

Вот Рощинская школа, например, историю колхоза написала, историю театра пишет. Связи с родственниками погибших фронтовиков поддерживает. Свою, по примеру Петра Первого, кунсткамеру создала, где всякая всячина есть, в том числе — и древнейший каменный топор.

— Уже нет, — вставил свое слово в рассуждения приятеля Горичев.

— Где же он? Мы писали о нем в газете. Я еще помню такие строки: «Археологи установили, что в верховьях реки Оки и ее бассейне в первых веках нашей эры жило древнеславянское племя вятичей. Об этом свидетельствуют городища, расположенные

на территории нашего края. При раскопках этих городищ были найдены — кремневые топоры, ножи, наконечники. Так, в 1958 году были найдены десять кремневых топоров и заготовок. А летом этого года краеведческому кружку Рощинской восьмилетней школы была передана интересная находка жителя местной деревни Ивана Прохорова — лопастный топор — сверленный, серого цвета, найденный в пойме реки Скань». Ты же писал?

— Я, — подтвердил Горичев.

— Куда же делся топор?

— Александру Ручьеву подарил,

— Поэту Ручьеву? — переспросил Владимир Петров, — знаю его. Он настоящий коллекционер. У москвичей научился антиквариат добывать у простодушных знакомых. Для этого и организует вояжи по районам. В качестве прикрытия — демагогия под лозунгом: «Алло, ищем таланты!». Талант если и откроет, то мигом и зароет. Своего же интереса не упустит — дивиденды сорвет. Хитроумный плут — приобретатель. В его доме есть многое — от старых икон и книжных фолиантов да гарпунов.

— Он у меня еще школьный звонок выпросил. На нем — старославянская вязь, и сам он напоминает Царь — колокол с колокольни Ивана Великого в миниатюре, — признался Горичев, — сказал, что в обмен пришлет новый, изготовленный на заводе приборов, колокольчик, Он, мол, еще звонче будет.

— Смотри, а то дождешься, — весело рассмеялись товарищи.

— Ручьев и подбил Василия, через третьих лиц, в омут с головой броситься, — сказал Олег, — статью о «двухлетке» написать. Это была его задача. Он же ее свалил на Горичева, когда проведал, что он — профессиональный журналист.

— Это в его амплуа. Ручьев по части комбинаций и Остапа Бендера за пояс заткнет. Правдами — неправдами, он свой миллион собьет.

— Володя, ты, как истинный поэт — стихами заговорил, а как будет называться твоя книжка? — спросил Кленов.

— «Стихи о пережитом», — ответил Петров, — в Приокском книжном издательстве выходит.

— Вот оно что, — сообразил Горичев, — оказывается Петров тоже поэт! То-то Кленов уж больно к нему доверчиво относится, — чувствует собрата.

Когда же Владимир Петров ушел в город по своим журналистским делам, Василий направился в знакомый кабинет редактора газеты.

— А, земляк, — заходи, — пробасил Константин Петрович Лукьянов, протягивая Горичеву свою тяжелую руку, — усаживайся. Рассказывай — как твоя хозяйка, как «лепесток» себя чувствует?

— Нина Вам передавала привет. Дочь Ира — веселая и здоровая. Скоро самостоятельно бегать будет.

— Ну, подросла, значит! Помню летом, когда я к вам наведывался, она еще ползала. Сидела. Растет, расцветает твой «лепесточек».

— Мы еще в тот день вместе сфотографировались.

— Да, помню. Борис — фотограф показывал снимок. Вроде что-то получилось. А как у тебя дела в школе? Злобин не буйствует? Он ведь директоров не жалует — изводит. Все пытается сам к власти придти, но пока начальство в районе не сменится, ему веры не будет. Скомпрометировал он себя.

— Да что — Злобин?

— Что? Или, кто еще шум поднимает?

— Я не о том.

— В чем же дело? Отчего такой пессимизм?

— Я заявление на увольнение подал! — выпалил Василий.

— Когда?

— Сегодня. Только что.

И Горичев подробно рассказал Константину Петровичу всю историю со статьей о «двухлетке».

— Ну, это ты, брат, погорячился. Прав Круглов: среди года директоров не освобождают — коней на переправах не меняют. Да и в трудовой книжке будет написано директорского стажа полтора года — не солидно.

— А два?

— Это уже серьезнее воспринимается. И, что же ты надумал?

— Меня сестра двоюродная в Ленинград зовет, Предлагают должность преподавателя.

— Ленинград — это неплохо. Однако повремени. Такой мой тебе совет: не горячись! В молодости дров наломаешь, в старости трудно придется. Подумай, — ты же директор школы, комму-

нист! Нельзя так. А Нине привет передай. И дочке тоже. Да-да, и о них тебе поразмыслить надо. За окном — что? Зима, брат. Буря мглою небо кроет.

В этот короткий декабрьский день Горичев вернулся в Рощино затемно. Потонувшие в сугробах дома светились окнами разных цветов и оттенков.

Буря несколько приутихла.

Глава двадцать первая

ЗЛОБИНЫ

Занятия в школе шли своей обычной чередой. Учителя знали о визите директора в райком и слышали о поданном заявлении. Открыто своего сочувствия не выражали, но большинство из них явно не хотели перемены власти. Им нравился строгий трудовой распорядок, который ввел в школе молодой энергичный директор. К нему уже привыкли, так сказать, сработались, и вдруг — начинать сызнова.

Открыто злорадствовал один Злобин:

— Ну, что я говорил — то сбылось, — его ухмылку не скрывал даже папиросный дым, — укатали Сивку крутые горки. Горячо взял — горько упал.

— Да Горичев не за себя — за интересы школы страдает, — неожиданно вступила в защиту директора математик Нелина. Он — смелый и решительный, настоящий мужчина.

— Ха! Как же! Невинная жертва. Бессребреник. Кто поверит?!

«Злобин, Злобин! Почему он так настроен? В чем корень его неприязни?», — задумывался Василий и, по выработанной привычке все обобщать и анализировать, написал статью «Эквилибрист на нервах». Вот ее содержание:

«Свои заметки о мастере эквилибристики на нервах я хочу начать с краткого экскурса в историю. Более двух тысяч лет назад (66 год до нашей эры) знаменитый древнеримский оратор Цицерон раскрыл заговор своего противника Катилины и, возмущенный коварством его замысла, воскликнул: «Как долго, Катилина, ты будешь испытывать наше терпение? Как долго мы будем отражать твою дерзость?».

Не стану касаться мотивов этой блистательной речи, замечу лишь, что его слова пришли мне в голову в связи с весьма конкретными обстоятельствами реалий жизни.

Второй год, как я работаю директором школы, отражая дерзости учителя Фрола Демьяновича Злобина. Второй год, как он

и его супруга Лариса Дмитриевна испытывают терпение всего педагогического коллектива.

Вот и факты. Август 1968 года. Первое знакомство со Злобиным совпало с первой в моей практике тарификации труда учителей. Все были довольны своей учебной нагрузкой, и лишь он один, филолог, слегка выпивший для смелости, попытался подавить меня своею категоричностью: «Учебный год не начнется, если меня не загрузите. Я здесь единственный с высшим образованием и поэтому имею право на прибавку часов».

— Но вам будет тяжело, — пытался возразить я, — у вас и без того 19 часов, и вы — словесник. Проверка тетрадей замучит.

— Не беспокойтесь. За качество уроков я головой ручаюсь. Но если вы пойдете мне навстречу, — голос учителя звучал заговорщицки глухо, — то я вам как молодому директору буду незаменимым помощником. Я сам, слава богу, четыре года это кресло занимал, — он показал глазами на мой скромный стул.

Признаться, я не выдержал такого натиска и сдался, удовлетворив его денежные претензии двумя часами географии, которую до меня вел мой предшественник по должности и которую я, по традиции, хотел вести сам, разумеется, с согласия РОНО.

Мне казалось тогда, что конфликт утратил под собою почву. А когда прозвенел последний звонок моего первого учебного года и наш небольшой школьный механизм сделал последние обороты, я тревожно вслушивался в ритм его «узлов», боясь, что он не выдержит того напряжения, которого потребовал от нас ушедший год.

Воду мутил все тот же Злобин: опоздания на уроки, явка без конспектов, отказы от общественных поручений, прямой саботаж и срывы уроков, невыполнение приказов. Не верилось, что мы имеем дело с учителем. Грубость, шантаж, провокационное подстрекательство — все использовалось им. И это — для достижения одной цели: признания за ним особого, привилегированного положения, среди «досадной мелочи» — других учителей.

Само собой, появились на служебном счету у Фрола Демьяновича устные и письменные предупреждения, разбор его персонального дела на заседании месткома, членом которого он является, на педсоветах. Были и приказы. Только он не внимал никаким взысканиям. Все разборы и разговоры были для него чем-

то вроде укусов назойливых пчел для медведя. Верил Злобин в свою силу. В поддержку весьма активной помощницы, способной, в минуту гнева, и строптивому супругу цветастою фразой — заткнуть рот.

Что же коллектив педагогов?

Председатель месткома Столяров: «Не хочу с ним связываться. Бесполезно. Система наша такая непрактичная, пагубная». Нелина: «Нервов не хватает!». Серова: «Вы, Василий Павлович, поработаете год-два, и — до свиданья, а нам с Демьянычем вместе еще жить и жить». Мышкин и Ветрова: «С ним вы не первый возитесь. Поделать ничего нельзя. Никуда его не переведут. Перевели раз за моральное разложение, и опять он — здесь. От работы его тем более не освободят. Местный он. Так — то и Прокоп Савельич с ним мучился. Придет, бывала, домой. Возьмется за голову и только скажет: «О-е-ей!».

Так и продолжается год за годом противоборство: директор школы и супруги Злобины. Борьба за портфель.

Из беседы с председателем колхоза Наум Наумовичем Хитровым: «Бывший директор Семионичев силился доказать, что свой дом Злобин построил за счет школы. Нечестным путем, но борьбы не выдержал. Другие директора — Нелина, Ветров, уже ничего не пытались доказывать. Заковыристый мужик, этот Фрол!».

Когда мы задаем своим старшеклассникам вопрос: «Твой идеал?», то ребята называют имена Корчагина, Маресьева, молодогвардейцев, Зорге, Гагарина. О цели жизни: служение народу, Родине. О своем долге сегодня — активно участвовать в общественной работе, приносить пользу людям, жить заботами коллектива.

Такие ответы радуют. И все-таки любой педагог не может не спросить себя честно: а нет ли у моих воспитанников разлада между словами и делами, между долгом и поступками?

И как ужасно, если сам педагог — изворотливый обыватель, лгун и просто бессовестный человек. Таким как раз и является наш герой. О профессиональной пригодности Злобина убедительно и ярко говорят материалы инспекторской проверки — из протокола № 5 от 14 февраля 1967 года.

Инспектор Жукова: в пятых и шестых классах русский язык ведет Злобин. Он имеет календарный план, не соответствующий

программам. В нем нет творческих работ, конкретных мероприятий, повторительного материала. Еще хуже по литературе: сложные темы обходит, поурочные планы схематичны. Наглядность не реализует, словарной работы не проводит. Им не выполнено двадцать три творческих и иных работ. Контрольному опросу внимания не уделяет. Успевающие в первой четверти становятся неуспевающими во второй.

Учитель нетребователен к учащимся: книги у ребят грязные, тетради по русскому языку проверяются не систематически, а по литературе, вообще, не проверяются. Работа над ошибками в восьмом классе не проводится, словари имеют не все. Настенный словарь не отвечает своему предназначению. Уроки проводятся неинтересно, апатично. Знания у ребят слабые. Объяснения нового материала учитель ведет по тексту учебника, не отрываясь от него, не углубляя материалов урока. Учитель идет по самому легкому пути в подготовке к урокам и их проведению. (Вспомните: «за качество я отвечаю головой»). Записи в тетрадях по литературе не способствуют усвоению знаний учащимися. Тетради не проверяются, нет в них записей по образцу.

Инспектор Глумов: историю в — седьмых и восьмых классах ведет Злобин. Связь с современностью на уроках отсутствует. Накопляемость оценок мала, наглядность не применяется.

Инспектор Пискунов: беседы по произведениям советских писателей и художников Злобин не провел ни одной

Директор Ветров: на уроке литературы в восьмом классе учитель не исправляет по ходу ответа учащихся — их ошибки. Тема не увязана с современностью. Учитель больше сам отвечает на заданный им же вопрос, учащийся ввиду этого молчит, ибо ему не дают возможности высказаться. Ответ учителя за учеников парализует активность класса, вследствие чего невозможно выявить знания самих ребят (поистине — эквилибрист в педагогике!). На Уроках истории на мой вопрос по пройденному материалу ни один ученик не ответил. Не ответили они и на другие вопросы. Историю учащиеся не знают.

Мои наблюдения: учащиеся седьмого класса синтаксический разбор предложения сделали неудовлетворительно. Учитель Злобин вытягивает своими подсказками ответы, определения обстоятельств и наречий ребята не знают. Наглядные пособия не

используются. Ошибки, допускаемые учащимися на доске, учителем не исправляются.

В таком духе можно писать бесконечно. Вывод: перед нами фигура учителя аморфного, который не любит свое дело, как и детей. Они ему платят тем же: сбегают с уроков, грубят, не выполняют его указания и даже подтрунивают над ним. Тринадцатого мая, например, все семиклассники сбежали с урока своего же классного руководителя. Они объяснили этот поступок грубостью и назойливостью учителя Злобина, скукою на его уроках.

Мнение родителей: мы так рады, что наши девочки не попали к Злобину. В прошлом году никто из его выпуска никуда не поступил.

Что собой представляет Фрол Демьянович, как личность? Каково его отношение к общественному долгу?

Вот факты: «Ремонтом школы — не мое дело заниматься, На это есть учитель труда. Организовать июньский туристический поход — не буду, пусть идет другой. В Калиновскую школу на открытые уроки по плану методического объединения — не поеду, далеко. На лыжные соревнования — не пойду, холодно. Восемнадцать конспектов по физкультуре не представил потому, что их незачем и писать. Отчет о работе ДОСААФ делать не буду, потому что и в районе эта работа не ведется.»

Злобин заменил, по своему усмотрению, географию в шестом классе на географию в пятом классе — потому, что этот предмет там ведет его жена. На воскресник не пойду потому, что работать в колхозе запретил сам Министр, и так далее.

Какой-то древний мудрец сказал, что от одного слова может померкнуть солнце. И это так! Достаточно Злобину открыть рот, как лица у педагогов меркнут, вытягиваются в ожидании удара. И как они бывают рады, когда его громы и молнии обходят их стороной. Но находятся гордые и смелые, свои Данко. Например, учитель Столяров на одном из профсоюзных собраний прямо в лицо заявил Фролу Демьяновичу, что он давно скомпрометировал себя, как учитель, спекулируя на долготерпении коллектива, что он — позер и болтун! На это поистине нужна была отчаянная смелость. Немногие наши педагоги решаются на открытый бой, больше прячутся за спиной директора — так спокойнее. А на легком пути — и звезды ярче и небо голубее.

Еще три года назад, когда Злобин оскорбил председателя Рощинского сельского Совета, его приструнил сам районный прокурор. Появилась критическая статья в «Светлом луче». И что же? Выводов Злобин не сделал. Мои коллеги объясняют это его тайной дружбой с Гордовым, на почве совместным увлечением зеленым змием.

Учительница Калиновской школы Троняева как-то призналась: у меня была возможность перейти работать в Рощинскую школу, но из-за Злобиных не пошла.

Наступил новый учебный год. Радостный год! Страна готовилась достойно отметить 100-летие со дня рождения Ленина. Миссия учителя в этой связи обретала особый смысл. Он — прямой проводник знаний из прошлого в настоящее. Педагогический коллектив — главный «узел» в школьном механизме. Тем досаднее сбои в нем из-за «паршивых овец», затесавшихся в педагогику, отчего в школе с первых же дней, к большому сожалению, отсутствует добрый рабочий настрой.

Прошлогодняя история с тарификацией повторилась и в новом году. Разница лишь в одном: я не отступаю перед ошеломляющим напором супругов Злобиных, объявивших мне бой за часы.

Знать, так назначено судьбой,
Вести со Злобиными — бой!
Хоть ближние дают понять -
Их добрым словом не унять.
И бесполезно — кулаком -
За них РОНО, за них — райком.
За них районный прокурор -
Терпеть приходится их вздор!

Но, я был непреклонен. Лишних часов Злобин, на этот раз, не получил. Фрола Демьяновича била нервная дрожь:

— Ах, так! Ну, я тебе еще покажу, где раки зимуют.

Удивительно, но коллеги, не сомневаются, что Злобины им нервы еще потреплют. Ибо памятуют о беспечности властей, для которых судьба детей, школы, ее директора — пустой звук, уверены, что Злобины — не потопляемы. Яблоко раздора в коллек-

тиве помогает чиновникам держать в узде — принципиальных и честных, а потому опасных педагогов. Таковы гримасы социалистического бытия».

Эта статья, написанная Горичевым больше для себя, ни где им не использовалась. О ее существовании не знал никто — ни друзья, ни враги. И вот теперь, когда над молодым директором сгустились тучи, Злобин, дождавшись своего часа, открыто злорадствовал. Такова уж натура у обывателя — радоваться чужим неудачам.

Как-то Столяров подошел к Горичеву и предложил:

— Василий Павлович! Давайте мы на имя председателя и парторга официальную бумагу напишем. Ну, заявление, что ли! Изложим, в чем, конкретно, нам может помочь колхоз.

— Хорошо, — ответил директор, — я обдумаю эту мысль.

Глава двадцать вторая

СПЕШИТЬ ЖИТЬ

На комсомольское собрание в Рощинской восьмилетке пришли и учителя и несоюзная молодежь. Василия Павловичи комсомольцы попросили выступить по теме: «Надо ли спешить жить?».

Секретарь бюро Жанна Тарасова объявила повестку дня и предоставила слово учительнице литературы Добровой. Спокойным, ровным голосом Аксинья Марковна начала:

— Отрочество. Юность. Говорят, они похожи на белую ночь — свет здесь, рядом, но заря еще не взошла, и во все надо вглядываться. Всматриваться — пристально, внимательно, потому что впереди целая жизнь. Как ее начать? Как ее прожить? Именно в юности впервые встают перед человеком эти вопросы. Именно в юности нужно задумываться над их решением. Потому что потом будет уже поздно.

Итак, ребята, задумываетесь ли вы над смыслом жизни? Каким Вы представляете себе, свое место в ней? Какими хотите стать? В ком видите идеал? Много ли человеку нужно для счастья? Такова, примерно, тема нашего разговора.

Нашей выпускнице Вале Симоновой семнадцать. Сейчас она учится в десятом классе Калиновской школы. Она страстно любит читать книги. И не только читает, но и задумывается над прочитанным. Так вот, читая роман «Как закалялась сталь», она встретила слова — **«нужно спешить жить»**. И — засомневалась.

Почему, — спрашивает она меня при встрече, — учителя все время говорят нам: «Не торопитесь быть взрослыми, вы ими все равно будете», а здесь по-другому: надо спешить жить?

Кто же прав? Большой и умный писатель или учительница, которая желает тебе только добра? А нужно ли противопоставлять позиции учительницы и писателя?

Мы знаем, что эти вопросы волнуют и вас, потому попросили директора школы высказать свое мнение. Пожалуйста, Василий Павлович.

Горичев вышел к столу президиума, оглядел присмиревших ребят, сказал:

— Спешить, ребята, можно по-разному. На мой взгляд, торопиться стать взрослыми, самостоятельными, и — спешить жить — вещи разные. Большинство юных людей стремится встать поскорее взрослыми, чтобы уйти из-под опеки старших. Да кому из подростков не хочется стать независимым и сильным, широко, по-хозяйски шагать по жизни! Иные, подражая взрослым, начинают выпивать, курить, держаться заносчиво. Девчонки — наводить «красоту», дерзить старшим.

Вот почему, ребята, глядя на эту часть школьников, учителя говорят им и их товарищам: «Не спешите стать взрослыми!». А что же значит — «спешить жить»? По-моему, это не растрачивать понапрасну ни одной минуты, ни одного часа.

Знал я одного парня, имя его — Олег Гарусин. Вместе служили в армии. Там окончили курсы по подготовке в вуз. Стали студентами. Я перевелся на вечернее отделение, стал работать и учиться. Олег стал жить «свободной жизнью». Он торопился взять от нее «все». Осенью в колхозе, где трудились студенты, его товарищи, вел себя как бездельник — в поле не работал. Но «легкая жизнь» окончилась. После очередного скандала, с пьянкою его исключили из комсомола и выдворили из института.

Как видите, такая спешка приводит лишь к гибели личности. Да и разве «развлекательная жизнь, наполненная гулянками, бездельем или сытым обывательским довольством, — писал Сергей Чекмарев, — может доставить человеку сильные переживания? Разве такое употребление времени обеспечивает наиболее полное использование этой нашей единственной жизни?».

Что значит — **стремиться быть впереди?**

Расскажу вам о другом парне. Ему восемнадцать. Он только в этом году окончил физкультурное отделение педучилища и впервые стал работать в нашей школе, замещая временно отсутствующего Глеба Максимовича. Вы, конечно, знаете, о ком я говорю?

— Знаем, — послышались голоса.

— О Николае Дмитриевиче.

— Верно, — подтвердил Горичев, — речь идет именно о нем. Об учителе Фомине. Сейчас его нет с нами. Так вот, беседую я с Фоминым:

— Николай Дмитриевич! Мы решили поручить вам классное руководство у шестиклассников. Он один из самых трудных. Возьметесь?

— Но я первый год.

— Знаю, но вы — учитель!

И он согласился. Энергия, жизнелюбие выручили его не опытного учителя. Чего он добился, вы, ребята, знаете. Он организовал футбольную т волейбольную секции, подружил школьников со спортом — это задел педагогической пробы. Не все удавалось сразу. Были удачи и срывы. А как ребята, особенно младшие школьники, огорчились, когда их молодой учитель, которого они уже успели полюбить, уехал — он был призван в армию. Думаю, вы, присутствующие здесь, еще не забыли, сколько он услыхал на прощание от малышей и своих старших коллег теплых слов. Помните, в чем он заверил Вас?

— Помним! — раздалось из зала.

Он заверил, что после службы обязательно вернется к нам. Об одном он просил ребят — это хорошо учиться. Николай Дмитриевич тоже спешит жить. Кто отвечал за комсомольскую работу, вел кружок «Наш Ленинский комсомол», помогал ребятам в проведении Ленинского зачета?

— Фомин! — хором кричали ребята.

— Конечно, он. Он же еще был организатором стопроцентной подписки комсомольцев на областную молодежную газету, помощи колхозу в уборке урожая, воскресников по сбору металлического лома, строительства дровяного сарая.

Кто так хорошо оборудовал физкультурную площадку? Он, вместе с вами. Так нужно ли нам искать книжных героев, когда герои жили и живут среди нас? И в книгах пишут о хороших людях, но надо вам, ребята, внимательно смотреть вокруг себя, лучше узнавать своих товарищей, и тогда вы отыщите свой идеал — «делать жизнь с кого».

Что такое — **радость жизни?**

Это сложное понятие. Каждый мыслящий человек говорит о ней по-своему. Когда мы говорим, что счастье человека в том, чтобы приносить его другим, то это вовсе не значит, будто человек должен всю свою жизнь превратить в жертву. Нет! Задача в том, чтобы желание приносить радость другим стало повседнев-

ной личной потребностью, условием и содержанием собственного счастья.

Чем были счастливы юные тимуровцы? Разве не тем, что приносили радость другим.

— Правильно! — выкрикнул кто-то из ребят.

Горичев продолжал:

— По страницам газет и кинофильму мы знаем славного бойца патриота — подпольщика Рихарда Зорге. Сейчас это имя известно всем. Дети играют в разведчиков, восхищенные мужеством Зорге. Каких принципов придерживался он, постоянно рискуя жизнью?

Даже иностранный дипломат, известный автор книги о Зорге Отто Мейснер признает, что «неистребимая вера в торжество сил разума и прогресса, безграничная преданность идеалам добра, глубокая ненависть к фашизму помогли разведчику в его многотрудной работе».

Эмма Марченко — молодая поэтесса. Ее тоже волнует этот вопрос. Но свои мысли она выразила в таких стихах:

Я не за придуманные чары,
За людей обычных, за живых,
За людей, которых я встречала, -
Умных, человечных, волевых!

Я не знаю, помог ли я вам, ребята. Может, кто-то пожелает здесь выступить. И таким образом поспорит, выскажет свои убеждения. Хочу заключить словами поэта Василия Кубанева: «Будем же жить! Да здравствует жизнь — неуемная, жадная, жизнь в захлеб!».

В зале раздались горячие аплодисменты. И — что удивило Василия Павловича — бил в ладоши даже сам Фрол Демьянович. «Проняло и его, — подумал про себя Горичев, — а может, — лицемерит, юродствует? Чужая душа — потемки!».

Аксинья Марковна, выждав, пока усядется за столом президиума директор, объявила: «Теперь могут высказаться все желающие».

— Можно с места? — раздались голоса.

— Можно, — улыбнулась Доброва, — она понимала, насколько непросто для совсем еще юных ребят этот вопрос: «Надо

ли спешить жить?». Ведь их собственная жизнь, лишь в самом истоке.

— Мое счастье в хорошей учебе, — сказала Надя Тишина, — когда я получаю хорошие оценки, мне бывает очень хорошо. И петь хочется и смеяться.

Зоя Васильева встала со своего места и призналась:

— У меня болеет мама. Поэтому я стараюсь долго в школе не задерживаться, а чтобы помочь ей по хозяйству. И если мне удается вызвать на лице мамы улыбку, то я бываю очень счастлива.

Оля Новикова, симпатичная девочка с тугими длинными косичками, говорила тихо:

Я считаю, что каждый человек должен быть счастливым. Нас учат бесплатно. Дают хорошие знания в теплой, удобной школе — это и есть наше счастье. И еще я думаю: надо любить людей, учителей, своих товарищей. Помогать слабым, заниматься интересным делом, — тогда и придет настоящая радость.

— Молодец, Оля! — похвалила девочку Доброва, — а сейчас слово имеет старшая пионервожатая Римма Ивановна.

Серова — молодая учительница. Ей — двадцать четыре года. Четыре, из них она заочно учится на одном курсе — на первом. Своей профессией избрала биологию, и не из любви к науке, а потому что на другой факультет не попала. И когда Серову отчислили за неуспеваемость, она решила стать преподавателем истории. Для этого ей нужно было вновь поступать в институт. Потребовалась характеристика, и Горичев написал ее. Каково же было изумление Серовой, когда она прочла в ней нелестные для себя эпитеты. С того самого времени, а это произошло в мае 1969 года, Римма Ивановна стала на позицию Злобиных.

«Что же она сейчас скажет о счастье, — размышлял Горичев, — если и семейная жизнь у нее — полна неудач?».

Федот Серов, ее муж, постоянно был навеселе, мешал готовиться к занятиям в школе. Очередная их ссора в сентябре стала событием для всего села. Серова пришла в школу с синяками на лице. Римма Ивановна не выдержала в этот раз тирании, ушла в деревню Шилово, чтобы пожить у родителей. Недавно вернулась к мужу.

Серова говорила громко, с надрывом. Она всегда волновалась, как плохой актер, не умея этого скрывать, при публичном

выступлении. Ведь ее слушают не только ребята, но и учителя. Тем более и этот — умный, принципиальный директор.

— Счастья человеку нужно много, — сбивчиво начала она, — счастье человека не упрячешь за стенами собственного дома. Серенького, уютненького счастьица я не хочу. Счастье, по-моему, это в первую очередь — мир на всей земле. Да — мир! Чтобы не испытывать страха, чтобы можно было творить, строить, жить. И еще я хочу с вами сегодня поговорить вот о чем. Ребята! На школу порой приходят письма, адресованные третьему или пятому по списку классного журнала ученику. Как правило, седьмого или восьмого класса. Это возраст, когда ребята впервые начинают задумываться о смысле жизни, о ее радостях.

Пишут своим ровесникам 15—16-летние девчонки и мальчишка многих школ. Участвуют в подобной переписке, нам это известно, и наши ребята. Насколько трафаретно их содержание можно судить по следующему письму: «Здравствуй друг или подруга! С приветом к тебе ученица восьмого класса Навесненской средней школы. Опишу о себе. Родилась и живу в селе Навесное. Мне 15 лет. Учусь хорошо. Если ты хочешь со мной переписываться, то, пожалуйста, пиши мне по адресу (указывается адрес). О себе много писать не буду. Если получу ответ, то напишу во втором письме больше. Пока — до свиданья! Гладких Нина».

Нине в данном случае не повезло в знакомстве. Ее письмо, адресованное третьему по списку 8-го класса, то есть Донских Людмиле, не вызвало энтузиазма у получателя. Люда сейчас слушает меня и подтвердит это.

Людмила действительно молча кивнула головой. Римма Ивановна продолжала:

— Люда у нас тихая, скромная ученица, дать ответ своему адресату отказалась и разрешила нам вскрыть письмо. Резонно спросить всех юных любителей случайной переписки: на что они рассчитывают, отправляя свои письма? На удачу? Какую же духовную пользу учащиеся из этого извлекают? Не лучше ли написать прямо в школу. Что я (такой-то или такая-то) хочу переписываться с ученицей или учеником такого-то класса, который или которая имеет определенные способности или склонности к тому или иному виду искусства, спорту. Или ученику, увлеченному — техникой, поэзией, музыкой. В таком случае родство

интересов и наклонностей помогло бы взаимно обогатить учащихся, помочь им в учении, в выборе профессии.

Если же надеяться только на случай неожиданного совпадения взглядов и интересов, то может оказаться, как в истории с Людой, что данная переписка положительного смысла иметь не будет. Подумайте над этим, ребята! И помните, что нет случайного счастья. Добивается же его каждый только своим умом и трудом!

«Неплохо выступила, — решил Горичев, — чувствуется, что старшая пионервожатая о многом передумала, многое сама пережила. Надо еще раз поговорить с нею об институте».

Вслед за Риммой Ивановной слово брали многие ребята. Говорили коротко и просто. И, в основном, правильно. Но Василию Павловичу не нравились эти, слишком стерильные, речи. Шли они больше от ума, чем от сердца.

Взяла слово юная комсомольский вожак Жанна Тарасова:

— Ребята! Василий Павлович интересно нам рассказывал. Действительно, разве нет среди нас своего — Олега Гарусина? Разве все мы старательно работаем в колхозе, школе и дома? Есть еще у нас такие, что плохо учатся сами и мешают хорошо учиться другим, это — Иван Самохин, Слава Новоселов и другие отстающие ученики.

Кто из нас не благодарен Николаю Дмитриевичу Фомину? А ведь он, ребята, всего на три-четыре года старше нас. Нам нужно дорасти сознанием до уровня Николая Дмитриевича. Мы все знаем о Рихарде Зорге — это настоящий человек! Но разве мало юных воинов, возмужавших в сраженьях, погибло на фронтах Великой Отечественной войны во имя нашего счастья! Мы сейчас переписываемся с семьями многих фронтовиков, которые ценою жизни своей защитили нашу родную окскую землю. Позвольте мне зачитать письмо учительницы героя войны Михаила Горбатова. Она пишет: «Милые красные следопыты» От сестры бывшего ученика нашей школы Михаила Горбатова я узнала о том, что вы, Рощинские школьники, оберегаете могилу Миши, значит, и светлую память о нем.

Я учила Мишу с пятого по десятый класс. Очень хорошо помню славного вихрастого мальчишку с большими серыми глазами. Он был старательным учеником, иногда шаловливым, но

всегда готовым на выполнение любого полезного задания. Живой, энергичный, — он всегда был в центре мальчишек, выполняющих какое-то особо важное дело. Его авторитет среди школьников всегда был высок. Уже с пятого класса Миша увлекался спортом, участвовал в соревнованиях, был настоящим заводилой в любых состязаниях, играх и походах.

Миша очень любил технические кружки. Особенно продуктивно работал в авиамодельном. Шли годы. В 1941 наша школа готовилась к выпуску трех десятых классов, в том числе — 10—«а», где учился Миша Горбатов. 10-го июня состоялся выпускной бал. Мы волновались — приближался момент расставанья. 22-го июня — этот первый день войны никогда не забудет наш народ. Озверелые фашистские варвары посягнули на священные рубежи нашей Родины. Как по сигналу собрались выпускники опять в школу. Все были полны решимости — идти, сражаться, за любимую Отчизну. Потом началось самое трудное — ежедневные проводы в армию вчерашних учеников, которые как-то сразу повзрослели. Ведь они шли защищать всех нас от ненавистного врага. Среди них был и наш отличный спортсмен Михаил Горбатов.

В эти тревожные дни один из наших школьных поэтов написал:

Но утихнет лишь гром этой страшной войны,
Отгремят пулеметные речи,
И со всех уголков необъятной страны -
Соберемся для радостной встречи!

Да, уходя на фронт, наши ученики мечтали о встрече в стенах милой сердцу школы после войны. Такие встречи были и будут. Но кровожадная фашистская нечисть вырвала из рядов наших выпускников не один десяток прекрасных юношей и девушек, которые готовились к кипучей деятельности во имя Родины и народа. Погиб и Михаил Горбатов. Спасибо вам, ребята, за светлую память о нем».

Снова в зале, как и после выступления Горичева, раздались громкие аплодисменты: ребят искренне взволновало письмо учительницы героя.

Закончила же свою речь Жанна Тарасова совсем мирными словами:

— Я считаю, что счастье человека — в труде. Потому, такие славные труженики, как доярка Дарья Власевна, пенсионер дед Михеич, полевод тетя Луша, комбайнер Яков Сергеевич Смолин, являются гордостью нашего колхоза. Я назвала не всех, но вы их отлично знаете сами. Их беззаветный труд украшает жизнь и землю! Завывание зимней вьюги и таяние снегов, пение соловья и гул тракторов, золото пшеничных зерен и панорама новостроек, все это — радость и счастье каждого человека.

Наша, ребята, задача — хорошо учиться, быть активными в общественной работе и всегда помнить о тех, кто подарил нам счастливую, радостную, мирную жизнь.

— Молодец, Жанна! — только и нашелся сказать директор школы, закрывая от имени президиума это, столь необычное комсомольское собрание.

По окончании данного мероприятия, под руководством старшей пионервожатой Серовой и секретаря комсомольского бюро Жанны Тарасовой, комсомольцы посетили оберегаемую красными следопытами школы могилу защитника орловской земли Михаила Горбатова.

Глава двадцать втретья

ХИТРОВ

Февраль 1970 — го выдался снежным. Вторая зима в Рощино шла к концу. Трудная зима. Как-то соседка, колхозница тетя Луша, встретившись с директором школы Горичевым, у колодца, спросила:

— Не скучно вам, Василий Павлович? Ведь вы с хозяюшкой еще такие молодые, а в нашей глухомани самих скука заедает, а?

— Я же — деревенский, Лукерья Ивановна.

— Да, а мало ли сельских — то жителей, сбежало в город?

— На все есть причины?

— И по причинам и без них. От нашего мироеда Хитрова я и сама бы хоть на край света улетела.

— Чем же это он вам не угодил? Вы же, Лукерья Ивановна, в передовиках ходите, и ребята мои вас в пример ставят, гордятся вами, трудом вашим.

— Мне-то Наум ничего худого не сделал. Врать не стану, а другим? Но это все равно, что и мне. Да вы рассудите сами. Кругом — воровство, расстащиловка. Кто же крадет? Рядовой колхозник? Как бы не так. Крадут подпевалы Наумовы. Тот же заведующий складом толстяк Букин, утроба его ненасытная. Да шофер его личный Колька Федунов. Они — то всеми делами и заправляют. Из района, кто заглянет, — тянут. Колхоз — не дойная же корова! Когда-то предел должен быть.

— Вы члены колхоза — вам и решать.

— Да что мы, малограмотные, сделать можем. Вот вы, Василий Павлович и председатель товарищеского суда, и депутат, а безобразия терпите. Знаете же историю с пропажей овец. Помните в «Светлом луче» еще той весной писали, что пропало пятьдесят три овцы с Доловской овцефермы?

— Читал.

— Ну, вот. Публиковали — в газете так, для отвода глаз. Никуда эти овцы не девались. Как же — выгнали пасти, а они отбились от стада. У нас же не Оренбургские степи, откуда жена

ваша родом, чтобы затеряться и пропасть. Волкам такое количество съесть за всю зиму, невозможно. И что ведь самое интересное: отбились-то от стада — одни валухи.

Эх — ха — ха! Никуда они не пропадали, их еще осенью, да зимою — начальство съело. Так сейчас и сами работники овчарни говорят.

— Но в той же газете сообщали, что трех овчаров оштрафовали. И даже сумму указали — на 318 рублей. Именно об этом происшествии в статье «О материальной ответственности за гибель скота» писал сам народный судья Винников. И прокурор об этом знает.

— Они, конечно, знают и то, что бумага вытерпит все. Только вот, люди добрые говорят, — что этим трем овчарам Наум Наумович премиальные начислил — на ту же сумму, на какую оштрафовали. Никто не остался в накладе. Вот уж действительно, как в сказке: и овцы целы и волки сыты.

— Н — да. И это можно подтвердить фактами?

— Еще, как! На правлении не один Хитров решал. Там и другие люди были. Шила в мешке не утаишь.

После памятного разговора с тетей Лушей у колодца, зашел на огонек к Горичеву и дед Михеич. Нина предложила ему стул, Михеич сесть отказался, пошутил:

— У меня, дочка, и так три ноги.

Дед имел в виду костыль, с которым нигде не расставался.

— Но в ногах правды нет, — заметила Нина.

— А правды нигде нет! — в тон директорши ответствовал Михеич.

-Ну, этого не может быть! — возразил Горичев.

— Я к тебе, мил человек, вот что зашел, — начал говорить о наболевшем старик, — ты слыхал, о трагедии в Савеловском карьере, где сейчас песок берут?

— В общих чертах.

— Ведь там трех человек песком насмерть придавило. Шофера и двух грузчиков, отца с сыном. Сам-то Прокоп — старший мне родственником приходится. Он еще живой был, когда его откопали, и мне рассказал, что он говорил Науму, чтобы бульдозер прислали, да нависшую над пропастью глыбу сбили. Обрушили то — есть. Наум же заявил ему, что ту глыбу и атомной

бомбой не сшибешь, — пустозвон! Видите, что на деле получилось!? Да, этого председателя — то надо самого было в карьер загнать, — туда ему, прости меня господи, — и дорога, — злодею такому.

— Но велось же следствие?

— Следователей обманули. Им Наум врал напропалую, что рабочие были пьяные и не соблюдали технику безопасности. Умеет выкрутиться, душегуб проклятый! Не зря же ему от роду и такая фамилия дадена — Хитров. Как хорь и есть хитрющий!

— И чего же вы хотите?

— Вы пропишите про Наума в газете. Пропечатайте, чтобы он другие души не губил.

— Простите, но без доказательств я этого сделать не могу.

— Вот так-то, пропащие мы души, а вы говорите, дочка, что в ногах правды нет. Ее, выходит, нигде нет. Вот и весь мой сказ, — дед Михеич сердито постучал по прогнившему полу костылем и заторопился к выходу.

Тремя днями позже, после визита Михеича, к директору зашел сосед Федот Серов. Он, как всегда, был «на взводе».

— Салют соседям! — гаркнул он.

— Здравствуй сосед, — поздоровался с механизатором Горичев.

— Я за вами, Василий Павлович. Парторг Жарких приказал зайти. Сегодня у нас — красный день.

— Не понимаю.

— Партийное заседание в 16 часов, а потом отчетное — выборное собрание колхоза будет. Сам председатель райисполкома пожаловал. Да не один. С собою не коронованного князя прихватил. Ну и водевиль будет!

— Нельзя ли ясней?

— Да я и гуторю, что Борис Михайлович Назаров, районный председатель, значит, привез с собою кандидата на пост главы колхоза.

— Как же, Хитров?

— Снимать будем!

— И ты?

— Что я? Наум Наумович — человек свой, хотя и частенько надоедал, врать не стану. Придет, бывало, за мной, а я на печи

лежу — под мухой, после, прикладывания вчерашнего. Ну, переберу лишнего, кто не без греха!? «Вставай, говорит, бездельник — марш на работу!» Меня же в дрему клонит — спасу нет. Так он схватит за ногу и с печи тянет. Ну, я его ногой, будто невзначай, и лягну. Отскочит председатель к столу, а потом, видно, злость его проймет, схватит кочергу или ухват какой, и давай меня, как в сказке бабы волка коромыслом, дубасить. Тут уж с меня всю хмель как рукой снимет. Слезаю с печи. Обуваю валенки. Фуфайку, напяливаю. Иду, говорю. И вот же настырный! Не отлипнет до тех пор, пока на трактор не посадит. Бывало, что и штрафовал. Но по партийной линии или чтоб на 15 суток ареста, как другие председатели, ни-ни. Понимающий мужик! Новый — то, пока кандидат, говорят, где-то ветеринаром работал. С — высшим образованием. Черт его знает, как дело завернет! Дашь ему ненароком в физиономию, а он на тебя и в суд! Так что мне больше по душе Наум Наумович. За него и все ребята, как я, будут голосовать. Мы уже сговорились, если что — шабаш устроим. Вот только бы Назаров милиционера с собою не прихватил. Слышал я, что он на выборные мероприятия завсегда с милицией ездит.

Ну, что ж, будем собираться, — сказал Горичев, снимая с вешалки пальто, — ты меня, Нина, скоро не жди.

— Вместе придем, — пообещал Нине Федот, — если метель не разлучит. Ха-ха!

— Во дворе, как будто тихо, — не поняла шутки Нина.

— Метель — вьюга, она разная бывает, — захохотал, довольный своей остротой, Федот Серов, — и в стакане воды бурю можно устроить, не то чтобы в водке. Без нее же на собрании — никак не обойтись — смелости придает.

— Все готово, — Василий натянул на руки черные перчатки, — пойдем, сосед.

Партийное собрание было коротким. Учитывая, что отчетный доклад правления колхоза был уже, в основном, членам бюро известен, а рядовые коммунисты имели возможность выслушать его на пере — выборном собрании, то Наум Наумович ограничился основными цифрами.

Первым слово взял Назаров. Высокого роста, с крупными чертами лица, он напоминал Горичеву поэта Маяковского. И го-

лос у Бориса Михайловича был резкий, отрывистый, — как у «горлана — главаря».

Василий Павлович знал Назарова по выступлениям на различных районных форумах. Когда Горичев не отпустил школьников в учебное время на уборку картофеля, о чем пожаловался ему Наум Наумович, давний его приятель, то Борис Михайлович с высокой трибуны заявил:

— У нас есть отдельные директора школ, которые забывают, где они живут. Да-да — забывают, что существует местная власть. И пусть они не ссылаются на приказы Министра просвещения и ОБЛОНО. Не министры, которые далеко, а мы здесь решаем — надо посылать ребят в колхоз или не надо. Учебные планы подождут, а зима ждать не станет.

— Кто же такой смельчак, нашелся? — раздался голос из зала.

— Рядом со мною Наум Наумович сидит, он и скажет. Он все никак со своим директором не разберется. Горичев, если не ошибаюсь, его фамилия.

— Горичев, — подтвердил Хитров.

— Так вот этот, с позволения сказать, директор требует от Наумовича четыреста рублей в уплату за прошлогодние работы. И что же он придумал со своим профоргом Столяровым? Мне тут Хитров дал прочитать их стряпню. Так вот, они пишут официальную бумагу в правление колхоза, где излагают свои нужды. Они — хозяйственные, в основном. До чего додумались? Бюрократию разводить! Будто с Наум Наумовичем нельзя дела: мирно, товарищески, решить.

— Помирятся, с кем не бывает, — раздался бас Федосеича.

— Этот Горичев? Не тот, что в газеты пишет? — вновь спросил кто-то.

— Он.

— И чего люди ссорятся?!

Назаров строго оглядел зал и продолжал:

— Пусть запомнят бюрократы Горичевы, что мы заставим их выполнять наши указания. И вообще, зав РОНО следует присмотреться к этому директору, страдающему политической близорукостью. Возможно, что следует и оргвыводы сделать. Вот факты, товарищи! Этот Горичев удосужился возвести напраслину на колхоз. Настрочил в областную газету фельетон, опорочил

честных людей — и хоть бы что. Я уже дал указание редактору нашей районной газеты «Светлый луч» Константину Петровичу Лукьянову поменьше, а лучше и совсем, не помещать его пачкотню в печати. Нам еще следует подумать, можно ли и в дальнейшем этому бюрократу доверять воспитание подрастающего поколения.

С Борисом Михайловичем Назаровым Горичев лично никогда не встречался и не беседовал. И видел-то его лишь из зала заседаний. А тут, в колхозном Доме культуры, только что отстроенном бригадой предприимчивых кавказцев, Василий Павлович мог рассмотреть «грозу района» воочию.

Назаров коротко представил коммунистам кандидата в председатели, который сидел на самом краю стола президиума, предложил поддержать его кандидатуру на предстоящем собрании.

Колхозный форум начался не в 17, как планировали, а в 18 часов. Выборщиков собирали по домам. Привозили — в санях, на автомобилях и тракторах.

В новом просторном зале места хватило не всем. В президиум собрания был избран и Горичев. Он неожиданно оказался рядом с райисполкомовским руководителем — за одним столом, покрытым красной тканью.

Хитров отчитывался не долго, не более получаса. Затем председатель ревизионной комиссии сделал критический анализ состоянии дел. Он был, крайне поверхностным. Вернее, и анализа как такового не было. Сыпался каскад цифр — прихода и расхода, без выводов и обобщений. По выражению лица Хитрова можно было угадать, что подобный доклад их вполне устраивает.

В прениях выступали многие. Одни критиковали председателя за разбазаривание зерна, овец, кур. Другие, наоборот, подчеркивали неуемную энергию незаменимого хозяина артели.

Но вот слово взяла секретарь комитета комсомола, главный зоотехник колхоза Зинаида Галкина.

— Товарищи! — начала она свою речь, — сегодня мы должны подробно разобраться в положении дел, сложившихся в нашем хозяйстве. Они же не радуют. Фермы развалены, как Мамай прошел. Кормов мало. Условия труда доярок тяжелые. Ни

на одной ферме нет, не то чтобы механизации — автодоения или автопоения, — обычных бидонов под молоко и вил, для уборки навоза, не хватает. Стыдно! Мне самой приходится выпрашивать у председателя необходимый инвентарь. Я до сих пор не разберусь — кто у нас хозяин: Хитров или завскладом, всесильный товарищ Букин? Вон сидит — надулся, как мышь на крупу. И впрямь бука — букой!

— Прошу без оскорблений! — отозвался Букин.

— Сам их заслужил, — не смутилась Зинаида, — своим поведением. Еще я скажу, теперь уже, как комсомольский секретарь. Нас часто упрекают в пассивности. А что мы можем сделать, если правление колхоза нас не поддерживает. Сколько мы вот этот Дом культуры строили? Пять лет. Сколько денег ухлопали? Десятки тысяч! Да за эти деньги можно дворец построить. Молодежь в колхозе не держится. А почему? Не только потому, что каждую осень старый клуб зерном засыпали, и кино смотреть было негде, а потому что отношение к молодежи у нас неправильное. Кому старый трактор? Молодому. Кого послать на низкооплачиваемую работу? Молодого. Построили ли мы хоть один дом для молодоженов — об этом я не раз напоминала председателю? Увы, нет. Задумаешь, какое мероприятие провести — бесполезно: ни машины, ни телеги Наум Наумович не выделит. Ни на воскресник, ни в поход куда.

И в школу мы действительно не ходим. Почему? Все нам некогда. Специалисты в колхозе не держатся. В чем причина? Да в отношении к ним председателя. Пусть не обижается на меня Наум Наумович, но ему следует отдохнуть. Сегодня я буду голосовать против него.

— Молодо — зелено! — выкрикнул Федот Серов.

Председатель райисполкома Назаров тронул локоть директора школы: «Скажи ты!». Василий Павлович вышел из-за стола президиума и обратился к присутствующим:

— Товарищи! Коллектив учителей нашей школы просил меня рассказать об отношениях, сложившихся у нас с правлением артели. Его члены у нас не бывают вообще. Председатель же приходит лишь тогда, когда хозяйству необходима помощь школьников. Мы же должны решать одну общую задачу — растить новую смену, готовить ее к сознательному труду. Треть жителей села — пенсионеры. Старым хлеборобам и животноводам

нужна такая смена, которая работала бы не по старинке, а с учетом научно-технических достижений в сельскохозяйственном производстве. Правильно здесь говорила комсомольский вожак Зинаида Галкина — в нашем колхозе никто не занимается вопросами механизации труда на фермах, да и в полеводстве. Почему, не механизирован, зерновой ток? Странная позиция руководства артели по отношению к молодым специалистам как раз и мешает хозяйству перейти на индустриальную основу.

Ребята должны знать основы сельского хозяйства, должны полюбить крестьянский труд. Было бы хорошо, если бы колхоз с опытным участком земли выделил школе один трактор с прицепным инвентарем. У нас тогда появилась бы возможность обучать детей не только теоретически, а и практически.

Что касается личности Наума Наумовича, то я полностью согласен с мнением предыдущего оратора. Как говорится в русской пословице: «Старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет».

Последняя фраза Горичева, видимо, задела самолюбие Хитрова, он недовольно фыркнул.

Взял слово шофер председателя Николай Федунов:

— Тут высказывались мнения, что Хитров стар и его пора, дескать, освободить. Я одно скажу, товарищи! Тяжело нам будет без Наума Наумовича. Мы к нему привыкли. Я предлагаю, учитывая слабое здоровье Хитрова, послать его за счет колхоза в санаторий, подлечить, и он у нас еще поработает.

— Правильно! — выкрикнул Федот Серов, — никого нам другого не нужно — давайте голосовать!

Перед началом голосования Назаров представил кандидатуру нового председателя. Попросил его рассказать о себе.

Колхозники молча слушали почтенного мужчину, который, как узнали, ранее работал главным ветврачом в «Скотопроме». Речь его была не мобилизующей — формальной.

Началось голосование. Кто за старого председателя? Лес рук! Кто — за нового руководителя? Менее трети всех присутствующих.

Такой поворот дел, видимо, не входил, ни в планы Назарова, ни его друга Хитрова. Вот почему районный начальник побагровел, шея его покрылась испариной. Он толкнул рукою Наума Наумовича и приказал: «Давай!».

Хитров вышел к трибуне и начал убеждать собравшихся, что он болен, и тянуть крестьянскую лямку уже не в силах. Рассыпался в комплиментах к своим доброхотам, снисходительно укорял критиков. Это был заранее отрепетированный спектакль. Ему прочили кресло директора пенькозавода и квартиру в городе. Потерять такой куш не хотелось, а потому его желание «уйти по-хорошему», было искренним. Но об этом колхозники и директор школы, попавшийся на удочку Назарова, узнают позже, ибо председатель райисполкома тайных кадровых планов в отношении своего приятеля не обнародовал.

Театр абсурда продолжался.

— Не разойдемся до тех пор, — твердо сказал Борис Михайлович, — пока не выберем нового председателя.

— У нас колхозная демократия.

— Не позволим ущемлять наши права!

— За кого хотим, за того и голосуем!

— Вы нам не указ!

— Действуй, Наум Наумович!

— Ворам, да тунеядцам, Хитров по нраву пришелся! — раздался возмущенный голос пожилого хлебороба.

— Колхоз развалил, а теперь — в кусты!

— Голосуем за нового!

— Долой Хитрова и его подхалимов!

— Не нужен нам ветврач! На вороных его прокатить!

Назаров не препятствовал собравшимся жителям деревень выражать свои чувства. «Устанут кричать, — здраво рассуждал он, — легче будет провести свою линию».

Хитровы сделали свое грязное дело. И после второго выступления Горичева, речей парторга Жарких, ратовавшего за освобождения Наума — дело на лад не пошло. Даже, когда, знатная и уважаемая доярка Дарья Власевна, продемонстрировала перед залом свои красные, опухшие руки, сказала: «Каково ими выдаивать 20 коров трижды в день — без доильного аппарата?» Никто ей не посочувствовал и когда, свое резкое слово выдал собранию комбайнер Смолин, стоявший за новые веяния в артели — ничто не сломило воли и настроения тех, кому Наум Наумович был нужен, как вода в пустыне.

Многие придерживались нейтралитета. Принцип обывателя известен — моя хата с краю. Кто-то сидел молча, подобно «человеку в футляре» с его неизменным постулатом — как бы чего

не вышло. Наблюдая за льстецами Наума, Горичеву пришла в голову фраза «воронье живуче». Оно подавляет птичий мир своею дикой и хищной активностью.

Уяснив, что по-хорошему ничего не выйдет, Назаров перешел к угрозам.

— Товарищ Жарких! — обратился он к парторгу, — перепишите всех крикунов и хулиганов и тех пьяниц, что на ногах не держатся, и представьте список мне, а я попрошу начальника милиции, как следует вправить им мозги!

— Не из пугливых! — раздались голоса тех, кто радовался, что председатель райисполкома, на этот раз, не прихватил с собою милицейский наряд. Да и шумит он для виду, по — посту, что ветер в пустую трубу. Друга Наума подводить не станет.

— Тоже губернатор нашелся!

— Всех не пересажаете!

— Не становой, чтобы кричать!

Выкрики продолжались и после того, как Федот Серов и трое его друзей — собутыльников, были выведены из зала.

И в третий раз, при подсчете голосов, выяснилось, что большинство проголосовало за Наума Наумовича. Последний сидел в позе «сватьи на именинах»— застенчиво улыбался, пожимал сутулыми плечами, показывая всем видом, что он тут вовсе не причем — народ требует.

В Рощино Горичев вернулся один. Федот с дружками остался в Долове, где они еще раз, уже окончательно, обмыли свою «победу». Позже Серов весело рассказывал — как после собрания к раздосадованному Назарову подошел Хитров и предложил:

— Борис Михайлович! У нас там стол приготовлен. Может, вспрыснем это дело, а?!

— Как — ни будь в другой раз, — отмахнулся Назаров. Он чувствовал себя подавленным — в райкоме узнают, засмеют: с овцами не справился!

— Может, возьмете чего с собой на дорожку?

— Не до того! Я же тебе русским языком сказал! — не скрывал своего гнева представитель района.

Сел Назаров в своего «козла», сердито хлопнул дверцей кабины и покатил в город, где ему предстояло неприятное объяснение у Первого секретаря — репутация его была основательно подмочена.

КЕМ БЫТЬ?

На зимних каникулах Горичев ездил в Ленинград. Он сопровождал тетю Маришу, которая не могла, по слабости здоровья, одна справиться с вещами. Да и Василию было интересно побывать в городе, где «медный всадник над Невой».

Марину Захаровну и Василия Павловича встречала ее дочь. Звали ее – Мария Ивановна. Но Василию, который приходился ей двоюродным братом, она запретила величать себя по отчеству.

— Я просто Маша, — сказала она, улыбаясь, — ты что забыл, как мы в детстве с тобою в прятки играли?

— Помню, — конфузился Василий.

— Ну, ты все еще в деревне? – удивилась она, — не надоело вой пурги слушать?

— Пока нет. Знаешь, у меня стихи такие есть: «Мне грустить не пристало, что в деревне живу» Или еще:

Кто познал боль и горести
Заключить поспешит,
Что живу я без гордости
В деревенской глуши.
Что не ведаю прелестей
Городского житья,
Что в березовом шелесте
Вижу смысл бытия.

Заключительные строки – совсем категоричные:

Не понять твердолобому,
Что свой первый рассвет
Встретил я с хлеборобами,
Что – в деревне мой след!

— Это я «твердолобая?! – засмеялась Маша, — ах, ты!

И она дернула Василия за рукав.

— Я сама деревенская, хотя вот уже десять лет живу в Ленинграде, но стоить поехать в родные палестины, да посмотреть, как мой брат Вася с сестрою Тоней от зари до зари вкалывают на полях, — так сердце от жалости разрывается.

— Но кому-то хлеб растить надо?

Надо. Только не тебе, Вася. Ты зачем университеты кончал? Чтобы в деревне прозябать? Вот что: работу я тебе нашла. Сматывай-ка удочки из своей Рощинской обители. Мама с тетей Леной дочку твою Ирину навещали, и она сказала мне, что живешь ты в гнилушке, а не в доме.

— Ничего. Она еще постоит.

— Ждешь, когда ветром сдует и вас с Ниною и Ириной придавит? Школа же твоя, говорят, на конюшню похожа.

— Это мой старший братец Александр такое сравнение придумал, когда к нам в гости из Серпухова приезжал. Только моя школа больше похожа...

— На что — же?

— На самолет.

— Ха-ха! Ну, на этом самолете ты долго не налетаешь. Разве – до первой бури! Сколько же тебе, как «летчику» платят? – чувство юмора не покидало сестру.

— Сто тринадцать рублей.

— И это – директорский оклад! Кот наплакал. У нас же будешь получать двести тридцать. И не в санях, на худом Савраске ездить, а в метро. Преподавать будешь в закрытой школе. Устраивает?

— Нет.

— Да ты что? – удивилась Маша.

— А мать – как?

— Жила же раньше.

— Но жила она надеждами, а если уже и надеяться не на кого будет – что ей останется?

— Знаю, что ты ей и сено и дрова возишь. И огород прибирать помогаешь. Но только рано или поздно, а все равно придется уезжать.

На другой день пребывания в Ленинграде Василий бродил по Невскому проспекту. Посетил Петропавловскую крепость, Эрмитаж, Университет, Адмиралтейство, Исаакиевский собор.

По возвращении, уже вечером, его пригласили в гости к родственнице Маши по мужу – Федору Плетневу. Там он познакомился с молодою девушкой. Звали ее Галей. Она училась в политехникуме. Узнав, что Василий директор школы, она забросала его вопросами об учениках, о жизни в селе. Галя никогда не бывала в деревне. Василий, как мог, удовлетворил ее любопытство.

Пять дней провел Василий в гостях, а так и не смог осмотреть всех достопримечательностей, хотя ничем другим, как бродить по былой столице Российской империи, он и не занимался. Не город – музей!

Вернувшись из северной Авроры, Василий опять с головою окунулся в текучку школьных дел. Уже в феврале, после того, как они отпраздновали первую годовщину со дня рождения милого «лепесточка» Ирины, в Рощино неожиданно прибыли два молодых лыжника – участники агитационного похода. Один из них был студентом – биологом, другой – филологом. Визит энергичных студентов совпал с важным школьным мероприятием – диспутом «Кем быть?».

На нем Василий Павлович решил поднять важные вопросы. Студенты охотно согласились принять участие в разговоре.

Призвание... Слово это очень волнует мальчишек и девчонок. Окончена школа. В руках документ об образовании – первая путевка в жизнь. А что дальше? Чему посвятить себя? Как найти свою дорогу? На свете масса разных профессий – простых и сложных, видных и незаметных. Какая из них – твоя?

И вот в Рощинской восьмилетке идет диспут. Идет разговор о призвании. Нет официального президиума. Нет секретариата. Не ведется протокол. Выступать можно с места. Регламента тоже нет. Можно говорить о самом сокровенном и начистоту. Только не повторяться – к этому призвал ребят директор школы. Они готовы к интересной полемике, но еще нет искорки, которая бы зажгла аудиторию.

Поднимается с места Василий Павлович. Он держит в руках письмо от студентки первого курса Ленинградского политехнического колледжа Галины Ивановой. Девушка писала Горичеву, доверительно, на правах родственницы, — на «ты»:

«...Я все-таки хочу бросить техникум. Правда, не знаю, как об этом сказать маме. Ты представить себе не можешь, как я не

хочу там учиться. У меня нет ни малейшего желания ходить на практику. А сейчас засыпалась по многим предметам. И мне опять нужно идти к классному руководителю, чтобы он дал мне допуск на занятия. Опять нужно давать честное слово. Но я знаю – даже если меня и простили, то я все равно буду прогуливать, потому что у меня нет желания там учиться.

У меня мечта – пойти в школу парикмахеров или в техникум легкой промышленности. И я, своей цели, добьюсь. Это уж точно! Мама стыдит меня и приводит в пример знакомых. Но я их сама хорошо знаю. Вот Люда, например, хочет поступить в театральный институт. Он ей даже по ночам снится. Но, по воле родителей, она учится — в медицинском вузе. А зачем? Она и сама не знает. Просто Диплом получить. Сейчас мама грозит мне, что надо мною все смеяться будут, если я брошу свой технический колледж. Только мне все равно. Скажи мне – права я или нет»?».

— Итак, ребята, — сказал Горичев, — вопрос поставлен. И я прошу, чтобы ответ Галине дали вы сами. Все, что вы сегодня здесь скажите, я передам Гале. Согласны?

— Согласны! – хором ответили школьники.

Первым взял слово Вася Шанин. Мотая курчавою головой, он твердо произнес:

— Я за увлеченность! Призвание есть у каждого. Это духовная потребность человека. И – труд. Как я нашел себя? Однажды пришел в клуб на концерт. Меня заворожила игра приезжего баяниста. Мне и во сне слышалась музыка. Сейчас я сам умею играть и на гармони и на баяне. Мечтаю о музыкальном училище. И если Гале не нравится политехнический колледж, то пусть бросает, чтобы потом не раскаиваться. Через много лет. Считаю, что призвание начинается с увлеченности.

— Мысль моего тезки Васи правильная, — подтвердил Горичев, — только работая увлеченно, с душой, можно раскрыть свои способности, свой талант. Настоящее счастье – проявить себя в каком-то деле, найти в нем призвание. При этом не замыкаться, идти к людям, дерзать и творить с ними.

Желание высказаться выразил рослый, застенчивый подросток Виктор Парамонов:

— Мне нравится быть техником – механиком по сельхозмашинам. Я несколько лет занимаюсь в школьном техническом кружке. Им бессменно руководит учитель физики и труда Аркадий Петрович Столяров. Мы изготавливаем с ребятами оборудование для физического кабинета, различные стенды, простейшие приборы и модели, которые используются на уроках в качестве демонстрационного материала. В кружке занимается много хороших ребят. Это Саша Гаврилкин, Витя Рыжов, Саша Жучков. Они уже приобрели отдельные технические навыки и приемы, успели полюбить технику, проявляют большой интерес к конструированию. Занятия в кружке помогают нам правильно выбрать профессию. Многие из бывших кружковцев учатся теперь в технических вузах и техникумах. Например, студенты строительного техникума Алексей Прасолов и Николай Мишин. Сам я делаю различные модели, макеты, занимаюсь конструированием и дома. Люблю возиться с приемниками. Если же Галя Иванова разочаровалась в будущей профессии, то действительно пусть лучше идет в парикмахеры.

Разговор принимает острый характер. Людмила Барских, та самая восьмиклассница, которая не пожелала отвечать на письмо незнакомой ученицы Навесненской средней школы, говорит очень спокойно и тихо:

— Хочу быть маляром. Ребята, все, хотят стать выдающимися – механиками, музыкантами, конструкторами, летчиками. А я вам скажу: каждый должен быть выдающимся на своем месте. Тот же тракторист. Разве это плохо – уметь безупречно обрабатывать землю? Так почему об этом стесняемся говорить? Витаем в облаках. Я хочу быть маляром. Моя старшая сестра – маляр. Я часто наблюдаю за ее работой, помогаю ей. Мне нравится, когда под ее руками стены превращаются в живые цветы.

Заговорили и другие ребята. Выступления их сводились к тому, что сидеть или, подобно Обломову, лежать на кровати и мечтать – это пустое дело. Надо знать, чего ты хочешь в жизни. И – воспитывать волю, чтобы добиться цели. Надо бороться за исполнение мечты.

Коле Симонову нравится профессия механизатора. Васе Смолину – тоже. Они уже два сезона отработали помощниками у своих отцов – комбайнеров.

— Неплохо бы еще получить и другую профессию, шофера, например, — говорит Алексей Саутин, — жаль, что у нас в школе не организовано изучение тракторов и автомобилей. Интеллект же развивать можно всегда. Механизатор сочиняет стихи и спорит о Хемингуэе. Парикмахер занимается музыкой и изучает эстетику.

Слово взял известный механизатор колхоза Алексей Антипов. Он пришел в школу по просьбе директора. Одернув пиджак, откланявшись, Алексей сказал:

— Мы любим землю, и нам больно видеть, как вы, ребята, равнодушно покидаете ее. Большинство из вас мечтает уехать в город. А кто же будет работать на фермах? Кто будет осваивать машинное доение? Внедрять механизацию и автоматизацию? Если едешь в город учиться, то – в добрый час! И нам нужны инженеры и ученые агрономы. Приезжие, что-то плохо закрепляются. Вы же – местные. Получив профессию, вы должны вернуться в деревню и продолжить дело своих отцов. Помните, что ваши знания, ваши руки нужны селу. А то, что же получается? Тот, кто вырос на этой земле – уезжает в город, а к нам прибывают из города новички, которых надо учить, как отличить овес от ячменя, а козу от овцы.

Помните, что во всякой профессии есть – своя поэзия! И ее вносит туда сам человек – труженик!

Затем горячо и убедительно говорила учительница Доброва. Аксинья Марковна двадцать три года провела в школе. Она хорошо знает и самих ребят и их юношеские влечения.

Пока литератор Доброва говорила, Василий Павлович припоминал уроки, которые он посетил у этой замечательной учительницы.

...Раздался звонок. В пятом классе урок русского языка.

— Вспомните, ребята, с чем вы познакомились вчера? – спрашивает педагог.

Дружно поднимаются руки. Ученики, один за другим, рассказывают о правописании сложносочиненных слов, тут же их образуют. Урок напоминает увлекательную игру на придумывание. Объясняется и закрепляется новый материал. На сорок пятой минуте ребята энергичны и активны, как и на первой. Разнообразные формы объяснения, использование картин и таблиц

способствуют быстрому усвоению материала, не дают ученикам утомиться. Аксинья Марковна пользуется большим авторитетом и уважением. Научить детей грамотно писать, читать, думать — это мало. Нужно, чтобы они делали все увлеченно. Зажечь в них огонек творчества, чтобы учебный труд стал для них потребностью – именно так понимает свои обязанности педагог Доброва.

— Главное в воспитании, — подчеркивает она, — это личный пример. Если я требую, чтобы тетради и книги ребят были в образцовом порядке, то такими должны быть, прежде всего, мои книги и тетради.

За много лет не было случая, чтобы Аксинья Марковна когда-нибудь опоздала на занятия или явилась на урок неподготовленной. Не в пример своему коллеге – филологу Злобину. Ее отличают – трудолюбие, скромность, требовательность к себе. Доброва – член общества «Знание», которым Горичев руководил второй год. Ее часто можно видеть на молочно – товарной ферме за беседами с доярками и скотниками. Много у нее обязанностей. Она – руководитель хорового кружка, и участница художественной самодеятельности, и библиотекарь. И на этом диспуте у всегда выдержанной учительницы, в ее голосе, слышались нотки неудовлетворенности:

К сожалению, никто из вас, ребята, не сказал, что хочет стать – учителем! А это – благородная профессия. Физик. Геолог. Капитан корабля. Конструктор. Летчик. Космонавт. Они всегда были и наверняка будут у людей на особенном счету. Ведь все – от движения, от скорости. И романтика, и преодоление трудностей, и первая любовь. Учитель! Может ли эта профессия привлечь вас, нынешних школьников?

Инженер, скажем, конструирует и создает самую современную технику и приборы. Писатель подойдет к стеллажу, где на томиках, тиснеными буквами обозначено его имя. Архитектор – эту улицу проектировал он на листах ватмана, намечая карандашом многоэтажные корпуса. А учитель, чей труд – основа всех профессий на земле? В педагогический Вуз приходят люди, которые не боятся трудностей, любят детей. Люди, решившие посвятить свою жизнь воспитательной работе. Нелегок учительский хлеб! Особенно в нашу эпоху, когда поток информации увеличивается в геометрической прогрессии. Основная трудность

заключается уже не в том, чтобы дать вам отмеренный программой заряд информации, знаний, и, пожалуй, даже не то, чтобы ученики увидели и поняли взаимосвязь и закономерность явлений и процессов, происходящих в природе и обществе. Главное – научить учиться! Но и этого сейчас недостаточно. Ученика надо еще научить и чувствовать.

Да, брак в педагогике недопустим. Без любви к делу, без знания психологии, педагогики, методики обучения браться за учительский труд нельзя. Ожидаемой отдачи не будет, а только вред — и самому педагогу, и ученику, и государству.

Вы, извините, если об этом я не вовремя рассказываю. Ведь большинство из вас будут продолжать учебу в девятом классе. И в течение двух лет еще будет возможность подумать о будущем, выбрать профессию и найти свое призвание. Но, чтобы не ошибиться, надо проверить себя. Проверить на практике, на черновой работе. И тогда меньше будет, — разочарований.

Мысль Аксиньи Марковны Добровой продолжил студент 4-го курса биофака пединститута Николай Чистяков:

— Я с детства любил возиться с животными. Лечил, кормил, ухаживал за ними. И жизни своей не мыслю без биологии и химии.

Собранный, энергичный, будто излучающий свет добра и разума, студент – филолог Александр Кубышкин проникновенно и образно рассказал ребятам, как, участвуя в работе исторического кружка в школе, он также открыл для себя призвание исследователя, библиофила. Его увлечение краеведением уже вылилось в десятки статей и заметок в периодической печати. Со многими публикациями из них рощинские школьники уже были знакомы.

Двадцать человек выступили в этот вечер. Все они взволнованно размышляли о судьбе своего поколения. Но много тем остались незатронутыми. Дискуссия о призвании поистине неисчерпаема. Это разговор о кругозоре молодого человека и об его отношении к себе и людям. Это спор о том, как воспитать в себе такие качества, чтобы о тебе, как о летчике Маресьеве, сказали: «Настоящий человек!».

Все это Василий Павлович Горичев отлично понимал. И все равно был доволен: разговор состоялся, получился. Это активно

подтвердили и гости – студенты, расположившиеся на ночевку в доме директора.

— Хороший вы заводила, Василий Павлович! – похвалил Александр Кубышкин рощинского директора, — и письмо Галины Ивановой к месту вставили. Такой диспут, да по таким глубоким темам, поднять и провести в восьмилетней школе – это несомненный успех! Такое мероприятие не всякому педагогическому коллективу под силу, даже в среднем учебном заведении.

— А у меня ребята на пятьдесят процентов – «Платоны и Невтоны!», — с гордым юмором ответил Горичев.

— Тогда их директор – Ломоносов! Или – Макаренко! – поддержал шутку биолог Николай Чистяков, — нам внушали: каковы ученики, таков и учитель!

На прощание, еще раз поблагодарив за добрую беседу и теплое гостеприимство, студенты сфотографировали Василия Павловича под высокими тополями, что красовались у дома, с собачкой «Дружок» на руках – на память о незабываемой встрече.

Спустя не мало лет, уже встретившись в Орле, преуспевающий журналист Александр Кубышкин вручит Горичеву этот удавшийся снимок. Он же опубликует в газетах рецензии на все три его поэтических сборника. Расскажет о них по орловскому радио.

Глава двадцать пятая

ВИЗИТ КОРРЕСПОНДЕНТА

— Как трудно к вам добираться. Я едва не увязла в снегу, — делилась за ужином своими впечатлениями о дороге из райцентра в Рощино корреспондент молодежной газеты «Комсомолец» Галина Орман, — а от сельсовета пришлось идти через балку, а потом по — обрыву. Того и гляди — вниз нырнешь. Как же вы ходите?!

— Дело привычное, — улыбнулся Василий Павлович, — а вы ешьте, не стесняйтесь.

— Да я и так...Картошка, у вас, — какая вкусная!

— Может, выпьете вина или водки?

— Лучше водки, — согласилась Галина, — озябла на ветру. Только, пожалуйста, немного. Мне ведь с вами обо всем нужно поговорить. Мой шеф, Ася Петровна Олейникова, посылая меня в командировку, просила, если что, помочь вам. Она сама — бывшая учительница, а сейчас в редакции школьным отделом командует. Сама я, правда, из Горького, не местная — вот и дороги плохо знаю.

— Лиха беда — начало, — заметил Василий.

— Кстати, Василий Павлович, — с чего все началось?

— Что вы имеете в виду?

— Как вы стали учителем?

— Знаете, у Федора Тютчева есть строки: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Так и я не знал, когда заявлял своему директору школы Георгию Гавриловичу Тимохину, что воспитывать нетрудно, что и я смогу стать учителем, если захочу.

— И доказали?

— Не совсем. Учителем — то я стал, а вот воспитывать детей — чрезвычайно трудно. Тут уж я опростоволосился. Вспомню свое юношеское бахвальство — от стыда в жар бросает. И если вы спросите — трудным ли был мой первый урок, слушаются ли ученики, нахожу ли с ребятами общий язык, получаю ли удовлетворение от учительского труда? — ответ будет коротким: да!

— Вы предвосхитили мои вопросы, — Орман взяла со стола сумочку, покопалась в ней и, не обнаружив искомого, спросила, — не найдется ли закурить. Свои сигареты она где-то забыла.

Василий протянул симпатичной черноволосой девушке пачку «Явы». И пока она прикуривала от зажженной им спички, директор успел заметить ее подкрашенные ресницы, слабо проступающие из-под розовой пудры веснушки. Галине было лет двадцать пять. В ее наружности и манерах было нечто, казавшееся Василию салонно — аристократическим.

— Однако вернемся к нашей беседе, — журналистка выпустила ароматную струю дыма, — что является главным в педагогической работе?

— Я считаю личность учителя. Это самый убедительный и сильный воспитательный фактор. И в этом смысле — как бы случайное, неплановое, ежедневное, «нерабочее» общение с ребятами — для меня совсем не случайное, а предусматривается, и по праву входит в мою педагогическую концепцию.

Знания, полученные школьниками на уроке, имеют свое качественное выражение — оценки. Не менее ценны и дозы духовного богатства, нравственных импульсов, перенятых у педагога во время лесных прогулок, на занятиях исторического кружка, которым я руковожу два года, при посещениях кино, в простых откровенных беседах. Педагог должен дать учащимся определенную, запрограммированную сумму знаний. Но я считаю, что он обязан и пробудить к этим знаниям индивидуальное, эмоциональное, у каждого в чем-то свое отношение.

— А что нужно, чтобы дать хороший урок и стать таким учителем, который ненароком сопереживает вместе с учениками и бережно относится к их духовному миру?

— Нужно знание общей теории обучения и проникновение в психологию, и — настоящий интерес к истории педагогики, к методам пробуждения интереса к учению и, конечно, глубокое изучение своей специализации. Я очень благодарен своим университетским преподавателям: профессору Пронштейну, доцентам Люксембургу и Кнышенко, Бакулиной и Панченко, научившим меня работать с первоисточниками, документами. Свой опыт и навыки я и стараюсь привить юным историкам. И мне очень приятно, что мои кружковцы Галина Воробьева и Виктор

Парамонов смогли самостоятельно написать краткую историю своих деревень.

— И все же — немного о трудностях?

— Как-то в шестом классе ребята плохо выучили урок. Я был очень огорчен, и сказал им, что в таком случае я больше ничего интересного рассказывать не буду. И рекомендовал им подготовить домашнее задание самостоятельно по учебнику. Мой расчет оправдал себя. Ребята пришли на следующий урок хорошо подготовленными. «Лес рук» всегда волнует учителя, прибавляет ему уверенности в себе, готовности отдать детям свои силы и знания.

Мы наблюдаем своих учеников везде: на уроке, на сборе, на собрании, в туристском походе, на воскреснике, в семье. Но беда в том, что мы не всегда фиксируем свои наблюдения, а еще реже осмысливаем их. Я сделал для себя вывод, что учитель обязательно должен вести педагогический дневник, который, на мой взгляд, является лучшим способом накапливания знаний о ребенке. Раздумья над страничками дневника, их анализ — помогают мне осуществить тот самый индивидуальный подход, над которым мы так тщетно бьемся.

Наступит время, когда все поймут особенность учительской профессии в обществе. И тогда писатели напишут книгу о выдающихся педагогах, в совершенстве владеющих сложной наукой и искусством воздействия на умы и сердца детей. Не знаю, когда такая книга появится, но станет она педагогической поэмой для всех, избравших нашу многосложную профессию и тех, кто о ней только мечтает.

— Вот вы бы и взялись за создание такой книги. Судя по вашим материалам в печати, у вас налицо — литературный дар.

— Возможно, но я не Ушинский, не Макаренко и не Песталоцци.

— Но пишет же Сухомлинский, и — прекрасно пишет.

— Вы повторяетесь. Первым, кто призвал меня стать, вторым Сухомлинским был, мой друг, директор Калиновской школы Андреев. Я, как ему, так и вам отвечу: мне до Сухомлинского, как дубу до звезд.

При этих словах и Нина, ненароком прислушавшаяся к беседе, и корреспондент, и сам Василий — непринужденно рассме-

ялись. Образ оказался к месту. Галя сама, видимо, плохо понимала, о чем и как говорила.

— Василий Павлович! — продолжала она, — вот я читала статью, где дается такое определение директора школы, что он — «капитан без мостика» — это верно?

— Я считаю, что — да! Расстановкою кадров он не ведает. Финансами не распоряжается. Транспортом, как правило, — не обеспечивается.

— Еще один автор пишет, что директор школы находится в положении рядового, которым командует взвод офицеров. И когда один приказывает: «Бегом!», то второй, — «Ложись!».

— Это — точно. Судите сами. В адрес директора приходят десятки указаний и распоряжение. И не только непосредственно от РОНО или ОБЛОНО. Но и от партийного и комсомольского райкомов, райисполкома, райсовпрофа, сельсовета, правления артели. В том числе — ДОСААФ, ОСВОДа, из милиции и прокуратуры, из райздравотдела, пожарной охраны — всего не перечислить. И все — срочные, все с требованием: «Доложить!». Отсюда и текучка, и нервозность, и суета излишняя.

— Василий Павлович, сейчас поднят разговор о том, что мужчины уходят из школы, что воспитание детей становится прерогативой женщин. Хорошо ли это на ваш взгляд?

Нам это не угрожает. У нас из десяти учителей — половина мужчин. Полный баланс. Я за союз мужской «силы» и женской «слабости». Оба эти начала должны взаимодействовать.

— Есть такое понятие «урокодатель». (Услышав, сей эпитет, Василий невольно вздрогнул: ему померещился Злобин). Уроки его серы, бесцветны, — может, в силу таких же его личных качеств, а он получает наравне с учителем, отдача которого в два-три раза большая. Не влияет ли уравниловка на профессиональный рост учителя?

Мне кажется, что это может влиять лишь на незначительную часть педагогов. Стремление быть лучшим, достойным — обычно присуще учителю. Этого требует от него сама специфика работы. Дети не станут уважать учителя — незнайку. К сожалению, большая загруженность учителя — по 15—17 уроков в день, слабая материальная оценка его труда, низкая эрудиция — вследствие слабой работы над собой, — подчас ставят педагога перед учащимся в смешное положение.

Старый потертый костюм или портфель учителя — прямо или косвенно влияют на его авторитет. Я согласен, что для учителей следует установить категории, в том числе, имеющим высшее образование: «Старший учитель», «Младший учитель», «Учитель — методист».

— Спасибо, Василий Павлович, за интересное интервью.

— Пожалуйста.

— Но, а теперь о главной цели моего визита.

— Слушаю.

— Что изменилось в плане «Двухлетки», после опубликования вашей статьи?

— Пока ничего.

— Как?!

Директор Горичев рассказал, как мог, обо всех последствиях в колхозе, в районе и в школе. И для дела и лично для него.

— Ну, что же! Я не пожалею своих слабых сил, чтобы все обстоятельства изучить на месте, — твердо сказала Галина Орман и предупредила, — а вы до появления моего материала в газете, пожалуйста, ничего не предпринимайте. Начнутся «гонения на Москву», то напишите мне или Олейниковой — поможем.

— Спасибо, — поблагодарил, прощаясь с корреспондентом, директор.

Она ушла, но папиросный дым,
Что повисал — незримо, невесомо,
Как бестелесный, легкий херувим,
Ему напоминал — о Гале Орман.

Через три дня корреспондент «Комсомольца» Галина Орман покинула Рощино, затем и район, а недели через две в областной молодежной газете, под рубрикой: «Двухлетка: комсомол — сельской школе» появился ее большой материал под, не менее пространным заголовком: **«Статья — без ответа, работа — без ответственности».**

«Кому незнакомо чувство, с которым ждешь ответа на письмо от далекого друга? — писала Орман, — ждешь месяц, два, а его все нет. И приходят на ум разные грустные мысли. Такое же чувство, только более острое, испытывали мы, ожидая ответа на

критическую корреспонденцию нашего автора Василия Павловича Горичева «Мы ждем Вас, шефы!», опубликованную в нашей газете давным-давно, а именно третьего декабря прошлого года. Ждали месяц, два, а ответа все нет. Может быть этот номер «Комсомольца» не дошел до райкома комсомола, до руководства и общественных организаций колхоза имени Чапаева? А может быть, Горичев жестоко ошибся в своих оценках, и его не хотят ставить в неудобное положение из добрых побуждений? Разрешить все сомнения могла только командировка в район.

ПЛАНЫ-ТО ЕСТЬ

И вот я в кабинете первого секретаря райкома комсомола Евгения Скворцова. Газету, оказывается, получили в райкоме в тот же день. И статью читали. Мало того, она вызвала оживленное обсуждение.

— Да, — признается Евгений, — мы виноваты, что не прислали ответа.

— Ну, а, по сути, вы согласны с этим выступлением?

— Резко Горичев выступил. Но критика в наш адрес с «двухлеткой» — верная: с этим далеко не все в порядке, и не только в Рощине.

В признании недостатков — первый шаг к их исправлению, и в этом нельзя не отдать должное секретарю райкома. Но, вполне естественно, что меня заинтересовало, — сделан ли и второй шаг, что уже предпринято по критической статье. И я обращаюсь к Скворцову, как к начальнику штаба «двухлетки»: «Конечно, получив сигнал о неблагополучии, вы сами или заведующая отделом школ побывали в колхозе?». Евгений отрицательно качает головой: «Выехать-то хотели давно. Но, понимаете, сначала непогода помешала, а потом завертела подготовка к конференции». Сказал он это неуверенно, сам, сомневаясь в убедительности названый причин.

— А вот Горичев писал, что райком комсомола обещал помочь Рощинской восьмилетке наладить связь с комсомольцами нового завода и — что они примут участие в художественном оформлении школы, в организации кружка технического творчества. Это обещание выполнено?

И опять ответ отрицательный, вернее, даже не отрицательный, а какой-то колеблющийся: «С директором завода и секретарем комсомольской организации я говорил. У них есть планы шефской помощи, но они тоже еще не побывали в колхозе. На следующей неделе мы обязательно осуществим это знакомство».

Мне осталось только удивляться такой нерасторопности в важнейшем комсомольском деле. Удивление возросло еще больше, когда я узнала, что районный штаб «двухлетки» собирался только один раз — на организационное заседание, а перспективный план отдела школ не включает вопросов, связанных с нею.

«А У НАС НЕ БЫЛО ВРЕМЕНИ»

Поистине история повторяется. Когда Горичев готовил свою корреспонденцию, ему не удалось встретиться с секретарем комсомольской организации колхоза, так как она была на сессии. Когда я готовила этот материал, Галкина тоже была на сессии. И нашему автору и мне пришлось говорить с заместителем секретаря. Но прежде чем говорить, необходимо было разыскать его. Это оказалось делом нелегким. Захожу в сельсовет. За одним столом сидит девушка комсомольского возраста.

— Вы не скажите, — спрашиваю, — где мне найти заместителя секретаря комсомольской организации?

— А кто это у нас?

— Действительно, кто?

— Да я не знаю, вы лучше еще, где спросите.

— Но вы-то комсомолка?

— Ну и что! Членские взносы плачу, а на собраниях ни разу не была, их как будто и нет.

Наконец поиски увенчались успехом: заместителем секретаря оказалась заведующая Домом культуры Клава Собина. Она сообщила мне, что статья обсуждалась на комсомольском собрании — факты не подтвердились.

— Вот как? Значит, комсомольцы, помогли школе в ремонте, в строительстве дровяного сарая, в оборудовании спортплощадки?

— У нас не было времени.

— Ну, тогда молодые колхозники, наверно, побывали в гос-

тях у ребят, поговорили с ними по душам, рассказали о своей работе?

— После статьи мы собирались это сделать. Зина Галкина, секретарь, все хотела сама сходить в школу, она ведь зоотехник. Но почему-то не сходила.

Между прочим, среди четырнадцати комсомольцев колхоза есть и трактористы, и шофера, и электрики, и ветеринарный врач. Каждый из них мог бы рассказать будущему колхозному пополнению немало интересного о своей специальности, мог бы зажечь в ребятах желание отдавать после школы все силы и знания родному хозяйству. Многие комсомольцы могли бы руководить школьными техническими кружками. Важность и необходимость таких встреч трудно переоценить, но комсомольская организация во главе с секретарем явно недооценивает их значение.

Наш же разговор с Клавой продолжается, и мы выясняем, что решение комсомольского собрания насчет не подтвердившихся фактов было проявлением беспринципности и безответственности. Оно диктовалось желанием замазать ошибки, свалить вину со своих плеч. Впрочем, о каком решении может идти речь, если в документах комсомольской организации нет не только протокола собрания, но даже упоминания о нем.

«ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ»

Два явления в колхозной жизни связаны так прочно и неоспоримо, что эта связь заметна даже человеку непосвященному: текучесть колхозной молодежи прямо пропорциональна отношения колхоза к своей школе. И потому, когда секретарь партбюро Яков Захарович Жарких назвал цифру «потерянных» для колхоза молодых людей — до сорока человек в год, я поинтересовалась, — что делает партийная организация совместно с комсомолом для пропаганды среди школьников сельских профессий.

Вопрос о пропаганде профессий, — ответил Яков Захарович, — стоит у нас очень остро. Сейчас мы его начали решать: строим Дом культуры, правда, медленно строим.

О работе среди школьников Рощинской восьмилетки он, к сожалению, не сказал ничего.

Я ков Захарович, — а как вы оцениваете работу комсомольской организации по «двухлетке»: комсомол — сельской школе»?

— Знаете ли, я не совсем знаком с сутью этой самой проблемы. Но, считаю, что статья Горичева во многом верна. Работа колхозной комсомолии у нас вообще очень слаба.

Не совсем понятна позиция председателя колхоза Хитрова. «Ответ на статью «Мы ждем вас, шефы?», — удивился он. — Да комсомольцы что-то писали или хотели написать. Уж не знаю что».

Хитров считает, что на колхоз возведена напраслина. Мнение это, мягко говоря, необъективно, поскольку, как говорилось в статье, своим транспортом школа не обеспечена, и действительно завоз продуктов из магазина в школьный буфет представляет трудности, иногда непреодолимые, и так и есть — в Рощинской бригаде всего одна телега, и песок на спортплощадку завезен не полностью. И список этот можно продолжать до бесконечности.

Во время нашей беседы с председателем колхоза меня не покидало ощущение его отстраненности. О школе он говорил, как о чем-то постороннем. Говорил только потому, что вот — допытывается корреспондент и нужно ему что-нибудь отвечать. Я вспомнила о факте, ставшем известным мне просто случайно. Нынешней осенью директор сельской школы Василий Павлович Горичев на просьбу председателя колхоза прислать учеников на уборку картошки ответил отказом. Почему? Да потому, что колхоз не заплатил ребятам за прошлогоднюю работу. Не будем давать оценок позициям директора школы и председателя колхоза. Но факт этот тревожный.

На прощание секретарь парторганизации утешительно сказал: «Все наладится. Мы принимаем меры по улучшению положения в школе. Составлена и утверждена на правлении колхоза смета ее финансирования. Так что помощь мы окажем».

Но, прошли уже, более трех месяцев, как директор и председатель профкома Рощинской восьмилетки подали в правление колхоза заявление, в котором просят о действенной помощи, — ее до сих пор нет.

«БЛАГОДАРЯ» И «ВОПРЕКИ»

Мне бы не хотелось, чтобы о Рощинской школе сложилось неверное представление: мол, ничего там нет, ничего они сами не могут сделать. Могут: и ухоженная территория вокруг школы, и географическая площадка, и сарай для дров — все это сделано руками ребят и преподавателей. И все это не «благодаря» шефам, а — «вопреки» им. Многое стоит и тот факт, что прошлый учебный год в Рощинской школе был завершен со сто процентной успеваемостью. Это, несомненно, доказывает, что в ней — работоспособный коллектив педагогов и вдумчивый директор.

Не буду повторять высказываний нашего автора о важности задач, стоящих перед сельской школой, и о той помощи, без которой она обойтись не может. Справедливость этих слов не вызывает сомнения. Надеюсь, что к такому выводу придут райком ВЛКСМ, администрация и общественные организации колхоза имени Чапаева. Тогда Рощинская восьмилетка обретет, наконец, настоящих шефов и будет развиваться не «вопреки», а «благодаря» им.

Галина ОРМАН»

Нет, не произвела нужного воздействия и статья областного корреспондента. И Жарких с Хитровым, и Скворцов с Галкиной, и рядовые комсомольцы вели себя так, как будто их это не касалось: собака лает, а караван идет.

Жизнь в Рощине и окрест ее текла своим чередом.

Глава двадцать шестая

АПРЕЛЬСКИЕ ДНИ

В апреле 1970 — вся страна отмечала 100-летие со дня рождения Ленина. Готовились же к юбилею задолго. Все и каждый по-своему. Горичев преподавал историю в 5-8-х классах. Когда он рассказывал пятиклассникам о Спартаке, а семиклассникам — о Степане Разине, то непременно знакомил учащихся с некоторыми положениями из Ленинских работ.

— По словам Ленина, — говорил Василий Павлович школьникам, — «Спартак поднял войну для защиты порабощенного класса. Такие войны считаются справедливыми и не могут быть осуждаемы». Эти слова казались ему уместными и относительно крестьянской войны под руководством Степана Разина. Приводил высказывание Ленина об основах возникновения государства и о классовой сущности крепостничества.

Но подготовка к празднованию юбилея вождя не ограничивалась акцентированием внимания учащихся на идеях Ленина только на уроках. В начальных классах проходили громкие читки книг Крупской, Луначарского, Бонн — Бруевича, в которых они делились своими воспоминаниями о пролетарском вожде.

В день юбилея 22 апреля ребята провели устный журнал. Выразительно читала стихотворение «Наш Ильич» всегда застенчивая Люда Барских:

Середина вешнего расцвета -
И не нужно месяца иного,
Чтоб земля встречала
праздник этот -
День рожденья Ленина родного.
Мы плывем в морях и океанах,
Сквозь громады волн,
сквозь ветер встречный.
И ведет нас в бурях — ураганах
Наш Ильич -
сегодняшний и вечный!

«Бури — ураганы» — эти слова ассоциировались с настроением Горичева, когда он оставался наедине с собой. Но, будучи среди ребят, он забывал обо всем, обо всех своих горестях и неудачах. Был в центре — на вечерах, собраниях, концертах.

Дом культуры колхоза имени Чапаева был переполнен. На торжественное заседание собрались празднично одетые колхозники, учителя, школьники. С докладом о 100-летии Ленина, по поручению парторганизации, выступил Наум Наумович Хитров. Читал он, подобно Леониду Брежневу, загодя написанный текст, по бумажке, а то и прямо из газеты или журнала, — из экономии времени на подготовку. Таковая же для него, председателя с семиклассным образованием, было делом — архисложным, как некогда любил выражаться сам Ульянов. На этот раз Хитров развернул газету «Правда», где было опубликовано постановление ЦК КПСС по этому вопросу. Читал громко, но невнятно — с дикцией Наум Наумович был явно не в ладах.

Косноязычен, хоть суров
К правдивым людям был Хитров.
Доклад, как говорили встарь,
Наум читал, как пономарь.

После доклада состоялось награждение юбилейными медалями. Многие лица, удостоенные этой чести, были хорошо известны Горичеву. К столу подходит прославленный комбайнер Яков Смолин, за ним, вся светящаяся рот восторга знатная доярка Дарья Власовна. И — что особенно обрадовало учителей и учащихся — памятная медаль была вручена их уважаемому учителю Столярову. Приняв награду, несколько волнуясь, Аркадий Петрович сказал:

— Товарищи! Наш вождь учил нас и в праздники сосредотачивать свое внимание на нерешенных задачах, анализировать свои недостатки и упущения.

При этой фразе председатель колхоза Хитров и парторг Жарких, что сидели, рядом, за столом президиума, настороженно переглянулись: «Не уж то, начнет он, и сейчас рассказывать о невнимании колхоза к школе, о затерявшемся среди бумаг их

совместном с директором заявлении?». Но Аркадий Петрович, даже не взглянув в их сторону, спокойно продолжал:

— На Всесоюзном учительском съезде подчеркивалась необходимость повышать качество обучения, усиливать требовательность к уровню знаний, совершенствовать программы и учебники. Вы знаете, что в этом году наш учитель Степан Афанасьевич Мышкин, пройдя специальный курс обучения, занимается с первоклассниками по новым программам, отвечающим духу нашего времени. Впереди — очередной этап по осуществлению перехода к всеобщему среднему образованию молодежи. Нам необходимо укреплять связь школы с жизнью. Но сельская школа нуждается в помощи. Вот почему мы возлагаем надежды на движение «двухлетки»: комсомол — сельской школу».

— Началось, — прошептал Хитров на ухо Жарких.

— Обойдется, — успокоил председателя парторг.

— В заключение, — продолжал Столяров, — я хотел бы выразить уверенность, что союз школы и колхоза упрочится, несмотря на временные трудности. Мы, учителя, со своей стороны, будем делать все для того, чтобы наши дети росли образованными, умными, честными, сильными.

Последние слова Аркадия Петровича потонули в громе оваций.

— Что тут скажешь, молодец — Столяров! — заметил Жарких Хитрову, — хорошо выступил. Никого не обидел, а нам все же дал понять, что пора кончать ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем.

— Я — то, что?! — махнул рукой председатель, — пусть их директор придет и извинится.

— За что?

— Он еще молод, чтобы я из-за него перед людьми краснел. К нему сейчас все недовольные мною, как к пастырю на поклон, идут. С жалобами и заявлениями. Что он им внушает, а?

— Ничего особенного. Горичев — человек разумный: знает, что — кому ответить.

О, нет! Он их сам подбивает жаловаться на меня. Помните собрание — хотел, чтобы меня с работы сняли. На — ко вот! Выкуси! Не получилось, товарищ Горичев! Народ, он — за меня!

— Ну, скажем, не весь — за тебя.

— Крикунов мы обротаем.

— Зря ты так.

— А что?! Всегда так и при Ленине было: правящая партия — с одной стороны, оппозиция — с другой. Это наглядно на отчетном форуме, у нас проявилось. Большинство за меня, а оппозиционеры шли за Горичевым. Два раза речь держал — это же надо!

— Да не за Горичевым люди шли.

— За кем же еще?

— За правдой! Плохо мы работаем с молодежью, со специалистами, с закреплением кадров.

— Ну, Яков, здесь не партбюро, чтобы меня агитировать. Мы на праздник пришли. Давай уж концерт поглядим.

— Хорошо. Оставим неприятный разговор до удобного времени.

Концерт на этот раз был объединенным. В нем участвовали члены художественной самодеятельности школы и колхоза. Заведующая Домом культуры Клава Собина улыбнулась Горичеву. С восторгом выплеснула:

— Василий Павлович! Не правда, здорово! Ленинский юбилей нас объединил. Смотрите, сегодня мы — вместе выступаем.

— Это хорошо, — согласился директор школы.

Стихотворение «Огонек» читала секретарь комсомольской организации Рощинской восьмилетки Жанна Тарасова — красивая белокурая девушка с пышными вьющимися волосами. Голос ее звучал вдохновенно:

Так сияет над вселенной,
Сердцем ленинским, высок -
Негасимый и нетленный
Жаркой правды уголек!

Глава двадцать седьмая

ХМУРОЕ ЛЕТО

Один за другим, как стремительные дождевые ручейки, убегали дни школьных каникул. Летом ребята заняты множеством полезных дел на полевых станах, на лугах и фермах. И, они, кажется, забыли на время о бесконечных школьных заботах и хлопотах.

Но это не так. В Рощинской восьмилетке ребята трудятся и в летние каникулы. Они готовят школу к новому учебному году. Школьники все делают сами: красят полы и стены, ремонтируют классную мебель, штукатурят фундамент и печи. Ученическую ремонтную бригаду семиклассников возглавляет новый комсорг Саша Жучков, сменивший на этом посту выпускницу Жанну Тарасову. Он следит за качеством работы своих товарищей, заботится об обеспечении всем необходимым. Хорошо идут дела у молодых мастеров. Да и впрямь, как заправские маляры, орудуют кистями Коля Жучков, Саша Артамонов, Витя Самохин, Женя Епанчин. И самая ловкая из них — Люда Барских.

Кисти — кисточки. Это особая сторона ребячьей находчивости. Дело в том, что кисти заводского производства ненадежны. Их рабочая часть быстро стирается или вообще высыпается после двух-трех мазков. Ребята сами изловчились изготавливать кисти — из конского волоса и велосипедных камер. Заготовкою материала занимается «колхозный конюх» Сережа Пивин, преемник бывшего «конюшенного» Степана Карнюхина, окончившего школу.

Отец Сережи — конюх. Летом мальчик полностью заменяет своего отца по уходу за этими умными животными — лошадьми. Отсюда и закрепилась за ним это совсем и не обидное прозвище.

Как настоящий столяр орудует долотом и рубанком Коля Зенов. Его задача — отремонтировать парты, столы и стулья. И с ее выполнением он отлично справляется.

Текущий ремонт в школе завершен к середине июля. И ребятам приятно сознавать, что родная «альма-матер» подготовлена к новому учебному году их собственными руками.

За красками в областной центр ездили директор школы и учитель труда. Они и руководили всеми ремонтными работами.

Погода стояла жаркая. Василий Павлович с Ниной много времени проводили на трех знаменитых прудах. Купались. Загорали. «Остров любви» на одном из них был весь покрыт бархатом зелени. Неугомонные нутрии то здесь, то там будоражили спокойную поверхность нагретой, солнцем, воды.

К молодым супругам подошла почтальон, протянула пачку корреспонденции:

— Примите почту, Василий Павлович.

— Спасибо.

Горичев стал просматривать газеты. В областной партийной газете, в разделе «Поэтическая рубрика» писали и о нем. Нина не выдержала: «Дай я сама прочитаю». И стала читать вслух заметку известного орловского поэта:

«Пристально он всматривается в игру красок на вечеряющем небе. Вслушивается в порывистый шум придорожных берез. Долго стоит он, зачарованный, над зеркалом пруда с отраженными в нем облаками. От души радуется ветру, несущему с полей запах спелых хлебов, с лугов — аромат скошенной травы. А потом рождаются стихи:

Июль раскинул солнечные сети,
В закате сенокосная страда.
Вдоль окоема в золотистом цвете
Стоят, волнуясь, спелые хлеба.

Василий Горичев живет в селе. И эти и другие его стихи, присланные нам, продиктованы большой любовью к природе родного окского края, к родным полям, лугам и рощам».

Нина, окончив читать, глубоко вздохнула:

— Здесь и впрямь хорошо. Вон, посмотри, как улыбается на солнышке белая роща. Мы с Ириною, пока ты в школе с ребятами занимаешься, часто ходим цветы рвать. Там и первые подснежники бывают. А позже — и ландыши, и фиалки, и колокольчики. Нет, летом в деревне жить — просто прелесть.

— Но, а если придется уезжать в город?

— Зря ты так говоришь. Сам знаешь, что пока мама жива — никуда тебя на аркане не вытащишь — ни в Ленинград, ни в Ростов.

— Пожалуй, что так.

— Да, Вася, мне надо бежать.

— Зачем?

— Дочку посмотреть. Как она там с тетей Фросей хозяйничают. Да виковую смесь переворошить, не то — перегорит на солнцепеке.

— Иди, — отпустил супруг. И ему сразу вспомнилась история с этой злополучной травой.

Если весною прошлого года Наум Наумович раздобрился — выделил мешок семян для посева, то этой весной отказал — не прощал обиды. Особенно — после того, как в областной комсомольской газете был опубликован критический материал Галины Орман. Более того, в той же газете появилось такое сообщение: «Секретарь райкома ВЛКСМ Евгений Скворцов ответил редакции: »Статья Горичева «Мы ждем вас, шефы!», опубликованная в «Комсомольце», обсуждена на бюро РК ВЛКСМ. Критика признана справедливой. Бюро обязало комсомольскую организацию колхоза имени Чапаева (секретарь Зинаида Галкина) совместно с комсомольцами Рощинской школы провести комсомольское собрание, на котором обсудить данную статью и наметить меры для устранения указанных недостатков.

Бюро обязало секретаря ВЛКСМ машиностроительного завода Валентину Овчинникову организовать выезд комсомольцев — электриков, в Рощинскую школу для подключения станков, а также — оказать возможную помощь школе в приобретении необходимого количества рубильников, кабеля, краски и другого материала».

Для непосвященного в суть проблемы и впрямь, размах — рублевый, удар, однако, оказался — лозовый. Слабый. Признанием критики справедливой, что для чести директора Горичева, было немаловажным, все позитивное — закончилось. Скворцов, словно петух, — пропел, а рассвет так и не наступил. Никто в школу из города не приезжал, колхозный комсомольцы тоже не появились. Отписка осталась отпиской.

И, тем не менее, лишнее напоминание «о больном зубе» нервировало Наума Наумовича. В выдаче семян вики отказал. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что личный директорский огород засеян. И чем? Ясно — виковой смесью. Де-

сятки загадок обуревали его. «Так и есть, — решил он про себя, — это дело рук тракториста Смолина и колхозника Храмина — мужа другой технички, Фросиной напарницы. Это они, засевая поля возле школы, украли мешок семян и потрудились на личном огороде директора».

Твердо решив, что все обстоит именно так, он, ухватившись за этот повод для отмщения, настрочил в районный отдел милиции соответствующую бумагу. И, вне всякого сомнения — солоно пришлось бы Горичеву, если бы факты подтвердились. Милиция дремала, когда гибли невинные люди на песчаном карьере, спала, когда полсотни баранов превращались на каганах районного начальства в шашлыки. Бездействовали, когда машинами улетучивалось зерно, и стадами пропадали колхозные куры. Но, в данном случае, у них нашлось время и не однократно терзать нудными допросами лживо подозреваемых в преступлении — Смолина и Хромина. А вкупе с ними — злодея директора. Впрямь, по — Фамусову: и как не порадеть родному человечку!

Горячность характера подвела Хитрова. Результаты расследования посрамили его. Милицейским офицерам пришлось приносить, за оговор, извинения и Горичеву и колхозникам (обмишулился председатель!), когда, наконец, была установлена истина появления злополучного мешка с зерном вики.

Ларчик же просто открывался. Когда мать Горичева узнала, что Чапаевский председатель зерна вики для посева не дает, то посоветовала сыну обратиться за содействием к уроженцу Ключей — Ивану Скопину, жена которого Анна Дмитриевна, была первою учительницей Василия Павловича и с детских лет любила его за честность и смекалку, помноженные на отличные успехи в школе. Скопин работал директором совхоза, что всего в пяти километрах от Рощино. Он не только выручил ходока — выписал мешок смеси, но и доставил его по назначению на своем «газике», так как уважал своих земляков.

Хитров знал Скопина, но и представить себе не мог, что у «строптивого директора Горичева» найдутся такие влиятельные покровители — односельчане.

Проводил дознание следователь по уголовным делам капитан Анисимов. Колхозники — Смолин и Хромин в недоумении пожимали плечами: откуда, мол, гроза? Когда все выяснилось,

то офицер Анисимов, сняв обвинение в краже, дело передал в райком партии — орган, где, по выражению Ленина, концентрировались — ум, честь и совесть нашей эпохи. Ума и чести, как видно, не было, а совесть — спала.

Райком КПСС вышел из забвения лишь после того, когда в народный суд поступило совместное заявление Смолина, Хромина и Горичева — на предмет привлечения председателя колхоза имени Чапаева Хитрова к ответственности — за клевету. Из района на выручку Наума Наумовича прибыл спецпредставитель. И кто — же? Понятно — заведующий организационным отделом райкома партии Георгий Смагин, давнишний его приятель.

Смагин демонстрировал объективность — проверял факты. Но только с другого конца. Он знал за Хитровым немало грязных дел. Но плохо говорить о друге нерезонно. Тут ведь следовала бы вспомнить не только о вышеперечисленных правонарушениях, но и о махинациях с отпусками (по два в год), о краже сена — целый стог на тракторных санях был вывезен дружками председателя. О взятках с «диких бригад» при строительстве Дома культуры и о многом другом.

И не о клевете на честных колхозников говорил партийный чиновник. Нет, пользуясь представленной ему властью и служебным положением, Жора Смагин взял директора школы, как говорится, — на испуг:

— Сено самовольно из школы увозил?

— Что?! — недоумевал Горичев.

— Кур у жены бывшего парторга Сомова покупал?

— Да.

— А знал, что они ворованные?

— Нет.

— Колхозников заставлял писать заявления в суд?

— Что?! — возмущался обескураженный директор.

Смагин же настойчиво и нагло продолжал: «Так, что дорогой Василий Павлович, ты лучше помалкивай о Науме Наумовиче, о клевете и прочем, а не то с работы, а может и из партии — дверь укажем. Ты меня понял?!».

— Тебя я давно понял!

— Как ты со мною разговариваешь?

— Как заслуживаешь,

— А тебя еще прочили в директора Репнинской средней школы. Как же — способный организатор, отличный педагог?! — издевался Смагин. -Я доложу Первому о твоем поведении.

— Я тоже. Кстати, ваш райком, что — коллективный Наполеон?

— Какой Наполеон? — глаза Смагина округлились.

— Бонапарт, какой еще!

— При чем тут он?

— Да притом! Когда ему доложили об ученом, замешанном в крамоле, что он — гений, то Наполеон резко заявил: «Мне нужны не гении, а верноподданные». А для печати, по его мнению, необходимы — хлыст и шпоры. Вот и Вам, как ему, лишь послушные директора и журналисты нужны.

— Верно. А ты как хотел, что хочу, то ворочу. На райком, колхоз — сатиру! Не пройдет — узду набросим. Уразумел? Вопросы еще есть?

— Нет. Все понятно.

— В таком случае — до встречи!

— До свиданья Смагин!

После визита Жоры Смагина директор школы ожидал, что его вызовут, наконец, на бюро райкома, где и расставят все точки, над — «i».

Однако шли дни, недели — кругом было светло и тихо, как после летней грозы. Тогда Василий Павлович решил поторопить развязку и сам направился в райком КПСС. Первый, за занятостью, а может и не желанию, его не принял — направил к Велихову.

На этот раз, в отличие от декабрьской встречи, Игорь Семенович говорил с Горичевым доверительно — спокойным голосом, будто сопереживал свалившемуся на голову Василия, несчастью:

— У меня есть к вам предложение, — мягко и вкрадчиво, начал он.

— Слушаю.

— Вы не желали бы поехать на восточную границу нашей страны? Я говорю с вами, как с офицером.

— Зачем? — не понял Горичев.

— Служить в пограничных войсках. Ну, например, в должности — заместителя командира — начальника заставы по по-

литической части. Вы — высоко эрудированный офицер. У вас накоплен хороший опыт управления коллективом школы.

Обескураженный, столь неожиданным, предложением, Василий вспомнил песню 30-х годов: «Над Амуром тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят». Она актуальна и сегодня. Резвее только надо пару слов заменить. В данном случае: «самураев — на китайцев, а тишину — на зарево». Советская система град буквально сожгла остров Даманский. Смешала землю с волнами Амура. Это правда, как и то, что десятки, сотни российских пограничных застав сметены. Вот и появилась необходимость пополнять гарнизоны свежими кадрами офицеров. Обо всем этом он подумал про себя. Вслух же сказал:

— Но у меня — мать, жена, дочь. Как же с ними? Ведь, на Даманском — стреляют.

— Это я знаю. Но вы же собирались уезжать. И заявление подали.

— Не собирался, — отпарировал Горичев, — а заявление подал не об увольнении с работы, а об освобождении от должности директора школы. Впрочем, вам все это отлично известно.

— Ну, что же, эту просьбу мы удовлетворим.

— Благодарю

— Пожалуйста.

...Ни слова о статье, о конфликтах с Наумом Наумовичем, о ссоре со Смагиным. Как врач — по едва заметному изменению цвета кожи, припухлости лица, век — знает сердечного больного, так и Василий Павлович Горичев, по намекам секретаря интуитивно понимал, что от него просто хотят избавиться — тихо и без помех. Предлагают отправиться на юго-восточную границу, где в эти дни идут жаркие пограничные бои с китайцами, где пресловутый остров Даманский — потоплен в амурских волнах.

Напускная велиховская вежливость, подчеркнутая мягкость интонации не обманывали его: он здесь — лишний, даже — опасный. Вдруг вздумает написать — в обком, ЦК партии или в Генеральную прокуратуру — горя не оберешься. Задобрим лаской.

Но Василий уже понимал, что и там, на верху — не все в порядке. Биться лбом о стену не было резона. «Стена да гнилая,

ткни — и развалится» — вспоминал он знаменитую фразу молодого Ульянова. Но то был царизм, самодержавие. Ныне же все еще в почете иной афоризм — крепка советская власть! Он же не то чтобы эту незыблемую крепость, а гнилую стену проломить не в силах. Если под нею подразумевать того же Наума. Хотя всем и райкому тоже ясно, что Хитров подгнил. Но, не пытайся свалить, — надорвешься. Его подпирают, такие крепкие «дубы», как — Первый, Назаров, Велихов, Смагин.

Горичев решил прекратить борьбу — себе дороже. Да и на колхозников не было надежды — изменят, струсят, подставят. Натравят — и в кусты! Как на перевыборном собрании: он в бой, они — на выход. Помнил и мамину любимую поговорку: с богатым не судись, а сильным — не борись.

Мама. Только перед нею было стыдно Василию. Совестно до жгучих слез. Не оправдал надежд. Опозорен. Обесславлен и обесчещен. Разве только, подобно Пугачеву и Разину, он еще — не обезглавлен. Горичева не смущало — «Что скажет княгиня Марья Алексеевна!». Упреки и насмешки учителей, чужих людей, даже жены, он снесет без труда. От молчаливого же укора матери он и теперь готов был провалиться сквозь землю. Как объяснить старенькой труженице — матери, что он — прав? Идти на поклон к Науму Наумовичу? О, нет! Хитров из тех, кто бьет лежащих и не прощает обид. Василий понимал, что сила Наума Наумовича не в его личных достоинствах, не в его поступках и убеждениях. Она — в поддержке его прогнивших принципов «сильных мира сего», связанных общею круговой порукой. Он знал, что в райкоме рассуждают просто: кого легче найти — председателя колхоза или директора школы? Кого легче заменить? Опять же — его. Потому председателя колхоза, будь он трижды виновен, надо защищать.

25 августа 1970 года Василий Павлович Горичев получил выписку из приказа РОНО об освобождении от обязанностей директора Рощинской восьмилетней школы — «По личному заявлению», — значилась запись в трудовой книжке. Стаж его директорской работы составил два года и пять дней.

Глава двадцать восьмая

ЛИСТОПАД

У осени — сотни звуков. Суховато шуршит в листве тополей и берез ветер. Стучат, ударяясь о землю школьного сада, яблоки. Шелестят черными крылами стаи грачей. Изредка вдруг прозвенит в небе мелодичный крик журавлей.

У осени — сотни запахов. Пряный, вязкий аромат земли, вскопанной на учебно-опытном участке, увядших цветов на пятиконечной клумбе, что разбили школьники, сырости и прохлады кустов роз, украшающих Дом учителя. А по вечерам, когда опускается туман, примешивается терпкий дым горящей листвы.

У осени — тысячи цветов и оттенков. Все чаще над Рощином по утрам расстилается одеяло облаков, рассеивающих мелкие и холодные капли дождя. И тогда серая, будто посыпанная пеплом, дорога в школу становится черной, блестящей и скользкой.

Но бывает и по — другому. Небо высокое и голубое. Прозрачен воздух. И прямо под ноги сыплется золото листопада. Только успевай различать цвета. Листопад — он о многом напоминает Василию Горичеву. В багряную пору листопада в октябре 1958 года, когда Василий только что окончил Репнинскую среднюю, он хоронил своего отца — инвалида. В листопадную пору 1967 года, он, студент университета, закрепив союз любви в ЗАГСЕ Ростова, гулял с молодой женою Ниной по живописному берегу Дона и строил грандиозные планы на будущее.

В золотую пору осени 1968 года он бродил по школьному саду вместе с молодыми медиками Лилей Ветровой и Юрием Столяровым. Тогда Юрий сфотографировал их, смеющихся, радующихся полноте жизни. Снял тогда Юрий молодого директора и вместе со своим отцом, учителем Аркадием Петровичем.

И вот теперь — листопад года — 70-го. Лиля вышла замуж, но не за летчика — сына Хитрова, а совсем другого парня. В «Светлом луче» было помещено фото счастливых молодоженов. Живет в райцентре. Нет в Рощине и ее мамы. Прасковья Ива-

новна еще в конце мая, сразу же после окончания учебного года, переехала жить к дочери. Забрала она с собою дочь Таню и старушку — мать. Горичевы перешли жить в их дом. Старая обитель — царство мышей и крыс — опустела.

Василий Павлович вместе с женою и дочуркой, не менее Пушкина любили «очей очарованье» — осень, когда в багрец золото оденутся леса. И вместе с тем, ныне окружающая их, краса, им не доставляла былой радости. Смутная тревога закрадывалась в сердце бывшего директора школы, а теперь — просто учителя.

По старой привычке, проездом на совещание в район, заглянул к Горичевым директор Калиновской средней школы, богатырь Федосеич. Он нравился Василию. Андреев был человеком, одаренным пристальной и разносторонней наблюдательностью. Он интересный собеседник, потому что многое видел, а значит, и многое знал. С ним всегда радостно всем людям — и большим и маленьким, ибо он сам, не замечая того, сеет любовь к знаниям и умеет видеть в жизни так много интересного, что она будто преображается от одного его взгляда. Он действует, подобно волшебной палочке доброй феи. Заряда бодрости и оптимизма в нем — через край.

— Здорово, приятель! — гремит его мощный голос.

— Здравствуй, Федосеич! — обнимает друга Василий.

— Как живешь?

— Старыми молитвами, А ваши, как дела?

— Как у желудя!

— Ну, а как же у желудя?

— Да, так! Желудь отлично знает, что рано или поздно, он — упадет! Не знает лишь — какая свинья его съест!?

И оба весело расхохотались — к месту пришелся юмор.

— Ты имеешь в виду мою отставку Панкрат Федосеич? — осведомился Горичев.

— О, нет! Я о себе. Но, если серьезно — как настроение?

— Хвалиться нечем.

— Понимаю. Ведь ты — гордый! Ты не рожден — плакать. Тебе, приятель, нужны крылья, чтобы лететь ввысь. Чтобы — все видеть, запоминать, дерзать.

— Может и так.

— Иди ко мне завучем. Хочешь, я в РОНО поговорю, а? Вместе Сухомлинского будем штудировать. У меня размах, какой —

с колокольню Ивана Великого! Это тебе не Рощинская школенка! Ну, как, — сговоримся?

— Нет, Федосеич! За доверие же, — спасибо!

— Ну, это ты брось. Мне благодарности не нужны. Я тебе, как сыну родному, верю. Я всем говорил, что стержень в тебе есть. Ты, чертовски, талантлив. И детей любишь. Твои выпускники у меня учатся. Так они, если что не так, то сразу заявляют: «А нас Василий Павлович так учил! А наш директор говорил, что нужно, — э, так! Это, брат, не просто — у ребят авторитет заиметь. Не просто! А ты сумел. Да! И молодец! Уверен, ты еще прославишь Отечество! На Хитровых же и прочих глупцов — не обижайся. Пусть они сами на себя обижаются. Пустоцвет, он так и останется пустоцветом, — в какие его одежды не ряди. Кровь, однако, испортить, — могут. Да, могут! И ты — не первый им под руку подвернулся. Впрочем, какая ты, к дьяволу, жертва? Смотри — красавец какой! У тебя, брат, все впереди. Какая тут новая директорша? Прыгунова, что — ли, ее фамилия?

— Да.

— Она кто по — специальности?

— Филолог.

— А по — национальности?

— Не то бурятка, не то монголка. В общем, из Бурят — Монголии.

— Ее мужика я знаю. Он в редакции работал, что-то с головою у него. Ушиб, что — ли. Да, чего я тебе растекаюсь мыслью по древу, ты сам газетчиков лучше меня знаешь. За что, как говорится, и — пострадал. Газета — бритва, не рассчитаешь — обрежешься.

Но не ты открыл счет страданиям. Вспомни, еще Пушкина за оду «Вольность» в южную ссылку сослали. Но гений есть гений — он и там расцвел. В Бесарабии — поэмой «Цыгане», в Крыму — «Бахчисарайским фонтаном». За стихотворение «На смерть поэта» Лермонтова отправили на Кавказ — под чеченские пули. Его несчастье обернулось для нас радостью обретения романа «Герой нашего времени». Тебя пытались подставить под китайские пули. Молодец, что устоял. Не совершил глупость. Хотя травму душевную, понимаю, нанесли.

— Это верно. Не первую рану получаю! Прыгунова, конечно, знаю. Он давно собирался из редакции уйти — головные боли

мучили. Хотелось ему в село — на свежий воздух. Вот и подвернулся удобный случай.

— И что же он теперь — парторгом у вас? Вместо Якова Захаровича Жарких?

— Да.

— Ну, парторг из Прыгуноава, прямо скажу, неважный. Ни характера, ни воли. Тут и университет не поможет. Хитров его вмиг под себя подомнет. К тому же он и к «зеленому змию» пристрастен, так, что зависнет этот «прыгун», на председательском крючке. Ему до Якова Захаровича, как волку до слона, расти — не дорасти. Судьба же его, впрямь, не из легких. Жарких и есть — желудь! Зрел, зрел, оборвался — упал. Ушибся, да больно! Сейчас осторожно присматривается, как бы, какая свинья его не съела. Одна нашлась — боднула. И крепко боднула! Хорошие, честные люди, всегда — жертвы хищников. Ну и дела! Ты, брат, все хочу спросить, стихи — то пишешь?

— Пишу.

— Вот это прекрасно! Но надо тебе, брат, за серьезное дело приниматься. Книгу тебе писать пора — во что твердо тебе скажу. Твоя опала, как у Пушкина и Лермонтова должна в литературный подвиг вылиться. Чего ты смеешься?! Я какую — либо глупость, что ли, говорю?

— Извини, Федосеич! Мне одна девушка вспомнилась.

— Ну, твое дело молодое. Можешь вспоминать и не одну.

— Да нет, я не о том. Корреспондентка к нам приезжала. Относительно статьи о «двухлетке». Галина Орман ее зовут. Так она мне то же самое говорила.

— Что?

— Ну, про книгу.

— Правильно говорила. Видать грамотная барышня. Что же тут смешного?

— Далеко еще Кулику до Петрова дня.

— На это, я тебе другую пословицу скажу: — ум не ждет бороды! Что тебе — классические примеры, как школьнику приводить. Про Кольцова, про Грибоедова.

— Не надо, Федосеич! Давай, о более реальном, поговорим. Как там дела в районе? В РОНО?

— Идут дела. Не давно мы с заведующим Кругловым Иваном Трофимовичем о тебе беседовали. И знаешь, что он сказал?

— Откуда мне знать секреты начальства.

— И все-таки интересно, послушай. Он сообщил, что тебя уже готовили в директора средней школы — твою, Репнинскую хотели направить, к маме поближе. Там директорша на пенсию собралась. Ты же со своим заявлением не вовремя сунулся.

— Я об этом уже слышал.

— От кого?

— От Жоры Смагина. Он был у меня с проверкой. Так что доложил по всей форме.

— Да, что Смагин! Сам Первый об этом в кулуарах с твоим другом — редактором Константином Петровичем, говорил. Уже готовились тебя для официального разговора приглашать, а ты тут ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, бишь с Хитровым, устроил. Решили, что надо повременить, присмотреться. Да, сколько ты сейчас часов имеешь?

— Одиннадцать.

-Ха! Это какая же зарплата?

— За сентябрь 48 рублей получил.

— Это на троих — то? Ну, брат, как только жена тебя терпит!

— Свыклась, а может, временно смирилась.

— Ну, теперь я все понял.

— Что?

— Что тебя хотят — того, выжить — эти прыгуны. Где они сейчас живут?

— Пока из города на машине ездят. Потом собираются в мою старую обитель переходить.

-Вот тут и вся загвоздка. Не захотят они с мышами да крысами жить. Не та у них закваска.

— Об этом и наши учителя говорят.

— Понятно. А ты после этого ко мне в завучи идти не хочешь? Квартиру дам в Доме учителя. Зарплата у тебя за сто будет. И жене работу подыщу. Чего тебе еще, а? Я уже со своим председателем о тебе говорил. Иришку, лепесточка твоего, в колхозные ясли устроим. И Нине там же работа найдется.

— Спасибо, Федосеич, но поживу пока еще здесь — привык.

— В таком случае, брат, до скорой встречи! Огорчил ты меня.

— Как же, Панкрат Федосеич, а — обедать? Меня Нина за вас со свету сживет.

— Не до обеда — спешу! Я по делу приезжал. Нине же от меня привет. И дочку поцелуй. Славный у тебя «лепесточек» растет. До свиданья, брат!

— Всего доброго!

Скрипнули рессоры легкой брички, приняв на себя изрядный груз, конь рванул, и только посыпались из-под колес — желтые, оранжевые, багрово-красные листья.

* * *

В один из жарких дней листопада, когда Василий сидел над письмами своих друзей. Перебирал в памяти дорогие черты милой и нежной Тани, порывистой и вдумчивой Веры, упрямого и одержимого Кости, добрейшего Николая, светловолосой, энергичной и заботливой Лили Фокиной и других ростовских товарищей, в дверь постучали. Горичев вышел на высокое крыльцо своего дома и увидел перед собою возбужденную, порывистую Клаву Собину.

— Что с тобою, Клава? — тревожно спросил Василий, — да на тебе лица нет.

— Ах! Жалко мне...

— Кого тебе жалко?

— Ох! — Клава отвернулась и заплакала, — Вас очень жалко.

— Чего меня жалеет? — удивился Горичев, — я, слава Богу, жив и здоров.

И тут Клава, видимо, не выдержав пытки — разрыдалась т, не утирая слез, сбивчиво выговорила:

— Василий Павлович! Звонили из районной больницы. Там мама Ваша умирает.

— Мама?!

— Да.

— Как — мама!? — Василий чувствовал, что упадет, оперся о дверной косяк, — я от нее только вчера вернулся. Все было хорошо. Что могло случиться?

— У нее перелом позвоночника.

— Позвоночник?! Как у отца — фатализм!

Клава, слушала его отрывистые — не выкрики, а тяжелые вздохи. И не могла догадаться: при чем тут — отец, фатализм, если умирает мама.

— Клава, прошу тебя, — побудь с женой. Успокой ее. Я сейчас.

И через минуту, наскоро собравшись, он не шел, а бежал, как когда-то в феврале, когда узнал о рождении дочери. Но бежал не по снегу, а по листьям — по кровавому листопаду. Спешил в ту же больницу. Туда, где ждала его уже не радость, а горе. Самое жгучее, неизбывное горе, какое только может испытать человек, теряющий самое дорогое, что есть у него на земле.

Василий отыскал маму в хирургическом отделении районной больницы. Поцеловал ее худые, запавшие щеки, заплакал. Мать гладила одной рукою голову сына, слабо утешала:

— Не плачь, сынок. Видно судьба у меня такая. Как видно, на роду кому что написано, так и будет. А ты не плачь. Ты еще только начал жить. У тебя еще все будет хорошо. Я верю — вот увидишь. Лучше расскажи, как там внученька моя Ириночка, Нина, как?

Внимательно выслушав сына, отдохнув, тихо продолжала:

— Нет, сынок, не жилец я на этом свете. Отпиши братьям. Сам не горюй — я свой век пожила. Помучилась. Пострадала — и под немцами и без них. Себя не жалко. Мне, деточки, — лишь бы у вас все было хорошо, милые вы мои.

Через две недели мамы не стало. В районной газете «Светлый луч» был помещен некролог — соболезнование учителю Горичеву.

Василий молча, без слез, он их за две недели болезни мамы уже выплакал, шел за гробом, где лежало самое дорогое для него существо. В его ушах еще будто слышались последние слова матери: «Васенька, сыночек мой — самый ты у меня любимый. Мать не бросил. В деревню из теплого города ради матери приехал. Всем помогал, Ничего себя не просил. Господи! Свет я с тобою увидела. Жалко, долго не пришлось порадоваться. Вот она судьба-то — как у отца! Доски несла на горбе, да оступилась в канавку, Они мне на шею — и свались, Позвонки-то шейные и хрустнули. Боли не чувствую. Васенька, родненький, нагнись пониже, дай я на тебя погляжу. Жаль вот — поцеловать не могу. Счастья тебе, Васенька».

Похоронили Тимофеевну в сосновом бору, близ села. Поставили ее гроб рядом с обителью мужа — в одной могиле.

Возвращаясь с кладбища, Василий остановился у большого ветвистого клена, который хорошо помнил еще с детства. Под ним он любил отдыхать, когда пас коров с соседкою Софьей возле кладбища. Часто — с книгою в руках, а то с карандашом и блокнотом — просиживал он здесь до самой вечерней зари.

И вот теперь, когда на багряные листья клена, он заметил, как один из них, сорвавшись от неожиданного порыва ветра, медленно оседал на пожухлую траву, на другие листья, уже нашедшие приют у его подножия. И Василию с горечью подумалось, что и сам он похож на этот кленовый лист, и ничего уже не связывает его больше с этим вечным миром кленов, берез и сосен.

Дым Отечества уже не был ему «сладок и приятен». Скорее, наоборот, все печные трубы Ключей и Рощино извергали в небо, как ему казалось, удушливый, терпкий запах горящей полыни. Дышать отравленным воздухом он не мог. Подобно Чацкому он был готов воскликнуть:

«Вон из Москвы! Сюда я больше, не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!».

Правда, не из Москвы рвалась душа Горичева, а из ставшей, вдруг, ненавистной ему, однако, мало в чем повинной, деревушки с незатейливым именем — Рощино.

Со смертью любимой матери, родной край ему уже не казался таким восторженно милым. Сразу к сердцу прихлынула горечь неправомерных обид. Страдания переполняли его. Хотелось, хотя на мгновение встретиться с дорогими друзьями, ощутить радость бытия. Осознал он и то, что напрасно мучает самых близких ему людей — жену и дочь. Жить в Рощине далее ему было невыносимо. Приняв окончательное решение, он навсегда простился с березовой рощей, с тремя, некогда барскими прудами и школой, так похожей на серый самолет, распластавшейся на зеленой поляне.

Опальный летчик взял маршрут, откуда и прибыл в Ключи более двух лет назад, на вторую родину — донскую землю, центром которой для него был красивейший — град Ростов.

ДОНСКИЕ ОЧЕРКИ

НА ТИХОМ ДОНУ

Свои записки мне бы хотелось начать с одной из встреч с поэтом и краеведом Василием Михайловичем Катановым. Живет он в Орле. Из окон его квартиры, что на шестом этаже, можно отчетливо увидеть знаменитую стрелку: Орлик, впадающий в Оку, и золотистый городской парковый пляж, и чудесный Тургеневский бережок, и памятник двум великим сынам Орловщины — Тургеневу и Бунину. Немало страниц посвящено славным землякам. И не только им. В книге «Русская душа» рядом помещены поэмы «Иван Тургенев», «Сергей Есенин», «Михаил Шолохов».

Что связывает этих трех великих сынов великого народа? Что роднит? Тургенева и Есенина роднит Ока. А Шолохов? Он же донской казак! Казак, но только наполовину. Дело в том, что его отец Александр Михайлович — «иногородний», то есть выходец из Центральной России, из Рязанской губернии.

Выходит, и гений Шолохова наполовину пророс из приокской земли. Шолоховы — не редкость в нашем краю. Дон, ныне протекающий по Липецкой области, до войны был орловской рекой. В старину Ливны входили в состав Рязанского княжества. Все эти факты вошли в поэму Василия Катанова о славном авторе «Тихого Дона».

Когда, в грозовом 1919-м году, Лев Троцкий и Яков Свердлов провели расказачивание, то они не предполагали, что всего

спустя шесть лет вновь во весь голос заговорит Россия, а затем и весь мир о былой славе донских казаков. И виною тому был ранее никому не известный юноша из продотряда, уроженец хутора Кружилин Вешенской станицы Михаил Шолохов.

Это он, двадцати лет от роду, в 1925 году выпустил «Донские рассказы». Еще до выхода книги многие рассказы публиковались в разных газетах, в том числе в «Орловской правде».

Уже в «Родинке», хватающей за сердце, написанной девятнадцатилетним гением, просматривались черты «Тихого Дона» — трагедийного повествования двадцатого века, ставшего в один ряд с «Войной и миром» Льва Толстого.

«Тихий Дон», по выражению П. В. Палиевского, это как бы сама жизнь, сумевшая мощно себя заявить, а другие книги о том времени написаны словно бы теми или иными персонажами «Тихого Дона» — будь то не погибший Штокман, окончивший рабфак Мишка Кошевой или же, напротив, не застрелившийся под Екатериноградом, а эмигрировавший Евгений Лестницкий. И в книгах этих — не целостность, а определенный угол зрения».

Мощно заявившая о себе жизнь, отраженная Шолоховым в романе, воспринимается и как тайна, и как чудо. И это чудо сотворил молодой казак с тихого Дона.

Затем читающий мир ахнул, увидев на книжных полках «Поднятую целину» — вещь, которая, по выражению Александра Серафимовича, открыла глаза зарубежному читателю на удивительный процесс единственной в мире переделки индивидуалиста — крестьянина в коллективиста.

Авторство на этот великий роман, к счастью, уже никто не оспаривал. Что касается «Тихого Дона», то двадцать лет спустя, профессором русского языка и литературы университета в городе Осло (Норвегии) Гейра Хетсо, группой норвежских и шведских ученых с помощью ЭВМ было подтверждено авторство Михаила Александровича Шолохова. Рассказывают, когда знаменитому писателю сообщили об этом, он спросил с улыбкой: «А, что без машины нельзя было догадаться?».

И без машины нетрудно увидеть, что все сочинения Шолохова принадлежат одному человеку.

В поэме «Огонь над тихим Доном» известный русский поэт Владимир Фирсов напишет:

Да, с книгами его в те годы
Мы возводили Днепрогэс,
Магнитку ставили,
Заводы
В краях, где был дремучий лес.

По — чкаловски взмывали в небо
И поднимали целину,
Чтоб не мелело море хлеба
В Сибири или на Дону.

Артист Юрий Никулин, побывавший вместе с писателем и актером Василием Шукшиным в гостях у Шолохова, лауреата Нобелевской премии за 1965 год (во время съемок кинофильма «Они сражались за Родину»), так передал впечатление своего друга о Шолохове. «Интересный он дядька, — заметил Шукшин, — о, какой интересный! Ты не представляешь, что мне дала эта встреча с ним. Я всю жизнь по-новому переосмыслил. Много суеты у нас, много пустоты. А Шолохов — это серьезно. Это — на всю жизнь...».

Некогда подобные чувства после кратковременных встреч с этим удивительным человеком испытал и я. Впрочем, все по порядку...

Чтобы понять, как я, коренной орловец, рожденный в глубинно-затерянной деревушке Сивково, что нависла огородами над лесистой речушкой Лабосынью, вдруг оказался «на тихом и вольном Дону», надо слегка коснуться моей родословной — заглянуть в победный 1945-й.

Именно в этом году оперуполномоченный по оргнабору заявился в избу «бабки Горбатки», как звали в деревне старую, согбенную женщину, приютившую «на время» мою маму с тремя ребятишками. Печаль была в том, что наш собственный дом, стоявший возле школы, был превращен в воронку от угодившей в него бомбы в горячем 1943-м. И наша семья, оставшись без крова, летом ютилась в землянке, а на зиму перебиралась к сердобольной бабусе, да будет ей земля пухом...

И вот теперь в ее хате сидит строгий дядя и торопит: «Побы-

стрее со сборами. Не пропадет ваша Маша. В столицу едет, а не в Сибирь. Еще и довольны будете: и оденут, и обуют, и накормят…»

Но сердцем пятилетнего малыша я понимал, что ни мама, ни шестнадцатилетняя сестренка Маруся не внемлют разъяснениям уполномоченного. Обливаясь слезами, рыдая, мать сгребала с жаровни золотистые стружки сушеного картофеля в вещмешок, и все причитала:

— Ах, доченька, хлебушка-то нет. Как ты без него? Да будь осторожней в Москве. Это не деревня, там хулиганы. Весточку-то не забудь подать, как устроишься!..

Маруся, плача, обняла мать, поцеловала меня, брата Ивана и ушла.

Спустя год приехала в отпуск, как всегда, серьезная, внимательная и заботливая, одарила нас с братом гостинцами. Рассказала, что после окончания школы ФЗО работает монтером, а по вечерам поет в хоре Пятницкого и что скоро собирается замуж. Вскоре так оно и вышло. Моя сестра стала женой, оказавшегося в Москве на стажировке формовщика гипсового завода, донского казака станицы Нижнегниловской Приходько Николая Максимовича. Так моя сестра оказалась в Ростове-на-Дону. Благодаря ней, и брат Иван, который был на три года старше меня, оказался там, поступив после семилетки на учебу в горный техникум

Летом 1963 года, будучи студентом Ивановского пединститута, я получил телеграмму о смерти сестры. Ей было всего тридцать три.

На семейном совете, по настоянию матери, было решено, чтобы и я также перебирался в Ростов, так как за тремя осиротевшими племянниками был нужен присмотр. Тем более что их отец частенько перебирал лишнего, что в нравах казаков. Не зря же печать Войска Донского, а вернее герб его, изображала лихого нагого казака, сидящего с шашкою на винной бочке.

…И вот я в станице Нижнегниловской. Стою у саманной, свежевыбеленной, под камышовой крышей хатенке, так удивительно похожей на домик Шолоховых в хуторе Каргинском.

Станица расположена на высоком холме, с которого хорошо виден и поблескивающий на солнце Дон-батюшка, и правый рукав его, весь поросший осокой и камышом — Мертвый Донец.

Сочинять стихи и заметки в районку я начал, еще, будучи восьмиклассником, а уже в девятом стал всерьез мечтать о профессии журналиста, чтобы в будущем издать хотя бы самую маленькую брошюрку о земляках. Забегая вперед, замечу, что свою юношескую мечту я осуществил лишь через полвека. Весной 2006 года вышла в свет не «брошюрка», а настоящая, более чем в триста страниц, книга «Родная сторона». Это потом. Пока же я работал грузчиком, а спустя три месяца меня назначили мастером транспортного цеха. Избрали редактором стенгазеты. Рабкоровский зуд и привел меня в «Вечерний Ростов», где зам редактора, писатель Агуренко, подписал мне удостоверение нештатного корреспондента городской газеты.

А как-то весной 1964-го, я осмелился предложить одну из своих зарисовок областной молодежной газете «Комсомолец», редакция которой размещалась на первом этаже Ростовского областного комитета партии. Зав отделом рабочей молодежи журналист Виктор Степаненко сам взялся за доработку моего материала. Он ему, как видно, понравился.

Все, обсудив, он вышел проводить меня. И вот, направляясь к выходу, я заметил, как вниз по лестнице, по ковровой дорожке ступенек, спускались двое мужчин. Один высокий и грузный, напоминавший канцлера Германии Коля, а другой — плотный, среднего роста, в темном костюме с галстуком под свежа — белым воротником, с проседью еще густых и волнистых волос.

Когда он повернулся в нашу сторону, и я увидел знакомый с легкой горбинкой нос, вразлет рыжеватые усы на смуглом лице и улыбающиеся с лукавым прищуром глаза, то невольно оторопел от внезапно промелькнувшей в сознании догадки. Тронув моего спутника за рукав, я горячо выдохнул:

— Да это же Шолохов!

К моему великому изумлению, Виктор, нисколько не смутившись, так же тихо ответил:

— Ну и что!? Он — член обкома. Депутат. И здесь — частый гость.

Это бесстрастное объяснение меня обескуражило, и я продолжал твердить:

— Это же он сам...Живой Шолохов!..

Меня будто кто-то подтолкнул навстречу к нему. И я не сказал, а страстно выдохнул:

— Здравствуйте, Михаил Александрович!

Шолохов и его спутник на мгновение остановились. Великий писатель, улыбаясь, ответил на мое приветствие глуховатым голосом: «Здравствуйте!».

Из грез меня вывел вопрос Шолохова, обращенный к высокородному товарищу:

— Это что за ребята?

— Да из «Комсомольца», журналисты, — ответил тот.

— А-а. Ясно, — Шолохов кивнул головой. Я плохо слышал, что говорил мне Виктор, и будто в состоянии сна вышел на улицу. От подъезда обкома отъезжала черная «Волга», в которой находился он — прославленный автор «Тихого Дона».

Когда я рассказал о первой встрече с писателем своим товарищам и брату Ивану, то они, к моему огорчению, нисколько не удивились:

— Да его в Ростове все знают. Он свободно гуляет по городу, со всеми общается. К нему привыкли.

Меня долго смущали такие объяснения. Подумалось тогда, что, поистине, нет пророка в своем Отечестве. Где-то на периферии не то чтобы поздороваться, а просто увидеть издали такого человека посчитали бы за честь. А тут? Верна поговорка, что большое видится на расстоянии, а лицом к лицу — лица не увидать...

Мог ли я представить тогда, что вновь встречусь с Шолоховым спустя всего несколько дней после первого «Здравствуйте!».

На этот раз я увидел его на Ростовском речном вокзале. Меня тянуло сюда, чтобы посмотреть на рыбаков, которые забрасывали свои удочки в воду прямо от барьерной решетки. К слову сказать, с детства увлекающийся рыбалкой, я за все шесть лет жизни в Ростове так и не удосужился ни разу самостоятельно порыбачить — все дела и дела...

Приятно было у речного вокзала полюбоваться широкой водной гладью реки, золотистым пляжем на противоположном берегу и просто послушать, как на теплоходе музыка играет.

И вот, прохаживаясь вдоль причала, я издали увидел знакомую фигуру Шолохова. На этот раз он был один. Меня вновь как магнитом потянуло к нему.

Подойдя ближе, я вежливо поздоровался. Михаил Александрович, неизменно улыбаясь, взглянул на меня, спросил:

— А я вас уже где-то видел. Не так ли?

— Да, в обкоме, — объяснил я.

— Ах, да! Молодые журналисты...

— Это Степаненко — журналист, а я только студент.

— Ну, все равно, пишете?

— Пишу.

— Вот-вот. А в Вешках вы бывали? — неожиданно спросил он.

— Нет еще.

— Что так? Приезжайте. В Вешках пишущей братии всегда довольно. И на «Ракете» заодно по Дону прокатитесь. Катались когда-нибудь?

— Когда ездили в Азов.

— Это хорошо. А рыбачить любите?

— Да, только...

— Что только? Вот в Вешках и порыбачите, и донской стерлядки попробуете. Золотая рыбица.

Я невольно вспомнил известное серафимовическое: «А в Дону ходит рыба. Богатая востроносая стерлядь, и Шолохов весь отдается рыбной ловле».

Все еще смущенный вниманием необыкновенного человека, я хотел о чем-то его спросить, что-то ему рассказать, но в это время как из-под земли возле нас, выросло, двое рослых мужчин. Они стали что-то говорить Шолохову. Он, молча их, слушал, затем поднял глаза на меня:

— Ну, так жду, студент.

— До свиданья» — сказал я.

Писатель со своими спутниками направились в сторону речного вокзала, а я зашагал в противоположную сторону.

Сегодня стыдно сознаться, что свое обещание приехать в станицу Вешенскую я так и не выполнил, хотя возможностей было через край. Тогда казалось, что все успеется. Да и кому я там нужен? У Шолохова и без меня гостей хоть отбавляй. Вспоминается Дмитрий Блынский: «Где ты, смелость моя! Деревенская, где ты? Шла со мною сюда, да отстала в пути...».

Честно говоря, струсил я. Постеснялся. Полагал, что вот когда получу диплом, тогда уж...

Да, я уже тогда ясно отдавал отчет в том, что Шолохов беседовал со мной из вежливости, что подобным образом он мог поговорить с любым незнакомцем. Это было в его писательской манере, в порядке вещей.

Но для меня каждое слово, каждый жест его имели огромное значение. И особый смысл приобретают воспоминания об этой встрече теперь, когда его нет, когда навсегда опустели без него милые его сердцу Вешки.

В третий и последний раз я видел Михаила Александровича выступавшим в конференц-зале обкома партии. Меня привели туда все те же рабкоровские заботы.

Шолохов стоял за столом президиума, держа блокнот в руке, и, изредка заглядывая в него, рассказывал о своем недавнем пребывании за границей.

Это было после вручения ему в 1965 году в Стокгольме Нобелевской премии.

У двери конференц-зала я оказался случайно, кого-то разыскивал. Проходивший по коридору обкомовский работник предложил мне или зайти в зал, или же попросту закрыть дверь, что я и сделал.

Тогда я и предполагать не мог, что более не увижу его.

На этом можно поставить и точку. Пройдет три года, и с двумя дипломами Университета в кармане я покину донскую землю, чтобы вернуться к маме, в родное Сивково, к зовущим, манящим к себе окским просторам.

Завершить мой очерк мне помогут строки Василия Катанова из поэмы «Михаил Шолохов»:

Я в плен захвачен силой света,
Верней — от тьмы освобожден.
В родной Оке тонуло лето,
А я все видел
Тихий Дон.

КАЗАКИЯ

Там, где струится тихий Дон,
Где мчатся конники лихие,
Где степь лежит со всех сторон,
Я называю — Казакией

Когда я, в качестве экскурсовода, бываю на Куликовом поле, а оно расположилось на Тульской земле, то непременно отправляюсь к берегам неширокой в этих местах реки, и с восторгом говорю ей: «Здравствуй, Дон — батюшка!». Отсюда, где 8 сентября 1389 года, русские чудо — богатыри, под командованием московского князя Дмитрия Ивановича сокрушили несметные полчища хана Мамая, для меня и начинается Донская земля. Хотя сами истоки реки лежат еще в низовьях подмосковных холмов.

Он проворнее, чем ртуть
Ручеек Московии,
Мимо Тулы держит путь
Курсом — на Азовию.

Именно в конце Х1У века европейцы впервые услышали о победе русских войск над татарами у неведомой им реки Дон. Слава о ней разнеслась особенно широко, после выхода в свет летописи Софония — резанца «Задонщина».

Во время правления Василий Темного (1425—1462) летопись в первый раз упоминает о казаках (именно Рязанских под 1444 г.). О донских же казаках можно было узнать из документов датированных годами середины ХУ! века. В этот период на Великий Луг, или в Дикое поле, — так в древности называли донской край — из русских деревень бежали крестьяне, спасаясь от произвола крепостников. Селились по берегам рек, создавали городки, принимали в свою вольницу и запорожцев и обездоленных людей разных национальностей.

Дворовые — из княжеских хором,
Крестьяне — из продымленных лачуг,
Чтоб сбросить с плеч насильственный ярём,
От бар бежали на Великий Луг.

Селились у озер и быстрых рек,
С охотой занимали островки,
А чтоб не потревожил их абрек
Иль княжий сын — крепили городки.

Уверовав, что лучше смерть в бою,
Чем жить, потеши ненасытных бар.
Всех принимали в вольницу свою -
От запорожцев до лихих татар.

Летучи кони, остры их клинки,
А поле Дикое — спасенье и отрада.
Свобода — вот им высшая награда,
Не зря их называют — казаки!

Из самых смелых, населявших «Луг»,
Чтоб вышло все — по чести, без обмана,
Сбиваются они в «казачий круг»,
Где выбирают батьку — Атамана.

Военная необходимость призывала к объединению. Так Старочеркасск стал первой столицей Войска Донского, где проживал его выборный Атаман, хранились казна и печать. Затем центром стал Новочеркасск.

Казалось бы, нет нужды пересказывать общеизвестную историю. Ан, нет, приходится, ибо появились сегодня незнайки, которые утверждают, что казаки — отдельный народ. Что корни их не в России, а произросли непосредственно в Диком поле. Каждому школьнику ясно, что дикими полями называются необитаемые (кроме зверья и птиц) земли. А вот нынешнему Атаману Всевеликого Войска Донского генерал-полковнику Николаю Козицину (едва не моему — Козин — однофамильцу) эта истина до сих пор невдомек. Будучи русским лишь наполовину, он гневно утверждает, что великороссы — «быдло, народ тупой и его надо уничтожать» (из статьи Владислава Шумского «Казачество истинное и ряженое»).

Другой автор, казачий полковник Константин Ершков опубликовал в газете «Казачий взгляд» материал под заголовком «Мальтийский Иуда — госпитальер Всевеликого Войска Масон-

ского». Он рассказал в нем о том, как Атаман Козицин в сентябре 2002 года побывал на острове Родос по случаю 500-летия со дня его освобождения от турецких захватчиков и принял предложение руководства Мальтийского ордена, святого Иоанна Иерусалимского, католической юрисдикции, стать рыцарем Мальтийского ордена госпитальеров. Пройдя полный чин ритуального посвящения, он стал масоном.

Когда мы узнаем из романа Льва Толстого «Война и мир» о том, как его легкомысленный герой Пьер Безухов проходит подобный ритуал посвящения в масоны, то отдаем должное художественному вымыслу автора. Если такое было и в самом деле, то это мало задевало наше честолюбие. Граф Безухов — частное лицо. Он был волен распоряжаться собою по личному усмотрению. Николай Козицин же олицетворяет казачество Дона, которое искони было православным, а уж никак не католическим.

Парадокс усиливается также генеральским заявлением, что раз казаки не русские, то жить они должны в резервации, именуемой им «Казакией». Его не волнует, что такой изоляционизм неизбежно приведет к исчезновению, гибели всего казачества. Возможно, что такая цель и поставлена перед ним его новыми хозяевами.

* * *

Передо мною газета — орган Всевеликого Войска Донского «Батюшка Дон» № 7 от 9 октября 2002 — года Всероссийской переписи населения. На титульной странице огромный портрет Войскового Атамана казачьего генерала В. П. Водолацкого. В седьмой графе предлагается назвать национальную принадлежность (по самоопределению) — КАЗАК. Крупными буквами набран и призыв к донцам: «Если тебе дорог Отчий край, будущее детей — вспомни, чья кровь течет в твоих жилах!».

Все остальные три страницы газеты посвящены установлению корней казачьего этноса. По версии некого Готлиба Зигфрида Байера, ссылающегося на свидетельство Константина Порфироновского, казаки «известны уже были в 948 году. Жили они в нынешней Кабарде, близ Кавказских гор». Если это так, то, причем тут Дон?

Из заметки И. Ф. Быкадорова «Древнее Батыева владычества», что извлечена из его труда («История казачества», 1930),

мы узнаем, что: «Ряд русских и других историков (Татищев, Карамзин, Арцыбашев, Полевой, Устрялов, Мирошкин, Максимович, Костомаров, Пудавов, Савельев, Голубовский, Щербина) считали Казачество более древним, чем Батыево нашествие (1237).

С середины Х1Х века утвердилась новая теория (Соловьев, Иловайский, Ключевский Платонов) о происхождении вольного казачества из беглого московского населения лесной полосы (великороссов) Востока Европы, осуществлявшего, таким путем свои колонизаторские устремления. Основоположником «русской» теории происхождения казачества был В. Броневский, выпустивший в 1834 году труд «История Войска Донского». Если это так, а с этой теорией я, как историк, вполне согласен, то, причем тут козни евреев — коммунистов? «История» Броневского, как мы видим, написана, едва ли не за сто лет до их победы в 1917-ом. И гораздо раньше последующего расказачивания, к которому русский народ, будучи сам жертвой, никакого отношения не имеет.

Полностью разделяю «Пророчество Атамана Петра Краснова» («Русский колокол», 1928 год, № 4). Он писал: «Если казаки, предложат государству, снова стать верной охраной его национальных границ, образцом честной службы и оплотом гражданского порядка внутри России, они могут рассчитывать на то, что государство согласится вернуть им их земли и их особый образ служения. Ибо государство будет не менее нуждаться в надежной силе смелых, верных, государственно-мыслящих, не поддающихся пропаганде людей.

Границы новой России также не надежны, как были в ХУ11 веке. Их придется закреплять и отстаивать. Внутри России не скоро угомонится взбаламученное коммунистами (теперь демократами) народное море. Армии беспризорных детей и развращенного «комсомола» вырастут в целые разбойные банды налетчиков, страшные не только крестьянам, но и городам. Только казачьи отряды будут в состоянии справиться с этим страшным злом. Каковы обязанности — таковы и права. Заниматься теперь демагогией — значит уничтожить казаков».

Как бы в подтверждение данного пророчества Атамана Петра Краснова, я получил с Дона письмо, датированное 19 апрелем 2007 года, от своего друга— казака Александра Борисова. Он

пишет: «Сожгли мой садовый домик на даче. Кому-то понравилась земля под участком — выживают. Это неприятное событие я воспринял, как должное и неминуемое. Особенно не возбуждаясь. Что мое ущербное строение? Палят Русь! Не за себя, как говорят казаки, за державу обидно!».

И еще мой тезис в пользу русского происхождения казаков. Взгляните на себя, братья-казаки. Вы же, по этносу — внешнему облику, менталитету — искони русские.

А на каком языке говорите? Ясно, на русском. Кто-то оспорит, что есть особый диалект. Так у нас, в России, едва ли не каждая деревня, по своему, «окает» или же «акает». Как еще отмечал Александр Грибоедов, повсюду — смесь языка французского с нижегородским. Тот же великий Горький, до конца жизни, не исправился от характерного «оканья». Чтобы снять в какой-то мере напряжение, вызванное серьезностью темы, расскажу о встрече молодых орловских поэтов. Тогда, в 1970-ом, мы были молодыми. Оба мои приятеля еще только учились в Литературном институте имени Горького и горячо увлекались неологизмами. Так вот, один из них, Анатолий Шиляев только что выпустил сборник стихов, в котором было опубликовано стихотворение «А я люблю слова на «О». Далее перечисляет — Орел, Ока, овал, окно. Его оппонент Виктор Дронников просто негодовал. «Ты, — говорит он, — любишь слова на «О». Дело личное. Но, где тут поэтическое открытие? А я, к примеру, люблю слова на «Х-е». Что получается — халва, халява, Хуанхэ! Как тебе это нравится?!». Шутка удалась — мы, уже втроем, весело посмеялись.

Таким образом, исходя из моих размышлений, внимательный читатель уже понял, что термин «Казакия» — изобретение атамана Козицина, а я лишь использовал его в качестве названия очерка о пребывании моем на вольном Дону.

Свое видение проблемы, я попытался изложить в стихотворении, которое так и озаглавил — «Казакия».

Есть на картах — Китай и Россия,
Над Молдовой забрезжил рассвет.
Но, а где же страна «Казакия»?
Не трудитесь искать — ее нет!

Посети — Беларусь, Украину,
Загляни за Кавказский хребет...
Да, державы такой и в помине -
Ни в Европе, ни в Азии нет!

Не услышишь ответа иного,
Хоть пройди с фонарем Новый Свет.
Гневно слушает Войско Донское
Атамана Козицина бред!

Что они рождены не в России,
Что казаки — отдельный народ,
А их родина — Казакия,
Так он земли Донские зовет.

За подобную речь Стенька Разин,
Верю я, рассчитался б сполна.
Как когда-то красавиц Шираза,
Он изменника б сбросил с челна.

И поведали б даже раки -
Генерал к ним попал не спроста:
Став масоном, он предал казаков
Как Иуда, когда-то Христа!

Подивились бы ныне и прославленные вожаки казачьей голытьбы Кондратий Булавин и Емельян Пугачев, узнав, что они — не русские. К тому же не православные, а просто, — нехристи. Обескуражены заявлениями Козицина орловские и тверские казаки, обустраивающие ныне церкви и храмы. Будучи на Селигере, в Осташкове, я воочию, убедился, как ревностно оберегают местные казаки Валаамский монастырь — истинно христианскую святыню.

Еще в далеком 1989 году я побывал в Оренбурге, где в одном из магазинов приобрел башкирскую палатку. Искупался в Сакмаре (притоке реки Урал). В степях, что близ железнодорожной станции Чебеньки (родина моей жены Валентины) посетил землянку — убежище (1773) Емельяна Пугачева. Перечитывая роман Василия Федорова «Каменный пояс», где описывается, как

вотчины заводчиков Демидовых оказались в самом эпицентре «пугачевщины», я подумал: «Решился бы Емельян Иванович выдавать себя за русского царя Петра Федоровича, будучи инородным сам?». Или, стал бы поддерживать его юный башкирский вождь Салават Юлаев, не будь он уверен в его московской родословной?

По — Козинцеву же не только Атаманы, но и все казаки, не иначе, как инопланетяне, спустившиеся, неизвестно когда и откуда, на Донскую землю. Будь жив, его тезка, знаменитый автор «Истории Государства Российского» Николай Карамзин, так он бы изошел «плачем Ярославны» от такой наглости. А неустрашимый русский гений Александр Пушкин, непременно, вызвал бы его на дуэль.

Журналисты казачьих газет Владислав Шумский и Константин Ершков, объявив Атамана Козицина «Иудой», хотя и резки в своей оценке, но справедливы. Как в центре русской земли начинается Дон, так и все степи окрест его, вплоть до Азовского моря — суть Россия.

Приятно отметить, что наша семья накрепко связана с историей Дона. У его истока, в Подмосковье (в Серпухове) живет мой старший брат Александр. В Туле, что неподалеку от поля Куликова, (верхний Дон) ныне здравствует мой племянник военврач Александр Александрович Козин. На погосте, что близ станицы Нижне — Гниловская, покоится моя сестра Мария Дмитриевна, жена потомственного Донского казака Николая Максимовича Приходько. На Северном кладбище Ростова (нижний Дон) похоронен мой средний брат Иван. Его жена Нина Михайловна родом из Сальских степей.

Есть Орел, и есть Ока,
Есть Ростов и Дон -
Величавая река...
Низкий Вам поклон!

В очерке «На тихом Дону», я поведал читателям о том, как летом 1963 (44 года назад), я оказался в Ростове и покинул его, после окончания РГУ в 1968 году. Поменял величавость Дона на

красоту Оки. Не упомянул лишь, что в начале 70-х, после смерти мамы, я вновь вернулся на «вторую родину», каковым для себя я считаю эти славные город и реку.

На этот раз я работал (учился вечером) уже не мастером гипсового завода, не столяром фабрики клавишных инструментов, выпускающих пианино марки «Дон» и не сотрудником следственного изолятора, а заведующим учебной частью ЦКТО (Центральные курсы технического обучения). В общей сложности я провел на донской земле шесть лет. В последующее время, отправляясь на отдых в Крым или на Кавказ, из Орла, где живу и сейчас, я обязательно заглядывал «на огонек» к брату Ивану и к университетским товарищам Георгию Забазнову и Николаю Бовдурцу, некогда работавшим на знаменитом Ростсельмаше. Но, чаще всего, я гостил у своего орловского земляка, инженера — конструктора, давнего друга Александра Борисова и его сестры Веры.

По настоянию их отца Михаила Ильича — казака из старинного русского города Новосиль и мамы Натальи Андреевны, уроженки «матери Украины», мы нередко вместе садились в поезд и мчались к морю. Близ Туапсе размещался пионерский лагерь, На его территории жили родственники Борисовых. Они то и предоставляли нам кров за чисто символическую плату — рубль в день. Хотел бы я найти сегодня подобных бескорыстных людей — владельцев причерноморских квартир, что за приют уже берут не рубль, а сумму с четырехзначными цифрами. Грязнее стало не только море, но и вконец ныне испортились людские нравы. Жажда наживы — вот их удел. Но, это несколько иная тема. Я же хочу кратко поведать читателям о своих впечатлениях за все памятные годы моего пребывания на Донской земле.

Писатель Александр Суичмезов в очерке «Родная Донщина» (1977) пишет: «Привольно раскинулась Ростовская область на степном российском Юге. Жителей в этом краю более четырех миллионов, площадь его — под стать немалому европейскому государству — превышает сто тысяч квадратных километров. Когда, на южной окраине, где-то в Жуковке или в Новороговской станице, по соседству со Ставропольем и Кубанью, уже отсеиваются, в это время, бывает, за Казанской да Шумилинской станицами, под воронежской землей, еще не трогаются вешние потоки и не подтаивает санный путь. На востоке Ростовская область

граничит с волгоградской землей и с Калмыцкой автономной республикой. На западе — с донбасскими областями: Луганской и Донецкой». Невольно родились стихи:

Широко и привольно Донское раздолье:
От Донецкого кряжа до волжских степей,
От Кубанских арыков и нив Ставрополья
До воронежских, солнцем залитых, полей.

В начале XX века на территории области было три города — Ростов, Таганрог, Новочеркасск и два заштатных городка — Азов и Александровск — Грушевск. Ныне их 22. Полвека исполнилось Волгодонску с его крупнейшим в Европе и в мире предприятием атомного машиностроения — Атоммаш.

Я в Донских городах жил -
И гостем и другом,
Никогда не гасил
Закипавший восторг:
И от встреч со столицей
«казачьего круга»,
И когда посещал
Град Петра — Таганрог!
Как, когда-то Суворов
Шагал по карнизу,
По увалам крутым
Прыгал я до воды,
Чтобы в древних камнях
Городка Танаиса
В явь увидеть
Баспорского царства следы!

Меняется лик земли донской. На карте области голубеет сегодня не только Азовское, но и рукотворное Цимлянское море. Освоено 390 тысяч гектаров орошаемых земель. В зеленый наряд одеваются степи. Лесозащитными полосами разлинованы нивы, растут, набираются сил молодые посадки, в новых лесах и дубравах.

В 1967 году мне довелось ехать на автобусе в Краснодар, где ныне актером драматического театра работает мой племянник Сергей Иванович, а балериной его юная дочь Маша Козина. Вдоль всего пути дорогу окаймляли молодые дубы и березы. Накануне была буря. Для меня, жителя центральной России, было необычным увидеть черные, словно копоть, нанесенные ветром небольшие дюны из плодородного гумуса. Наши орловские подзолы намного светлее. Да и подобных бурь у нас не бывает. Зона-та — лесостепная. Овраги и перелески, не дают воли ветрам, как здесь в открытой степи. Есть необходимость в дальнейшем претворении в жизнь сталинского плана преобразования природы.

На Дону есть Цимла -
Рукотворное море.
Новый град Волгодонск
И его «Атоммаш».
Вырастают леса
У пшеничного поля,
Лишь о славе былой
Загрустил «Ростсельмаш».

Заводы Ростсельмаш и Красный Аксай, вертолетный, Новочеркасский тепловозостроительный и Таганрогский котлостроительный — это мощные центры индустрии всей страны.

В 1930-ом, вышел с конвейера «Ростсельмаша» первый комбайн. В следующем году, во французской газете «Юманите» сообщалось о заводе, как о великом арсенале села, выросшем под Ростовом, подобно своему брату по полям Верблюду — зерновой крепости. Крепость эта и есть нынешний город Зерноград, выросший у станции Верблюд.

«Ростсельмаш» вместе с Таганрогским комбайновым заводом давал 80 процентов выпускаемых в стране степных кораблей. Мы, орловские мальчишки, с детства знали их, работая на копнителях.

На просторах страны
И в Орловии нашей,
Каждым летом
Мы слушали их перезвон.

«Да, откуда комбайны?» -
Они — с «Ростсельмаша» -
Богатырская «Нива»,
И «Колос», и «Дон».

Печально, но факт. Сегодня с развалом промышленности и сельского хозяйства нужда в донских комбайнах во многом отпала. К тому же предприимчивые дельцы предпочитает покупать зарубежные машины, подрывая тем самым национальную безопасность страны.

За шестилетний период моей жизни на Донской земле я посетил совсем немного городов: Аксай, Новочеркасск, Таганрог, Каменск, Батайск. На резвой «Ракете», с молодою женой, промчался по Дону и оказался в Азове. Из анналов истории, я знал об Азовском сидении, — знаменитой защиты города от злых янычар — турок донскими казаками, в 1641 году. Кому же они предназначали свою победу? Ясно, что русскому царю, ибо сами они были по духу и плоти таковыми. В 2007 году Азову исполнилось 940 лет — это самый древний город юга России. Рядом с ним находился татаро-монгольский город Азак, входивший в состав Золотой Орды. И, как было не пробежаться по турецкому валу, не посетить пороховой погреб, сохранившийся с давних времен.

Из Генуи, Венеции — по морю
Съезжались колонисты под Азов.
Кому на радость, а кому на горе
Возникла Тана — крепость чужаков.

Они живой товар везли на рынки,
В Константинополь и далекий Рим.
Качались на ветру травы былинки,
Что сострадали жителям былым.

Сегодня нет — ни Тана, ни Азака,
Не колонистов и не их рабов.
Красуется лишь колыбель казаков,
Российский город с именем — Азов!

В Батайск я заглянул просто из любопытства. Приятно было пересечь мост, что навис по-над Доном. Полюбоваться речными плавнями. Что касается самого райцентра, то он мне напоминал воронежский заштатный Бобров, где когда-то мне довелось служить — такой же тихий степной городок. Правда — садов за околицами поменьше. Мало яблонь, зато много алычи. Что не говори, а юг есть юг. Здесь проживает ныне мой племянник, сын брата Ивана, как его я именую, в отличие от других родственников — Александр 3-й со своей семьей. Также ненароком проведал я и Аксай.

Таганрог более запал мне в душу. Здесь когда-то трудился на портовых верфях Петр Великий. В 1825 году неожиданно преставился государь Александр Первый, с последующим, если верить Льву Толстому и прочим писателям, воскрешением в образе святого старца. Важнее всего для меня это то, что в Таганроге родился и жил мудрый Чехов. Сидит и ныне на каменном пьедестале Антон Павлович и далеко устремляет свой взгляд и в море и далеко в степь, которую так изумительно описал в одноименной повести.

Он то у моря заливался смехом,
А то творил в лесостепной черте.
Возрос до города великий Чехов,
Что прежде был — Антошей Чехонте.

Он степь Донскую описал так тонко,
Как бы алмазами, украсив луг и дол,
Красой эпитетов, сродни свирели звонкой,
Он в изумленье Горького привел.

Помимо музея Чехова я любил побродить по цветущей набережной. В 1974 году мне привелось на пароходе из Таганрогского порта следовать до красавицы Одессы — родины юного таланта Лени Вайсбеина, что некогда выкрикнул репризу: «Котовский явился, буржуй всполошился!». Через десять лет он стал знаменитым Леонидом Утесовым. Вот, пожалуй, все мои впечатления о пребывании у Таганьего Рога, куда 27 июля 1696 года, после взятия Азова прибыл Петр Первый. В 1896 году ему был

сооружен памятник, творение русского зодчего Антокольского, над морем, близ того места, где некогда стоял старый таганрогский маяк.

В 2007 году городу Каменску, что расположился на Северском Донце, исполняется 80 лет (образован в 1927). Хотя летоисчисление свое он ведет с 1671 года, когда образовалась станица (городок) с одноименным названием. Она знаменита тем, что 10 января 1918 года здесь, на съезде фронтовиком, был образован казачий военно-революционный комитет, не признавший власти Каледина. Председателем комитета был избран подхорунжий Подтелков, секретарем — прапорщик Кривошлыков. В 1941 году в Каменске находился штаб Южного фронта, где работал бригадный комиссар Леонид Брежнев. Вот и все, что я знаю об истории этого небольшого города. Тем не менее, он оставил в моей памяти заметный след.

Волею моих университетских преподавателей в июле 1966 года я был направлен в пионерлагерь «Сосновый бор», где проходил педпрактику, вначале в качестве вожатого, а затем, — воспитателя.

Лагерь располагался на берегу Северского Донца у пароходных шлюзов. Мы ежедневно купались здесь. И, однажды, я, подплыв близко к пароходу, едва не оказался под его гребными винтами. Спасло то, что я глубоко нырнул в воду. Однако, набравшись страху, я потерял силы и начал тонуть. Сидевшая на берегу молодая вожатая, хотя и смотрела на меня, но крика моего о спасении не слышала. Это мне казалось, что я кричал. На самом деле я лишь открывал рот. Так она мне объяснила причину своего бездействия, когда я чудом выбрался на берег. «Какой ты бледный, — посочувствовала девушка, — я то уже думала, что ты под винты попал». «Будешь бледным, — ответил я, — солнце в глаза, а тут на тебя такая махина надвигается». С того памятного случая, я уже не бросался на пароходную волну, чтобы сладко покачаться в ее колыбели, как это делал раньше. Наука юношей питает.

Неподалеку от лагеря, по пескам, росли раскидистые ветлы. Здесь некогда проходили съемки «Тихого Дона» (режиссер Герасимов). В фильме запечатлен эпизод гибели Аксиньи и упокоения ее Григорием Мелеховым в могиле под тенью ветел.

Запомнился мне Северский Донец
Где кланялся я низко пароходу -
Винты увидев, кинулся под воду,
А в голове мелькнуло:
«Знать — конец!».
Я спасся. Вот Аксинья не спаслась -
Она убита пулей роковою.
Сосновый бор шумит над головою,
А я в уме, просчитываю связь.

Сосны, где расположился пионерский лагерь, и впрямь могучие. Высокие, раскидистые. Под их тенью мы проводили все дни. Устраивали игры, всевозможные соревнования. Занимались спортом. Обедали в открытой столовой. По вечерам разводили костер и пели пролетарские песни.

И еще. В ростовском парке имени Горького, поблизости от кинотеатра «Россия», на возвышении, было устроено места для оркестра. Напротив — просторная танцевальная площадка. Както в мае 1967 года я оказался здесь и был буквально сражен «индианкой». В те времена мы были под впечатлением индийских фильмов. Я даже мечтал жениться на одной из экзотических красавиц. А тут, она! И не где-нибудь в сказочно-далекой Индии, а в ростовском парке.

Она мила, как алый цвет зари.
На смуглой коже проступил румянец,
Когда я с трепетом, ей тихо говорил:
— Позвольте Вас, на танец!

Гирлянды слов, лукавый, страстный взор,
Оркестр играл неистово и звонко.
Она казалась — не уместен спор:
Княжною, что прекрасней амазонки.

Как будто я вернулся в старый мир,
В античный век, в эллинскую эпоху,
Когда на золото, на жемчуг и сапфир
Меняли женщин, облаченных в тогу.

Хотя панегирик мой еще не иссяк, я, тем не менее, перейду на прозу. Мы познакомились. Она назвалась Клавой Кундис. Я, конечно, поинтересовался ее национальностью. В ответ услышал, что она — гречанка. Живет в Каменске с родителями, предки которых некогда оказались в донском краю. А в Ростов приехала, чтобы учиться на курсах секретарей — машинисток. Гречанка! В сознании сразу возник образ прекрасной Гайде, дочери Али — паши, что изумительными красками передан великим Дюма в его романе «Граф Монте — Кристо». Мы изредка встречались. Гуляли по городу, ходили в кино. Клава оказалась доброю и приветливой девушкой. Приглашала посетить ее родину. Конечно не Грецию. По окончании курсов, она уехала в Каменск, оставив о себе одно из ярких и приятных воспоминаний.

В 2005 году торжественно отмечалось 200-летие со дня основания Новочеркасска. В июльском номере газета «Казачий спас» поместила статью «Столица казачьей вольности». Она писала, что «в России сотни городов — со своими названиями, историей, неподражаемым своеобразием. Один из них — Новочеркасск. Его история уникальна. В разное время его называли «маленьким Парижем», «островком русской Италии», «Петербургом в миниатюре», «донским Кембриджем».

Само появление Новочеркасска на карте России мало похоже на обстоятельства возникновения многих других городов. Он наследник Черкасска — столицы донских казаков в XУ!! — XУ!!! вв. Постоянные наводнения парализовали жизнь этой старинной столицы, крайне усложнили быт ее жителей, которым помногу раз в году приходилось перемещаться по улицам города на лодках и челноках.

Черкасск — Венеция вторая:
Весной и летом — горе от реки.
Казаки, половодье проклиная,
По улицам гоняли челноки.

И Атаман, не зря считался хватом,
Гордиев узел быстро развязал:
С согласия царя, у Кута, Платов
Новочеркасск — столицу основал.

В 1804 году атаман Платов обратился к Александру 1 с просьбой о строительстве казачьей столицы на новом месте. Просьба была удовлетворена. Основой его стало урочище Бирючий Кут. Это название волнует своей первозданностью. В энциклопедии мира вошел термин «Новочеркасский клад», обозначающий изделия из золота, серебра, бронзы, относящиеся к 1—11 векам. Они были обнаружены в 1864 году в расположившемся на территории города сарматском кургане Хохлач и переданы в «золотую кладовую» Петербургского Эрмитажа. Город знаменит всемирно известным Вознесенским собором — третьим по величине в России (1805—1905 — годы строительства). Среди шедевров отечественной монументальной скульптуры по праву называют украшающие его площади памятники Платову и Ермаку.

В биографию Новочеркасска вписаны имена: Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Есенина, Маяковского, Шолохова. Некоторые литературоведы считают, к примеру, что в воображении Пушкина, именно по дороге из Аксая в Новочеркасск, весной 1820 года возник тот самый, известный нам со школьной скамьи образ русалки, которая на ветвях сидит.

Прельщала Пушкина земля Донская,
Не редко он бродил в ее степях.
И не случайно, где-то за Аксаем
Русалку, вдруг, увидел на ветвях.

С донской столицей связано и рождение образа «скупого рыцаря», прообразом которого был Дуров: ему Пушкин выплатил здесь осенью 1829 года крупный карточный долг

В Новочеркасске на съезде выборщиков был избран в первую Государственную Думу Федор Крюков — талантливый бытописатель казачества. Здесь начинали свою литературную деятельность писатели: Александр Серафимович (роман «Железный поток»), Константин Тренев (драма о гражданской войне «Любовь Яровая»).

В июне 1917 года на возрожденном Войсковом Круге, впервые со времен Петра! был не назначен верховной властью, а избран Атаманом «от всего великого Войска Донского вольными голосами» генерал от кавалерии Каледин.

Пусть Атамана ненавидел Ленин:
Он был врагом Советов — это так!
Но в памяти останется Каледин,
Как патриот и истинный казак!

Будучи в Новочеркасске, еще в далеком 1963 -м, я внимательно вглядывался в лица его жителей, переживших трагедию 1962 года. Неслыханное по смелости дело — устроить антиправительственную демонстрацию. Расстрел рабочих, санкционированный Хрущевым и Микояном, вызывал тревогу. В печати — ни слова. Мало кто из жителей столицы донского казачества решался, открыто осуждать решение властей. Я же посещая площади и скверы, памятники и музеи города, впитывал в себе, известный по книгам и песням, фильмам и былям свободный дух казачьей вольности. Уже тогда понимал, что рано или поздно, но наследники славы Ермака и Разина, Булавина и Пугачева, Платова и Власова, Каледина и Краснова еще заявят о себе. Однако подобного, что произошло с эволюцией взглядов нынешнего атамана Николая Козицина, предвидеть не мог, хотя воспользовался, при описании своих впечатлений о пребывании на Донской земле, его злополучным термином — Казакия.

РОСТОВ

Ему в любви признаться я готов,
Жалею, что на долго разлучился:
Моя вторая Родина — Ростов,
Здесь я мужал, работал и учился.

В университетские годы, когда на каникулы я возвращался в Сивково, что на Орловщине, то односельчане непременно спрашивали: «А ты, в каком Ростове учишься? В том, что на Дону или Великом?». Улыбаясь, я объяснял, что «Донском». И добавлял, что в другом, хотя он и называется «Великим», и Университета — то нет.

Поистине — ирония судьбы. Город, что стоит на берегу озера Неро и входит в «Золотое кольцо» России, упоминается в летописи под 862 годом. Это время прихода варягов на Русь и начало становления русского государства. Первым независимым ростовским князем стал Юрий Долгорукий. При нем княжество расширилось, а Ростов получил прозвание — Великий. Лишь в 1216 князю Константину удалось сделать Ростов, хотя и на короткое время, великокняжеским городом, которому подчинялись: Владимир, Тверь, Углич, Ярославль, Москва. В настоящее время — это заштатный городишко Ярославской губернии, хотя в нем есть и собор, и многочисленные церкви, и даже свой Кремль.

Другое дело — Ростов на Дону. Он основан в 1749, почти на 900 лет позже, чем его северный собрат. Свое название получил от учрежденной крепости Дмитрия Ростовского. Зимой 1783 — 1784 года в ней служил полководец Суворов. От таможни, названной по имени реки Темерник (приток Дона), в устье которой стояла первая русская флотилия под командованием Петра I и берет начало этот славный город.

Стоит он на пересечении важнейших магистралей — водных, сделавших его портом пяти морей, железнодорожных и других, связывающих центр с Кавказом и Причерноморьем. Не случайно Ростов зовут «воротами» Кавказа.

В 1779 году Екатериной Второй из Крыма были переселены армяне. На месте Полуденки вырос их город, получивший на-

звание Нахичевань — на — Дону. Он находился всего в одной версте от Ростова, но слился с ним, лишь при советской власти. О причинах разговор впереди. Сегодня Ростов — это город — миллионер, крупнейший на Юге страны экономический и культурный центр.

Правомерен вопрос: «Какой же Ростов может сегодня претендовать на подлинное величие?». Свой ответ на него я попытался выразить стихами:

Два города Ростова на Руси:
Один, что — на Дону,
другой — Великий.
И каждый люб, и дорог, и красив -
И поступью своей,
и светлым ликом.
Ростова — два, а Родина одна,
Ее ж, известно всем, не выбирают,
О ней лишь песни дивные слагают,
Чтобы вовеки славилась она.

Сегодня моя песня о Ростове — главном городе Дона. Я не стану излагать его последующую историю. Она прекрасно описана местными краеведами. Моя задача поделиться впечатлениями о своих встречах с ним, с родными, друзьями — товарищами, Всеми теми, кто мне оказался интересен.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Чтобы жизнь обустроить заново,
Хотя к этому был не готов,
Я покинул рабочий Иваново
И приехал учиться в Ростов.

Впервые в Ростов, а точнее, в станицу Нижне — Гниловская, ныне влившуюся, в состав города, я приехал из Иваново, где окончил первый курс истфака пединститута имени Фурманова, летом 1963 года, после похорон сестры Маши. Жить остановился у брата Ивана в доме № 24.

Сдал экзамены, из-за несоответствия программ, по трем дополнительным дисциплинам, я был зачислен на 2-й курс исторического факультета РГУ. Учился вечером. Днем работал грузчиком Гипсового завода. Вскоре был назначен мастером транспортного цеха. В статье «Товарищ мастер», помещенной в областной молодежной газете «Комсомолец», я подробно рассказал об этом периоде своей жизни.

Эта и другие публикации в печати подвигли зам редактора «Вечернего Ростова» Агуренко выдать мне удостоверение нештатного корреспондента городской газеты. После конфликта, разыгравшегося из-за моего критического репортажа, бурного партсобрания, где мне незаслуженно было вынесено партвзыскание, я оставил завод и квартиру брата. Он, будучи председателем профкома, по меркантильным соображениям, стал на позицию защиты интересов администрации. Своя рубашка, понятно, ближе к телу. Некоторый период я снимал угол у одинокой казачки станицы Нижне-Гниловской. Строил планы будущей жизни.

БОРИСОВЫ

Судьба изменчива: то с болью, то с капризами,
То доброй няней встретит у крыльца.
Во дни беды, вошли в нее Борисовы,
И верной дружбе нет уже конца.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Верность это русской пословицы я проверил на своем горьком опыте. Как-то по осени, в спешке, достав из испорченного, вечно гудевшего и дребезжавшего холодильника, я отведал залежалую колбасу. Острая боль в желудке уложила меня на больничную койку. Рядом со мною в больнице, с подобным диагнозом отравления, оказался симпатичный 16-летний паренек. К Саше, так звали моего соседа, часто заглядывала его мама Наталья Андреевна. Полная, дородная хохлушка, перемешивая русскую речь с украинскими оборотами, часто беседовала со мною. Добрая и веселая она вселяла в нас бодрость и оптимизм. Подкармливала домашними снадобьями. Мы незаметно как выздоровели. Другим чудом ока-

залось то, что ее муж, первоклассный настройщик роялей Михаил Ильич Борисов был родом из Новосиля, старинного русского города. Это в нем, по другой версии, в Малоархангельске, некогда побывал Пушкин, где его приняли за столичного ревизора. Данное событие и стало сюжетом знаменитой гоголевской комедии «Ревизор».

Случайное знакомство вылилось в долгую дружбу. Я стал заглядывать в гости к Саше и его родителям, в Нихичевань. Жили тогда Борисовы в старом, полуразвалившемся, одноэтажном домике. На столике, в беседке, что разместилась под алычей, лежала повесть Джека Лондона «Морской волк», открытая на 107 странице. Он с детства увлекался моренистикой — книгами, раскрывающими романтику дальних странствий. У юного приятеля оказалась еще более юная, тринадцатилетняя сестренка Вера. Черноволосая, улыбчивая, она характером и внешним видом будто копировала свою маму. От отца же унаследовала любовь к музыке и позже окончит Училище искусств по классу пианино.

Именно, орловский земляк Михаил Ильич Борисов, работавший тогда на фабрике клавишных инструментов «Дон» и порекомендовал меня дирекции этого предприятия в качестве столяра. Освоив данную профессию, я вскоре порадовал Агуренко интересной, по его оценке, зарисовкой о моих новых товарищах — рационализаторах.

Здесь же, в незапамятной Нахичевани, заботливые Борисовы так же отыскали мне комнатку на втором этаже дома своих соседей, куда я не замедлил перебраться из известной казацкой станицы. Вот и выходит, что не только русский Ростов, но и армянская Нахичевань стали моим, хотя и временным, но приютом. За весь год, что я прожил среди племени некогда многострадального народа, я не могу привести ни одного негативного факта. Дружба, товарищество, взаимопомощь — вот характерная форма нашего былого существования. Это сегодня новые хозяева жизни ежедневно вещают по радио и телевидению о межнациональной розни. В социалистические времена на деле господствовал дух интернационализма, основанный на пролетарской солидарности и принципах «Человек человеку — друг, товарищ и брат». Судите сами: за квартиру с пропиской я платил

всего 10 рублей в месяц. За мною еще бесплатно убирали и стирали — это немыслимо сегодня.

Да и что напрасно сетовать! Ныне мы строим капитализм с его звериной сущностью: «Человек человеку — волк!». Что это так, а не иначе легко убедиться на историческом примере. Писатель Александр Суичмезов в очерке «Родная Донщина» с гневом вспоминает о до октябрьских временах, когда расстояние между Ростовом и Нахичеванью, не превышающее километра, разделялось столбом с вывеской: «Граница городов Ростова и Нахичевани-на-Дону», неизменно напоминая об их независимости. Дело доходило до курьезов — «хозяева» обоих городов долго отказывались соединить рельсовые пути построенного в начале века трамвая.

В наши дни на месте былой границы возвышается дворец из стекла и мрамора — театр имени Горького. Здесь я с товарищами торжественно отмечал Новый 1966 год. Часто посещал и парк, что широко раскинулся здесь и живописный сквер с красивыми водосбросами. Залитая асфальтом площадь, место парадов и праздничных митингов всякий раз украшается новогодними Елками. Она уже не напоминает, погружавшуюся во тьму по вечерам и ночам и утопавшую летом в пыли, а весной и осенью в грязи границу.

Разительны контрасты капиталистического города. Сверкали раньше и блещут огнем теперь богатые кварталы, а чуть поодаль — улицы в непролазной грязи, в ночной темноте. Президент Путин подсчитал, что разрыв между богатыми и бедными по зарплате разнится в 15 раз. А, именно из-за такой несправедливости и возникает ныне, как социальная, так и межнациональная розни: «сытый, голодного, не разумеет».

Но вернемся к судьбе Борисовых. Все попытки моего земляка получить нормальное жилье разбивались о равнодушие чиновников. Он показал мне толстую папку, где были сосредоточены различные письма, справки и заявления. Посетовал, что видеть стал плохо, (отсюда у него и выработался феноменальный слух, что для настройщика роялей крайне важно), да и почерк неразборчив. В то время, я приобрел печатную машинку «Москва», чтобы мои редакторы, зря не тратили усилий на расшифровку моих иероглифов. Перепечатал все заготовленные бума-

ги. Когда же он попросил меня сопроводить его к одному из руководителей тогдашнего Совнархоза, то я охотно согласился.

На прием пришли вдвоем. Я предъявил, солидному на вид вельможе, свое корреспондентское удостоверение (оно сохранилось у меня до сих пор), в те времена газетчики еще пользовались авторитетом, и стал излагать суть дела. Михаил Ильич (будучи по природе человеком застенчивым) скромно молчал, а лишь все сказанное мною подкреплял документами. И чудо — лед тронулся. Борисовы получили двухкомнатную квартиру на проспекте Стачки. Он тогда лишь начал обустраиваться. Благодарность земляка вылилась в большую дружбу с его семьей. Так, начиная с 1964 года, по сегодняшний день (Борисовы — старшие уже покоятся на Северном кладбище), я продолжаю находиться в тесной связи с его детьми — сыном Александром и дочерью Верой. Сегодня и я, и они числимся пенсионерами. Видимся редко, но переписываемся регулярно.

Когда же Борисовы выехали на новое место обитания, а я, попав под сокращение и, найдя себе работу в следственном изоляторе, где был обеспечен общежитием, что на улице Красноармейская, так же покинул Нахичевань.

Вплоть до окончания Газетного отделения и истфака РГУ в 1968 и отъезда в родные орловские края, я более ни работу, ни жилье — не менял.

В начале 70-х, после смерти мамы, я возвратился в Ростов, где около года заведовал учебной частью ЦКТО. Затем переехал в Орел, где здравствую и сегодня.

Начиная с 1974 по 1979 годы, я навещал Ростов, будучи проездом с моря. Затем наступила пауза длиною в 27 лет. И лишь в мае 2006, после выхода в свет моей книги «Родная сторона», где опубликован очерк и об Александре Борисове, я вновь оказался на своей второй Родине.

Остановился у друга. Благо квартира, что на улице Рихарда Зорге, оказалась свободной. Жена приятеля, Ольга Дмитриевна Кузьменко, как и его мать, хохлушки, не снеся безработицы и нищеты, вместе с их сыном, что носит красивое украинское имя Олесь (русское — Саша), устроились жить у своей мамы в Киеве. Здесь она, будучи учителем, по профессии, с успехом дает уроки английского языка. И не за деревянные рубли, как преднамерен-

но гордо подчеркнула она в письме к мужу, а за зеленые доллары, что непременно с ликом американского президента.

Сестра Александра, Вера Михайловна, как и ее дочь, 23-х летняя Наталья Владимировна Ковалева, работник фотоателье, живут вдовами. Воспитывают шестилетнюю дочку-внучку с кавказским именем — Бэла. Девочка, не по летам серьезная, и впрямь похожа на черкесскую княжну из лермонтовского романа «Герой нашего времени». Такая же черноволосая, смуглая, стройная и подвижная.

ПОД ПАРУСОМ «НАДЕЖДЫ»

Хоть далеко их — за Онегой — Дон,
«Морские волки» веселы, как прежде.
Девятый вал и тот им шлет поклон, -
Они ж плывут под парусом «Надежды»!

Квартира Александра двухкомнатная. Однако он обходится лишь одной из них, другая же доверху забита моряцкими снаряжениями — лодками, парусами, веслами и прочим морским такелажем. Мой друг, по натуре, второй Сенкевич или Тур Хейердал — любитель дальних странствий. Но, не как они, на копии древней папирусной лодке «Тигрис», а в ладье «Надежда», сконструированной по чертежам XУ! века. Все работы по оснастке, кроме двигателя, изготовлены вручную. Можно было бы обойтись и без мотора, да во время прохождения через «Волго-Донской» и другие каналы приходится преодолевать шлюзы. Шлюзование же, по сегодняшним требованиям, без двигателя запрещено. На ладье находились — рация, карты, газовая плита, туалет.

Капитаном «Надежды», во время путешествия по Онежскому морю в 2005 году был назначен бывший радиоразведчик подводной лодки «Тайфун», капитан 3-го ранга Копейка. Хотя имя и означает вид мелкой монеты, но командиром Копейка был настоящим — волевым и отлично знающим все тонкости навигации. К тому же ему помогал, не менее подготовленный, матрос на ладье, а, в сущности, военно-морской офицер Лазарев. Инже-

нер — конструктор Борисов числился, как это подобает по образованию, мотористом.

Экспедиция на поморской ладье «Надежда» была организована при поддержке начальника Ростовского морского колледжа Валентина Алексеевича Семченко и посвящена 65-летию Победы. Цель — пересечь под парусами Великий Волжский путь. Возродить былые традиции с тем, чтобы юные моряки — курсанты могли наработать практику управления парусным судном. Опробовать же все должны были старые моряки.

В состав экипажа входило еще трое матросов. Правда, двое из них, уехали раньше срока. Вчетвером, оказалось, непросто бороться с волной. Но отважные мореходы не сдались. Вышли из Петрозаводска 25 мая (долго будет, Карелия снится), а в порт назначения прибыли 15 августа. Более двух месяцев они испытывали себя на прочность. Путь пролегал по бурной Онеге, где пережили сильный шторм, через знаменитые Кижи, Ватеру, Беломоро — Балтийский канал, Волгу, Волго-Донской канал и по Дону до базы Ростова. Все это без оплаты, на одном энтузиазме. Ведь, как верно заметил герой Твардовского бравый, никогда неунывающий солдат Василий Теркин: «Бой идет не ради славы — ради жизни на земле!».

Именно ради нее и будущей безопасности морских рубежей страны, Борисов помогает словом и делом, такому же, как и он, патриоту — единомышленнику Лазареву, руководителю клуба «Юный моряк» воспитывать молодое поколение. Чтобы выросли из ребят — Макаровы и Лазаревы, Нахимовы и Ушаковы, или как Герой Советского Союза Цезарь Куников, именем которого и называется этот морской клуб.

КАПИТАН ЛАЗАРЕВ

Два Лазарева — два первопроходца.
Один — путь к Антарктиде указал,
Другой, не менее отважный флотоводец,
У «Юных моряков» любовь снискал!

Александр не удержался, чтобы не познакомить меня со своим тезкой. 30 мая 2006 года, мы оказались с приятелем на улице

Большая Садовая,53. Поднялись на четвертый этаж Дворца творчества (директор, кандидат педагогических наук Валентина Владимировна Абраухова). Отыскали нужный кабинет. Здесь дружески и приветливо встретил нас его хозяин — красивый, стройный, подтянутый, в форме капитана 3-го ранга. Это с ним, Александром Николаевичем Лазаревым мой земляк совершил известное путешествие на поморской ладье «Надежда». Беседа с выпускником морской академии, высоко эрудированным знатоком своего дела оказалась чрезвычайно интересной. Мы были очарованы его обаянием — счастливые, часов не наблюдают. Я внимательно изучал экспонаты морского музея, планы работы клуба, Планировал подготовить о нем зарисовку. Но, лишь зря отвлекался на упражнения с пером. Оказалось, что Борисов опередил меня. Он сам иногда, как шутил великий Гоголь: «пописывает, а читатель почитывает» острые статейки, а потому в его портфеле оказалась еще не опубликованная рукопись под символичным заголовком «Фамилия обязывает». И, чтобы, как говорится, заново не изобретать велосипеда, с согласия автора, я и предлагаю читателю краткое ее содержание:

«Лазарев — романтик моря, преданный России и флоту офицер. Много лет служил, на самых мощных атомных подводных лодках. Не щадил здоровья в автономках, пережил не одну аварию, а отсюда — ухудшение здоровья и, как выстрел, приговор врачей — береговая служба.

Выйдя в запас с двумя высшими образованиями, как и многие другие офицеры в 90-е годы оказался не у дел. Получил предложение заняться «Герболайфом». Да, он радио-разведчик высочайшей квалификации и что же? «Нет, — решил он, — сама фамилия обязывает служить Родине, даже, если у нее нет для тебя — ни квартиры, ни достойной пенсии, ни работы».

Стал сотрудничать с Донским казачеством. Помог им поставить штабную работу. Однако морская душа привела его в «Седовку» — флотское училище. Основано в 1876 году. Гордость города. Здесь Александр Николаевич создал компьютерный центр, тренажер, имитирующий сложную навигационную обстановку. Год жизни был отдан профессиональной подготовке молодых специалистов флота. Цветы вырастают там, где брошены семена. Следующие три года, на общественных началах, он посвящает созданию «Морского братства», официально «Морское

собрание». Делается попытка организовать благотворительный центр для ветеранов и участников войн, но понимания не находит.

После успешной экспедиции на ладье «Надежда», откуда Лазарев привез программу центра «Юных моряков», он с большим энтузиазмом взялся за продолжение дела воспитания молодежи. Сегодня его ребята гордо носят морскую форму, овладевают основами парусного дела, подводной подготовкой. И, в первую очередь, учатся плавать по Дону — батюшке, когда на практике нужно уметь применять полученные знания.

Энтузиазм Лазарева был отмечен Атаманом международного Союза общественных объединений «Всевеликое Войско Донское». Генерал Козицин Николай Иванович наградил, руководимый им клуб «Юных моряков» Почетной грамотой. Как было в ней сказано — за активное участие в оборонной — патриотической работе. Он вручил так же 50— комплектов флотской форменной одежды и оказал финансовую помощь в размере 10 тысяч рублей.

Как член Военного Совета Черноморского флота, атаман Козицин добивается усиления пропаганды морской службы среди казаков, которые должны проходить ее на подшефных кораблях «Новочеркасск» и «Азов». Причем, как в составе команды самих кораблей, а так же в подразделениях морской пехоты. Рассматривается вопрос о создании в Ростове кадетского морского корпуса.

Армия и Флот, как две руки, которые были нужны Великому Петру для победы над шведами, так же они необходимы России и сегодня. Это осознал и президент Путин. Под руководством первого вице-премьера страны Сергея Иванова ныне, наряду с укреплением ракетно-ядерного щита, заложены на отечественных верфях современные морские суда и корабли. Россия вновь возвращает себе статус великой морской державы. Вот почему обучать знаниям в военном и морском деле нужно с юных лет. Известно, что существуют «Азы», которые бывает трудно усвоить сформировавшемуся человеку. Парус, шлюпочное дело, такелаж и рангоут можно выучить, но опыт, интуиция прививаются с ранних лет. Без чувства «моря» нет настоящего моряка.

Формированием у детей активной жизненной позиции, отвлечения их от улицы с ее криминальным направлением и зани-

мается 48-летний офицер Лазарев. Он не создал семьи, не занялся бизнесом, не добился жилья, Ничего для себя. Довольствуясь малой пенсией и тремя тысячами зарплаты, он всецело посвятил свою жизнь детям, которым прививает свою любовь к морю и флоту — фамилия обязывает. А, разве только это. Честь офицера не меряется деньгами Ему важнее всего увидеть блеск в детских глазах от радости познания, сердцем почувствовать в них своих единомышленников — патриотов Отечества».

Далее автор статьи призывает ростовчан — родителей вести своих детей в КЮМ (Клуб юных моряков), что разместился в 32 и 29 аудиториях Дворца творчества. Именно, там их встретит капитан третьего ранга Лазарев. К их услугам, на бесплатной основе, предоставляются: бассейн, подводное плавание, морзянка, углубленное изучение истории флота. Единоборства, конкурсы и викторины. Правда с тиром пока не удается договориться. Однако, нет таких проблем, которые не смог бы решить такой патриот флота, как капитан Лазарев с его неизменным девизом — Честь имею!

В этом смог наглядно убедиться и я сам, наблюдая за его практической работой с детьми — юношами и девушками. В течение трех часов, спокойно и деловито, с неизменным педагогическим тактом, Александр Николаевич передавал ребятам свои глубокие знания по избранной сердцем, раз и навсегда, морской науке. И невольно верилось, перефразируя слова Маяковского, что победа будет и вечно Флоту «цвесть», когда такие люди, в стране Российской есть!

ПОИСК

Невестка часто говорила:
— Я Ваню, без ума любила!
Его могилу же едва,
К исходу дня, нашла вдова.

Одной из целей моего визита в Ростов было посещение могилы брата Ивана, безвременно ушедшего в иной мир. В 2006 -м исполнилось двадцать лет, со дня его кончины, и я счел своим долгом, будучи далеко немолодым сам, может в последний раз,

поклониться ему в память о нашем совместном с ним безрадостном детстве и отрочестве. О том, как они протекали, я подробно описал в книге «Родная сторона», которую и привез, чтобы вручить ее его жене и детям.

Уже на второй день, по приезду на Дон, я попросил Александра захватить с собою цифровой фотоаппарат и отправиться со мною в городок гипсового завода, где проживает 72 -летняя вдова брата Нина Михайловна Козина. Я не присутствовал на похоронах брата, а потому только она могла указать его могилу.

Чтобы совместить полезное, с приятным, мы решили отправиться пешком, Хотелось воочию убедиться, как преобразился Ростов. Проходя по улице Рихарда Зорге, Александр указал мне на величественные строения: «Это — новые корпуса твоего Университета». Когда же оказались в районе проспекта Стачки, где живет его сестра Вера Михайловна, то задержались, чтобы осмотреть, ранее мне незнакомый Плевенский парк. Он долгое время оставался любимым местом отдыха ростовчан. В 1975 году здесь бы открыт музей интернациональной дружбы. Перед ним пламенел розарий из шести тысячи кустов роз, привезенных в подарок ростовчанам из благодарной Болгарии. Известно, что во время болгаро-турецкой войны, именно славные донцы, освободили от жестоких янычар их Плевен в 1878 году.

Один из крупнейших магазинов Ростова носит название «Плевен», а в центре Плевена возвышается 13-этажное здание гостиницы, которая называется «Ростов-на-Дону».

Рассказал мне Александр грустную историю об угасшем розарии и о пропаже из Плевенского парка мраморного памятника Георгию Димитрову. И не только по политическим, но и по сугубо материальным мотивам был совершен данный криминал.

В память о своем пребывании в парке, мы сделали совместный снимок. Украшением его стали прекрасные голубые ели.

Там, где возле трассы, ведущей на 10-й подшипниковый завод, когда-то на холме стола дача брата Ивана, теперь возвышались крупные здания. Когда же явились в станицу Нижне — Гниловская, то с трудом (так все расстроилось, изменилось), отыскали искомый дом под № 24. На наш звонок вышла незнакомая молодая женщина — соседка.

— Нина Михайловна, — речитативом произнесла она, — к вам гости.

— Здравствуй, Петя, — сразу же узнала меня невестка, — вы вдвоем, заходите в комнату. Приехал, наконец. Больше 30 лет тебя не вижу.

— Лучше поздно, чем никогда. Заглянул, чтобы с тобою на братнину могилу поклониться сходить. И дата круглая — 20 лет со дня смерти. Навещали?

— Да, конечно. Сын Саша, он водителем работает, как скажу ему, так и отвозит. Да я ему и сейчас позвоню.

Набрав нужный номер телефона, она сказала мне: «Поговори сам!». Голос в трубке звучал твердо: «Дядя Петя! Отвезти не могу. Дела. Завтра на кладбище съездим».

— Работа — прежде всего, — согласился я, — но ждать не в моих правилах. На автобусе доберемся. Извини за беспокойство.

Нина охотно согласилась поехать с нами. Перед отъездом я решил поставить автограф на книгах, прежде чем вручить их невестке.

— Вот, молодец, что издал. Эту с твоим портретом, Сергею, артисту нашему подпиши, а в твердой красной обложке Саше, — попросила она, — и сама с удовольствием почитаю. И отзыв напишу. Ты про Машиных ребят спрашивал. Так вот все три сына: Володя, Миша и Витя умерли от алкоголя. Водочкой и Сережа мой стал баловаться. С женою развелся. Предложила ему в Ростов из Краснодара переехать. Мог бы, да говорит, что здесь заново переучиваться придется. Это же не просто. Театр, он, как отдельное государство. Со своими законами и принципами.

— Это верно, — согласился я, — но, пожалуйста, собирайтесь, а мы Вас на улице подождем.

— Я сейчас, Вот только укол сделаю. Сахарный диабет замучил. Да снимки ребят соберу, раз тебе нужно. Пока по квартире пройдись. Ванину фотографию в спальне погляди. Висит с тех пор, как ты у нас жил.

С рамки портрета на меня смотрел молодой, симпатичный, удивительно похожий на отца, брат Иван. Обратили мы с приятелем внимание и на то, что во всех комнатах, в том числе и на кухне, было, не просто аккуратно прибрано, но давила в глаза стерильная, как в больничной операционной, чистота. Но, как и раньше, так и теперь, я не ощущал тепла и уюта, а потому отказался от угощения и чая.

Напротив дома № 24, к углу которого мы вышли со спутником, я увидел яркую толпу молодых казачат.

— Это воспитанники казачьей гимназии имени участника 100-летней Кавказской войны, генерала Бакланова, — объяснил Александр, — они учатся здесь с 5-го по 11-й класс. В их заведении я некоторое время шофером работал.

На Северное кладбище, где, по словам моего друга, лежит столько ростовчан, сколько их сегодня проживает в городе, мы добирались долго. Наш путь проходил через знаменитую Камышевахскую балку. Здесь, в 1902 году, прогремев на всю Россию, проходила знаменитая стачка рабочих-железнодорожников. Ныне она стала широким проспектом, который так и называется именем Стачки. Пересекли Темерник. На Центральном рынке, в центре которого стоит красивая церковь, совершили пересадку и снова в дорогу.

Сразу у ворот кладбища нас встретила свора огромных псов, ростом не менее чем печально известная по рассказам о Шерлоке Холмсе, английская собака рода Баскервилей. Однако глаза у них светились не горячим фосфором, а холодной добротой и полным к нам безразличием.

Поражали воображение не просто памятники, а целые скульптурные ансамбли и композиции на христианские темы.

— Это ряд могил новых русских и, прославленных на Дону, «воров в Законе», — объяснял мне Александр, — они, как видишь сам, деньги не считали. Богатство и роскошь — их удел.

— Далеко ли до братниной обители? — спросил я, укрывшуюся под зонтом, так как стал накрапывать дождь, невестку.

— Верст пять будет, — ответила она, — можно было проехать на автобусе, да долго ждать. Силы пока есть, пешком пройдем.

— В каком же квартале его искать?

— Номер не помню, но по памяти знаю.

— В случае чего, у администрации кладбища справимся, — заметил мой товарищ, — впрочем, сегодня 27 мая, суббота, у них выходной. Незадача выходит.

— Не волнуйтесь, я помню, найдем, — успокоила нас Нина.

Однако дождь все усиливался. Мы взмокли. Но май в Ростове теплый, а потому большой печали мы не испытывали.

Действительно прошли не менее пяти верст. Нина уже узнавала знакомые очертания кварталов, но нужного нам все не находила. Посетив десятки, а то и сотни похожих, по словам невестки, холмов, но отыскать, нужную нам могилу, все не удавалось.

Мы спросили у Нины, как выглядят очертания памятника. Она показала на один из них. Ориентировка оказалась ошибочной, и мы зря только мочили одежду в густой траве и ушибали ноги, перебираясь через чужие ограды. Все тщетно. Как некогда на струге Стеньки Разина «стал слышен ропот».

— Нина! — говорю я незадачливой вдове, — а если бы с нами был мой брат Александр Дмитриевич, то стал бы он 4 часа, как мы искать под дождем могилу?

— А он собирался?

— Да. Вот только сын ему в машине отказал. На поезде, на девятом десятке, ездить стало ему трудно.

— Что греха таить. Братец ваш с Иваном — крутой и горячий. Сейчас бы весь матюгами изошел. Плюнул бы! Развернулся и уехал. Знаю его характер.

— Верно, — подтвердил я, — а потому, чтобы иметь доказательство нашего здесь пребывания, давай сфотографируемся.

Нина согласилась и присела на первой попавшейся скамеечке. Тем более что ей не терпелось передохнуть. Приятель тут же щелкнул затвором фотоаппарата.

Мы вновь приступили к поискам. И снова впустую. Выручил Александр. Взяв на вооружение дедуктивный метод Шерлока Холмса, он попросил Нину объяснить пути следования их с сыном на машине. Где они останавливались. Куда шли пешком. Кто их соседи. Невестка, путаясь, демонстрировала свои скромные познания. И. что же? Эврика! Друг пошел в указанном направлении и, вдруг, крикнул: «Идите ко мне. Он здесь!». Мы бросились со всех ног на зов. Перед нами предстал не памятник, как ранее объясняла Нина (опять запамятовала), а лишь надгробная плита, на бронзовой табличке которой значилось: «Козин Иван Дмитриевич (1937—1986)». Я тут же достал блокнот и пометил в нем координаты: 66-й квартал, могила № 1355. Это для старшего брата, чтобы не повторил наших мучений, если ему вздумается все-таки выбраться в Ростов.

На обратном пути, мы посетили место упокоения четы Борисовых. Постояли с их сыном у скромной оградки, поправили дубовые кресты на могиле. Полюбовались пышно пламенеющими на солнце цветами — плод трудов заботливой Веры.

На Ивановой же могиле, вместо цветов, рос полынь.

Прощаясь с невесткой, я невольно вспоминал молодые годы. Тогда она, улыбчивая и красивая горячо убеждала нас, что из всех трех братьев Козиных, самый лучший — это ее муж Иван. Он — красивый, ласковый, уважительный, сдержанный. Да, да, не то, что мы — горячие и вспыльчивые. Не зря же она, супруга своего, за эти качества, так горячо любит.

Предстала в памяти и могила братниной жены — Нины Федоровны Козиной, что в Серпухове, с прекрасным памятником и морем живых цветов. Брат Александр тоже признавался в любви к своей половине, называя не иначе, как «моя Федоровна», дожив с нею до золотой свадьбы. Вырастил дочь и достойного сына. Это к нему, Александру Александровичу, военврачу, как я узнал позже, невестка Нина Михайловна, пожелала направить своего старшего — актера Сергея Ивановича на противоалкагольную реабилитацию. Вот и получается, что любила одного, на помощь же призывает, на ее взгляд, незадачливых братьев и их детей.

Сегодня мой брат Александр живет с внучкой Оксаной, пользуясь ее заботой и вниманием. Нина же живет в Ростовском доме одна-одинешенька. Внуков видит редко. В квартире — чистота, а радости нет. Забыта не только Иванова могила. Оправдание — она далеко. А вот, где могила нашей сестры Маши (она покоится на станичном кладбище, что поблизости от Нининого дома), которая вырвала из деревенской нищеты и поставила на ноги ее мужа Ивана, о которой я ее спросил, ей почему-то, неизвестно. Не уж— то с 1963 (год смерти сестры) ни с мужем, ни с племянниками, она так и не посещала ее? Ведь более 40 лет прошло. Что не вопрос, то — неразрешимая загадка.

— Если хочешь, то можно у Мишиной вдовы узнать, — предложила она, — а сама я не помню.

Слова, как и дела, бывают разными. Добрыми, что даже кошке приятно, и, к сожалению, случаются речи лукавые, от которых становится — и скучно, и грустно.

УНИВЕРСИТЕТ

Ростовский Университет,
Ты мне дарил надежды свет.
А без тебя, я знаю это,
Я б никогда не стал поэтом.

О пяти годах (1963—1968) учебы в РГУ можно написать любое сочинение. Такое, например, как известный роман Юрия Трифонова «Студенты» или поэму, эпиграфом к которой можно было бы взять двустишие: «Мы не Эйнштейны, не Коперники. Мы — студенты, мы — вечерники». При наличии большого таланта, конечно. Мои же способности более чем скромные, а потому я ограничусь лишь краткими воспоминаниями

В повести «Дым Отечества» я рассказал о своих товарищах по историческому факультету. Полностью привел письмо старосты группы Лили Фокиной, где им дана обстоятельная характеристика. Любопытный читатель, при желании, может ею воспользоваться. Поведал я так же и о двухлетии (1965—1967) своего приобщения к журналистскому ремеслу на факультете общественных профессий, где старостою курса числился житель Нахичевани Тер-Минасьян. Мужчиною, этот серьезный армянин, был солидным, лет за пятьдесят и весьма обстоятельным. Из всех газетчиков, самым близким по духу, я считал Костю Жижина. Будучи врачом, он не раз давал мне полезные советы относительно моего здоровья. Внимательный, добрый, открытый и вместе с тем легко ранимый, Костя и в статьях, и в письмах своих ко мне, оставался самим собою — искренним и глубоким.

Газетное отделение, я окончил с отличием. На истфаке случались пробелы, а потому успехи скромнее.

О преподавателях — особый разговор. Оба мои Диплома подписаны ректором РГУ, профессором Юрием Ждановым, которого видеть случалось крайне редко. Лекций он нам не читал. Ведя огромную научную и общественную работу, Жданов был для нас, студентов, богом Саваофом — недосягаемым и недоступным. Что я знал о нем? Разве то, что он был зятем Сталина. По версии современных исследователей, когда его дочь Светлана рассказала ему о своем разводе со Ждановым, то вождь серьезно заметил: «Ты поступила глупо. Из всех твоих мужей и поклонников, Юрий

— самый умный и порядочный человек». Такого же мнение о ректоре были и мы.

О самой Светлане Аллилуевой, о годах ее учебы в аспирантуре РГУ нам рассказывал доцент Марк Люксембург. Этот высоко эрудированный ученый — французовед вел у нас курс по «Новой истории». Слушать его, что мед пить. По степени обаяния он не уступал известному телевизионному рассказчику Ираклию Андроникову. Одно плохо. Записывать за ним почти невозможно. Речь непоследовательна, изобилует образами, сдвинута во временных рамках. Потому к зачетам и экзаменам по его дисциплине нам приходилось штудировать учебник. Совсем по-другому излагал материал профессор Пронштейн. Спокойно, ровным голосом он читал нам свои лекции по истории древней Руси. Его пауз было достаточно, чтобы успеть уложить сказанное на бумагу. Эти записи и служили надежной основой при испытаниях. Доценты: Серый, Панченко, Бакулина и другие преподаватели больше напоминали школьных учителей. Всегда ровные, серьезные и сдержанные.

Доцент Кнышенко, автор «Истории первобытного общества и основы этнографии» был наиболее близок студентам и по возрасту и по романтическому восприятию окружающего мира. Не случайно, встретившись в зеленом сквере, что располагался рядом с университетской библиотекой, я осмеливался с ним заговорить. Признался как-то, что люблю Индию, и хотел бы там оказаться. Он тут же, без обиняков стал излагать возможности такого моего шага:

— Вот получишь у нас Диплом, поедешь в Ленинград. Там, в Университете, за два года, изучишь хинди. Затем все просто — через посольство тебя направят преподавателем в эту экзотическую страну, где встретишь любимых тобою индийских девушек, вдоволь наслушаешься их песен. А пожелаешь — и женишься.

Такая далекая перспектива, а мне еще год нужно было учиться в Ростове, меня не вдохновила. Так моя мечта и осталась неисполненной. Отраженьем этой беседы с доцентом Кнышенко стала моя встреча с гречанкою Клавой Кундис, которую я вначале принял за индианку. Об этом, более детально, я рассказал в своем очерке «Казакия».

Более серьезным и обстоятельным у меня вышел разговор с преподавателем «Истории средних веков» доцентом Бакулиной.

Начитавшись лучезарных повестей Бестужева-Марлинского, я решил подражать ему. Вместо компиляционной курсовой работы, я сочинил повесть под названием «По следам Колумба». Для лучшего усвоения иностранных терминов, заимствованных мною из словарного фолианта, я, к месту и не к месту, наполнил ими свое творение.

Сдал работу и стал ждать результатов. Мои товарищи давно уже получили оценки, а о судьбе моей курсовой — ни слуху, ни духу. Меня бросало в пот от сознания полного провала. Наконец, я был приглашен на кафедру. Доцент Бакулина, возвращая, мне мою толстую, в твердых обложках тетрадь, страницы которой были сплошь подчеркнуты цветными карандашами, а в конце стояла спасительная «4-ка», которую я разглядел только дома, предложила проводить ее до Ворошиловского проспекта.

— Дорогою и поговорим без свидетелей, — сказала она, — твоя работа того стоит.

— Двойка! — ужаснулся я перед перспективой еще два месяца вновь корпеть над новым сочинением. Это я подумал про себя, а вслух сказал: «Хорошо. Я буду ожидать вас у входа!».

Следуя от Университета по улице Энгельса, весь, сжавшись в комок от страха, я внимательно слушал свою мудрую наставницу.

— Вы — завтрашний историк, — говорила она тихим, спокойным голосом, — а насколько я понимаю, больше интересуетесь литературой. Впрочем, академик Евгений Тарле, и историком был великим, и публицистом прекрасным. Вашу работу я давала читать моему мужу-журналисту. Он редактирует вузовскую многотиражку. В институте инженеров железнодорожного транспорта. Кстати, у него там, есть вакантное место сотрудника и он готов его предложить вам. Он считает, что у вас есть литературные способности.

— Спасибо.

— Как понимать: да или нет?

— Я подумаю.

— Конечно, подумайте, а как решите, мне скажите. А, вот и мой автобус! До встречи на кафедре.

— До свиданья! — сказал я и помахал рукою вслед этой удивительной женщине, которая, вместо разноса, которого я, безус-

ловно, заслуживал, подарила мне радость общения и светлую надежду.

МЕСТА РОДНЫЕ

Я повидал дорог не мало.
Но, как же дороги места,
Где юной зрелости начало,
Все будто, с чистого листа.

Солнечным майским утром, отведав вкусных щей, приготовленных искусной поварихою Верой, мы с ее братом Александром Борисовым взяли курс на ДГПБ. Я считал долгом передать свои книги, как читателям Донской публичной, так и Университетской научной, библиотекам. Забегая вперед, замечу, что с данной миссией мы отлично справились. Более того, посетили краеведческий музей и книжный магазин «Магистр», где я купил печатный труд Валерия Чеснока «В начале была легенда». Его автор, бывший директор Танаисского музея — заповедника, с которым мой приятель лично знаком, как и я, некогда закончил истфак РГУ. Направленный по распределению в Танаис, он более 30-ти лет собирал и внимательно изучал, все материалы касающихся его древней истории.

Усердие и подвижничество не пропали даром. Сегодня книга Чеснока, прекрасно иллюстрированная выпускником Грековского училища, художником Сергеем Маханьковым, стала библиографической редкостью.

Как же обрадовался Александр, когда я подарил ему только что приобретенную монографию. Ведь его пенсии с гонораром по безработице в три тысячи рублей едва хватает на жизнь. На уплату налогов. Покупка книг для него, как, впрочем, и для меня — непозволительная роскошь. Не привыкший оставаться в долгу, мой приятель, в свою очередь, вручил мне на радость шолоховские «Донские рассказы». Но все это случилось позже, а пока мы решили пройтись по городу. Мне не терпелось побывать в дорогих сердцу местах. В тех заповедных уголках, к которым неотступно зовет память.

А, чтобы мой репортаж приобрел стройные формы, я начну его с описания железнодорожного вокзала, именуемый, как и Ростов, — «Воротами Кавказа».

Пусть снег идет, пусть дождь закрапал,
Вас поезда доставят в срок:
Кого на Юг, кого, на Запад,
Кого на Север иль Восток.

Всего милее ехать к югу,
На море, что у дивных гор,
Где некогда казачьи струги
Вели с волнами разговор.

Садись в вагон любого класса
И смело отправляйся в путь.
Ростов — воротами Кавказа,
Не зря же издавна зовут.

Посетили мы с приятелем, место изначальной крепости и широкую, благоустроенную площадь Дружинников, где некогда рабочие дружины насмерть стояли на баррикадах Темерника. Пусть сегодня ратуют о напрасных жертвах. Историю же, как и реку — не повернуть вспять.

Будем чтить историю, как кодекс,
И любить, как доброго отца.
Чудо, близ Богатого Колодца
У леска, возникла крепостца

С каждым годом, круче ее плечи -
То Ростовский Дмитрий порадел.
Темерник ведет здесь с Доном речи,
Впереди у них — немало дел.

Петр Великий, Александр Суворов
Крепость укрепляли на века:
Чужеземцы зарились на город,
Что стоял, как на семи ветрах.

В баррикадах — балка и ложбины,
Тут сражались, смело, до конца,
Славные рабочие дружины,
Не страшась — ни сабель, ни свинца!

Не забыть, и как, в сороковые,
У кровавых вод Темерника,
От донцов, в кулак собравших силы,
Смерть нашли фашистские войска.

А сегодня, от красот Ростова.
Невозможно взора отвести.
Как приятно, по Большой Садовой,
Средь фонтанов и цветов пройти.

Большая Садовая (с 1920 -имени Энгельса) — главная улица города. Этот высокий титул ранее носили — Почтовая (теперь имени Станиславского) и Московская. На троллейбусе, а чаще всего пешком, один и с друзьями, я курсировал по ней днем и ночью. Спокойно, уверенно, весело. Безо всяких, не то, что ныне, приключений.

А вот и широкий Буденовский проспект. Здесь размещается штаб СКВО, издательство газеты «Молот», куда я изредка заглядывал. В управлении МВД находилась редакция газеты «На боевом посту». В течение шести месяцев, под руководством ее редактора, майора Анатолия Федоровича Бойко, я проходил здесь журналистскую практику. Писал много. Наряду со статьями и корреспонденциями публиковал обширные очерки. Это стало поводом для нашего старосты, делающего обзор студенческим работам, Тер — Минасьяну, чтобы написать в «Молодом журналисте»: «Петр Козин — затмил всех числом статей».

Интересным были встречи с бывшим министром внутренних дел Крыма, комиссаром МВД Смирновым, народным артистом Эмилем КИО, генералом юстиции, писателем Львом Шейниным, получившего широкую известность после выхода в свет книги «Записки следователя». Его пьеса «Тяжкое обвинение», поставленная в театре имени Горького подверглась в 1967 году, острой критике со стороны журналистов Тыртышного («Комсомолец») и Агуренко («Вечерний Ростов»). «Лишь писательница

Мария Костоглодова, — с горечью признался нам при встрече сам Лев Шейнин, — дала в «Молоте» положительную рецензию». Переживший нервный стресс автор постановки уехал на отдых и лечение в Кисловодск, где вскоре умер. Как сказал бы великий Лермонтов: «Не вынесла душа поэта — позора мелочных обид!».

В Доме офицеров я нередко посещал танцы. В период коротких визитов в 70-е годы, останавливался на жительство в гостинице «Ростов». Напротив здания штаба СКВО установлен, изваянный Вучетичем бронзовый бюст маршала Буденного. А неподалеку, на улице Красноармейской, — бюст генералу Лелюшенко.

Буденовский проспект — широкий, строгий,
Что, как музей — не мало тайн хранит.
Здесь каждый камень, каждый знак о многом -
Моей душе и сердцу говорит.

Бывали здесь — Подтелков, Кривошлыков
Орджоникидзе смуту изводил.
Командовал войсками Ворошилов
И сам Буденный много лет служил.

Напротив переулка Подбельского — памятник Ленину. За ним — парк имени Горького. Днем, с книгою в руках я заглядывал в его светлые аллеи. Как положено студенту — «грыз гранит науки». Вечерами посещал танцплощадку. Слушал концерты, что проводились на летней эстраде. В кинотеатре «Россия» смотрел новые фильмы.

Два этажа забав и развлечений -
Кино, концерты, танцы под оркестр,
Рассеивались дымкой огорчения,
В кругу друзей и молодых невест.

Рядом с парком — прекрасный особняк. В нем размещался обком партии и редакция молодежной газеты «Комсомолец», с которой я активно сотрудничал. Здесь, в присутствии заведующего отделом рабочей молодежи Виктора Степаненко, я впервые увиделся с великим сыном Дона — писателем Михаилом Шоло-

ховым. Об этой и последующих встречах с ним я рассказал в очерке «На тихом Дону».

Волшебник слова, гений, чародей,
Его я недоступным представлял,
А он, блеснул улыбкою своей,
И вежливо мне: «Здравствуйте!», — сказал.

Едва ли не напротив здания обкома, размещалась редакция «Вечернего Ростова». Заместитель редактора Агуренко, принимавший мои корреспонденции, был не только отличным журналистом. Он, подобно литератору— орловцу Ивану Рыжову, поклоннику творчества Ивана Бунина, писал короткие рассказы. Кумиром же Агуренко был Чехов. «Краткость — сестра таланта», — любил повторять мой шеф. Два-три факта раскрыл и — достаточно. Его наставления я попытался передать в стихах:

Газете не нужны полотна,
Романы — не ее удел.
Должны ложиться мысли плотно.
Страница, две — ее предел.

Твоей заметке о рабочих,
Читать им много недосуг.
Тем больше блеска, чем короче,
Учись у Чехова, мой друг!

Тем не менее, Агуренко советовал мне не ограничиваться журналистикой, а последовать его примеру и начать писать блиц — рассказы. Так, с его подачи, были опубликованы в печати несколько моих зарисовок. На собственном примере я убедился, что писать коротко — трудное дело. Это — подлинное искусство. Необходимо тщательно выверять, продумывать мельчайшие детали. На все это уходит уйма часов, а то и дней. Не случайно же, Карл Маркс, в письме другу, как-то, заметил: «Извини, что много написал — не было времени». Не укладывался в узких рамках и талант Виллиса Лациса. Потому его любимый жанр — романы. Выходит, что, каждому — свое.

…Так незаметно мы уже оказались у Ворошиловского проспекта. В угловом здании находились центральные технические курсы. Директорствовал Беликов. Я числился его замом по учебной работе. Здесь у меня произошла интересная встреча с моим бывшим начальником цеха Гипсового завода Ульянченко. В их группе я читал лекции по политэкономии. «Роли поменялись, — шутил он, — то я тебя наставлял, теперь ты в силу вошел».

ЦКТО — серьезная запарка,
Как белка Беликов,
Крутился в колесе.
Я зам его, готовил -
Сводки, справки
И выверял -
Учебное досье.

Напротив курсов, по улице Энгельса, размещалось кафе, где мы с однокурсниками, под руководством старосты Лилии Фокиной, торжественно отмечали окончания очередных сессий. Сохранились фото. По одну сторону проспекта находились дешевая столовая — мой постоянный приют, а напротив, ресторан, куда я изредка заглядывал с девушкой, чтобы отдохнуть и послушать музыку.

Известно, что Ростов с 1934 по 1937 годы, был центром Азова — Черноморского края. Он долгое время оставался единственным университетским городом на юге. Сегодня не только обновился храм науки, но стал более величественным и белый Дом Советов, средоточие исполнительных органов области, который в 1964 году, по квартирным делам, мы посетили с Борисовым Михаилом Ильичем.

В том Доме, пред которым розы
Сверкают солнечным лучом -
Он назывался Совнархозом,
Мы побывали с Ильичем.

Незабываем Университетский переулок. Напротив — кинотеатр «Ростов», а рядом с ним памятник великому Ломоносову. Далее — Университет, научная библиотека. На пересечении с

улицей Красноармейская — здание следственного изолятора, где я провел более трех лет. Ныне здесь разместились мощные корпуса ДГПБ, с пятью миллионами единиц хранения. Из них — половина приходится на литературу. Приятно, что здесь теперь хранятся и мои книги. В фойе Донской государственной публичной библиотеке, мы с Александром сфотографировались.

Университетский переулок,
Не просто милый закоулок.
Как воплощение побед,
Краса его — Университет.

Побывали мы и на Пушкинской улице. Полюбовались памятником литературному гению. Поэт — изгнанник, проездом на Кавказ и Крым, бывал в Ростове. Печально лишь, что не появилась о нем поэма, типа «Бахчисарайского фонтана» — плод его раздумий о посещении обители крымских ханов Гиреев.

Как жаль, что не замолвил слова
Великий Пушкин о Ростове.
Он на Кавказ, мы знаем это,
Спешил навстречу с «Грибоедом».

Орел над Доном, в небе реял,
Ему, указывая путь,
Когда за степи — в рай Гиреев
Решил изгнанник заглянуть.

Простим ему оплошность эту,
Ведь у великих — много дел.
И мы, как сможем, за поэта
Восполним горестный пробел.

Вверх, по улице Энгельса, сразу за Университетом проходит улица Кирова. Далее — филармония. Классической музыкою я не интересовался, а потому, почти безучастно проходил мимо ярких афиш, направляясь на Театральную площадь. По пути, на углу улицы Энгельса и переулка Журавлева поднялись семнадцать этажей новой гостиницы «Интурист». Летом 1974

года я останавливался здесь. Номера были недорогими. Вздумай я сегодня стать ее гостем — наверняка разорился бы.

Район, в котором я жил назывался Кировским. Он мне памятен еще и тем, что солнечным сентябрьским днем 1967 года, в его ЗАГСЕ, был зарегистрирован мой брак с Цыбаковой (ныне, Козиной) Валентиной Алексеевной, работавшей медсестрою в одной из больниц Ростова. В качестве свидетеля поставил свою подпись в Книге новобрачных мой брат Иван. Свадебный вечер состоялся в станице Нижне -Гниловская. Когда с молодою женою мы жили на улице Красноармейской, то к нам заглянул с поздравлениями мой бывший армейский начальник, полковник Федотов. Его дом оказался поблизости. Вот уже минуло 40 лет, как мы вместе. Вырастили дочь, а теперь помогаем растить прекрасных внуков — десятиклассника Максима и второклассницу Настю.

Сентябрьским днем, когда чуть дождь пролил,
А солнышко уже сверкало в лужах,
С невестой молодой я в ЗАГС ходил,
Чтоб статус обрести — жены и мужа.

Нам счастья пожелали — брат Иван,
Его семья, коллеги по работе.
Букет из роз вручил на радость нам,
Полковник — фронтовик Борис Федотов.

Скатились в Лету ровно 40 лет,
Уж внук Максим растет достойным мужем,
А я все помню Кировский проспект,
Что повенчал нас на любовь и дружбу.

Сегодня жена, горячо полюбившая Ростов, выказала желание, посетить его. Мне ничего не оставалось, как передать ей приглашение Борисовых с добрым напутствием: «Приезжайте всей семьей и в любое время. Всегда будем рады встретить вас в Ростове». Надо заметить, что Валентина со мною не раз была в гостях, у Борисовых, когда еще были живы их родители, добрые и гостеприимные люди. В свою очередь и сами Борисовы побывали в Орле. Выходит, что дорога накатана в оба конца.

О Ростове можно говорить бесконечно, ибо он велик и могуч. До пресловутой перестройки здесь было 160 промышленных предприятий, около тридцати производственных объединений и 130 строительно-монтажных организаций. Неудивительно, что теперь его не узнать, так он расстроился: вширь, вглубь и в высоту. Главная магистраль — улица Большая Садовая (Энгельса), по которой я провел любознательного читателя: от вокзала до Театральной площади поистине преобразилась. И по красоте не уступает: знаменитой Дерибасовской в Одессе или проспекту Революции, что в Воронеже. Я бывал в этих городах и бродил по ним. Каждая из них — особенная. Но Ростовская авеню — самая милая и дорогая моему сердцу, как и сам город. Это о нем я хочу сказать:

Ты мне давал и хлеб и кров
И в люди выводил меня.
Тебе навек моя любовь,
Столица Дона — град Ростов -
Вторая Родина моя!

ПРИЧАЛЫ

Донские волны бьются о причалы,
В речном порту — не умолкает звон.
К пяти морям сплавляют ростовчане
Комбайны, хлеб и пианино «Дон».

Ростовский речной порт. Прекрасно обустроенная набережная Дона. Трудно себе представить, что здесь когда-то размещалась городская свалка. Ныне, от Буденовского до Ворошиловского проспекта, можно пройтись тенистыми аллеями, полюбоваться клумбами цветов, что живописно обрамляют дорожку и украшают памятники. Чудо, там, где более сорока лет назад, я беседовал с великим писателем, там, сегодня стоит он сам, известный всему миру Нобелевский лауреат Михаил Шолохов. Мой друг Александр Борисов не преминул сфотографировать меня у бронзового Шолохова.

Стоит казак в защитной гимнастерке
И весело глядит в речную даль,
Туда, где «разродимая сторонка»
Ему дарила — радость и печаль.

Стоит казак, поведавший планете,
О том, как он отчаянно влюблен:
В Россию — мать, ее донские степи
И реку, что назвал он — «Тихий Дон».

Именно такие ассоциации вызвал у меня его образ. Молодой, стройный, мужественный, никогда не унывающий. Закордонный компьютер подчеркнул красной линией слово «разродимая». Его изобретателям не ведомо, что свои Вешки писатель называл — «Разродимой сторонушкой». Кесарю, как говорится, кесарево. Нам же дорог и понятен этот прекрасный эпитет, раскрывающий всю гамму его страстной, сыновней привязанности к отчему краю.

Великая сила искусства. Не создай Шолохов гениальной эпопеи, не сними Сергей Герасимов прекрасного фильма, на-

сколько бы обеднела слава о донских казаках. А сегодня на изразцовых плитах городских уличных переходов, что у Центрального рынка, воссозданы целые картины — сюжеты «Тихого Дона» и «Поднятой Целины». Можно увидеть на горячем коне Григория Мелехова, встретившего Аксинью Астахову у Дона или непутевого деда Щукаря, накормившего казаков «устрицами». Посмотришь, полюбуешься, и будто теплым ветром повеет. Не менее выразителен скульптурный образ гуся и в изодранных штанишках мальчика — «Нахаленка», что разместился у краеведческого музея. После всего увиденного, вновь хочется раскрыть страницы так полюбившихся людям шолоховских произведений. Перечитал рассказ «Нахаленок» и я.

Чтобы завершить шолоховскую тему, скажу несколько слов о новой версии «Тихого Дона» Сергея Бондарчука. На мой взгляд — это неприятный пассаж, как сказали бы герои гоголевского «Ревизора». И хотя, как утверждают, что писатель сам благословил Бондарчука на этот фильм, вина режиссера очевидна. Он стал заложником коньюктуры. Взять на главные роли итальянских актеров — это безрассудство. Не случайно в газетах появились заголовки: «Гомосексуалист (Руперт Эверетт) не сыграет Гришку Мелехова», «Русский мат перевести не смогли», «Внимание больше к внешним атрибутам». Итальянка Дельфин Форест, игравшая роль Аксиньи, хотя и очень старалась вжиться в образ своей героини, но ауры, обаяния Эллины Быстрицкой достичь так и не смогла. Быстрицкая — еврейка. Однако долгая жизнь в России помогла ей ассимилироваться, впитать в себе истинно русское начало. Талантливая книга автора способствовала тонкому усвоению актрисой культуры быта донских казаков. От игры богатых чужестранцев веет холодом и разочарованием. И как вывод, признание актера Бориса Щербакова (Степан в «Тихом Доне» Бондарчука): — «Работа с итальянцами подкосила Бондарчука». Прославленный режиссер «Судьбы человека», «Они сражались за Родину», наконец, «Войны и мира», тут оказался не на высоте. Нам лишь остается выразить свое сожаление.

Кстати замечу, что такое же смешанное чувство стыда и внутренней обиды, я испытал, когда смотрел американскую интерпретацию «Войны и мира». Толстой ахнул бы от досады! Смутился бы и Шолохов, когда увидел, после удачного Герасимовс-

кого варианта, новую — худшую версию фильма, поставленную Бондарчуком. Одно спасает — мертвые сраму не имут. Нам же, живым, это далеко не безразлично. Русским людям, хочется, по — Пушкину, чтобы в отечественных книгах и фильмах были «и русский дух и Русью пахнет». Мы хотим, как это точно заметил Александр Грибоедов, «чтоб умный, бодрый наш народ, хотя по языку нас не считал за немцев». Сегодняшние правители страны, продюсеры и деятели искусства, это должны хорошо усвоить.

Жить не желаю в атмосфере затхлой,
Хочу я, чтоб в Отечестве моем,
Святою Русью, русским духом пахло
И свет берез струился за окном.
Чтоб Шолохов, Толстой — мои кумиры,
Вовеки не теряли высоты,
Чтоб в «Тихом Доне»
И в «Войне и мире»,
Узрел бы всякий — русские черты.

Эту точку зрения разделяет и мой друг Александр Борисов. С ним мы наведались к речному причалу, что расположился под железнодорожным мостом. Здесь он с товарищами — мореходами облюбовал небольшую, но тихую и удобную гавань для своей ладьи «Надежда» и учебно-тренировочных лодок. На берегу, в сотне метров от воды, расположилась и ремонтная база. Обслуживает ее группа казаков станицы Нижнегниловской. Примечательно, что над неказистым строеньицем гордо развевается Андреевский стяг. Подойдя ближе, я увидел несколько, неисправных, перевернутых вверх дном лодок, спросил:

— Что же их не ремонтируют? Не смолят, Не шпаклюют?

— Не в настроении ребята.

— Отчего?

— Дали им в начальники инородного богатея, они и духом пали. Даже от атамана своего отвернулись, хотя из-за безработицы и безденежья — бедствуют. Сейчас я их навещу и потороплю с делами.

Александр взобрался по лестнице на возвышение и скрылся за дверью. Вернувшись, объяснил:

— Во хмелю ребята. Как водится, казаки в своем репертуаре.

— Спились, а на Козицина все обижаются, что он их тупыми лентяями называет, — с огорчением бросил я, — не заметили, как их Дон к рукам прибрали.

— Что, Дон? Страну умыкнули, — тяжело вздохнул приятель, — да нечего на зеркало пенять, коль своя рожа кривая. Надо жить и выкарабкиваться со дна бытия.

— Была бы воля.

— Есть еще порох в пороховницах, — улыбнулся Александр и предложил: «Пойдем к реке. Развеемся. Вода для меня, как бальзам на душу. Вон, видишь, у камней ребят с удочками, посмотрим, как у них с уловом».

Мы спустились с откоса и оказались рядом с юными рыболовами. В полиэтиленовых мешках, зажатых между камней, плескались черные бычки. Опустив, в один из них, только что пойманную рыбу, мальчишка проворно нанизал на острый крючок свежего червя и забросил свою нехитрую снасть в отступившую от берега голубую волну.

— Молодец! Ловко управляешься, — похвалил я смышленого подростка.

— Хотите попробовать? — спросил он.

— Если можно.

— Пожалуйста.

Я приподнял леску, и, убедившись, что насадка на месте, перебросил удочку в направлении, скрытых под водою темных водорослей. Присел на камень и стал наблюдать за движениями, покачивающегося на волнах, поплавка.

Александр тут же спохватился. Снял с плеча фотоаппарат и приказал:

— Сиди, как сидишь. Сейчас я тебя запечатлею. Ты как-то говорил, что за шесть лет жизни в Ростове, так ни разу и не порыбачил.

— Да, так.

— Теперь уже нет. Я восполню этот пробел фото-фактом, — и приятель, улыбаясь, щелкнул затвором, — теперь ты уже не сможешь своим объяснением огорчить память великого Шолохова.

— Спасибо! — поблагодарил я, — и тут же заметил поклевку.

Вручив юному рыболову, его удочку и выуженного мною головастого бычка, так восхитившего Александра, я встал с камня, попрощался с ребятами. Пережитые впечатления невольно, ритм за ритмом, складывались в стихи:

Прими поклон мой низкий Дон-река,
Что, наконец, мне выпала удача,
Накоротке, но все же порыбачить,
На радость другу, выудить — бычка!

Пока мы шли в направлении высотного здания речного вокзала, начался дождь, неожиданно, перешедший в ливень. Выручил нас козырек. Мы наблюдали за движением судов по реке. Отсюда уходят в плавание до Москвы, Перми, Санкт-Петербурга и по местным линиям первоклассные суда Волга — Донского пароходства, стремительные «ракеты» и «метеоры». У причалов, что ниже по реке можно увидеть комфортабельные теплоходы, направляющиеся в Сочи, Ялту, Батуми, Мариуполь и красавицу — Одессу. Вспомнилось, как в 1966 году на одном из таких красавцев ко мне приезжала юная Элла — моя знакомая девушка из города невест — Иваново, где, впрочем, я и отыскал себе жену Валентину. Приезжала. Однако в городе меня отыскать не смогла. Не успела. Теплоходы не умеют ждать. На них лишь приятно музыка играет.

Краевед Александр Суичмезов пишет: «Поднявшись по широким лестницам над набережной, невольно остановишься очарованный, тонущим в вечерних сумерках, задонским займищем. Бескрайним морем кажется оно в эти часы, и островом на горизонте выглядит, залитый огнями, Батайск. А в солнечный день в глаза бросается гигантское зеркало на фоне изумрудного займища — гребной канал, гордость ростовчан, любителей водного спорта».

На набережной сохранилось несколько старинных зданий. Мемориальная доска на стене одного из них напоминает, что здесь в конце XIX века грузчиком работал Максим Горький. Тогда он бы еще Алешей Пешковым. Фамилия будто объясняет нам, что не зря он носил ее. Ведь прежде чем стать известным писате-

лем, юноша прошел пешком чуть ли не всю Русь. У него и книга есть «По Руси».

Работы же для грузчика Пешкова было предостаточно. По хлеба — экспорту Ростовский порт занимал второе место в России, а по грузообороту числился в первом десятке, крупнейших портов, в Европе. В его время, славилась своим богатством семья торгового казака Нижне — Чирской станицы, ставшего миллионером — Елпидифора Парамонова. Он имел десятки пароходов и барж, хлебных ссыпок, как в Ростове, так и в других городах и станицах.

Не менее Парамонова, преуспевал и «поставщик двора его императорского величества» Василий Асмолов, владелец фабрики, которая выпускала одну треть всех табачных изделий в России. Не отсюда ли началось пристрастие будущего литератора к курению?

Алеша Пешков не только курил, но и был не прочь провести время с товарищами в питейных заведениях. Хотя, едва ли не все, они были грязными и непристойными, это его мало огорчало. Он возмущался, лишь отсутствием в городе приличных библиотек и жаловался на свирепость ростовских полицейских.

В память о великом писателе Алексее Максимовиче Горьком установлен скульптурный портрет, обращенный к Дону, породнившемуся ныне с его родною Волгой. Стоя, у его портрета, размышляя, я невольно обнаруживал параллели в наших с ним молодых судьбах. Оба — грузчики. Он портовый, я же надрывался у пульманов, под блоками на гипсовом заводе. Он в X! X, а я — в XX веке. С разницей лишь, что он — великий, а я простой смертный. Но обоих нас роднит один город — Ростов. Отсюда и стихи:

Как не крути,
Судьба у нас — одна.
Тяжелый труд лежит в ее основе.
Моя под гипсом парилась спина,
Он под мешками прел в порту -
Ростова.

Сегодня из ростовского порта идут грузы не только с хлебом. В большом количестве отправляются: комбайны и культи-

ваторы, станки и оборудование к ним, пианино марки «Дон», над которыми я некогда трудился и отличное сухое вино «Донское игристое», трикотаж и табачные изделия. С ростом города, выросли и его производственные возможности. И вместо грязных кабаков, к услугам всех желающих шикарные рестораны и кафе. Что касается библиотек, то их десятки, если не сотни. И все приличные. Я уже не говорю, об Университетской, — научной, тем более о великолепной ДГПБ. Ныне и служители правопорядка не столь свирепы, хотя печалей не убавилось. У каждой эпохи — свои проблемы.

Один из наиболее красивых и запоминающихся проспектов в Ростове — Ворошиловский. Во второй половине шестидесятых, его продолжением стал великолепный мост для автомашин и пешеходов. В 1972 году скульптор Сергей Коненков установил близ него композицию «Степан Разин с дружиной». Она стала своеобразным символом. Если ранее, чтобы отправиться на пляж, что находился на левом берегу, надо было воспользоваться катером, то теперь можно миновать Дон, по мосту. Пройтись по нему — большое удовольствие. Суда, лодки, не перед взором, а под тобою. Так и просится строка из песни о летчиках — мне с верху видно все, ты так и знай!

Теперь на диком, левом берегу,
Я, припоздав, уж не останусь на ночь.
Нет катера? Пешком пройти смогу
Я над тобою, милый Дон Иванович!

Пошлю привет с высокого моста -
«Степану Разину, с веселою дружиной».
С него откроется такая красота,
Что кровь невольно застучит по жилам!

Отсюда хорошо просматривается Зеленый остров, на коем я однажды побывал. Тогда он мог называться Робинзоновым, то есть — диким, необитаемым. Сейчас это — база отдыха ростовчан. Современные коттеджи. Легкие, изящные домики. Разноцветные палатки. Настоящая «пионерская республика».

Когда-то, как несчастный Робинзон,
Я был один, в его плену суровом.
Теперь «Зеленый остров» заселен
Веселыми мальчишками Ростова.

Видно и как шевелятся, под ветром густые камыши, обрамляющие Мертвый Донец. Явно неразумное название. Ведь у каждого причала, у каждого колышка, с утра до вечера сидят на его берегах рыболовы — любители полезного времяпрепровождения. Рыба здесь водится пребольшая. И, вдруг, — «Мертвый»!? И еще. По нему можно проплыть до древнего городка — Танаис, останки которого разместились близ станицы Недвиговка, что на полпути между Ростовом и Таганрогом. Мертвый Донец? Это загадка истории. Разгадать ее предстоит местным краеведам.

Секрет откроет, наконец,
Мне краевед, что в деле тертый:
Кто? Почему живой Донец
Зло окрестил, простите, — мертвым!?

Закончить свой очерк хочется воспоминаниями о пребывании в 1974-м на базе отдыха «Казачий хутор». Здесь можно было увидеть различные казачьи реликвии. В том числе и вторичный экземпляр знаменитой кружки Петра Великого с гербом, обладание которой, давало право на бесплатное угощение в кабаках Дона. Мы провели здесь и день, и всю летнюю ночь. Искупались под светом луны. Покатались на лодке. Вдоволь налюбовавшись прелестями звездного неба, надышавшись пряным ароматом легкого ветерка, дувшего со стороны степи, молодые, задорные и веселые, мы возвратились к причалу.

КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНИЦА

Казачья вольница — не блеф в тумане
И осуждать ее я не берусь.
За «волю» шли донцы на поле брани,
Чтобы в веках жила — святая Русь!

Неизменный постулат: «С Дона выдачи нет!» действовал безотказно. Он, на протяжении двух столетий магнитом притягивал к себе всех обиженных и униженных. Но всякая «воля», «вольность», как и всякая революция, по — Ленину, только тогда имеют цену, когда могут защищаться. Казаки с шашками и саблями в руках долго доказывали приверженность своим принципам. Вплоть до петровских времен. С известного (1708 г.) поражения Булавинского восстания «вольнице» пришел конец. И среди донцов нашлись — мздоимцы, воры и предатели. После Февральской (1917 г.) революции, избранный, на ранее упраздненном Петром 1 «казачьем Круге». Атаманом Всевеликого Войска Донского, генерал Каледин опять стал ратовать за «вольный Дон». Однако, новые хозяева России — Ленин, Свердлов и Троцкий, провозгласив коммунистические лозунги о жизни без эксплуататоров, призвали россиян — «Все на борьбу с Калединым!». И не только довели Атамана до самоубийства, но и расстреляли сотни тысяч невинных. Провели рассказачивание Дона.

Таковы уроки истории «казачьей вольности». Но в 1991-м грянула новая «революция». Воспрянули казаки! Избрали себе атаманов. Облачились в форму. Одели эполеты. Привесили шашки и даже кобуру к поясам. Взяли в руки нагайки. Но не заметили, как их верховный Атаман, ныне генерал армии Николай Козицин в 2002 году стал масоном. Провозгласив Донскую область «Казакией», он делает все, чтобы отторгнуть ее от России, разжигая ненависть к русским. Самих же казаков объявил отдельной нацией.

АТАМАН ЮДИН

— Державе русской быть! -
Провозглашает Юдин.
Хоть молния развернется у ног:
«Россия — русским!» — то желает Бог,
А потому он верит: — так и будет!

Но не все атаманы восприняли идею Козицина безапелляционно. Передо мною январский номер (2005 г.) газеты воинов Христовых «Казачий спас». В нем опубликовано **обращение** атамана А. Н. Юдина, положившего начало возрождения казачества на территории Дона и в России. Вот ее содержание:

— «Я как русский человек, как представитель нации, составляющей подавляющее большинство населения страны, как наследник русских землепроходцев и суворовских солдат, как потомок рабов Золотой Орды и сын степей донских, как русский офицер и интеллигент в первом поколении, я хочу, чтобы русским государством управляли русские, а не украинец и не грузин. Чтобы Думу возглавлял не чеченец, чтобы внешнюю политику моей страны определял не еврей. Начальником милиции, чтобы был не азербайджанец или дагестанец. Чтобы дикторы на телевидении не картавили, а учителя моих внуков не воспитывали в них чувство омерзения к своей стране и ее истории. И, чтобы вся эта махина, называемая обществом и государством, думала о том, как сделать, чтобы русский человек, хозяин земли русской, занял на ней достойное положение и получил возможность выполнять ту роль, которую ему определило провидении».

Любопытны и дневники атамана Юдина («Казачий спас»,№ 2, 2005 г.). Вот отрывки из него: «Последняя перепись населения показала, что места убывающих русских активно занимают азербайджанцы, ингуши, чеченцы — люди с другими традициями, с другой культурой и религией. Но власть, похоже, озабочена чем угодно, но только не состоянием народа, а это порок общества и нарушение основного принципа государства: стоять на страже интересов народа.

В мае 2001 года депутаты одобрили концепцию закона «О русском народе», а потом о ней забыли. Морально-психологичес-

кий кризис нации поставлен на последнее место. Вопрос: кто нами управляет? Ответ: враги!

Молодежь не знает, с кого делать жизнь — Путина, Фридмана или с Верки Сердючки? Идет «монетизация» нравственности и морали. Казначей государства не знает, куда положить деньги во вверенном ему государстве, чтобы их не украли.

Одна из стратегических установок власти — муляж прессы, муляж парламента, муляж общественного мнения. Если люди позволяют на протяжении десятилетий и столетий обращаться с собой, как со скотом, то у власти вырабатывается инстинкт всемогущества. Власти нужно дать понять, что ее власть зависит от нас. Я хочу, чтобы люди почувствовали в себе человека, вернее право быть человеком. Не были бы бессловесным быдлом, а ощущали бы в себе чувство собственного достоинства в любой ситуации. В этой связи поэт Валерий Хатюшин, справедливо, сказал:

Жалкий, затурканный сброд
Молча поляжет в гробы.
Лишь патриоты — народ,
Все остальные — рабы.

Мне вообще непонятно, зачем стране руль, когда это просто большая территория, где пытаются выжить люди. Все беды оттого, что этот руль где-то есть и его кто-то постоянно вертит. Надо ночью собраться всем вместе, забраться туда, где находится руль, и отпилить его навсегда. Вот тогда будем нормально жить. А когда у этого руля вдобавок станут яркие личности, вообще надо рыть бомбоубежище — этому учит история».

Лукавит Юдин. Он хорошо знает, где и в чьих руках находится руль управления Россией. Достаточно процитировать выступление директора ЦРУ Алена Даллеса, еще в далеком 1945-м году. Он говорил: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности, на фальшивые и заставим их в них верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. (Вот и появились Синявские и Даниэли). Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например мы, постепенно выт-

равим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься исследованиями тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять, самые низменные человеческие чувства (что сегодня с успехом и делается). Мы будем всячески поддерживать, и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ силы, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности (сегодняшнее телевидение так и поступает).

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и станут никому не нужны, превратятся в пережиток прошлого (эта цель ныне достигнута). Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом, беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать (незаметно все-таки не получилось!). И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявим отбросами общества».

Так было и сделано. Есенина объявили пьяницей и наркоманом. Маяковского — хулиганом. Шолохова — плагиатором. Ленина и Зиновьева — гомосексуалистами. Сталина — параноиком. Весь русский народ объявили — свиньями. И никто, к примеру, новоявленную демократку, госпожу Новодворскую за последний нелестный термин о великом русском народе к ответственности не призвал. Зато бывшего министра по печати Миронова, сказавшего правду о евреях, долго и упорно травят и судят. Мы же всякие оскорбления и унижения, за малым исключением, проглатываем — молча. Русский стерпит — он мужик!

Терпенье русского — поистине безмерно,
Хотя он виноватый без вины.
За то, что в дружбу всех народов верил,
И в коммунизм, как в — радужные сны!

Законный вопрос: были ли люди, что понимали всю порочность и опасность таких Деллесовских установок? Да. Еще задолго, до выступления Даллеса, как бы предвидя предстоящую в России смуту, Карл Маркс, в статье «К еврейскому вопросу», писал: «Капиталистическое общество носит насквозь коммерческий, еврейский характер». Предвидел это и великий Шолохов. Издаваемая в Австралии газета «Слово» в № 44 за 2002 год опубликовало письмо (дается в сокращении) Шолохова Брежневу, отправленное им 14 марта 1978 года: «Дорогой Леонид Ильич! Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура, которая представляет историческую основу, главное богатство страны.

Особенно яростно, активно ведет атаку на русскую культуру мировой сионизм, как зарубежный, так и внутренний. Широко практикуется перетаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей. Симптоматично в этом смысле появление на экране фильма А. Митты «Как Петр! арапа женил», в котором унижается достоинство русской нации, оплевываются прогрессивные начинания Петр! осмеиваются русская история и наш народ. До сих пор многие темы, посвященные нашему национальному прошлому, остаются запретными.

Чрезвычайно трудно устроить выставку русского художника патриотического направления, но одна, за одной, организуются массовые выставки так называемого «авангарда». Продолжается уничтожение русских архитектурных памятников (в марте 2007-го телевидение, на примере Москвы это продемонстрировало). Реставрация памятников русской архитектуры ведется с сознательным искажением их первоначального облика.

Безотлагательным вопросом является создание журнала «Русская культура». Подобные журналы издаются во всех союзных республиках, кроме РСФСР. Надо рассмотреть вопрос о создании музея русского быта.

Деятели русской культуры были бы вам благодарны за конструктивные усилия, направленные на дальнейшее развитие великого духовного богатства русского народа, являющегося великим завоеванием всего человечества.

Михаил ШОЛОХОВ».

Ответ ЦК КПСС на письмо лауреата Нобелевской премии гласит: «Разъяснить товарищу Шолохову необходимость более

глубокого подхода к поставленным вопросам, или, возможно товарищ Шолохов оказался под каким-то, отнюдь не позитивным, влиянием».

Несчастный Шолохов. Предвидеть, разве, мог,
Что был Ильич ни что решать, не волен:
Он не писал и не читал. Он слег...
Наш Маршал и Генсек был просто — болен!

Болезнью и безволием Брежнева искусно пользовались деструктивные силы, направляемые наследниками Даллеса. Образовалась, так называемая, Хельсинская группа. Появился, порочащий страну «Гулаг» Солженицына. Возвысили свой голос Сахаров и Боннэр, Лихачев и Яковлев. И все — же. Это сейчас мы виним в наших бедах: Ленина и Троцкого, Шеварднадзе и Ельцина, Гайдара и Чубайса, Коржакова и Немцова. Если же хорошо поразмышлять, то не во всем евреи виноваты. А сами русские, на что? Ведь не зря говорится, что «был бы ум бы у Лумумбы, был бы Чомбо — нипочем бы!».

Будь русский царь Николай 11 умным и решительным — не было бы революции 1917. Не будь Брежнев больным и безвольным, Горбачев непорядочным, вожди ГКЧП — глупыми и трусливыми, то не удалось бы Ельцину и лживым демократам устроить революции 1991 и 1993 годов.

Как много сил придется еще затратить патриотам великой России, таким, как умный и смелый атаман Юдин, чтобы вернуть русским их законное место в управлении страной и в истории, а Родине ее былое величие.

КАЗАЧИЙ ПОЛКОВНИК

Его отец — партийный секретарь,
А сам он — журналист и воин!
Серьезный, но, однако — не сухарь
И, как Козьма Прутков — зрит в корень!

С главным редактором газеты «Казачий спас», казачьим полковником Николаем Николаевичем Дергуновым, меня позна-

комил Александр Борисов. Вначале мы решили посетить журналиста на дому. Шли долго по Буденовскому проспекту, затем куда-то сворачивали. Я доверялся приятелю и за дорогою не следил. В соседнем, с домом редактора, магазине, Александр приобрел большую бутылку пива — не с пустыми же руками навещать друга. Они же знакомы много лет. Их дружба замешана на патриотизме, общих взглядах на историческую и современную действительность. Кстати, Борисов на страницах, редактируемой Дергуновым газеты, никогда не печатался — в ней не было места дилетантам. К тому же Александр, мало, что и пишет. И никогда не опускается до экстремистских заявлений. Объективность, совестливость — характерные его черты. Как говорится: дружба дружбой, а табачок врозь.

Поднявшись по лестнице на вторую площадку большого 9-ти этажного дома, Александр позвонил в квартиру. Жена редактора объяснила нам, что Николай придет домой поздно, и попросила позвонить ему. Так и поступили. И вот, уже вечером, с кипою газет и книг в руках, к нам, на Рихарда Зорге, явился бородатый, плотный мужчина лет за пятьдесят. Познакомились. Пожали друг другу руки и стали чаевничать. Замечу, что хотя Дергунов и Борисов потомственные казаки, но вольностью и страстью к питию не отличаются. Это мне импонировало, а потому разговор развивался на серьезной, трезвой и, разумеется, на патриотической волне.

— Мой отец, — делился редактор своими воспоминаниями, — Дергунов Николай Прокофьевич работал председателем райисполкома Веселовского района Ростовской области. Его вызвали в отдел кадров обкома и сообщили, что его кандидатуру выдвинули на 1-го секретаря и после утверждения он поедет на работу в Вешенский РК КПСС, в Вешки к Шолохову. И отец уехал в Москву. После возвращения и утверждения отца направили на должность 1-го секретаря Семикаракорского РК КПСС, и он уехал в 1951 году на работу в станицу Семикаракорскую, где познакомился и работал вместе с Виталием Закруткиным, а в Вешки направили другого товарища.

Виталий Закруткин, окончив среднюю школу, работал учителем — словесником, преподавал язык и литературу рабфаковцам на Дальнем Востоке. В 1932 году окончил педагогический институт в Благовещенске и через год поступил в аспирантуру

Ленинградского педагогического института имени Герцена. Темой его диссертации было творчество Пушкина. Сердце молодого ученого принадлежало Пушкину — аспирант изучал его романтические поэмы, писал о «Братьях — разбойниках».

После окончания аспирантуры и защиты диссертации Закруткин отправился в Ростов заведовать кафедрой в пединституте. Во второй половине 30-х годов не все сложилось легко и гладко на его жизненном пути. Об одном факте его биографии я вам хочу рассказать, ибо этот факт постоянно обсуждался моим отцом и матерью, когда мы жили в Семикаракорах, а Виталий частенько был нашим гостем.

В конце тридцатых доцент Закруткин был арестован и посажен в камеру Ростовской Лубянки (это — следственный изолятор, где я проработал свыше трех лет). Поводом для ареста послужило упоминание Бога в лекциях по литературе. Спас его студент, который на допросе объяснил чекисту, что Закруткин читал стихи Пушкина, посвященные лицеистам, а там и упоминается Бог. После чего и студент, а потом и доцент были освобождены. Но причины освобождения Виталию не сказали, а о ней мне поведал, уже в зрелом возрасте донской поэт, который работал главным редактором в Вешках, а в конце жизни жил в Веселом, где мы встретились, а бывший студент поведал мне тайну освобождения Закруткина.

Внимая рассказу гостя, у меня завертелись в голове поэтические строчки:

Крутила жизнь Закруткина изрядно,
Об этом нам поведал Дергунов.
А на груди писателя — награды,
На полках — книги...
Это — ярче слов!

Я потому подробно описываю фрагмент нашей беседы с полковником, посвященный памяти известного донского писателя Виталия Закруткина, лауреата Сталинской премии за роман «Плавучая станица», что и сам имею к его семье косвенное отношение. И не только потому, то являлся сотрудником исправительного учреждения, где не посчастливилось побывать писателю. Дело в том, что сорок лет назад, в 1967 году, его жена, препо-

даватель факультета журналистики РГУ, не только читала лекции, но и принимала, в том числе у меня, государственные экзамены. Этот факт зафиксирован фотокором.

И еще мне вспомнилась летняя встреча (2006 г.), уже с орловскими писателями, которые профанировано, превратились в верующих, а один из них стал ярым поклонником Иоанна Кронштадтского. Да так, что пишет о его учении книгу. Он страшно разобиделся на меня, что я остаюсь атеистом, хотя против Бога ничего не имею. Закруткин же мог пострадать за Бога, хотя, как и я, считал себя атеистом. Все перевернулось в этом мире.

О перевертышах у нас и пошел дальнейший разговор с редактором.

— В свое время, чтобы подвизаться к властям, — говорил Николай Николаевич, — Евгений Евтушенко написал хорошую песню «Хотят ли русские войны». Правда, ее почему-то сейчас не исполняют. Хотя ясно: почему? Перевернулся поэт. Теперь он работает за доллары и живет в США. А, когда-то признавался:

Никто, как русский не спасал других,
Никто, как русский сам себя не губит!

Или вот еще. Были мы с группой товарищей в станице Пухляковская, где гостили у командира донских писателей, автора романа «Цыган» Анатолия Калинина. Поговорили о творчестве, безвременно ушедшего поэта Бориса Куликова, с кем вместе мне довелось учиться. Когда же речь зашла о Евгении Евтушенко, то Анатолий Вениаминович встал и вышел из комнаты. Возвратился же, с листом картона, сел у стола и прочитал пародию на автора строк «Поэт в России больше, чем поэт»:

«Поэт в России больше, чем поэт».
По этому вопросу споров нет.
Осталось лишь найти того поэта,
Чья Муза из стыда скрывает это.

Андрей Дементьев уж был такой приверженец коммунизма, а сегодня, как и его друг Евгений, с которым он встречается на своих радиопередачах, служит тому же хозяину и признает-

ся, что всего лучше и счастливее он чувствует себя, когда отдыхает в Израиле. И лицемерно призывает к долготерпению:

Никогда, никогда, ничего не жалейте -
Ни потерянных дней, не угасшей мечты.

Ему то, что жалеть? Ну, это евреи. А господа, казаки?! Я уже не говорю о Козицине, он сам таковой наполовину. Его кошевой атаман Багаевского юрта Леонов, например, гордится тем, что в графе национальность, вместо «русский» сам себе вписал — «казак». И таковым перевертышем оказался не он один.

Сейчас идет геноцид русского народа, как это запланировано в речи Даллеса в 1945 году и подведен итог в речи президента еврейской организации в США Фоксмана, который, в частности говорил: » Мы должны использовать нашу власть для шельмования белых мужчин и женщин, тех, кто еще собирается сохранить свою расовую чистоту. Они будут в Новом обществе подвергнуты остракизму. Чтобы гои не могли объединиться, их надо убивать и заключать в тюрьмы. Погибайте, арийские гои! Нью-Йорк, 25 августа 1998 г.». Опубликовано — «Казачий спас». Январь 2005 г. И, действительно, погибают. Смертность превышает рождаемость на один миллион человек. Согласно планам ЦРУ оно уменьшится, на 20 миллионов русских жизней. Монетизация льгот этому способствует и является одним из пунктов геноцида народа.

— Однако Николай Николаевич, и вы палку перегибаете, — вступил в разговор Александр Борисов.

— Как?

— Вот вы подарили родителям воспитанников капитана Лазарева из клуба «Юный моряк» газеты со статьей «Служу Отечеству», посвященной их наставнику. Дело хорошее. Но, там опубликована пародия московского поэта Валерия Хатюшина:

Греховный путь, желая замести
На службе у еврейства мирового,
Надумала Америку спасти
Поставленная раком Казакова.

— И что? **«Раком»** — это литературное слово.

— Возможно, я не словесник, как вы. Но хорошо видел, как, читая, эти строки солидные женщины возмущались. Или, вот вы писали об инциденте, происшедшим у вас с сотрудницей Аксайского музея «Почтовая станция Х1Х века».

— Что же там крамольного с моей стороны? Меня оболгали. Судья лгунов защитила.

Значит, она — лгунья в квадрате. Так я и написал в газете.

— А под каким заголовком? «О **курвах** России». И еще два таких же неприличных подзаголовка.

— Ну, Саша, ты совсем снобом стал. С врагами говорят на их же языке.

— Нет. Врага надо разить **«культурой»**, — не унимался приятель.

Чтобы разрядить обстановку, я пригласил спорщиков выпить пива. Но, Николай Николаевич, вынул из сумки бутылку водки, поставил ее на стол, при этом, сказал:

— У казаков, при знакомстве, положено пить водку.

Мы возражать не стали. И еще долго говорили о поэте Хатюшине, пародисте Неумывакине, о художнике Бочарове — постоянных авторах «Казачьего спаса». Так, как это яркие личности, то я счел нужным поговорить о них в отдельности.

Прощаясь, мы обменялись подарками. Я вручил казачьему полковнику сборник стихов «Русь», который его давно, по словам Александра, интересовал. В свою очередь Николай Николаевич вручил мне свою брошюру «Явление культуры», где раскрывается оригинальное творчество художника Сергея Бочарова и сборник пародий волгодонского поэта Александра Неумывакина «Эпиграммы». Обе книжки были с автографами.

ПАРОДИСТ НЕУМЫВАКИН

Достойный Волгодонска — сын,
Его Почетный гражданин.
Он и художник, и поэт,
И, как философ — лучше нет!

Александр Неумывакин, удостоенный за творческие заслуги высокого звания — Почетный гражданин Волгодонска — по-

истине уникален. Опубликованная в «Казачьем спасе» его философская статья «Знания информационного поля мироздания» характеризуют его, как глубокого мыслителя. Он — автор более тысячи картин. Их он подарил родному Волгодонску. Все они — оригинальны и совершенны. Современники высоко оценивают и его поэтический талант. По их словам, книга Неумывакина «Полифония чувств», выполняет великую миссию литературы. Стихи поэта лечат душу человека, очищают его от невежества, поднимают на вершины, где святые слова «совесть», «честь», «справедливость» являются законом, первым же, кто им следует, является сам автор.

Передо мною его последняя работа «Эпиграммы», (Волгодонск, 2006 г.).

— Эпиграммы — это особый жанр, — утверждает Неумывакин, — которым владели только великие из великих поэтов мира. Он не подвластен серости и виршеплетству. Эпиграммой можно поднять человека до Бога, или опустить его до преисподней Ада. Я сделал великое открытие в изучении русской космической, Богом избранной словесности. Вслед за Бурлюком, Крученых и Хлебниковым, я подошел к основанию величайшей пирамиды мира, и имя этой пирамиды — русский язык. И если они подошли к подножью, то я взобрался на вершину этой пирамиды и увидел россыпи алмазов и рубинов в сиянии Божественной красоты Создателя Вселенной.

Новаторство моих эпиграмм и заключается в одной из тайн русского языка. Я беру слово, в данный момент фамилию того или иного человека, разрываю его на части и в образовавшиеся пустоты влагаю новые слова, объединив их в логической последовательности смысла. Получается чудо из чудес: рождается духовная суть данного человека. Причем я могу, как и было сказано выше, воздать хвалу человеку или его осудить и высмеять. Но я не оскорбляю человека, о котором пишу, а поднимаю его из грязи бытия и ставлю на пьедестал Бога.

Я пишу, потому что не могу не писать, когда вижу этот лживый, продажный мир, когда брат предает брата, и по воле политиков мужчины превращаются в пушечное мясо, а женщинам путь открыт только в проституцию, а дети идут в школы, где они постоянно зомбируются на уничтожение интеллекта, души и совести.

Александр Неумывакин родился в Дагестане в 1943 году. Вся его жизнь — это борьба с врагом, который живет в каждом человеке и имя ему — наше невежество. Им написано в ритмике белого стиха 24 тысячи поэтических произведений, часть которых, по отзывам современников, являются шедеврами.

Родился в Дагестане, у абреков
Он страсть к свободе, воле обретал.
Его борьба — достойна Человека,
Его стихи — разительный кинжал.

Теперь, когда нам вкратце ясна точка зрения на предмет самого автора и известны основные факты его биографии, то нам остается, лишь предать гласности часть его творений:

ПУТИН — ты ПУТы всех ИНых злодейств повергнешь в прах однажды, в сортире замочив абрека, и тяжесть власти, получив, пыхтишь от пота, и вползаешь в сети нуворишей планеты.

ФРАДКОВ — о, ФРАД мой, подКОВан ты левшою, как блоха, и скачешь на арене цирка всей России, и дядя Сэм стегает твою спину, а Путин пряником манит.

ЛУЖКОВ — он в ЛУЖе КрОВи и нужды народа всей России ковыляет на приемы, отхватывая доллары, рубли и евро, и украшает город твореньями бездарного ЦЕРЕ и ТЕЛИ в распашонке долларов одежды, в насмешке над русским гражданином, дающему последние гроши в казну столицы златоглавой.

ЧУБАЙС — ЧУ! Я БАЙСа — беса вижу вновь в экране голубом: он ваучер всучил народу и обомлел от наглости своей в обмане граждан всей России. О, Русь! Побойся Бога, ты на груди своей пригрела кобру и корчишься в смертельной боли, так сбрось змею скорей и жало вырви из пасти рыжей черта.

ЖИРИНОВСКИЙ — о, ЖИР засаленной тоски ИНОВСКИЙ трется, в надежде получить кусок от власти и пирог вкусить за счет народа, он брода не познав, а лезет в воду, и в океане Индии уже полощет ноги.

ГАЙДАР — о, ГАЙ лесной! Взыграй мне ДАРом сластолюбца сквозь листву и аплодисменты воров. Ты обокрал народ и голодом вскормил тоску мальчишек и девчонок в подворотнях и подвалах мрачных. Ты бездарен, как эконом, и нем и слеп, не

мудр. И дед однажды, из могилы встав, из револьвера сам тебя уложит разом, как врага народа, предавшего Россию на растерзанье дяди Сэма.

НОВОДВОРСКАЯ — в обНОВе чувств Она всегда, ДВОРы считает новых русских, и вся мирСКАЯ суета ей ни к чему, коль демократии устои диктует ей заморский дядя.

ГОРБАЧЕВ — оГОРБ твой над страною АЧЕВано колотится судьба народа, который ты заболтал и задурманил демагогией своей в речах с экранов без шпаргалок. Ты развалил империю и блок содружества народов мира.

ЕЛЬЦИН — ты, ЕЛЬ, как ЦИНик спишь над Русью.

КИРКОРОВ — о, КИР, ты, как КОРОВа, слезы льешь, любви осколки собирая, а то орешь, как Сатана, и со старухой пляшешь танец.

ПУГАЧЕВА — от ПУГивает смысл вАЧЕВА — оный песен бессмысленных в тоске любовной страсти. Дар голоса бесцельно вытекает из сосудов жизни на асфальт московских улиц под ноги рэкетиров, бомжей и проституток.

МАЛЕВИЧ — МАЛЕВИЧа квадрат, что очень черен и заслонил собою движенье мысли человека.

РЕПИН — кРЕПки. ИНой судьбы пинки, когда сам Грозный, сына убивая, о запорожцах думает, и кисть художника, как нож, взрезает времени холсты.

Все хорошо известны нам,
Герои этих эпиграмм.
Их автор правит, чаще, бьет,
Что ж, видно, каждому — свое!

На этом я заканчиваю цитирование произведений Александра Неумывакина. На мой взгляд, они — оригинальны. По существу же дела судить самому читателю.

ХУДОЖНИК БОЧАРОВ

Немало выстрадал редактор Дергунов:
Гонение властей, цензуры,
Чтобы в веках художник Бочаров,
Был достоянием — мировой культуры.

Сергей Бочаров родился в 1953 году на станции Баган Новосибирской области. Окончил Краснодарское художественное училище, школу Нади Леже в Париже. Учился в Ленинградской Академии художеств, во ВГИКе. Его характер сродни могучему и благородному сибирскому кедру. Уже в 1996 году он открывает свою первую выставку в Москве и выворачивает наизнанку истинное нутро нынешней власти — власти чужой и ненавистной народу, своей картиной «Кремлевская баня»(1992).

В качестве художника — постановщика, снял на киностудии имени Горького 18 фильмов — среди них «Сталкер» (Тарковский), «Забавы молодых», «Поездка в Висбаден» и др. Преподавал живопись в Московском ВГИКе, в Австрии и Италии. Выставки картин были в России, США, Франции, Германии.

Высокий профессионализм, гражданская смелость и бескомпромиссность — отличительные черты творчества Сергея Бочарова, впитавшего в себя «русский дух», все лучшее из культурных достижений предыдущих столетий Отечества. Его картина «Явление народа» — подлинное явление искусства.

Бочаров разъезжает по городам и весям по примеру художников — передвижников. Выставлялся в Москве — Госдуме, в «Красных палатах». Так же — во Владимире, Рязани, Тобольске, Тюмени, Ишиме, Омске, Новосибирске. И, конечно, на донской земле — в Ростове, Зернограде, Аксае, Волгодонске, Новочеркасске. Как мы уже отмечали, не все проходило гладко. Губернатор Чуб, например, не жаловал творчество художника, отдавая распоряжения — не предоставлять «революционеру от искусства» выставочные залы. А в Аксае, не обошлось, даже без физических потасовок. И только упорство, воля Николая Дергунова, организатора выставок, и его добровольного помощника Александра Борисова, горячо симпатизировавшего работам мэтра, позволило зрителям приобщиться к высокому искусству Бочарова, как художника — новатора и подлинного реалиста.

Пройдясь, по городам и весям,
Где он являл шедевров — плод,
Художник получил известность,
Как передвижник — патриот.

В одном из выступлений по радио Сергей Бочаров сказал: «Я призываю, чтобы наш русский человек был жесток в борьбе за свое место на своей земле, жесток к кучке негодяев и воров, которые забрали у русских все, благодаря нашей доверчивости и доброте. Нам предстоят просто жесточайшие битвы, а поле битвы — сердца людей».

Художник стремится в своем творчестве к гармоническому, естественному слиянию возвышенной красоты и жизненной правды («Адам и Ева», «Явление народа») плюс светотеневая моделировка и перспективное построение, убедительная передача трехмерного пространства. Его картины «Неравный брак», «Грачи прилетели» были освящены митрополитом Петербургским и Ладожским Иоанном.

Бочаров является профессором живописи Итальянской Академии художеств, обладателем Гран — При в Риме и Париже, за полотна «Мост вздохов»(1992), «Венеция» (1992), «Неаполитанский залив» или «Бушующее море» (2001). Как художника — мориниста, его называют — вторым Айвазовским.

Величьем моря упиваясь,
За Айвазовским вслед,
Он волн могучих ликованье,
Нарисовал портрет.

Будучи в Крыму Бочаров написал картину по мотивам творчества Пушкина «Грот любви». Именно здесь, будучи в гостях у графа Воронцова, молодой и холостой поэт провел прекрасную ночь с девушкою по имени Марина.

В кипенье зелени и света,
С Марией удалился он...
И «Грот» внимал словам поэта,
Как он, в красавицу влюблен.

Бочаров — поистине, уникален. С одной стороны — это современный Айвазовский, русский Леонардо, Федотов XX! века, а с другой — мастер спорта международного класса по боксу. Он провел 137 боев, в 115, из них, одержал победу, Входил в состав группы Союза и Олимпийской сборной.

Как кедр Сибирский — наш боксер,
Так крепок, что и в первый раунд,
Соперников своих, в нокаут,
Бросал нередко на ковер.

Любопытно интервью, которое дал профессор живописи Австрийской и Итальянской Академий художеств Сергей Бочаров. На вопрос: «Какого мнения, на его взгляд, итальянцы о русских?», патриот России отвечал: «В Италии выходит журнал «Зеркало», в котором публикуется информация о суммах, которые должен получать житель той или иной страны, в том числе и нашей. Из России вывозят 15 видов полезных ископаемых: нефть, газ, лес, молибден, медь, золото, никель...на сумму такую, что каждый взрослый человек страны в год должен получать 12 тысяч долларов. А, тысячи российских пенсионеров, например, получают доходы в 2-3 тысячи рублей. Вот так нас облапошили, и ободрали все эти обнаженные (показывая на картины «Урок анатомии доктора Путина» и «Грачи прилетели», из серии «Они»).

На вопрос: «Вы портрет Сахарова писали?», живописец ответил утвердительно и при этом рассказал о своем визите к академику в Нижний Новгород: «Пришел к нему на квартиру и начал работу. У меня правило: пишу портрет и общаюсь со своим героем. Задаю вопросы и ожидаю получить ответы, а за спиной у академика стоит его жена Боннэр и когда она не согласна с тем, что сказал Сахаров, бьет его ладошкой по макушке. Я насчитал семь ударов. Придя к выводу, что как в квартире, так и в голове Сахарова правит бал госпожа Боннэр, я на рисунке академика стал писать портрет его супруги. Ее заинтересовало, что я написал, она подошла к мольберту. Увидев себя, Боннэр ладонью руки провела по полотну. После чего меня выставили из квартиры. Так все и закончилось. Об этом подробно изложил сын академика Сахарова в газетах «Советская Россия» и «Мегаполис».

Жена лауреата Боннэр,
Такой выкидывала номер:
Чтоб академик думал лучше -
Супруга била по макушке...
Хоть Сахаров, едва не Бог,
Сам ничего решать не мог!

Ветеран Великой Отечественной войны, ростовский художник Планидин, так написал в своем отзыве об одной из выставок своего коллеги Сергея Бочарова: «Впервые увидел Вас и ваше уникальное творчество, будто воочию встретился с истинными творцами шедевров, как Шолохов или Вучетич. Ваша живопись — это народная гордость, честь, совесть и, правда. Ваши картины, как драгоценные изумруды земли, которую вы защищаете, как воистину боец и спаситель, ибо, справедливо заметил Достоевский, — «мир спасет красота».

ВАЛЕРИЙ ХАТЮШИН

Титан Поэзии, мудрец,
Что парой строк — излечит души.
Писатель, пламенный боец,
Российский патриот — Хатюшин!

Заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия», поэт и литературный критик Валерий Хатюшин — один из авторов известного «Письма — 500», направленного Генеральному прокурору РФ, где выражено требование, дать отпор «еврейскому фашизму» и прекратить геноцид русского народа.

«Еврейское счастье, русские слезы», под таким заголовком, в феврале 2005 года оно было опубликовано в «Казачьем спасе». Причем его редактор Николай Дергунов, не преминул дополнить список подписантов своей фамилией.

Хатюшин, не только постоянный автор газеты, но и член ее редколлегии. Главной темой всех его выступлений, а им опубликованы десятки статей и сотни стихотворений — это борьба с засильем сионизма в стране и за рубежом. Он пишет:

«Проходят наши дни, ничем не радуя,
Мы все устали от сплошной беды.
Как включишь телевизор или радио -
Везде одни бездарные жиды.

Несет эфир то хохот, то истерику,
Со всех афиш глядит их рыбий глаз.
Не едут, ни в Израиль, ни в Америку,
Торчат в России, ненавидя нас».

Не только в Израиль, где стреляют, они не хотят ехать, но и в Еврейской автономной области, как замечают шутники, лишь один председатель Совета — еврей. Не хотят они жить в своем Биробиджане. Подавай им — столицы и крупные города. Здесь они, по установке Фоксмана занимаются кровосмешением, меняют фамилии, на русские — Ивановых и Петровых, растворяются. Причина — страх перед расплатой за унижение того народа, который спас их от гитлеровского фашизма. Ежедневно радио славословит о национальном проекте единения народов России (вместе мы побеждали захватчиков, поднимали страну из руин, вместе пережили трудные 90-е). Складно молвят. Но, вот, к примеру, в марте 2007 года мы пережили трагедии — в Кемеровской области на шахте погибло более ста шахтеров, в станице Камышеватской Краснодарского края заживо сгорели более шестидесяти стариков. Сколько же из них пострадало евреев? Ни одного. Или, сегодня продолжает вымирать крестьянство срединной России. С карт стерты тысячи деревень и поселков. И опять среди них нет евреев, ибо они не только не работают на шахтах, но и не возделывают землю, не сеют и не убирают хлеб. А, сколько же погибло их в Чеченской бойне? На тысячу русских — один, два. А кто же у нас — миллионеры и миллиардеры? На одного русского — сотни евреев. Тут уж невольно воскликнул бы патриот России Александр Радищев: «Они (русские) работают, а вы их хлеб едите!».

Хатюшин так же дает ответ на вопрос, почему евреи так вольготно ныне ведут себя в России. Процитируем ряд строк:

Умирают друзья, остаются враги,
И в дали безутешной, не видно, ни зги.

Все враги при больших должностях и деньгах,
И заботятся власти о наших врагах.

Именно «заботой» властей объясняется тот факт, что свобода слова и печати, понимается как критика русских, но под угрозой статьи о разжигании национальной розни, не допускается правда о евреях.

В своей статье «Их жажда террора», Валерий Хатюшин подробно и убедительно раскрывает коварные замыслы международного и российского сионизма.

О патриотической, гражданской поэзии автора можно говорить бесконечно. Мне же хочется остановиться на его дневниках и эпиграммах, где отводится значительное место орловскому, а значит, моему земляку, поэту Льву Котюкову.

В материале «С печатью «Величия» читаем: «!6 декабря 1987. Немного насчет Котюкова. Я разорвал полгода назад всякие с ним отношения. Я его много раз предупреждал раньше, чтобы он не ныл и не злобствовал по любому поводу. Как только он входил ко мне, то первое слово начинал с нытья.... К тому же он стал дельцом. Я не стерпел и выгнал его. Он стал называть меня негодяем, так мне передавали». От 30 ноября 2002 года опубликовано посвящение «Главреду журнала «Поэзия»:

«От журнала Котюкова
Толку нет, ну никакого.
Коль в журнале рейтинг слаб,
В ЦДЛ не снимешь баб».

4 декабря 2002 года Хатюшин публикует новую эпиграмму «Подобно Льву»:

Уподоблюсь Котюкову -
Перейду на кока — колу,
И тогда, подобно Льву,
Тридцать премий оторву».

Автор не скрывает своей иронии. Сатира, сарказм просвечивают в каждой строчке. Не любит поэт своего героя — это ясно. И понятно, что, за — рвачество и делячество.

Если с Валерием Хатюшиным я лично никогда не встречался и могу судить о нем, лишь по его публикациям в «Молодой гвардии» и в «Казачьем спасе», то с Котюковым знаком с молодых лет. Вот, как это было.

Когда, в ноябре 1970 года, трагически погибает моя, горячо любимая, мама, то я, мучительно переживая горе, не мог более оставаться сельским директором. Мне стало невыносимо жить там, где некогда она, милая и веселая, радостно встречала меня, невестку и внучку. Чтобы забыться, я переехал с семьей на свою вторую родину — в Ростов. Когда страсти улеглись, меня вновь потянули к себе родительские корни. И в 1971 году я стал жить в Орле. Вначале работал журналистом на радиостудии. Протекцию мне составил земляк — болховчанин Владимир Вылугин, с которым еще в отроческие годы, мы писали совместные репортажи об уборочной страде в родную «Болховскую коммуну». . Спустя три месяца, меня пригласили в Железнодорожный РК КПСС, и предложили занять должность директора Орловского областного Ансамбля песни и пляски. Объяснили, что у меня есть опыт руководящей работы, к тому же им нужен педагог, каковым я и являюсь. Я дал согласие. Так моими шефами стали: начальник Управления профтехобразования Малахов и его заместитель по воспитательной работе, подполковник запаса Поповский. Прошел год. Войдя в курс дела, я стал укреплять кадры, которые по выражению Сталина, решают все. Оставалась вакансия — методиста.

Мой путь на работу лежал через сквер танкистов. Как-то, понуро сидящий здесь, на лавочке, молодой человек останавливает меня просьбой:

— Петр, у тебя деньги есть? Дай трояк!

— Лева, ты?! — узнал я Котюкова, — какими судьбами?

— Да, вот выпить хочется. Тоска, хоть волком вой, а купюр нет.

— Но ты же работаешь. Помню, литературным консультантом в «Орловском комсомольце».

— Уже нет.

— Почему?

— Редактор уволила меня. Уж, эти женщины!

— Галина Эманова! За, что?

— Ну, это понятно. За пристрастие к зеленому змию.

— А вы и впрямь с Виктором Дронниковым перебираете лишнего. Вас и печальный опыт Сергея Есенина ничему не учит. Таланты свои напрасно губите.

— Что Есенин? Он и пьяным отлично писал. Витька правильно говорит, что алкоголь только обостряет чувства.

— Ошибочная позиция, — только и нашелся я сказать.

— Ну, ты, трояк дашь? Друг все-таки. Сам стихи пишешь.

— Нет, — твердо сказал я, — но помочь могу. Однако, по своему.

— Как это?

— А так! Суди сам, что лучше для спасения голодного: дать ему рыбу или подарить удочку, и научить его, ею пользоваться? Так вот, я предлагаю тебе работу. Она и будет той удочкой, которая сможет тебя прокормить.

— Какую?

— Методистом Ансамбля. Оклад 80 рублей. Условия простые: во время являться и уходить, на рабочем месте — не пить. Разрешаю, помимо сценариев и справок, писать свои стихи. Больше того, есть возможности дополнительного заработка.

— Как это? — заинтересовался студент — заочник Литинститута.

— Начнешь ездить по пионерлагерям, санаториям и базам отдыха. За публикацию репортажей в печати, будут выплачивать гонорар.

— Здорово! Ты и впрямь мой спаситель, — не удержался от похвалы Котюков и протянул мне руку, — я согласен на все твои условия.

Не советуясь с шефами, от которых позже получу нагоняй, я занес в Трудовую книжку Котюкова соответствующую запись, и Лева, несколько смущенный, моим дружеским расположением, а потому смирный, стал заниматься нужными бумагами.

Дом нового методиста Ансамбля находился поблизости от парка железнодорожного техникума. Когда я познакомился с его родителями, то они, встречая меня, не могли нарадоваться за сына, говорили:

— Спасибо Петр Дмитриевич! Лева вас так хвалит, говорит, что вы умный начальник и настоящий друг. Под вашим влиянием, он и пить меньше стал. Хочется, чтобы не лжи друзей — собутыльников, а больше было на земле таких добрых, справедли-

вых людей, как вы. И пьяницы бы усовестились, меньше их стало.

Но, не зря сегодня по радио твердят, что алкоголизм — это не вредная привычка, а болезнь, которую надо лечить.

Как я и предвидел, не прошло и месяца, как Лева задурил. Прогулы, дебоши участились. Я постоянно краснел за его поведение перед своими начальниками и сотрудниками. Наконец, спустя еще месяц, Лев стал гостем милицейского участка. Не стану подвергать уколам самолюбие ныне трезвого, после лечения, поэта, оговорюсь лишь, что Котюкова пришлось уволить «по собственному желанию». Плохим я оказался воспитателем. Не оправдал надежды его прекрасных родителей. Хоть видел Бог, я делал все, что мог.

Теперь, когда я встретил в печати отзывы Валерия Хатюшина о моем бывшем методисте, отлично зная все его недостатки, я невольно соглашаюсь с негативной оценкой поведения неисправимого Льва. Если такой мудрый, такой тонкий психолог, как Хатюшин ничего не мог поделать, то тем более мне, человеку средних способностей, это было явно не по силам. Сегодня Лев Котюков, по утверждению моего товарища, поэта Николая Круглова, объявил себя последним представителем поэзии «серебряного века». Он не то, что меня сирого, но и классиков Орловского отделения Союза писателей, даже наставника своего Виктора Дронникова, отхватившего, подобно ему семь премий, ставит ни в грош. Да и шутка ли, он — главный редактор журнала «Поэзия»! Вот, что значит, с вина «перейти на Кока-колу».

ПОТСКРИПТУМ

Луч солнца сияет на наших крестах,
Мы призваны, русскими быть!
И снова врагов повергая в прах,
Россию по-русски любить!

А. Харчиков

Это строки из песни знаменитого барда Александра Харчикова «Русский марш». Поэт Харчиков — частый гость и автор «Казачьего спаса». Его стихи пронзительны и разительны. Чего

стоит, например, одно его стихотворение «Воздай Чубайсам!». В нем он открыто и прямо призывает:

И не пророк, и не герой, а просто русич,
Пришел твой час. Иди на бой!
Не надо трусить.

На тихом и вольном Дону живут ныне смелые люди, о них, по мере сил мы и пытались рассказать, хотя и тех, кто «трусит» достаточно. Русские, не немцы, они действительно мало способны воспринимать строгую организацию и дисциплину. Это касается и донского казачества. Они больше склонны к стихийным порывам, к «Пугащевчине». И, не дай бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Об этом не раз упоминала русская литература.

Озабоченные тяжелым, бесправным состоянием русского народа, патриоты России, подобно Дмитрию Рагозину, создают партии, которые потом разваливаются, пишут статьи и книги, письма Президенту, в Государственную Думу, Генеральному прокурору РФ. Но, все тщетно. Кажется — тупик. Однако выход есть. И его подсказал нам великий Лев Толстой. Откройте его изумительное по силе русского духа, энциклопедическое творение — роман «Война и мир». На его 371 странице вы найдете, поистине, божественное откровение:

— «Все мысли, которые имеют огромные последствия — всегда просты. Вся моя мысль в том, что еже ли ЛЮДИ ПОРОЧНЫЕ связаны между собой и составляют СИЛУ, то людям ЧЕСТНЫМ надо сделать только то же самое. Ведь как просто!».

РАССКАЗЫ И БЫЛИ

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Д. Л. Яшину

1

Более полвека прошло с тех пор, как мы окончили Сивковскую начальную школу, а в памяти еще сохраняются первые уроки и светлый образ нашего **первого** учителя. Вспоминается просторная, вмещающая четыре ряда парт, комната с кафельной печью, ярко сверкающей на солнце, льющееся сквозь широкие окна. В комнате обучались сразу четыре класса. Я сидел в левом ряду, а мой брат Иван — в правом. Я только начинал складывать слоги в слова, а брат — четвероклассник уже решал арифметические задачи. Учились мы разным наукам, а учитель у нас был один — **Дмитрий Лукич Яшин.**

Большой жизнелюб, всегда бодрый и энергичный, он не мог подолгу сидеть на одном месте. Преподавал профессионально, и я бы сказал, — артистично. Мы не знали, что такое школьная скука, за которой, по словам великого педагога Ушинского, скрывается источник «множества детских проступков». И даже пороков: шалостей, лени, капризов. А так же — отвращения от учения, хитрости, лицемерия, обманов и тайных грешков.

Наш учитель — с помощью педагогических приемов, игровых элементов, наглядности, походов на природу — умел уводить нас от скуки.

Односельчане величали учителя уважительно: «Лукич». А еще говорили, что у него «крепкая голова и золотые руки». За что не возьмется — огнем горит. Фруктовый сад посадил с ребятами и — вырастил, изгородь вокруг школы причудливыми фигурками изукрасил, чтобы детям приятно было. А кто лучше его мог с пчелами ладить, рамки да ульи смастерить?!

И хлебороб был отменный: и вспашет мягко, и засеет густо. Весь пришкольный участок и колхозный сад — на ребятишках держались. Случись — кони нарасхват, так учитель, не раздумывая, брал за кирку и лопату.

Мы считали тогда, что наш учитель — это волшебник, который все может — хоть жар-птицу поймать. Общение с ним — одна радость. Письма, открытки, телеграммы. Много их приходило в тихую деревеньку Сивково, что на самой окраине Орловщины, где петухи на три губернии кричат. Ведь по соседству были земли Калужской и Тульской областей. Старики рассказывали, что в наши места, проездом из Болхова в Белев, наведывался поохотиться на уток сам Иван Тургенев. О нем мы впервые услышали от своего учителя. Горе Герасима, потерявшего Муму, потрясло нас. Мы плакали.

Поздравляя Дмитрия Лукича с праздником или Днем рождения, мы напоминали ему об этом — о его удивительном умении читать. Выполнение дела с большим умением и вкусом мы называем мастерством. Об уроках Яшина можно сказать большее: они — искусство. Большое искусство педагога.

В 1-з-х классах — арифметика, во 2-4-м — русский язык. И даже теперь, когда я сам тридцать лет проработал учителем и директором, мне просто непонятно, как он только все успевал сделать. Как он мог — один — справиться с четырьмя классами одновременно?! Тем более что и наглядных пособий и раздаточного материала было маловато. И готовили их сами ребята вместе с учителем.

Одно было неоспоримо: знания ребята получали хорошие. Не секрет, что начальная школа — это фундамент под здание средней и высшей школ, И он был прочным, этот фундамент. Многие ребята, выпускники Сивковской начальной, по оконча-

нии средних школ получали золотые и серебряные медали. В те же времена, понятия «блат» — не существовало. Среди отличившихся в науках — **Панкратов, Иванкин, Тимохин** — из соседней деревни Аннино. Теперь они инженеры— авиаконструкторы, и **Иван Шуев**, из поселка Шуевский, пошел по стопам Дмитрия Лукича, стал педагогом — математиком.

Кстати, дочь Лукича — **Анна Дмитриевна Скопина** — так же выбрала профессию своего отца. Много лет преподавала русский язык и литературу в школах города Болхова.

Старая мудрость гласит, что мужчина должен сделать в жизни три главных дела: построить дом, посадить дерево, воспитать сына. Яшин воспитал сотни и сотни людей. И каждый раз, приезжая в родную деревню на побывку, я бежал в школу, где приятно пахло смолистой стружкой и свежей краской. В рабочем халате, с рубанком в руках, старый учитель обнимает меня теплыми, натруженными руками, пахнущими медом. Усаживает за потеснившую ученическую парту, долго расспрашивает об Университете, о планах на будущее.

Избрав для себя профессию своего первого учителя, я както попросил Дмитрия Лукича вспомнить самый радостный день в его жизни. И вот, что он ответил:

-У меня, их было — тридцать три. Каждый год по одному. Эти дни — встреча с первоклассниками 1-го сентября. Сидят они за партами нарядные, притихшие и чуточку торжественные. Я ведь в лицо знаю их. Всех. И семью каждую. А в первый день кажутся мне малыши какими-то новыми, неизвестными. И разве не радостно сознавать, что они научатся от меня не только читать, писать, решать задачи! Я буду приобщать их к коллективу, пробуждать в них стремление к добру, отвращение к злу. Укреплять в них любовь к Родине.

Мне хорошо помнится первый урок гражданственности, который дал нам Дмитрий Лукич. Мы, тогдашние третьеклассники, только что повязавшие красные галстуки, собрались на свой первый пионерский сбор. Он был необычным, ибо собрались мы не в классе, а у костра в урочище Татарском, что в полутора километрах от школы. Учитель рассказывал нам тогда о войне. Фронтовой старшина, орденоносец, он прошел через все испытания. Мы слушали его, затаив дыхание. Еще бы! Ведь здесь, где мы сидели, проходила линия фронта. И мы набрали по окопам и

блиндажам, еще не успевшим обвалиться, уйму боевых патронов, поржавших винтовок и пистолетов, множество, продырявленных пулями и осколками касок — своих и вражеских. Все боевые реликвии, за исключением патронов, мы сдали в созданный учителем — школьный музей.

2

Мы любили уроки истории и литературы. Я, например, соревновался с дружком из деревни Ушакова **Павлом Фирсовым** в знании стихов наизусть. Особенно мне нравилось декламировать отрывки из поэм Юрия Лермонтова: «Беглец», «Мцыри» или Александра Пушкина «Медный всадник». Учитель поощрял, как мог, наше рвение. Это и о нас, так хорошо, сказал поэт Вячеслав Богданов:

Я стих читал тот бойко,
В полный крик,
На перемене, съев сухую корку...
А мой учитель,
Старый фронтовик,
Закашлялся
И вывел мне -
Пятерку!

Суровое послевоенное время. К нашему учителю, на огонек, или по вечерам шли сельчане. Но, чаще всего он шел к ним сам. Являясь в небольшой деревушке единственным представителем интеллигенции, он был, как говорят, один — в семи лицах. Это — агитатор, пропагандист, библиотекарь, заведующий школой, учитель, столяр и садовод. К тому же и отменный пчеловод.

С годами, взрослея, мы делаем переоценку ценностей. И вот, уже работая директором школы, я столкнулся с трудностями, которые, как мне кажется, сумел избежать мой первый учитель. Я имею в виду, осложнения в общении с новыми людьми, так называемые — психологические барьеры.

Дмитрий Лукич мог ладить со всеми, и оставаться при этом — принципиальным и твердым. Он был удивительно собранным человеком. Всегда строго и со вкусом одетым. Всегда, выбрит и аккуратен. Не позволяющей себе, нервной, или грубой интона-

ции. Яшин умел взять правильный тон при контакте с любым человеком. Невольно подражая ему, я тоже учился сохранять спокойствие в любых обстоятельствах — учился властвовать собой.

Сила примера имела здесь первостепенное значение. Великий педагог Ушинский в этой связи, писал: «Без личного непосредственного влияния воспитателя на воспитанника, истинное воспитание, проникающее в характер, невозможно».

3

Вспоминается, как много интересных концертов подготовили мы для наших мам и пап. Сколько поздравлений составили к праздникам в их адрес.

Учитель. Поистине, сколько любви, чисто отеческой, отдавал всем и каждому своему ученику Дмитрий Лукич, бережно ведя нас по самобытной, неповторимой детской тропе жизни.

Ни у кого в колхозе имени Чкалова Болховского района не было большего авторитета, чем у Дмитрия Лукича Яшина.

Мы современники и участники великих исторических событий. Мы — свидетели научно — технической и социальной революций. Мы знаем и понимаем, что наши дети, последний раз выходя за порог школы, должны знать во сто крат больше, чем знали в их возрасте мы. Да только не одним лишь знанием жив человек. Хотя без них он не сможет быть достоин этого звания. Но, человек должен быть еще и смелым, и благородным, и добрым! Он не может не любить свой народ. Свою Родину. Все эти качества вряд ли в полной мере могут развиться в юном гражданине страны без личного участия и непосредственного влияния учителя. Без его системы воспитания. Об этом часто говорил нам и наш первый учитель, человек большого сердца, высокой гражданской ответственности.

Не мало юношей и девушек, под влиянием любимых учителей, готовятся вступать на педагогическую стезю. Но знают ли они, что от них потребуется быть всегда — эрудированными, чуткими, интересными. А смогут ли они, из года в год, «к школе суженой топать затемно по зиме? Над тетрадками сидя, ужинать, сорванцов навещать в семье? Привыкать к поурочным тяготам, к шквалу маленьких перемен?». А день придет. «тридцать пар

внимательных, беспощадных и добрых глаз, вас прощупаю основательно и по правде — оценят вас!».

Это верно. Нелегок хлеб учительский. Даже сам Дмитрий Лукич признался «по чисто совести, что учительский труд — не рай — уйму нежности и суровости, каждый день — другим отдавай!».

Хватит ли на это терпения и гражданского мужества у тебя, завтрашний педагог?

4

С годами, с опытом, все более сознаешь, что главные люди на земле: мать, отец и учитель. Им каждый из нас обязан расцветом своей личности, мудрости, таланта.. Своими скромными успехами и я обязан во многом своему первому учителю. Мне никогда не забыть вкус его меда с чаем и доброго, постоянного участия в моей судьбе. Помню, как уходя в армию, я зашел к Дмитрию Лукичу за отеческим напутствием. Он горячо обнял меня, сбросил с седой головы, шапку, расцеловал и незаметно сунул в карман 25-ти -рублевку — на случай.

Когда же я проходил службу, так он часто заходил к маме, читал ей, неграмотной старушке, мои нежные письма. И очень гордился, когда командир части, **полковник Бахтин,** прислал на ее имя **— Благодарственное письмо.**

— Хорошего парня, **Пелагея Петровна**, мы с тобою воспитали, — радостно и твердо говорил моей матери учитель, — и Родине честно служит и нас не забывает.

— И вам, спасибо за сына, Дмитрий Лукич! Разум ему дали. Он вас любит. Всегда тепло вспоминает. Про ваше здоровье спрашивает, — горячо благодарит мать Яшина, а сама сияет от счастья.

Когда я учился в Университете, он также интересовался моими успехами. И не менее мамы радовался, что я стал педагогом и журналистом.

— Мы еще гордиться Петром будем, — серьезно говорил он, — у него добрая рабочая закваска. Трезвый ум. Настоящих крестьянских кровей, парень. Широко пойдет.

— Дай бог! — вздохнет мама и утрет, непрошенную, светлую слезу.

Вспоминая, сопереживая все это, невольно ищут выхода, идущие из глубины сердца, замечательные некрасовские строки:

Учитель!
Перед именем твоим,
Позволь, смиренно преклонить колени!

ПЕТЛЯ

Памяти сельского кузнеца и охотника
Григория Ефимова.

1

Деревенские мальчишки, успевшие познакомиться в школе с историей Древней Греции, называли его именем Бога кузнечного ремесла — Гефестом. Уважали за мастерство и богатырскую силу. Он был из тех, кто коня подкует на бегу. И внешне — ладно скроен и крепко сшит. Строен. Широкоплеч. Красив.

Завсегдатаи кузни, где было, на поток, отлажено производство: плугов и барон, подков и гвоздей — с восхищением наблюдали за подвижками его мощных мускулов, когда он ловко выхватывал длинными клешнями из горна раскаленный кусок металла, бросал на наковальню, и точно рассчитанными ударами обрабатывал его страшной кувалдой. Мириады искр, как радужные светлячки плясали вокруг, отражаясь в струйках пота, сбегавших с его бронзового от жара лица.

У тридцатипятилетнего Гефеста оно было — широким и открытым, с удивительно густыми и вислыми, как у гоголевского батьки Тараса, рыжими с подпалиной усами — усищами. Особенно привлекали, то небесно — синие, то вдруг обретающие фиолетовый оттенок, глаза, всегда — веселые и загадочно — озорные.

Другим увлечением кузнеца была — охота. Потому в его кузне имелась тьма-тьмущая всевозможных силков и капканов, составляющих предмет нашего неугасающего любопытства. На огромном гвозде висело, стволом книзу, уже видавшее виды, с потертым прикладом, старое ружье, прикрытое промасленной телогрейкой. Тут же у ног хозяина постоянно вертелся, ласково заглядывая ему в лицо, извечный его спутник рыжий пес по кличке Пегас. Оставалось загадкой: почему Гефест дал своей собаке имя крылатого коня? По преданию, от удара копыта Пегаса на горе Геликон забился когда-то волшебный источник Иппокрена, вода которого одаряет поэтов вдохновением.

Сам кузнец стихов не писал. Это мы знали, как и то, что под ударами лап пса Пегаса не оживали источники, а навсегда зами-

рали, прощаясь со свободой и самой жизнью — быстроногие зайцы и огненно — рыжие лисы. Не сладко доставалось порою от его острых клыков и полосато — шустрому барсуку.

Ребятня любила слушать охотничьи байки Гефеста — о хитром лисе, коварном барсучьем племени, осторожной белке и хвастливом зайце. Рассказчиком он был превосходным. Однако безупречный авторитет Гефеста упал в моих глазах после одного случая.

2

Как-то кузнец дал мне катушку тонкой стальной проволоки и научил делать из нее петли — силки для зайцев. Сам он этих ловушек наставлял на заячьих тропах до полусотни. По всем окрестным верхам и перелескам. И охотничья фортуна часто улыбалась ему.

Изготовив десяток петель, я, по его примеру, пристроил их на заячьих путях вдоль поросшей ольшаником и светло — зеленым ивняком речушки Лабосынь. Сразу же за огородами. На рыхлом белом снегу отпечатки заячьих лап обозначались глубоко и четко. Несколько дней спустя, став на самодельные буковые лыжи — поспешил испытать удачу. Снежная летопись зимы очаровала меня. Неискушенный охотник — следопыт, я, как мог, читал ее. «Коровьи» вмятины — это след лесного великана — лося. Глубокий, но узкий отпечаток — завсегдатая капустных займищ зайца — русака. Другой, похожий, но несколько мельче и с более широкими ямками от обросших жестким волосом лап — след беляка. Вот и серый волк оставил свой «автограф», что, мало, чем отличается от почерка собачьих лап. Цепочка лисьего нарыска на свежем заячьем следу раскрывала хитрый замысел лисички — сестрички, жаждавшей настигнуть «косого», и попировать.

Я так увлекся чтением открытой книги следопыта — белой тропы, что не заметил, как лыжи жестко уткнулись в сухую ветку. Ее треск вернул мне охотничий азарт, и я поспешил к своим петлям. Скатившись с крутого берега речки, я сразу же увидел первую жертву: крупный заяц — русак, сдавленный за горло стальной проволокой, широко разбросал свои омертвевшие лапы. В широко раскрытых глазах зверька застыл ужас смерти. Отвязывая от ивы конец петли, я боялся заглянуть в них.

Забросив добычу за спину, я медленно побрел домой. Мне хотелось угостить отца и маму с братом Иваном свежей зайчатиной, что и удалось. Правда, мы забыли хорошо вымочить тушку, а потому зайчатина имела неприятно красный цвет. Все ели и похваливали. Мне же мясо, сухое и постное, в отличие от свинины, не понравилось. Я, как гордый орел мертвечину, куснул раз— другой, и бросил. Было тоскливо и стыдно. Сладкий ком жалости к загубленной мною жизни, сдавливал горло. Заячьи глаза, залитые кровью и ужасом смерти, не давали мне покоя в течение нескольких дней. Я дал себе слово — впредь не браконьерствовать! «Но, Гефест! Он же губит их десятками!» — подумал я и решил этому положить конец. Повлиял на то и поэт Некрасов со своим добрым дедушкой Мазаем.

3

Ранним морозным утром, смазав лыжи, я отправился в лес. Вот и знакомый след широких лыж, ведущий к «самоделкам» Гефеста. Бегу. Внимательно осматриваю ближайшие деревца. Ищу вдоль заячьих троп петли — удавки. Найдя, захлестываю их лыжной палкой. Колотится сердце от радости — я чувствую себя спасителем невинных душ. Проходит три дня. Я снова в лесу. Свежий след лыж охотника убедил меня, что сегодня здесь побывал Гефест. На зеленых ножках осин качались гибкие обруча петель. С мальчишеским азартом сшибаю их. Рву, свистящую под ударом палки, и вьющуюся, как змея, стальную проволоку.

После трех походов, прибегает ко мне мой приятель Дима Новиков и таинственно сообщает, что Гефест поклялся — отловить губителя своих петель и там же, в лесу, прикончить его.

— Пусть только попробует! — вырвалось у меня.

— Значит, это — ты?! — Дима даже растерялся от догадки.

— Ну, я! А зачем он браконьерством занимается? У него ружье есть, вот пусть и стреляет. Ловить удавками — это грешно.

— Отчаянный ты! — Дима положил мне руку на плечо и сочувственно, дружески заглянул мне в глаза, — ведь тебя Гефест, как муху, прихлопнет. Силища-то у него — медвежья!

— Не посмеет, — храбрился я, — а милиция, суд на что?!

— Когда прибьет, то — разбираться будет поздно.

4

Следы зайца... Они всегда волнуют охотника. Будоражат его воображение — скидки, двойки, тройки. Встречаются среди зайцев настоящие «профессора». Мудро — отчаянные, смышленые и находчивые. Прямо герои кино «Ну, погоди!».

Несмотря на заочные угрозы, я снова в лесу. Только теперь он мне кажется таинственно — загадочным, многоликим, волшебным. Пахнет хвоей. Режет уши звонкая тишина. Я остановился. Прислушался. Вдруг, совсем неожиданно, с невидимой лежки, прямо возле ног, выскочил крупный заяц и дал такого стрекача, что из-под его задних лап, белым домком заметался снежок.

— Рус, рус! Куда мчишься ты? — перефразировал я известное гоголевское восклицанье и вздохнул тревожно: только бы не в Гефестову петлю!

Лыжи вынесли меня на опушку, где я увидел, отчаянно бившегося в смертельных муках, только что умчавшегося русака. Сбросив лыжи, я подбежал к несчастной жертве. Зажав между ног, очумевшего, от страха и боли зверька, я стал освобождать его от удавки.

— Так это ты, паршивец!? Ну, я тебе сейчас покажу! Пегас, ату его!

С крутого, противоположного холма, черной тенью надвигался грозный Гефест. Обгоняя его, с громким лаем мчалась легавая собака. Вот она, узнав меня, уже не так злобно рыча, стала обнюхивать освобожденного мною зверька. Придерживая Пегаса за ошейник, я подтолкнул косого: «Беги!».

Серый настороженно огляделся, фыркнул и сильно оттолкнувшись, вспушивая снег, пустился наутек. Только его и видели. Я едва удерживал инстинктивный порыв Пегаса. В этот самый момент грянул выстрел — из ружья кузнеца вился сизоватый дымок.

— Мимо! — обрадовался я, — молодец косой! Успел увернуться.

— А ну, снимай штаны! — громовой голос Гефеста вывел меня из состояния оцепенения, — я тебя, мерзавца, научу, как петли захлестывать и чужую добычу снимать!

В руках кузнеца поблескивали три куска гибкой стальной проволоки.

5

— Спускай вниз, рванье! Шустро! — глаза незадачливого охотника стали темными, как грозовая туча. Ноздри сизого носа под крыльями вислых усов, широко раздувались.

— Не имеешь права меня бить! — крикнул я, — ты — браконьер! Я буду жаловаться.

-Вот тебе мои «права», вот тебе «жаловаться»! — жилистая, могучая рука Гефеста опоясала крутую дугу. Три, вытянутые, как струны, петли, со свистом рассекая воздух, полоснули мою спину. Не спасла бы и фуфайка, если бы...

— Руки вверх! — неожиданно выплеснулся из тишины звонкий голос моего друга. Дима держал Гефеста на прицеле старой трехлинейки — фронтовой трофей, что после войны отыскал в лесу.

Кузнец оторопело махнул руками и злобно прошипел:

— Сговорились, черти! Ну, погодите!

— Забирай своего Пегаса! Уходи — браконьерить не позволим!

Когда, кузнец, чертыхаясь и кашляя, скрылся в логу, Дима щелкнул затвором, разрядил винтовку, и, взяв со следа русака кусочек снега, серьезно сказал:

— С петлями надо кончать! Природе, как и людям нужны защитники. В одиночку браконьеров не одолеешь.

— Ничего, нас уже — двое! — в тон другу ответил я.

* * *

После этого случая, Гефест побывал у наших с Димою родителей. Дружески побеседовал. Извинился за грубую выходку. Сознался, что, мол, ребят не зря в школе учат оберегать животных. Попросил, чтобы присмотрели за оружием — не детское это дело. Действительно, с той поры Гефест петли не ставил — охотился только с ружьем. И мы еще не раз слушали в жаркой кузнице его веселые охотничьи байки.

ПЛАМЯ

Незабвенной памяти,
кавалериста-фронтовика
Ивана СтепановичаКозина

1

Дядя Ваня был конюхом — этим сказано все. Едва сдав последний экзамен в школе, упрятав тетради и учебники подальше от глаз, мы, сивковская ребятня, бежали в конюшню, где разбирали полюбившихся лошадей и гнали их, с шумом и гиканьем, на водопой или в ночное — рысью, аллюром, галопом — ничуть не хуже разудалых ковбоев.

— Вперед, мустангеры! — дядя Ваня делает нам знак рукой, а сам, как когда-то в бою, привстанет на стременах, свистнет — и только грязь дробью из-под копыт.

Бригадный сторож дед Селиверст рассказывал нам, как, вернувшись с войны — вся грудь в орденах — бравый кавалерист Иван Козин (наш дальний родственник), в первый же день заглянул в конюшню. Да так и прикипел сердцем — стал ее заведующим. Строеньица же, доставшиеся ему в наследство — были ветхими, низкими, под соломенными крышами. Стены — плетневое сито. Подгнившие стропила на скелеты похожи, разве что, немного жнивьем притрушены. Снегу да ливням — одно раздолье. Ему, удалому воину — плиевцу, бравшему приступом Херсон и Одессу, замочившему конские удила в холодных струях Оки и Дона, Днестра и Буга, были все беды нипочем. Не прошло и месяца, Иван Степанович, будто Сивке-Бурке на ухо нашептал: конюшня уже дубовыми столбами и ивовыми плетнями обновилась. Приметили односельчане и то, как красиво стали глядеться соломенные крыши. Они под его ловкими руками, словно челки, хвосты да гривы его коней — ровненько пострижены.

Лето же в тот послевоенный год стояло переспелое. Сушь. Травы на лугах жестче одежной щетки. Горячи, что порох. И тут, как на грех, возьми и соберись гроза. Видно, здорово мы, владыке Зевсу, насолили. Гром был такой силы, что, казалось, небеса разверзнуться. Молнии же, гремучими змеями, в клубок свива-

лись. Вот одна шаровидна и угоди — в конюшню. И хотя ливень, как из бочки лил, крыша, все равно, вспыхнула.

Иван Степанович в ту пору, под Васильевским логом, коней травкой нежил. Сердцем беду почуял, когда над деревней зарево повисло. На всем скаку, с взмыленного чалого коня спрыгнул, и — бегом к горящим дверям!

В чистом стойле конюшни двухнедельный сосунок с маткою метались. Заливисто ржали. Коновод первою вывел кобылу, а ее потомство с три пуда весом, словно младенца, на руках вынес. Фуфайка на нем — пламенем занялась и гриву жеребеночка подпалила.

Расторопные мужики тут же их холодной водою из ведра окатили. Степанович — за багор и давай огненные шапки во все стороны разбрасывать. У самого же руки и лицо облупились. Он этого словно не замечал. Печаль в сердце — пропали труды, загублена конюшня.

Огонь потушили. С тех пор, вынесенного из огня жеребчика, так и назвали — Пламя! Сдружились они, да так, что — водой не разольешь. Сосунок рос, как на дрожжах. Чудесным — стройным, сильным, резвым стал. Хозяина — спасителя еще издалека заприметит, и давай радостно ржать — приветствовать.

2

Коротки июльские ночи. Не успеет вечерняя заря угаснуть, как уже рассвет нового дня брезжит. Птицы горлышки прочищают — певуче, сладостно. Одна лишь кукушка приумолкла. Мы, веселая компания юных наездников, докучаем дяде Ване:

— Отчего это кукушка нам года не отсчитывает?

— Она ячменным колоском подавилась, — шутит он.

— Вот, еще?!

— Да-да. Как яровые хлеба заколосятся, то будьте уверены — кукушкина песенка спета.

Хорошо в ночном слушать, невыдуманные, истории, сидя у большого костра. Их же, наш мэтр, знает с три короба. Вот и теперь.

— На мировых аукционах за наших знаменитых орловских рысаков, — делится с амии своими познаниями конного дела Иван Степанович, — зарубежные капиталисты платят многие тысячи долларов.

— Почему — орловскими зовут? Потому, что в нашем краю их породу вывели?

— Не совсем так. Свое имя они получили от графа Орлова, фаворита Екатерины 11 Он положил начало племенному производству. Кони — не только деньги. Не только — конный туризм и конный спорт. Главная их ценность — преданность людям. Они — наши верные труженики — помощники и друзья. Их цепкой, удивительной памяти можно лишь позавидовать. Мой жеребец Пламя, например, в любую непогоду — ливень, снежная метель, в самую темную ночь, без поводыря — вожжей и кнута, найдет дорогу домой. Способна ли на такое — самая умная машина?

— Нет, — хором подтверждаем мы, — кони и японскую электронику за пояс заткнут.

Дядя Ваня торжественно улыбается:

— Не зря, видать, в школу ходите. В электронике смысл имеете. Если говорить серьезно то, надо знать одно. На большак зажиточной жизни Русь, Россию вывели не только «кони стальные», но, в первую очередь, обыкновенные — копытные.

При свете костра голубые глаза рассказчика горят фосфорическим светом. Крутой подбородок, что будто у маршала Жукова, являет решимость, волю. Главные его герои — чудо кони! Мы знали, что он запоем читает книги и журналы по коневодству. Не хуже Буденного разбирается в породах и селекции. С учеными Москвы и специалистами 15-го Болховского конезавода состоит в переписке. На своей, вновь отстроенной, после пожара, конюшне проводит скрещивание различных пород. От того его кони выгодно отличаются от копытных других хозяйств — выносливостью и красотой. Старшую дочь свою — Марию так зажег, что она после окончания Репнинской средней школы, не раздумывая, поступила учиться в ветеринарную Академию.

Дядя Ваня, что было особенно интересно, поведал нам о пирате де Сот-то, пришельце из Европы в Северную Америку. Это было еще в ХУ! веке. В стычке с индейцами он погиб. Его же кони, одичав, стали прародителями мустангов. О них писал в своих приключенческих романах Фенимор Купер. В какую только одежду не рядятся кони — светло-серую, рыжую, гнедую, пегую. Лошадь Пржевальского — буланой масти, а знаменитые тарпаны — мышастые.

В странах Востока незаменимы ослы, лошаки и муллы. Они поразительно выносливы. Тот — же осел может тащить груз — вдвое тяжелее собственного веса. Это умное и смелое животное. Ни одна хищная пума не решается напасть на него. В ожесточенной схватке осел бьет копытом, грызет зубами, да еще столь громко орет, что зверь предпочитает оставить его в покое.

Когда конюх рассказывает о маленьких пони, то непременно приговаривает: «Коней не холить, что детей не любить!». Пони разводят на забаву детям. А вот тяжеловозы в любом хозяйстве — чистая прибыль. Они способны тащить до 10-ти тонн. Лихие же быстроногие скакуны — настоящие экспрессы. Их скорость в беге достигает 70-ти километров в час.

Факты такие, что дух захватывает. Но, Иван Степанович, подобно опытному педагогу, понимает, что одного воображения недостаточно. Нужно показать нам истинную ценность коня — в реальной действительности.

— Посмотрите на луг, — указывает он рукою в сторону Лусошкинского родника, — видите, что лошади щиплют траву там, где днем пасли коров и овец. Они нисколько, не в пример, козам, не повреждают корневую систему. А какие они труженики, знаете? Так вот конь может проработать 15 часов под изнурительными лучами солнца, и стоя ...поспать.

— Как дед Селиверст! — засмеялись мы, — он, опершись о костыль, может всю ночь продремать.

— Верно. Селиверст Матвеевич — отменный сторож. Он на дежурстве — я за коней спокоен. И цыгане — не уведут. И голодными не останутся. Всегда сенца в ясли подбросит. Заботливый крестьянин.

— Он еще, и добрый! — присовокупили мы.

— Труженики — всегда добрые, — подтвердил Иван Степанович и, указывая кнутовищем в сторону светло — серого силуэта кобылы, сказал, — вон пегая красавица Тальма стоит. Не шелохнется, словно призадумалась о чем. На поверку, она, просто спит.

— Правда! — засмеялись мы, — ей и оводы нипочем.

— Нет, ребята, что не говори, — заключает беседу дядя Ваня, — а рано лошадей в расход списывать. Они еще возродят былую славу России, сослужат русским людям — великую службу.

3

Заиграли утренние лучи. Небосвод раздался вширь, засиял. Тлеют пепельные головешки, еще час назад, во всю полыхавшего костра. Из приовражных кустов доносятся скрипы коростеля — дергача. Заливаются чечевицы, пеночки, зяблики, нежно рассыпаются по рощицам соловьиные трели. Рассвет напоминает мне самого дядю Ваню, такой же, как он — бодрый, свежий, приветливый.

Конюх привстал над костром, и ворошит палкой погаснувшие угли. Это, чтобы нам, прикорнувшим под его плащ-палаткой, теплее было досматривать розовые сны о сказочных златогривых конях. Сам он уже оседлал мышастую Венеру и пошел гонять по перелеску, сшибая коленями и звонкими стременами серебристую росу с позолоченных лучами восходящего солнца, кустов — собирает табун в связку.

— По коням! — по-военному, громко и властно, звучит его команда.

Минута, и вот уже разномастные взрослые лошади, стригунки и сосунки, все спокойно и с достоинством, спускаются, к дымчатому от легкого синего тумана, ручью. Слышно, как через горло коней просачивается вода. Они отфыркиваются, звенят удилами. Еще минута, и стройный табун покидает выпас.

В прибранной конюшне пахнет душистыми травами. Малахитовая веко— смесь с куском серого солонца уже лежат в кормушках, еще с вечера, приготовленные старательным хозяином. «Заправка перед боем!» — шутит он.

4

Деревня гудела, как потревоженный улей. Пастухи лениво щелкали кнутами. Запоздавшие крестьяне подгоняли к ним своих буренок. Собранное в косяк стадо, отправлялось на дневной выпас.

Еще до наряда, Иван Степанович неустанно колдует возле телег. Смазывает их блестящие оси бурым и жирным дегтем. Выравнивает правила, Отлаживает гужи на серых хомутах.

Вот уже бригадный стан ярко разукрасили — платки и косынки, платья и кофты, картузы и просушенные солнцем рубахи. Конюх — в центре внимания.

— Матрена! — звучит его мягкий голос, — у тебя наряд на мельницу выписан. Бери Венеру — кобыла смирная, не растреплет.

— Спасибо, Степанович!

— Ты, Настя! — обращается он к молодой, низкорослой, весело улыбающейся женщине, — каштанового Красавчика, запрягай. Он, как метеор — мигом до Болхова домчит. Обыденкой дела справишь.

— Как скажешь, — соглашается она, — я смотрю, ты уже и ход успел подмазать и сбрую в бричку положить. Одно слово — Пламя!

В минуту нежности, так, по имени его любимца — коня, колхозники называли самого хозяина. И за мужскую красоту и за удалую работу.

Дядя Ваня — душа сельской ребятни. Он подолгу, обстоятельно, не спеша, передает шустрым мальчишкам секреты крестьянской профессии. Под его твердой рукою мы научились и коней запрягать, и хомуты к ним, по номеру, подбирать. И с телегою управиться, и плуг с бороною отладить.

Терпеливый, внимательный наставник, он без понуканий, исподволь обучил нас: пахать и боронить, сажать и сеять, косить и укладывать стога. Сам он — мастер. Никто лучше его не вывершит стог или омет. Первая коса в бригаде, опять же — он. Хотя палец правой руки на фронте оставил. Скидок на инвалидность — не принимал.

Односельчане, задумав избу срубить, идут к Ивану Степановичу. Никто лучше былого кавалериста не может положить на наличники кружевную вязь. И свой собственный, кирпичный дом, и зеленый палисад, он так искусно резьбой, по фасаду изукрасил, — залюбуешься.

Часто проводивший ночи без сна, дядя Ваня не поддается усталости. Однорукий бригадир, так же былой фронтовик Федор Павлович Гришин, порою, не выдержит, скажет:

— Пошел бы, Степанович, да соснул бы, маленько. Не война — не стреляют. Твой помощник Бурдыкин Филлип Андреевич, то же, не лыком шит — разберется. Да и по дому, что приберешь. Ведь, не железный. Скоро, 60-т стукнет! Ты же, все с мальчишками возишься, все на сердце берешь.

— Иначе, не могу, — просто ответит конюх.

— А ты знаешь, что пострелята о тебе толкуют?

— Интересно. Что?

— У дяди Вани, говорят, вместо сердца — пламенный мотор!

— Ясно, песен о летчиках наслушались.

— Да, нет, они тебя с жеребцом, за удалую скорость в работе — Пламенем зовут.

— Ха-ха! — засмеется былой кавалерист, — голь на выдумки хитра. Припечатают — ножом не соскоблишь.

— Это они любя. Не обижайся.

— Понимаю. Сам, с детства, пошутить не прочь.

— Да, еще вот что, — вспомнил бригадир Гришин, — вчера на Щербово, в правлении был. Главный зоотехник спрашивал твоего согласия матку к племенному жеребцу привести. Можно?

— Конечно. Пусть приводят. Чем больше у нас будет высокопородных коней, тем сама жизнь красивее станет.

— Далеко ли уедешь на твоих красавцах?

— Да, хотя до коммунизма, если он, конечно, будет. Уверен, что наш вечный спор о вытеснения коня техникой, решится в пользу этих прекрасных особей — такова логика природы.

— Тебя не переубедишь, иди, отдыхай — бросил бригадир, — а у меня свои дела. Вон, бабы, собрались в «ракитовом салоне» — наряда ждут.

5

Бригадир ушел. Дядя же Ваня, прежде, чем отправиться домой, заглянул к любимцу. Узнав хозяина, жеребец радостно заржал. Потянулся к его лицу своими шершавыми губами.

— Но— но. Не балуй! — увернулся конюх от тяжелой ласки.

Ему, вдруг, вспомнилось, как в сорок четвертом, под Одессой, его с отрубленным в бою большим пальцем правой руки, истекающего кровью, вынес с поля сражения, так похожий на Пламя, ярко-красный конь — степняк. Верным другом тогда оказался Аргунь. Так его звали. И подумалось: а разве этот, спасенный им на пожаре жеребец, подвел бы седока? Ответ напрашивался сам собой. Что не говори, а техника, все-таки, бездушна. Не в пример коню.

Затворяя денник, Иван Степанович Козин, еще раз заглянул в живые, горящие глаза своего любимца, ласково потрепал его по крутой шее, уверенно сказал:

Рано, Пламя, нам с тобою на свалку истории. У нас, брат, как говорят, есть еще дома — дела.

ГАРМОНЬ И ЛАНДЫШИ

Односельчанину и другу -
Андрею Алайкину

Золотое сердце Андрея. Русобрового, лобастого. Самых русских кровей парня. Широкое, смелое сердце. Оно и теперь, через толщу лет воспоминаний одаривает меня чистым, немеркнущим светом. Как яркая далекая звезда. Не хочется верить, что оно угасло навсегда.

1

Я знал Андрея с раннего детства. В родной деревеньке Сивково наши дома стояли, совсем рядом. В каких-нибудь пятидесяти метрах. Андрей Алайкин был на тринадцать лет старше меня. Но это нисколько не мешало нашей дружбе. Доброй и бескорыстной. Я любовался его коренастой фигурой, кудрявыми, как у Пушкина, волосами. Восхищался его литыми бицепсами и многими талантами.

Жизнелюб, мечтатель. Он обладал незаурядной памятью, которая цепко удерживала тысячи фактов, цифр, дат, имен. Просто — «ходячая энциклопедия». Не голова, как говорили земляки, а — кладезь знаний. Такие высокие оценки не были преувеличением. Андрей не читал, а буквально проглатывал книги в 500-600 страниц за двое суток. Спроси его и через месяц — он изложит все подробности из жизни героев произведения.

Я не знал в жизни более интересного собеседника, чем Андрей. Он часто заглядывал к нам — на огонек. Садился с моим отцом-инвалидом на выщербленную ножом, при резке крепких стеблей табака, скамью. Она стояла у серо-белой русской печи. Свертывал из обрывка газеты «козью ножку», набивал ее отцовским самосадом и, пускал к закопченному грубо-струганному потолку синеватые колечки дыма. Спокойно, исподволь начинал свои удивительные рассказы.

Я весь напрягался — само внимание. Глаза Андрея горели. Он, как хороший актер или талантливый писатель, обладал редким даром перевоплощения. Слушавший его забывал обо всем.

В сознании уже вставали видения — одно фантастичнее другого: Вий в окружении кривляющихся леших, страшные домовые, безобразные приведения на кладбище.

За окном — ночь. После ухода Андрея, ложась в постель, я чувствовал при внезапном порыве ветра за низким окном, как мои жесткие волосы вставали дыбом. Это Андрей впервые открыл для меня такие занимательные книги, как: «Три мушкетера» и «Граф Монте — Кристо» Александра Дюма, «Пармская обитель» Стендаля, «Таинственный остров» Жюль Верна, знаменитые сказки «Тысяча и одна ночь».

2

Детство Андрея прошло безоблачно. Мальчик, подавая большие надежды, с отличными оценками окончил Михневскую семилетку. Когда он учился еще в пятом классе, отец вручил ему новенькую тульскую «хромку». За успехи в науках. Не прошло и двух лет, как Андрей заявил о себе. Все находили его способным гармонистом. Заявка была принята с восхищением. Особенно обожали его музыку сельские девчата.

Хороший гармонист — находка. В тяжелые военные годы, с которыми совпали отрочество и юность Андрея, было не до «художеств». Лопаты, вилы, тяжелая рукоять плуга, грязная севалка с худыми семенами, грубые, осклизлые веревочные вожжи — вот, что не выходило из его мозолистых рук. Однако годы брали свое. Часто, стряхнув с широких, но еще не успевших окрепнуть плеч дневную усталость, вместе с прозрачными каплями колодезной ключевой воды, Андрей, словно нырял в активную жизнь. В ней же для него, всегда много — музыки, света, любви.

Отгремела Великая Отечественная. Стали возвращаться домой солдаты — фронтовики. И, не смотря на тяжелые утраты, огромные трудности первых послевоенных лет, молодежь села отличалась оптимизмом. Их вдохновляла — Победа! Голубыми вечерами на «пятачке» у зеленого пруда, под домом Бурдыкиных, заглушая кваканье лягушек, вспыхивали и не затихали до самой рассветной зари, искрометные напевы Андреевой гармони.

Влюбленная в «кудрявого чародея» рыжая и веснушчатая плясунья Марфа, лукаво подзадоривала красавца — гармонис-

та, выбивая толстыми каблуками стоптанных туфель «дроби», с задором, выдавала, ею же сложенную, частушку:

Андрей, душечка, давай -
«Развеселую» играй!
Наступил конец войне -
Едет милый мой, — ко мне.

И Андрей «резал» русскую. Низко клонились к басам русые кудри. Пальцы, казалось, не касались янтаря пуговиц, пробегая, сверху вниз, по черным полоскам клавиш. Гармонист никогда не жаловался на усталость. Играл так, что девчата, не выдержав, иногда даже плакали. Они благоговели от его переливчатых, вольных, хватающих за душу, мелодий. А, Марфа, утирая пестрым платком покрасневшие глаза, нежно вздыхала: «Андрюша, родненький, соловей ты наш ненаглядный! Что только делает с нами сердечко твое золотое, ручки твои волшебные?!».

Действительно, в Андреевой музыке оживал для каждого — родной березовый край с его журчащими, светлыми родниками, тихим шелестом трав, мягким шорохом птичьих крыльев.

Андрей и гармонь стали синонимом. Популярность молодого самодеятельного музыканта, умевшего сочинять собственную музыку, перешагнула границы не только села и округи, но и района. Часто приходилось слышать в далеких от Сивково, деревнях: «Какая свадьба без Андрея!». Здесь подразумевалась не только его верная спутница — гармонь, но и его веселый, задорный нрав, добрый и покладистый характер.

Каждое лето директор Репнинской десятилетки, наш строгий и умный математик, Георгий Гаврилович Тимохин слал приглашения Андрею, уже «парню с шахты угольной» — поиграть на выпускном балу. И гармонист не обманывал надежд своих горячих поклонников. Брал отпуск и садился в экспресс «Донецк — Москва».

Заманивая Андрея на «вечерку» ему пытались собрать подарки, от которых у стеснительного парня, даже уши становились рубиновыми. Ведь гармонь для него — сама жизнь, сама отрада. Высшая форма эстетического наслажденья. Этого не понял как-то один жених из соседней деревушки Борково, что всего в пяти верстах от Лабосыни, но относится уже к Тульской гу-

бернии. Так вот, новобрачный некстати поспешил переслать по почте «музыкальный гонорар». Андрей, обидевшись, наотрез отказался играть у него на свадьбе, чем сильно огорчил очаровательную невесту посрамленного жениха.

3

Июнь становился для меня самым счастливым месяцем в году. Он предвещал долгожданную радость общения с Андреем. От нашего Сивково до Архангельского поселка, где протекала речка Машок с золотистыми песчаными берегами, бесчисленными буками и бродами, было два километра. Это расстояние мы покрывали за двадцать минут.

Андрей имел страсть к рыбалке. Хороший клев радовал его, как ребенка. Меня, признаться честно, щедрый клев интересовал меньше. Куда приятнее было слушать взрослого земляка. Едва ли не все поэмы и сказки Пушкина Андрей знал наизусть. Как-то, набравшись храбрости, я спросил:

— Андрей! Это правда, что ты стихи пишешь?

— Бывает, а что?

— Да так. Просто ты обо всем так говоришь, будто стихи читаешь, как поэт!

— Поэт?1 — он весело рассмеялся, — ты и впрямь думаешь, что все стихотворцы — Цицероны? Только это напрасно. Есенин, к примеру — гений, а красноречием не отличался. Да, и Пушкин то же.

Подобные смелые заявления о любимых авторах, тогда меня, просто ошеломляли. Андрей был из тех людей, для которых стихи — не пустое развлечение, а одна из радостей жизни. Потеряв на фронте отца, а уже после войны, старшего брата — офицера Ивана, умершего от фронтовых ран и, горячо любимую, не вынесшую горечь утрат, мать, Андрей нашел свое утешение в стихах и музыке. Но сердце — не камень. Угнетаемый одиночеством в просторном доме, он уехал на Донбасс. Его заветной мечтою было — побывать в местах, где «на каждом поле гремела битва, а у каждого ручья складывалась песня». Чтобы путешествовать, нужны были деньги, а нужда перстом судьбы стучалась в его жизнь. Овладев профессией проходчика, Андрей совмещал работу на шахте с учебой в вечерней школе. Получил, по окончании, Аттестат зрелости.

Храм науки, в образе Донецкого Университета, широко распахивал перед способным юношей свои двери, но Андрей решил обойтись без классических знаний. Его оригинальный поступок созвучен с действиями Мартина Идена, героя автобиографического романа Джека Лондона, который задумал «самостоятельно добывать красоту».

Готовился стать писателем и Андрей. И кое-что добился. Его статьи и стихи стали появляться в местных изданиях. До истинных же вершин, до признания было далеко. Не хватало — целеустремленности и терпения. Главное — не было — ни средств, ни досуга. Как справедливо утверждал Джек Лондон: «Будучи вьючным животным, светлых высот, не достигнешь — никогда!». Неудавшийся брак, увлечение хмелем, подорвали его некогда могучее здоровье. По ночам — мучили припадки тоски. Бессонница. Необъяснимые страхи, так хорошо знакомые людям с больным сердцем.

В очерке «Сердце Андрея», опубликованном в моей книге «Родная сторона» (Орел, 2006), я указывал, что мой герой стихов не писал. По крайней мере, я их не читал. Все свое творчество Андрей не воспринимал всерьез, а потому и наказывал мне об этом не распространяться. Но, истина, как говаривал Сократ, всего дороже.

4

Больное сердце...

Мне не верилось, что Андрей — этот крепкий, мускулистый парень, от которого веяло безграничным здоровьем, несокрушимой волей, вдруг, — болен. Мои сомнения разрешил случай.

Как-то в лесу, собирая грибы, мы наткнулись на поздние ландыши. В них, говорят, вся поэзия мая заключена:

Сырой овраг,
Сухим дождем -
Росистых ландышей, унизан...

Любуясь чистейшим фосфором белых колокольчиков, что застенчиво глядели из зеленых листьев, Андрей патетически воскликнул:

— Жизнь! Как ты — прекрасна!

— Что? — не понял я.

Мо спутник, поглаживая шершавой рукою нежные головки цветов, продолжал: «Какая прелесть! Какое дивное чудо природы! Профессор Боткин, век назад, первым применил настойку из цветов ландыша в качестве сердечного средства.

— Тебе то она, на что?

— Оно исцеляет мое больное сердце.

— Как? — удивился я, — отчего?

— Больше — от водки.

— Кончай врать, — не поверил я, — мы тебя и пьяным-то не видели.

— Музыка — вино мое! Гармонь— любовь и боль моя!

— Красиво говоришь.

— Возможно. Но, проза жизни такова. Гармонист, значит, — пьяница! Не хочешь пить — заставят. Не можешь — научат.

— Все, что есть способного, талантливого на Руси — спивается, — пришла, по ассоциации, где-то прочитанная фраза.

Андрей же продолжал выплескивать из души, всю, накопившуюся за молодые годы жизни, горечь:

— Какая свадьба — без бутылки!? Не бывает без нее — ни вечеров, ни балов. Отказаться — себе навредить. Прилипнут, что мухи — то женихи, то свахи, то непрошенные друзья. Никакого отбоя!

— Это уж верно. Таков менталитет русского человека. Не пьешь, значит, — не уважаешь. За неуважение, можно, ненароком, и — неприятностей схлопотать.

Да, да. А вот и результат, — Андрей подставил ладонь к груди, — тарахтит, как немазаная телега.

Здоровое сердце не слышно, как бьется.

— Это Дима Блынский правильно сказал. Точно. У него, кстати, то же с желудком и сердцем — нелады. Я был в Орле, и мне о нем знакомый поэт рассказывал.

— Здоровое сердце скромнее и строже, без устали бьется, не смея устать, — продолжал декламировать я.

— Именно. В здоровье, Петр, вся радость жизни заключена. Сколько всего прекрасного на земле! Мысль, память, творчество! Море, реки, леса, запах первых цветов! Луна, солнце, небо, звезды! Наконец, — любовь!

— И гармонь! — в унисон добавил я.

— Музыка объединяет мир! Она — само откровение, — горячо подтвердил приятель и не менее страстно, добавил, — в ней поэзия и гармония природы заключена! Ради этого стоит жить, Надо только, очень и очень, беречь свое сердце!

Андрей Алайкин присел на белый ствол березы и долго, задумчиво, с нескрываемой грустью глядел на чистые, в каплях росы, сладко пахучие, бело-зеленые ландыши, что «светлого мая — привет!».

Много лет утекло, как не стало Андрея. Я же, пристрастившись к «тихой охоте», когда встречаю в лесу ландыши, то невольно вспоминаю добрым словом чудесного друга моего детства — поэта и гармониста.

АХИЛЛЕСОВА ТРАВА

Сельской учительнице -
Ольге Потаповой

Еще с раннего детства мне памятен этот, в общем — то обычный в нашем срединном краю, росный луг родниковой речушки Лабосынь. Сюда я любил приходить в зенит лета, когда еще не успевали отгореть на солнце яркие цветы, и когда деревенские мужики уже готовились задать работу своим острым косам.

И на этот раз я с увлечением занимался сбором даров луга. Нагнувшись над белыми ромашками, я неожиданно увидел среди них плотные яркие щитки тысячелистника. Почему — неожиданно? Наверное, потому, что он напомнил мне беседу с молодой, белокурой учительницей Аней Сорокиной, коллегой Ольги Потаповой. Если Аня выросла в городе, то Оля родом из села Щербово. Объединяло их — неудачное замужество и общая работа. Верхом на велосипедах, что, сверкая на солнце спицами, миновав Сивковские и Аннинские холмы, они мчались в Алтуховскую школу, родину писателя Сергея Бородина, автора романа «Дмитрий Донской», где несли «поурочные тяготы».

На этот раз, увидев меня на лугу, они припарковали у одинокой березы своих двуногих коней, весело поздоровавшись, присели на высохший бугорок. Оля, с которой мы находились в дружбе, по-деревенски, будто в чем виноватая, скромно и застенчиво молчала. Аня же, восхищенно оглядывая приречный цветущий луг, видимо, от избытка переполнявших ее чувств, пустилась в откровения.

1

«Вы сами директор школы и хорошо знаете, что значит быть сельской учительницей, — в голосе Ани угадывалась явная неудовлетворенность своей судьбой, — эти бесконечные уроки. Тетрадки, педсоветы и совещания, пионерские линейки, утренники и вечера. Родительские собрания, что близнецы, один от другого не отличишь. И все те же докучливые призывы: повысить, добиться, устранить!

И дома та же суета и скука: поурочные планы — конспекты, тематические разработки, кулинария и стирка. Только и просвета — телевизор.

Клуб? (Именно здесь мы познакомились с Олей, после ее развода с пьяницей — мужем). А что там делать? Алкоголиками да деревенскими модницами любоваться? Сыта по горло. Сама когда-то этим переболела. И выпивала, и курила, и в заграничных платьях оригинальничала. Случалось: у всех пласированные юбки, у меня — восьмиклинка. Модницы носят выше колен — я в шлейф ударялась. Было, да все волной смыло.

Брак? Мы с Олей знаем, что это такое. Это устарело. У арабов не зря есть верная пословица: «Брак — осажденная крепость. Кто за ней — жаждет войти, а кто внутри — выйти». Выход часто чреват последствиями. До бесплодия, как у нас с Олей. Но, все лучше, чем родить от алкоголиков больных детей.

Понимаю, что для женщины старость страшнее тюрьмы. Обидно, что коротка пора молодости. Вас любят в семнадцать, а покидают в тридцать. И кого тут любить? Прокоптелого — механизатора или неоперившегося юнца, пришедшего из армии на побывку?

Ах, как я ненавижу этот деревенский быт! Каждому до тебя дело. Все — завистливые, злые, как рассерженные осы. Радость, счастье других — нож острый. Помните, у Монтеня: «Все царство любви полно трагических историй!».

Это для Шекспира людские трагедии — хлеб вдохновенный. Мне они ни к чему. И без того понаслышалась, понавидалась. Вот две мои подружки за шоферов уцепились. Правда, одна удачно: и дом, и дача, как говорят, в придачу. Муж трезвенником оказался. С головою парень. Он — таксист. Умеет «на чай» подшибить. Деньги, известно — крылья. Лети с ними куда хочешь! У другой — муж, вроде вас Петр Дмитриевич, романтиком оказался. Все по великим стройкам, ее с ребенком, как вы свою жену по деревням, в Ростове вам не жилось, таскает. Сейчас где-то за Байкалом мост и тоннель строят. Как-то встретились на орловском вокзале. Улыбается — счастливая. Муж днями-ночами на «железке» пропадает. Сын в садике. Сама в вечерней школе. Ужин и тот приготовить некогда. Она же восторженно заявляет: «Жизнь принадлежит людям, которые созидают не только свое собственное благополучие. Это — соль и гордость земли!». По-

чти по Маркову! Это Женя о себе и своем Павле так прописными истинами распространяется. У них, мол, солнечные сердца и крепкие мозолистые руки. Я не знаю, что они этими волшебными конечностями соорудят, но только настоящей жизни, я считаю, у них не получилось. Ну, медаль на грудь повесят, в газетке портретик тиснут. И что? За железом да за бетоном, как говорят: «Молодость моя пролетела, а я и не заметила».

2

О Галке Ивановой — особый разговор. Она и в институте занималась не как все. В сессию девчата позубрят кое-как учебник, да с тем и идут на экзамен. Галка же, что ей не по душе, бегом пробегает. Когда и по сухому конспекту — лишь бы отмахнуться. На биохимию, где одни формулы — захлебнуться — полжизни потратила. Из лаборатории вываливалась в невменяемом состоянии, а когда сдавала — профессор глаза от восхищения закатывал. Потом она, под его руководством, написала целый трактат. Год корпела. Осталось — лавры пожинать, а она, вдруг, замуж выскочила.

Чудеса! При распределении замужние дамы на манер щита брачным свидетельством прикрывались, а она отличилась: «Поеду, куда направите!». А тут новость: декан объявил, что Иванову оставляют при кафедре. Все поняли — без протекции не обошлось.

Как-то встретились в городе. Затащила домой. С мужем Костей познакомила. Так себе — сморчок. От горшка два вершка. Да все туда же: о научных перспективах толкует — доцент от философии. Тоже мне — Спиноза!

Галка же, по-прежнему, ботаникой грезит. Кандидатскую защитила. Все уши прожужжала — о тысячелистнике. Им, я смотрю, и вы, Петр Дмитриевич, интересуетесь. Рассказывала, что он, видите ли, знаком людям еще с глубокой древности. И, что, согласно преданию, именно этой травою Ахилл — герой Троянской войны — лечил раны своим боевым друзьям.

— Это верно, — подтвердил я, — на Руси же эта трава исстари пользуется почетом. Порезник, кровавик, рудометка — так ее в народе называют. Ею крестьяне унимали кровь — при порезах серпом или косой.

— Возможно, — согласилась Аня, — вот и Галка с другими ботаниками установила, что в листьях тысячелистника содержится какой-то там, трудно выговорить, алкалоид ахиллени. Он, мол, способствует быстрому свертыванию крови и его действие сильнее хлористого кальция.

Так вот мне Галка этим Ахиллесовым алкалоидом, в тот вечер, все уши прожужжала. Нашла чему радоваться! Я ей напрямик об этом сказала. У тебя, говорю, все есть: квартира в центре города, муж — доцент, хотя и не Спиноза и деньги — куры не клюют. Ты же, лучшие годы, над колбами да пробирками растрачиваешь. Ты, убеждаю, много достигла, да только ни за какую «Ахиллесову траву» не приобретешь для себя — второй молодости.

И, что же? Вместо благодарности за умный совет, она рот мне закрывает: «Оставь, Анька, свою дурную привычку белое, в черное превращать!». И ее рыжебородый карлик, что твой Сократ или Аристотель, туда же: «В людях надо видеть свет, без этого — грустно». Одно слово — философ!

3

Поговорив еще о том, о сем, весело распрощавшись, молодые наездницы, вскочили на своих железных коней и помчались по просохшей траве, в направлении своей школы.

С луговины, где я сидел и держал в руках гибкие стебли тысячелистника и воспроизводил в сознании незамысловатый рассказ Ани Сорокиной, была хорошо видна опушка верха с именем — Прудец, где скрылись в кустарнике фигуры молодых женщин. Близился вечер. И вот уже белые березы, утопая в зеленой траве-мураве, будто зашептались под ветром, все освященные яркими лучами заходящего солнца.

Меня окружали медово — золотистые ромашки — всегдашние спутницы Ахиллесовой травы. Трудолюбивые пчелы мирно гудели на цветах, собирая нектар. Среди душистой травы розовели крупные ягоды. Сладко пахло полынью.

Мое идиллическое настроение, прервала, неожиданно, неведомо откуда появившаяся на высокой ольхе, росшей на берегу Лабосыни, лесная болтунья — сорока. Она, закрутила хвостом, громко и назойливо заверещала. И вмиг нарушила своим безу-

молчным стрекотаньем всю, окружавшую меня, чудесную гармонию красок и света.

Подумалось, что тысячелистники — эти удивительные растения — переживут и остаток лета, и всю долгую переменчивую осень, что они — жизнестойки и полезны людям.

Моя же недавняя собеседница, молодая коллега Аня Сорокина, так схожа, и не только фамилией, а по самой сути, взглядов и устремлений, с этой сварливой сорокой, случайно залетевшей в нашу не простую, но по-своему красивую, трудовую жизнь.

Невольно пришла в голову мысль, что в не сложившейся личной судьбе землячки и друга Оли Потаповой, сказалось пагубное влияние ее городской подружки. Ее же душевную рану не излечит, как мне казалось, даже все могущая Ахиллесова трава.

ПОДАРОК УЧИТЕЛЬНИЦЫ

О муках творчества не говори,
Пускай в ночи твоя душа кричала,
Из этой боли чудо сотвори.
И улыбнись. И все начни сначала.

Г. Серебряков

У художницы Ольги Богаевской есть картина «Утро». На ней изображена девочка за минуту до ухода в школу. Она завязывает бант на косичках, о чем-то серьезно, уже совсем по-взрослому задумывается. Ее фигурка в больших валенках забавна, но в ней угадывается будущая грация. Начало роста, чувствуется во всей обстановке комнаты, в ряде деталей. Библиотечка на полке и кукла, и потрепанный в играх портфель. Хотя на улице еще зима, зеленеют, распускаются веточки, внесенные в дом. Солнце входит в комнату, озаряя ее светлыми бликами, переменчивыми, трепетными, как внутренний мир девочки. Раннее утро жизни!

Анастасия Ивановна Бычкова, учительница Золотаревской средней школы, любит внимательно и долго смотреть на эту картину. В ней, быть может, она видит свое детство или узнает в изображенной на ней девочке одну из своих воспитанниц. Сколько же их прошло перед глазами и через сердце — таких юных и прекрасных школьниц — за тридцать лет работы! Много, очень много. Вон сидит и что-то аккуратно записывает к себе в тетрадь десятиклассница Таня Пивочкина, а за окнами урчит трактор ее отца, подвезшего уголь для школьной котельной. Ведь, кажется, совсем недавно и он сидел за партой с такой же, как у дочери, застенчивой улыбкой. Теперь Пивочкин — знатный механизатор колхоза. Сама же Анастасия Ивановна — одна из лучших преподавателей русского языка и литературы в районе, отличник народного просвещения, внештатный методист Залегощенского РОНО.

Кто встречал Бычкову хоть однажды, тот никогда не забудет ее увлекательных рассказов. И все они — о школе, о детях,

об их родителях. Большую часть времени проводит она в своем 7-«А» классе, которым руководит пятый год.

На педсовете Бычкова сделала интересный доклад: «Дифференцированный подход к учащимся в процессе воспитания и обучения». Но это скорее не доклад, а волнующее каждого мыслящего педагога повествование, исполненное поэтического очарования. Это тонкое проникновение в психологию детских душ.

«В первой половине сентября, будучи назначенной классным руководителем четвертого класса, — говорила она, — я пошла со своими воспитанниками на пришкольный участок, убирать картофель. Это было мое первое практическое знакомство с новым классом. И что же. Мои ребята быстро побежали на огород. Я думала, они сразу приступят к работе, но ошиблась, — все сидели на малахитовой травке и совсем не собирались браться за дело. Я строго посмотрела на них — мой взгляд не произвел нужного впечатления. Потом спросила: «Кто станет на первую грядку?». Никто не двинулся с места до тех пор, пока я не назвала фамилию нужного мне ученика.

Первые грядки были короче, и учащиеся, работавшие на них, закончили дело быстрее и отправились, с моего разрешения, домой. На самых же длинных бороздах оказались самые ленивые. Чтобы быстрее пойти домой, они побросали ботву в картофель, который рос на соседних грядках. Мне пришлось вернуть этих «хитрецов» назад и заставить выбрать ботву и сложить ее в кучи. В следующее воскресение все ребята старались активнее, захватить себе грядку и сразу же приступить к работе».

Принято считать, людские характеры виднее на ярком свету исключительных обстоятельств. Попадает человек в степной буран или в шквал огня и сразу ясно: есть человек или никогда он им не был. В остальное время ясность зависит от умения всматриваться в его душу — внимательно и бережно. Таким умением и одарена Анастасия Ивановна.

Никакие даже самые эффективные воспитательные приемы не принесут успеха, если педагог не раскрывается при этом, как чуткий, интересный человек. Доверие, открытость, искренность — эти слова, часто говорят в школе. И действительно, вне всего этого — мыслим ли учитель? Как ему откроются души ребят, если его главное правило «держать дистанцию». Анастасия Ивановна воюет с этим правилом. Она — воплощение поиска. Педагоги-

ческий талант не раз выручал ее. Она, как мать, любит своих детей, но каждого по-особому.

Своим проникновением в детскую психологию, тонкими наблюдениями за учащимися, тревогой за их воспитание и обучение Бычкова щедро делится с коллегами. 7-«а» класс — один их лучших в школе. Молодой физик Надежда Ивановна Васильева как-то призналась: «В 7-«а» я хожу на уроки, как на праздник». И в этом несомненная заслуга классного руководителя.

Вспоминается история, связанная с именем выдающегося украинского педагога Сковороды. Его спросили: «Честный человек! Для чего не возьмешь ты себе никакого известного состояния?». И он ответил: «Свет подобен театру: чтобы представить на театре игру с успехом и похвалою, то берут роли по способностям».

Бычкова избрала профессию много лет назад по душе, по способностям, но она никогда не играет «ролей», она, не имея своих детей, живет школой, дышит ею.

Когда беседуешь с Анастасией Ивановной, то невольно видишь перед собою юную школьницу с картины художницы Богаевской «Утро». Настолько она — искренняя, чиста в своей непосредственности. Просиживая ночи над книгами, пребывая в раздумьях о воспитании и обучении, она не раз делала для себя открытия. И если Бычкова еще не сотворила «чуда», то одно бесспорно — ею обучены и воспитаны сотни честных граждан своего Отечества.

Письма благодарности учительница получает со всех концов страны. Ее первые ученики — уже давно мамы и папы, а то и бабушки с дедушками. Каждое утро приходит Бычкова в школу, как в детстве, улыбается радостно обступившим ее ребятам и «все начинает сначала».

* * *

Так я, директор Золотаревской средней школы, в статье «Место, в общем, строю», опубликованной 20 декабря 1973 года в районной газете «Маяк» писал о своей учительнице, которую уважал и ценил.

Директорский хлеб, известно, не легок. Оказавшись в селе без жены, которая не пожелала вновь связывать себя деревней, я оказался незащищенным в моральном плане. Если, руководя

Сурьянинской восьмилеткой, даже будучи, более молодым, я избегнул нравственных упреков. То мой холостяцкий образ жизни в Золотареве давал повод недоброжелателям и завистникам превращать «белое в черное».

Анастасия Ивановна Бычкова, как мудрая и проницательная женщина видела во мне человека слова и дела. Умела заглянуть в суть моих тайных убеждений и помыслов. В беседах с коллегами она нередко, говорила:

— За тридцать лет, я пережила много директоров. И слабых и сильных. Но, Петр Дмитриевич, не только талантливый педагог, на которого молятся наши ученики, он еще, и порядочный человек. На таком посту — это, к сожалению, редкость. Судите сами: кто из руководителей своими руками ремонтирует школу — красит и белит, сооружает заборы и благоустраивает спортплощадку? Кто за вечно пьяных операторов по ночам, чтобы нам было тепло, дежурит в котельной? Кто разболтанным коллегам прощает их слабости и заботится об учителях — ветеранах? Поддерживает их, дает работу? Кто ездит, а порою ходит по семь верст пешком, вместо завхоза в банк, чтобы во время мы получили зарплату? Понятно, только он, наш внимательный и заботливый директор.

Не знаю, то ли в подтверждения столь высокой оценки моим деловым качествам, на одном из педсоветов, она публично подарила мне бесценную, по тем временам, книгу маршала Жукова «Воспоминания и размышления».

На форзаце было ее каллиграфическим почерком начертано:

«Петру Дмитриевичу Козину — на память о совместной работе. Спасибо Вам, Петр Дмитриевич, что Вы не только директор, но и Человек! И подпись — Бычкова. 28 января 1974 года, село Золотарево».

Слово «Человек» начиналось с большой буквы. Известно, что каждый судит о других в меру свой испорченности. Уголовник пытается угадать в незнакомце своего собрата. Аморальная личность себе подобного. Честный же человек пытается и в преступнике отыскать положительные стороны. Анастасия Ивановна Бычкова — одна из них — добрых и бескорыстных. Удивительно и то, что лично для нее, кроме вышеупомянутой статьи, я

казалось, более ничего хорошего, не в пример другим, и не сделал. Тогда же, на педсовете, при вручении подарка она сказала:

— Я искренний человек, лесть, не в моих правилах, — это все знают. Потому, заявляю, открыто: я счастлива, что работаю с Вами, Петр Дмитриевич! Вы наш — второй Сухомлинский!

Прошли десятилетия, но и сегодня, когда я беру в руки книгу Жукова, с трепетом открываю ее, то невольно вспоминаю старейшую учительницу Бычкову — мудрую и душевную женщину.

И еще. В повести «Дым Отечества», а она автобиографичная, я рассказывал, как радовали оценки рабочих, уважительно называющих меня «Наш мастер». Ученики различных школ, где мне довелось работать, отзывались обо мне, с не меньшим почетом — «Мой учитель! «Наш директор!».

И как бы порадовался мой бесценный друг и сподвижник, директор Красниковской школы Болховского района, когда бы узнал, что не только он, но и другие коллеги увидели во мне черты замечательного педагога страны — Сухомлинского.

Не мало есть в моей России
Прославленных учителей,
Но с именем — Анастасия! -
Навечно в памяти моей.

РЕПНИНСКИЕ УЧИТЕЛЯ

Без озорства не жил я, дня.
И был достоин — «исключенья».
За Вашу мудрость и терпенье,
Спасибо вам, — Учителя!

Помню, завуч Репнинской средней, Минаев Серафим Михайлович, как-то упрекнул меня за то, что я ничего о его школе не написал. О заведующем же Сивковской начальной альма-матер, Яшине, опубликовал несколько, на его взгляд, интересных зарисовок. И это, в то время как Дмитрий Лукич родом из их же села и проучился у них, в Репнино, я вдвое больше, чем в Сивково.

Этот грех я частично исправил, выпустив в свет сборник стихов «Перелески» (1994), где есть стихотворение «Репнино», ему же, Минаеву, посвященное и книгу «Родная сторона» (2006). Не мало страниц выделено по этой тематике и в повести «Дым Отечества».

Понимая, что всего этого недостаточно и, что в чем-то прав мой уважаемый завуч, я и взялся за эти этюды.

ДИРЕКТОР

Георгий Гаврилович Тимохин, родом из Подмосковья. Боевой офицер, фронтовик, он любил порядок и дисциплину. Его жена, Мария Яковлевна работала в начальных классах, а потому мы знали о ней визуально. Жили они в пристройке здания школы. Напротив, размещался учительский дом. В северной стороне располагались конюшня, сараи. За ними — учебно-опытный участок. Вдоль аллеи — хатки для кроликов. В те времена и мысли не было, чтобы их украсть, а потому они все лето и осень набирали силы в открытых вольерах. Мы же и ухаживали за ними.

Непосредственно меня Тимохин не обучал, Свою любимую математику он вел в параллельных классах. У нас проводил уроки изредка, по замещению. Уверен, что, не принимая душою точ-

ные науки, будучи моим преподавателем, он или заставил бы меня учиться или, просто, исключил бы за неуспеваемость. Такие эксперименты «по отсеву» он проводил регулярно.

Георгия Гавриловича мы боялись, а значит уважали. Помню, как я без дела носился по коридору. Открывал двери, заглядывал в классы. На поверку — мешал вести учителям занятия. Он изловил меня и, ведя по коридору, взял за нос. Дескать — не суй свой нос туда, куда не просят. Я страдал малокровием, а потому, не удивительно, что потекла кровь. Директор, на миг, растерялся. Достал из кармана носовой платок. Вручая, сказал: «Держи. Иди к умывальнику — умойся холодной водой. Утрись». Я убежал вниз, радуясь, что так легко отделался.

Кого-то он «трепал за шиворот», кого-то «учил» указкой. Но, никогда никто на него за это не обижался. Мы понимали, что получали «по заслугам». Родители же, узнав о наших проделках, еще и благодарили директора: «Спасибо, что разуму учите! Нам, за работою, присмотреть, за не послушниками, некогда». Таковы были нравы. Сегодня лживые демократы, вмиг бы, раздули «дело о рукоприкладстве».

Однако, из огня директор, все-таки попал «в полымя». Завхоз школы Баскаков рассказывал мне, уже взрослому, как у Тимохина вышел конфликт с завучем Севастьяновой. Молодая, серьезная, красивая литератор подала на него в суд за оскорбление. Он бранным словом обозначил ее связь с одним из секретарей райкома партии. Хотя, на суде, Георгий Гаврилович и доказал свою правоту, но сильные мира сего его выпад не простили. И пришлось ему, в конце 50-х, покинуть Репнино. Тот же завхоз сообщил мне, что Тимохин вновь работает директором. У себя на родине — в Подмосковье.

ЛИТЕРАТОР

Завуча Севастьянову я боготворил. И не только за ее добрую улыбку, светлый ум. За красивый, каллиграфический почерк, которым она украшала классную доску. За интересные, эмоциональные уроки. Больше за «понимание» скрытых от внешнего взгляда «пружин души». Это для других я был — лентяем и хулиганом, для нее — подающим надежды стихотворцем. Анна

Андреевна, как могла, поощряла мое творчество. В общешкольной газете, которую она редактировала, появлялись мои первые стихи. На уроках — зачитывались мои школьные сочинения. Как образец самостоятельного мышления. Хотя оценки, из-за грамматических ошибок были не высокими.

Помню, как я робел, когда на одном из «вечеров», она пригласила меня на белый танец. Я и танцевать-то не умел. Однако отказаться, значит обидеть. Кое-как, под ее руководством, переставлял ноги. Едва закончилась музыка — убежал во двор. Долго приходил в себя от стыда и смущения.

Зал светом музыки сиял,
Она ж, всерьез, с улыбкой милой,
Подростка глупого, меня, -
На «белый танец» пригласила.

На выпускных экзаменах по литературе, я взялся писать сочинение на вольную тему. На это мне потребовалось вместо 4-х часов, только — два.

Уже тогда я понимал, что не поддержи меня Анна Андреевна, то я бы мог быть отчислен из школы за неуспеваемость по точным наукам.

ЗАВУЧ МИНАЕВ

Серафим Михайлович вел физику. Своими же, раскованными манерами, жаждой живого общения, образностью речи, он больше напоминал сказочника. С ним, на этой основе красноречия, мой зять и друг Василий Илларионович Бондарев, будучи председателем Совета, дружил. Приятно со знающим человеком скоротать время. Обсудить сельские проблемы. Житье — бытие. В том числе и школьные дела. После ухода Георгия Гавриловича, директора менялись, как перчатки. В паузах переназначения, его обязанности неизменно исполнял, как человек местный, а потому постоянный, Серафим Михайлович Минаев.

Преподавание же физики, на мой взгляд, предполагает, собранность мысли. Чеканность слов. Краткость и наглядность в изложении основ предмета. Разговоры на вольные темы, кото-

рыми грешил наш учитель, только отвлекали от сути урока. Не удивительно, что я, хотя и любил его слушать, но материал усваивал плохо.

Впрочем, нечего на зеркало пенять, если глаз кривой. И все же, из всех его пылких речей, я запомнил лишь на всю жизнь, повторяемую им, из года в год мудрость Карла Маркса, что «в науке нет широкой столбовой дороги и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам».

К месту замечу, что, обучаясь в Университете, я также затвердил наизусть латинское изречение Цицерона против Катилины. В переводе с латыни, оно звучит так: «Как долго, Катилина, ты будешь испытывать наше терпение, как долго мы будем отражать твою дерзость?!». Университетский и школьный преподаватели были одного темперамента.

Другом Серафим Михайлович был настоящим. Всегда поддержит. Объяснит. Посоветует. В период половодья, когда река Машок, заливала или срывала мост, он перебирался к школе на лодке, а то и на, изготовленном им же, плоту. Ребятишек, как дед Мазай зайцев, спасая, перевозил. И — не тени уныния. Трудности, только подмывали его на азарт. Вдохновенным человеком был наш второй завуч. Он был одним из тех, на ком вся школа, особенно в период ремонта, держалась.

ФИЗИК БЛИНЧИКОВ

Другим физиком в школе был Петр Иванович Блинчиков. Он — полная противоположность своему коллеге. Никаких вольных тем не позволял. Только приборы, формулы, чертежи. Бесконечные лабораторные опыты. Решение задач. Практические уроки у трактора и его узлов. Он не только сам изготовил в миниатюре паровую машину, но и, что было редкостью в те тяжелые на технику, времена, присовокупил к своему велосипеду моторчик. И гонял по дорогам — на всеобщую радость. Мы сгорали от любопытства и восхищения. Ни у кого, из нас такого чуда не было.

Но, если у моего тезки с техническими знаниями был полный ажур, то вот с педагогикой и психологией были нелады.

Скука его уроков поедала нас. И мы шалили. Лишенный покоя учитель выходил из себя. Бил линейкой по рукам. Кричал так, что брызгался слюной. Изобрел метод устрашения: завел специальную тетрадь, где записывал за каждым из нас свои замечания. Этим еще более раздражал, и мы частенько срывали у него уроки.

Если директор усмирял нас одним взглядом, завуч Минаев, кивком головы, Севастьянова — грустной улыбкой, то истеричные возгласы Петра Ивановича, только раззадоривали наш пыл. К тому же он шепелявил. В гневе речь его становилась бессвязной, отрывистой.

Работай Блинчиков инженером на заводе, при его технической эрудиции, ему бы цены не было. Он же подался в учителя. И зря. Уже работая директором Сурьянинской школы, я часто видел его, сидящим, понурив голову в РОНО. Он искал работу. Но, в какую бы школу его не переводили: старое начиналось, сызнова. Дети жестоки, если видят перед собою слабую личность.

ВЕРА МИХАЙЛОВНА

Она была моим классным руководителем. Вела немецкий язык и драматический кружок. Проводила собрания. Организовывала концерты. Всегда доброжелательная, заботливая и внимательная, Вера Михайловна Власова многое прощала нам.

ЗИНАИДА ГРИГОРЬЕВНА

Удивительно красивая женщина. Вторая — Эллина Быстрицкая. С тем же пробором темных волос. С той же округлостью и легким румянцем щек. Как известная актриса, рослая, в меру дородная и подвижная. Математичка — серьезная, выдержанная, с хорошо поставленным голосом. Она — полная противоположность Ивану Ивановичу, своему низкорослому, но с большою головой, мужу. Вместе они напоминали брачный союз Наполеона с Жозефиной. Причем, Наполеон, здесь явно проигрывал.

На ее уроках, я с соседом по парте, Павлом Фирсовым играли в крестики-нолики. Как-то встретилось в учебнике формула

с КПД. И тут, вдруг меня осенило: да это же мои инициалы. Я сказал об этом приятелю и он, по обыкновению звучно, со всхлипами, захохотал. Что-то писавшая на доске учительница, услышав смех, повернулась к нам лицом, и скомандовала:

— Фирсов, встань! Почему смеешься!?

Хитрый Павлик предусмотрительно молчал.

— Козин, может, ты, объяснишь, почему вам спокойно не сидится?

— И в книжке и вы пишете — кпд.

— Ну и что тут забавного?

— КПД — коэффициент полезного действия — Козин Петр Дмитриевич.

Это словосочетание вызвало настоящий фурор. Весь класс грохнул от смеха. Тут и сама Зинаида Григорьевна не выдержала — сдержанно улыбнулась.

— Пошутили, а теперь за дело, — строго сказала она и вновь повернулась к доске.

С той поры и в Репнинской, и в других школах, где я работал и рассказывал эту историю, ребята звали меня не иначе, как КПД.

Уже в марте 2007, я встретился с выпускником Золотаревской средней школы, ныне пятидесятилетним работником охраны Сергеем Комаровым. Он, вспоминая мои уроки, говорил:

— Вы и директором были строгим и учителем хорошим. Слушать Вас было всегда интересно. И о Наполеоне и о Суворове с Кутузовым.

— Спасибо, за память, — ответил я.

— Вы только не обижайтесь Петр Дмитриевич.

— За что? — не понял я.

— А мы называли вас, заочно конечно, — КПД.

— Удивил! — отшутился я, — в том мой собственный язык виноват. Сам посеял ветер и сам же пожинаю бурю.

Я прекрасно, в свое время, окончил начальную школу. Хорошо завершил семилетку, где была арифметика, с которой успешно справлялся. Интересовала меня и геометрия. Я ощущал ее практическую необходимость. Но, когда началась Алгебра, за нею Тригонометрия со Стереометрией — все полетело кувырком. «Зачем и кому, — рассуждал я, — нужны уравнения и корни?

Синусы, косинусы, тангенсы и котангенсы? Я же не собираюсь быть летчиком или инженером — конструктором!». Такое умозаключение никак не способствовало усвоению материала. И, как поет Алла Пугачева, уроки «слушал я не внимательно, делал все кое-как». Надолго потонув в хвостах, я стал неисправимым двоечником. Меня оставляли после уроков. Воспитывали и прорабатывали на собраниях, но переломить свою неприязнь к математике, я не мог — «долго со мною мучался самый известный маг». Тот же, директор Тимохин. Помучилась со мною не мало и Зинаида Григорьевна, перед которою я, и сегодня ощущаю свою вину.

НИНА МИХАЙЛОВНА

Уроки химии, с невообразимо длинными и сложными формулами жира, кислот и щелочей, как и ненавистной математики, проходили мимо меня. Нина Михайловна напоминала мне старательную лаборантку, что вечно возится с колбами и пробирками. Однажды, бегая по классу, уже после звонка, я бросил портфель в Павла Фирсова. Он пролетел у него над головою и упал на стол, где в окружении ребят, следящих за опытом, стояла Нина Михайловна.

Разбилась колба с натрием. Кислотой из пробирки было испорчено платье учительницы. Она, естественно, в слезы, и — к директору. Когда Георгий Гаврилович явился, то ребята ему доложили, что портфель бросил Фирсов. Друг мой встал, и, не задумываясь, выдал истину: «Это сделал — Козин!». Дружба, дружбой, а свой чирей — больнее. Он не хотел, из-за меня, быть исключенным из школы.

Тимохин, спокойно, не повышая голоса, предложил мне забрать сумку и отправляться домой, за родителями.

Мать приходила в школу, извинялась, за меня — не слуха. Надо было бы удержать цену за испорченное платье. Это было бы по справедливости. Однако добрая учительница пожалела бедную женщину и ее мужа — калеку. «Да, — как воскликнул бы поэт Лермонтов, — были люди, в наше время, не то, что — нынешнее племя». Сегодня бы — не простили.

ФИЗРУК НОВОСЕЛЬЦЕВ

Василий Никитович родом из деревни Михнево, где жила моя тетя Мариша. Потому мы считались земляками. Вдумчивый, серьезный, покладистый физрук добивался от нас успехов за счет личного примера. Коли бег, то и он бежал, если прыжки — прыгал сам. Зимой — первым прокладывает лыжню. Всегда с ним — его неразлучный секундомер. В 1978 году, по предложению моего зятя Василия Бондарева, я подарил ему свою первую книгу очерков — «На трассах пятилетки». Он, по— отечески, хлопнул меня по плечу. Сказал: «А, вот никто из Репнинских выпускников, даже, отличников, такого подарка нашим учителям не сделал, а ты — молодец!».

ВОЕНРУК КОНДРАШОВ

Дмитрий Тарасович, как и Новосельцев, родом из наших краев — Чкаловский. В Репнино ездил на трехколесном мотоцикле. Кондрашов не учился в педвузе, он — офицер запаса. От того манеры его общения с учениками, резко отличались от профессиональных учителей. Он избегал назиданий, как это делали они, а больше советовал или просто — отдавал приказы. Рослый, плотный, с мужественным лицом и твердым командирским голосом, он делал из нас — неотесанных рохлей, будущих отважных бойцов. Его уроки по строевой подготовке, владения оружием, помогут мне во время службы в армии.

Уже, когда я учился в выпускном классе, он как-то, пропуская взглядом группу старшеклассниц, сказал мне:

— «Хороша Маша!».

— Ничего особенного — старательная зубрилка, — ответил я. Маша Ефимова была односельчанкой. Вместе с нею, я учился с 1-го класса, и ни каких достоинств в ней не находил.

— Ни чего ты не понимаешь, — продолжал развивать свою чувственность военрук, — посмотри на ее литую фигуру. На ее цветущее лицо — в соку девчонка. Тебе пора становиться мужчиной.

Хотя, действительно, мне стукнуло 18. В этом возрасте, Ромео и Джульетту назвали бы переростками. Я же в сексуальном

плане находился на стадии эмбрионального развития. К тому же со мною на подобные темы, кроме сорванцов — дружков, еще никто не говорил. А тут — учитель. Это шокировало. Смущало. Отторгало.

Пройдет много лет. Я сам стану отцом. Но, когда, случайно, где-либо издали видел Дмитрия Тарасовича, то всячески старался избегнуть с ним встреч. Из памяти не выходила, некстати состоявшаяся, интимная беседа на спортивной площадке школы.

Это сегодняшние хозяева жизни вещают на теле — радио, что им дано предугадать, как наше слово отзовется. В самом деле, правы не они, а Тютчев. Могли ли мы с Кондрашовым предвидеть, что его скабрезно — невинные слова о цветущих ученицах станут «яблоком раздора» в наших отношениях? Не знаю, как он, я же — нет. С той поры, я усвоил народную мудрость, что «Слово — не воробей. Вылетит — не поймаешь!».

И еще. Общаясь с молодыми офицерами в армии, я понял, что наш военрук, не преступил черту. Он был сам собою. Всему виною — мои комплексы.

ИСТОРИК ГЛОТОВА

Анна Ивановна была заочницей педвуза, а в средних классах вела историю. С крупным лицом, полными губами, с широко открытыми глазами, она представляла собою образ вполне привлекательной женщины. Учительница имела привычку садиться на табурет, окутав его своей гофрированной юбкой. Потому ребята, по обыкновению любовались больше своеобразным зонтом, заглядывая под парту, чем слушали ее объяснение материала. С неизменной указкой в руках — она ей была нужна не столько для работы с картой, а чтобы, постукивая, ею, по столу, призывать нас к порядку. С дисциплиной же не всегда ладилось. В том числе и по ее вине.

О каких бы, когда и где состоявшихся битвах или сражениях она не рассказывала, то всегда заключала свои речи одной и той же патетической фразой: «Ксеркс (Ганнибал, Цезарь, Спартак и др.) одержал блестящую победу!».

Это однообразие огорчало меня. Я любил историю. Много читал дополнительной литературы, в отличие от Глотовой. При-

чем, готовясь самостоятельно, по учебнику, просматривал несколько заданий вперед. Потому уже заранее знал, что и о чем будет говорить учительница. Тем более что на изложение нового материала она тратила лишь 5-7 минут

Нет, ничего удивительного в том, что на ее уроках мне было скучно. Я или рассматривал карты и картинки, или же вертелся на парте, беседуя с соседями. Нередко Анна Ивановна, желая меня поймать на невнимании к ее объяснениям, стукнув по столу указкой, громко командовала:

— Козин! Встань! Повтори, чем я закончила?

Нисколько не теряясь, я отвечал:

— Александр Македонский одержал блестящую победу!

— Правильно. Садись и не крутись.

Как же была удивлена Глотова, когда я, ее непослушный ученик, стал не просто учителем истории, но и директором школы. Встретившись на одном из учительских совещаний в Болхове, она не скрывая раздражения, заметила:

— Это, ты так взлетел высоко, не потому что талантлив, а лишь благодаря протекции редактора Беликова.

Хотя доля истины в том и была, но тон, которым говорила моя бывшая учительница, меня обескуражил. Такого анти воспитательного выпада великий педагог Макаренко, ей бы не простил. Другое дело я. Не держа зла и во имя объективности, в книге «Родная сторона», любопытный читатель найдет об Анне Ивановне пару моих добрых слов.

НАСТАВНИК МЕЛЕШЕНКО

Нет дыма без огня. Не мог же я избрать своей профессией историю, если бы у меня не было живого примера, настоящего наставника. Он конечно был. Имя же ему — Степан Иосифович Мелешенко. В противоположность Глотовой, он, педагог — мудрый, высоко эрудированный, добрый, выдержанный. Чтобы не растекаться мыслью по древу, полностью привожу свою зарисовку, опубликованную в центральной — «Учительской газете» от 24 ноября 1973 года, которая так и называется — «Горжусь моим наставником».

«Приказ Залегощенского районо был категоричен: ехать на курсы в Орел. Занятия проводились в областном институте усовершенствования учителей. Двадцать восемь директоров средних школ изучали опыт передовых коллективов, делились мыслями об обучении и воспитании. Во время одной из перемен я почувствовал на себе чей-то взгляд. На меня внимательно смотрел седой, лет 50-ти, мужчина. Передо мной стоял мой бывший учитель.

— Проказник, ты?

— Я, Степан Иосифович. Узнали?

— Как же. Двадцать лет прошло, а помню твое озорство. Ответы тоже помню.

Долго мы в этот вечер вспоминали уроки истории в старших классах, на которых я ловил каждое слово этого удивительного человека.

Брянщина — край полей, лугов и лесов. Село Дворишино Клинцовского района — родина Мелешенко. Здесь в морозные зимы избы прятались по крыши в снегу, а летом скрывались в густой зелени садов.

Степан любил возиться в саду, но была у него еще одна слабость — любил книги. Много керосина выгорело в семилинейной лампе, прежде чем Степан окончил школу. С котомкой за плечами он направился в город — в Новозыбковский педагогический.

Проучился два года. И — война! С боями дошел до Берлина. Вернулся в свой институт. Вуз окончил с отличием. У меня и моего дружка, Павки Фирсова самыми любимыми были уроки истории. Еще бы, ведь их вел тогда в Репнинской средней школе Болховского района, где мы учились, сам Степан Иосифович.

В неизменно кожаном пальто с блестящими золотыми пуговицами, в ярко начищенных хромовых сапогах, он нам казался боевым командиром, только что вернувшимся с фронта и снявшим по пути из военкомата погоны. Так оно и было.

В памяти до сих пор стоят картины, нарисованные учителем: вот скачет половецкий всадник, гуляет по крестьянским спинам барская плеть, перешептываются колосья в поле...

Большинство моих одноклассников находили, что Степан Иосифович — самый умный, самый интересный. В нем подкупали строгость, страстность души, доброта сердца и честность. В

отличие от своей коллеги Глотовой, он использовал на уроках дополнительный материал. Чтобы не увлечься, он строго следил за временем по своим серебряным карманным часам. Они всегда лежали перед ним с открытою крышкой.

Прошло 20 лет. Я окончил школу, Университет. Вот уже пятый год работаю директором сначала восьмилетней, а сейчас средней школы. Случается же такое: чувствуешь себя представителем «младшего поколения», оглянешься — оно уже не младшее, а, увы, среднее. Не верится. Зато годы дарят знания и опыт. И сейчас мне легче определить педагогическое кредо своего учителя. А с годами мы становимся критичнее и к себе, и к своим наставникам.

До Ильинской школы Мелешенко поработал несколько лет директором Алмазовской средней школы Сосковского района. Здесь и родилась у него мысль поделиться с учителями области своим опытом. В 1956 году в Орле была издана брошюра, в которой он рассказал, как его учителя приобщают ребят к сельскохозяйственному труду, как у школьников появляются навыки, нужные для работы на селе. Как воспитываются трудолюбие, чувство коллективизма и ответственность за порученное дело.

И вот результат этой работы: из 27 выпускников — 11 остались трудиться в колхозе «Страна Советов», пятеро окончили сельскохозяйственный вуз.

Степану Иосифовичу пятьдесят. За плечами у него 27-летний педагогический стаж. Сейчас он работает директором Ильинской средней школы Хотынецкого района. Имя Мелешенко занесено в районную Книгу Почета.

Горжусь, что он — мой наставник, с которого я и сейчас беру пример.

Петр КОЗИН,
Директор Золотаревской средней школы.
Орловская область».

А теперь несколько штрихов к тому, что учительский, а тем более, директорский хлеб, не всегда — сладок и приятен. Талантливые, активные, а главное, честные, принципиальные люди, не привыкшие угождать власти, обречены на забвение. Примером тому, мой наставник — Мелешенко. Не угодил он, сеньорам

— сильным мира сего, самостоятельностью суждений, вот они и решили его карьеру притормозить. Вот и факты. Свой очерк о Мелешенко я послал в Хотынецкую (по месту его работы) газету «Трибуна хлебороба». Ответ привел в полное недоумение. Сотрудница редакции Татьяна БРЕШКОВА сообщала:

«Мы благодарим вас за присланный материал. Он хороший. Из него мы узнали много нового о Степане Иосифовиче Мелешенко. Но опубликовать его не можем из-за большого объема, а сокращать нельзя, так как теряется нить повествования».

По журналистскому опыту, я сразу понял, что это — элементарная отписка. И решил до конца бороться за доброе имя своего учителя. Тут же направил письмо на имя редактора этой газеты. Ответ еще более озадачил:

«Сообщаем вам, что ваша зарисовка о Мелешенко, опубликована, не будет. Возвращаем копию, на случай, если у вас не осталось. Против вашего героя у нас нет никаких доводов. О хороших делах его наша газета неоднократно писала. Директором Мелешенко работает в районе немногим более года и делать какие-либо выводы о его деятельности рано, тем более что Ильинская школа по успеваемости — не лучше других. По этому поводу редакция советовалась с заведующей РОНО Минаевой.

Редактор В. АПУХТИН»

И опять я не угомонился. Немедленно отправляю свой очерк в «Орловскую правду». Получаю резюме:

«Ваш очерк написан хорошо — по стилю и форме. Но, к сожалению, опубликовать не смогли. ОБЛОНО не одобрило, выбранную вами кандидатуру учителя и директора школы Мелешенко.

С уважением, зав отделом культуры и школ — Ан. ЯНОВСКИЙ».

С орловским писателем Анатолием Николаевичем Яновским я был лично знаком, по многолетнему совместному сотрудничеству. Потому был уверен, что его ответ мне носил — правдивый, искренний характер. В приватной беседе он признался, что

чиновники ОБЛОНО считают Мелешенко неуправляемым и излишне самостоятельным.

Отлично понимая, что свобода печати, провозглашенная Советской Конституцией, лишь голая декларация, как, впрочем, и сегодня. Тем не менее, я еще раз решил «испытать судьбу», отправив свой материал в «Учительскую газету». Именно, в ней, как вы убедились, он и был, наконец, опубликован. Кроме того, он нашел свое место и в Залегощенской районной газете «Маяк» (1973), под заголовком «Слово о старшем друге».

Вот таковы превратности судьбы моего очерка о самом дорогом мне учителе, из всей многочисленной когорты педагогов Репнинской альма-матер.

О ДОБРОТЕ И МИНАХ

(Из «Записок грибника»)

Другу Сергею Ивановичу Шмелеву

1

Охота, как известно, предполагает жертвы Ими становятся: промысловые звери, пернатая дичь, рыба. Или, как в данном случае, при «тихой охоте», коей я в последнее время активно занимаюсь — грибы. Однако жертвами извечной первобытной страсти становятся, порою, и сами охотники.

Совсем недавно, в один из погожих дней «бабьего лета», сижу я, в ожидании поезда, у своей пахучей корзины на цементном возвышении станции «Гостомля». Рядом со мною расположились двое солидных пожилых мужчин. По манере держаться, по безукоризненной экипировке, по внешней сановитости эти грибники представляли собою некогда высший класс орловского общества. Они со знанием дела судили о политике губернатора и мэра. Подмечали тончайшие детали. До щепетильности входили в их психологический мир. Поощряли и осуждали, но при этом оставались в меру тактичными и доброжелательными. Вне всякого сомнения, это были воспитанные и культурные люди. Пока эти настоящие джентльмены говорили о высоких материях, их слова, я пропускал мимо ушей, уж так надоело словоблудие, льющееся на нас потоком из эфира и каналов телевидения. А тут еще они со своею философией.

Но, вот один из дородных собеседников принялся излагать о неприятной истории случившейся с их приятелем Николаем Сергеевичем. Поехал он за грибами по Брянской трассе. Сошел на 53 километре. Во время сбора грибов встретился в лесу с мертвым человеком. Следов насилия не было, а потому он решил, что это просто несчастный случай: старик, а таковым выглядел мертвец, наверняка умер от сердечной недостаточности. Перегрузился — рядом стояла огромная корзина до верху набитая всевозможными дарами леса. Присел передохнуть, а сердечко-то и ...откажи.

По возвращении в Орел, он тут же позвонил в милицию о происшедшем. Проявил, так сказать, доброту. Дабы родственники и милиция зазря не сбивались с ног в поисках бесследно «пропавшего». Вот тут-то и началось. Звонки. Вызовы. Допросы. Подозрения. Все, вплоть до угроз.

— Приятель пожалел, что сам эту кашу заварил, — тяжело вздохнул рассказчик.

— Надо было не представляться, а сделать звонок и тут же повесить трубку, — высказал свое кредо другой собеседник, что был, помоложе и посамоуверенней, — а он и свой адрес сообщил и в объяснения пустился. Вот и нажил себе беду.

— Да, да. Так и следовало бы поступить. Но, не зря говорят, что доброта — хуже воровства.

Это уж точно. Сколько раз я сам обжигался на этом?! Бывал не раз бит, а все не унимаюсь. Вот и теперь берусь поведать читателям свою историю о необычной встрече в лесу — с минами — печальном следе минувшей войны. Она еще только началась, а принесла уже не мало забот и хлопот. В том числе и материальных потерь. Знаю наперед, что лишусь покоя, а коммунистическая бацилла, выраженная в формуле: «Раньше думай о Родине, а потом о себе» глушит доводы разума.

2

В середине августа на поезде: «Орел — Михайловский рудник» я отправился за грибами. Стремясь выполнить заказ — набрать черных груздей, я забрался в трудно проходимую чащу одного из Гостомльских верхов. Здесь, в тени и в сырости они изредка и попадались. Но тщетно. Их было так мало, что я потерял всякую надежду исполнить просьбу Людмилы Герасимовной — жены моего приятеля. Дабы зазря не тратить время, я попытался выбраться из дебрей на свет, к солнцу. И тут неожиданно перед моим взором предстала могучая раскидистая береза. На одном из ее стволов я увидел о, ужас, целую гирлянду поржавевших от сырости и времени боевых мин. Они крепко впились в кору дерева и никакие ветры им были не помеха. Мины оказались без взрывателей, но они были начинены толом. Окажись на моем месте предприимчивые дельцы, то они, несомненно, воспользовались бы возможностью добыть его. К тому же в наше время, при общем разгильдяйстве военных, не составит труда

добыть и недостающие взрыватели. Случись такое и не миновать беды. Все эти мысли я попытался облечь в стихи:

В лесу под Гостомлем,
От черного комля,
Береза навскидку растет.
На ней, белоствольной,
Мин рыжих обойма,
Готовится к старту -
На взлет!

Такая картина
Волнует, как диво,
Пока не берется в расчет,
Что в жизни, хоть мирной,
Не то, чтобы мины,
Обычная палка стреляет -
Раз в год!

Рефлекс защиты от неминуемой беды подвигнул меня к действию. Первым желанием было сообщить об опасной находке в милицию и военкомат. Но мне могли не поверить. Необходим был фотодокумент. Через своего друга Сергея Ивановича Шмелева я обратился в редакцию одной из орловских газет с просьбой направить со мною фотокорреспондента, чтобы сделать нужный снимок. Ответ обескуражил: в редакции не оказалось денег, чтобы заправить автомобиль бензином. К тому же у коллег — журналистов своих забот «за воротник». Мне предложили фотоаппарат, которым я не мог пользоваться. Выручили друзья моего приятеля Сергея Шмелева: бизнесмен Абзагир Акаевич Ярахмедов и директор общества с ограниченной ответственностью НПО «НАНОТЕХ» Александр Дмитриевич Недоруба с женою, инженером — экономистом обладминистрации Ириной Викторовной Пильковой. Как говорят: мир не без добрых людей.

3

26 августа просторная белая «Волга» Ярахмедова, для которой у него нашлись и деньги для ее заправки, и время на даль-

нюю стокилометровую поездку, вместила в своем салоне поистине интернациональный экипаж из пяти человек. Хозяин автомобиля Абзагир — лакиец, как и почитаемый им поэт Расул Гамзатов — верный сын Дагестана, Александр Недоруба выпестован «нянькою Украиной», Сергей Шмелев, Ирина и я, коренные орловцы, — русские Роль фотокорреспондента взял на себя Недоруба, что заранее приобрел на свои средства нужную фотопленку для своего «кодака».

Так, как прямой шоссейной дороги, непосредственно ведущей к цели, не существует, то путь наш лежал вкруговую, через станцию Курбакинская, что уже на территории Курской области. Путем проб и ошибок, преодолев добрый десяток верст, по бездорожью, мы, наконец, достигли знакомого мне Гостомльского верха.

Лес встретил нас труднопроходимой порослью молодняка. Спутники мои, оберегая лица от злых колючек акации и шиповника, оказались, как некогда я, в самой его глуши.

Наше впечатление от всего увиденного, я попытался передать в таких строках:

Шумят, встревожено, дубы
К ним жмутся робкие осины.
В траву попрятались грибы:
Им страшно — на березе.. мины

Нам же было не только не страшно, но даже весело. Еще бы! Лес благосклонно подарил нам пару белых грибов и не менее десятка подберезовиков. Все это можно увидеть на произведенных Александром Дмитриевичем фотоснимках.

Визит в Гостомльский лес, вся подготовка этого материала обошлась нам недешево. Друзей моих подобные расходы не обескуражили. Мне подумалось тогда, что, не смотря, ни на какие политические и идеологические веяния, истинная доброта, как это было и будет всегда, правит миром. Невольно пришли на память сердечные стихи великого горца Расула Гамзатова:

Люди! Я прошу Вас, ради Бога,
Не стесняйтесь доброты своей.

На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей!

Орел -Гостомля
Сентябрь 2006 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В конце сентября 2006 года эту зарисовку я передал в газету «Город Орел». К моему огорчению ее не напечатали, видимо, не захотели себя компрометировать, ибо именно редакция этого органа не смогла организовать поездку к опасной находке, о чем я упоминал выше.

4 октября того же года, в № 40, газета «Орловский меридиан» напечатала информацию С. Шмелева «Боезапас на березе». В ней рассказывалось о том, как я обнаружил, на белоствольной красавице, пять минометных снарядов 82-го калибра, каждый из которых, весом — 3,2 килограмма.

И не только мы со Шмелевым, но и сам редактор Геннадий Годлевский были сконфужены тем обстоятельством, что ни органы областной власти, ни МЧС, ни Кромской райвоенкомат — никто не прореагировал на данную публикацию. Мины же до сего дня остались в лесу, и по-прежнему, предоставляют угрозу для его посетителей.

Русское «авось» — в действии.

Орел, июнь 2007 г.

ОТЗВУКИ «РОДНОЙ СТОРОНЫ»

СЛОВО О ДРУГЕ

Корни творчества Петра Дмитриевича Козина проросли из военного детства, из холодной юности 50-х, среди окружавших родную деревушку Сивково «верхов» и «перелесков» — отчего края, что в самой сердцевине России, испытавшего многие переломы. Судьба страны и русского народа, как в капельке росы отразилась на малой родине поэта.

Книга «Родная сторона» — это мозаика из теплых, очень добрых стихов — фактов его биографии, переплетенных с прозаическими зарисовками о природе и людях — дорогих его сердцу земляках.

Духовная планка творчества Петра Козина высока. Его отношение к близким, односельчанам, коллегам — учителям и журналистам, исподволь и ненавязчиво наставлявшим его в доминанту правды, доброты, совести, отражается в каждой строчке стихов, в каждом эпизоде, поистине, поэтической прозы. Его «Записки провинциала», своей щемящей и чистой простотой, едва ли уступают твореним моих земляков — сибиряков Валентина Распутина и Виктора Астафьева.

Автор внес неплохую лепту в пропаганду творчества таких известных орловских лириков, как: Дмитрий Блынский, Василий Катанов, Николай Круглов.

Петр Козин — человек с твердым стержнем в характере. Выросший в бедной крестьянской семье, он с ранних лет познал вкус «тошнотиков», жмыха и черного хлеба, а так же цену трудовым мозолям. Воспитанный на высокогуманных, не побоюсь этого слова, нравственных принципах он на всю жизнь сохранил глубокую любовь к родителям, родственникам и всегда оставался верным землякам и учителям, которые поддержали его.

В знак уважения к ним тепло и сердечно написана эта книга. Особая ее ценность заключается в том, что она открывает две-

ри в родословную для любимых его внуков — Максима и Насти и вместе с ними для будущих поколений. Фамильный герб династии Козиных дополнен семейной сагой «Родная сторона».

Как историк и профессиональный журналист Петр Дмитриевич показал неразрывную связь своего становления, как личности, с судьбой, отчего края и с проблемами многострадальной России.

Это прекрасный, поучительный пример для подражания молодым современникам. Мои, сердечные — привязанность и уважение к поэту и другу, я попытался выразить в следующих своих строках:

О родной стороне, свое слово,
Застолбил ты в щемящих стихах.
Вечно будет родное Сивково
Оставаться в умах и сердцах.

«Отчий край», родники, перелески...
Ты увидел по — своему Русь.
По рождению ты — деревенский,
Интеллект оценить не берусь.

Ты — философ, учитель, писатель,
Инженер человеческих душ.
Вечных истин упрямый искатель,
Славный дед, мудрый друг, верный муж.

Теплотой от стихов свежо веет
И чисты они, словно слеза.
И от каждой строки сердце млеет,
Со страниц смотрит — правда в глаза!

Память добрую внукам оставил.
Пусть гордятся фамильным гербом.
И я, верю, что к дедовой славе,
Приплюсуют потомки — любовь!

Валерий ЧАСОВИТИН.
28 марта 2007 г.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Анализировать, делать критический разбор произведениям поэта и прозаика Петра Козина я не берусь, хотя и являюсь истинным поклонником его творчества — на это есть профессионалы. Петр Дмитриевич меня более интересует, как друг — единомышленник и подлинный патриот России.

Честный, правдивый, непримиримый к злу и несправедливости, он пользовался авторитетом среди служащих Орловского транспортного управления. В этой системе, в должности начальника строительного отдела ПТБ, работал и я. В 1978 году я с интересом читал очерки старшего инженера Петра Козина «На трассах пятилетки», выпущенные Приокским книжным издательством. Вскоре познакомился с их автором. И вот уже почти 30 лет мы вместе. Дружим, как выражаются, домами и семьями. Вместе трудились в туристской организации «Орловские родники». Он редактировал одноименную газету, а я был ее Генеральным директором. Объездили с ним полстраны. Побывали: в Москве и Туле, Серпухове и Курске, на Волге и Селигере. Не однократно посещали Болхов и его родное Сивково. Казалось бы, знаю о нем все. Был свидетелем его теплых встреч с родными и близкими, земляками и просто знакомыми. Однако с каждою новою книгой он открывается мне новыми гранями своего таланта. Неизменным остается одно, это его широкий — русский характер.

Провинциальные записки «Родная сторона» никого не оставили равнодушными. Ни родных и близких, ни друзей и товарищей писателя.

Когда в апреле 2006, мы приехали в типографию, что на улице Московской, 65, то, увидев автора воочию, работники печати стали выражать ему свое восхищение.

— Разве вы читали? — удивился он.

— Конечно. Это не просто ваша родословная. Ваша книга — энциклопедия жизни «детей войны». Такое не может не волновать.

— Спасибо за столь лестную оценку.

— Что я тебе говорил, — горячо заметил работник издательства, Дан Зенин, — твоя книга достойна Интернета.

Но более всего меня поразила встреча с учительницей тринадцатой Орловской школы Ниной Николаевной Осиповой. Принимая книгу в подарок, (в том числе четыре экземпляра для библиотеки школы и друзей), от своего бывшего коллеги (здесь историк и обществовед Козин работал с1984 по 1994 год), она сказала:

— Петр Дмитриевич, ученики школы знают вас и ваши стихи.

— Не может быть? Двенадцать лет прошло, как я тут не работаю.

— А вы сейчас убедитесь. Коля, Сережа, Гена, Вова, идите ко мне, — позвала она ребят, идущих по коридору.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровались с нами ученики.

— Ребята! Это наш учитель и поэт Петр Козин, книги которого у вас есть. Порадуйте автора — прочтите ему, что помните.

Чудо! Один за другим учащиеся стали декламировать его лирические произведения, посвященные родному краю:

Орловия — зоряночка моя!
Тобой наполнен весь я до кровинки.
Мне любо слушать песни соловья
И к Орлику прокладывать тропинки.

— Хорошо Коля, — остановила Осипова чтеца, — теперь ты, Сережа. Только не повторяйся. Мальчик начал декламировать:

Прижмусь к березке теплою щекой,
А кажется, что к маминой ладошке.
И слышится, как где-то над Окой
Нет отдыха тоскующей гармошке.

— Достаточно. Твоя очередь Гена. Подросток не заставил себя ждать:

Родная сторона! Малиновые песни
В зеленом клюве чудо — соловья.

Мне без тебя на этом свете тесно:
Не жить, ни петь, не чувствовать, любя.

— Молодец! Что помнишь ты, Володя?

В краю родном мне все любимо:
Долины, рощи, неба синь.
Ручей, журчащий за овином,
С названьем нежным -
«Лабосынь».

— Хорошо. Вы все свободны! — отпустила ребят учительница и предложила: «Может еще, кого хотите послушать? Так я, приглашу».

— Нет. Спасибо! Прекрасно читали.

— Вот беда, Петр Дмитриевич, — грустно вздохнула Нина Николаевна, — давно нет с нами вашего земляка — болховчанина Дмитрия Ивановича Кучинова. Теперь только что похоронили Жанну Ивановну Семенину. Оба они — литераторы и были активными популяризаторами Вашего творчества. Теперь из ваших верных друзей только мы с Тамарой Тимофеевной Салыновой остались. Правда Татьяна Николаевна Шляхова изредка из Болхова наведывается. Остальные педагоги молодые, вас не знают. Но книги в библиотеке есть, читают.

— Жаль друзей, — мрачнеет поэт, но тут же переходит на светлую ноту, — знаете, а мы с Сергеем Ивановичем к нашему шефу Анатолию Тихоновичу Афанасьеву заезжали. Он нам за книгу и деньги предложил. Умный, порядочный педагог и наставник.

— Это верно. И мы вам деньги соберем.

— Не стоит. Какие у рядовых учителей деньги, а книга дорогая.

— Спасибо, Петр Дмитриевич, добрый вы наш человек.

Вот такая была необыкновенная встреча. Честно говоря, расчувствовавшись, я даже прослезился. В ней для меня раскрылся новой гранью образ друга — тонкого педагога и поэта — мыслителя. Я хорошо был осведомлен, что, будучи на пенсии, мой друг три года трудился, чтобы заработать денег на издание

книги «Родная сторона» — подлинной драме современного крестьянина. Во имя идеи, возрождения русского села, он готов поступиться всем, моральным и материальным, лишь бы принести посильную пользу своей Родине и ее народу. Таков его — русский характер! Это ценят его друзья, коллеги — педагоги, читатели и почитатели. А потому не случайно Петра Дмитриевича Козина, как мы убедились на примере 13-й школы, — знают и помнят. Любят и ждут.

Сергей ШМЕЛЕВ

ОТКЛИКИ

После выхода в свет провинциальных записок «Родная сторона» автор получил многочисленные отклики в устной и письменной форме. Публикуем некоторые из них.

КАТАНОВ Василий Михайлович, писатель — краевед:

— Книга получилась хорошей. Читается с интересом. Легко запоминается. Основной недостаток — повторы. Необходимо четче выстраивать композицию. Прозаик Иван Рыжов выпустил очерки о своем Коровьем Болоте, теперь ты о Сивкове. Считаю, что о каждом селе и деревне, как малых частиц России, нужно иметь подобные, — книги. Они — живая история. Молодые люди должны знать и помнить, какие трудности и радости выпали на долю старших поколений, с тем, чтобы, используя их опыт, меньше делать ошибок в будущем.

ТИНЯЕВ Петр Григорьевич, пенсионер:

— Твою книгу прочел не только я, но и две моих сестры, что живут в Липецке. Они просили передать тебе их сердечную благодарность. Ты не о себе, ты о нас, переживших войну и послевоенное лихолетье, написал. Мы читали и плакали, вспоминая горести и беды, что мы вынесли на своих плечах в те памятные годы.

Наши внуки — Максимка и Настя, которым ты посвятил свой бесценный труд, уверен, — оценят его по достоинству.

Семнадцать лет тебя знаю. Дружим, отмечаем вместе праздники. Играем с внуками. Но, извини, я не предполагал, что в тебе был сокрыт такой потенциал духовности. Ты — настоящий талант. И сестры и я, с нетерпением ждем твоих новых произведений. Надеюсь, ты еще порадуешь нас. Темы, что ты затрагиваешь, порой, грустные, но в них также, неизменно, присутствует дух оптимизма. Этим твое творчество и дорого нам.

ШУТЕЕВ Юрий, инженер — конструктор:

— Я прочел все твои поэтические сборники. Особенно тронуло сердце «Русь». Там ты поведал о судьбе всей России. «Родная сторона», вроде бы рассказывает об истории двух — трех де-

ревень, о трудной жизни одного рода. Но, ведь это — то же о России.

Ты здорово написал, что «мы русские, в отличие от кавказских народов, не чтим своих предков не то, что до 11, как водится у них, колена, но и до четвертого: за что нас били и бить будут». Все правильно, кроме одного уточнения. Горцы не до 11, как у тебя, а до 14 колена почитают своих родичей. Давай посчитаем. Если поколения сменяются, в среднем, через 30 лет, то это число умножаем на 14. Получается, что кавказцы знают историю своих родов за 420 лет. Мы, русские, не более чем за сто — это позор!

Хочется, чтобы молодые, прочтя твою книгу, задумались об этом — о национальной гордости великороссов. Без гордости за свою богатую историю, без уважения к себе вряд ли страна станет на путь прогресса.

БОРИСОВ Александр Михайлович, казак:

Петр Дмитриевич! Я всегда о тебе помню и ценю за аналитический ум и умение мыслить по-русски. «Родная сторона» — это истинно русская книга. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». И, когда госпожа Валерия Новодворская заявляет, что Русского государства никогда более не будет — она ошибается. Мы пережили варягов, татар, немцев, французов. Переживем и нынешних нуворишей. Хотя, действительно, «никто, как русский не спасал других, никто, как русский, сам себя не губит». Во многом мы сами виноваты. Однако, признание ошибок, это — путь к исправлению их.

Петр! Прекрасную книгу ты написал об Орловии. Но пора тебе вспомнить и о второй родине — славном тихом Доне. Ведь ты отдал ей шесть лет молодой жизни. Хочется надеяться, что мы будем иметь радость читать твои очерки о Ростове и о вольных Донских степях. Желаю удач в творчестве. Жду в гости вместе с твоим «благоуханным лепесточком» и внуками! К тому же сообщаю, что наш ученый — краевед, автор книги об истории древнего города — Танаис, Валерий Федорович Чеснок приглашает нас с тобою посетить его русскую баню, которую я помогал ему строить.

Твой друг — Александр
Ростов — Дон, 19 апреля 2007 г.

КУЛИКОВА Галина Юрьевна, инженер:

— Петр Дмитриевич! Мои дети — Миша и Оля, с интересом прочли вашу книгу. О себе я уже не говорю — это большая радость. Папа, не смотря на преклонный возраст, упорно воюет с недугом. Нога подводит. Он вынужден, пользоваться костылями. Помня, что движение — это жизнь, папа с упорством Алексея Маресьева ежедневно тренирует себя. Сейчас очень увлекся твоей книгой. Читает внимательно. Он очень рад, что в ней и ему посвящено несколько строк.

В сентябре 2006 отдыхала на море. Когда проезжала на электричке Вардане и ЛОО, а значит и то место на пляже, где мы впервые встретились — 30 лет назад! Казалось, что все было так недавно. Вспомнились твои стихи:

Снова Галя — у моря Черного,
Где гуляют в волнах ветры горные.
По камням вода — бежит, пенится.
Довелось с тобой нам здесь встретиться.

Я бережно храню твои письма и сборники стихов. Но «Родная сторона» — особенная удача. В ней ты весь — веселый и озорной, умный и сердечный. Многое довелось испытать, пережить, но ты выстоял и по-прежнему несешь радость и свет людям.

Поздравляю с новым — 2007-м годом и Рождеством! Желаю тебе и твоим милым внукам — Максимке и Насте — только счастья. Огромный привет от папы, с благодарностью — и за книгу и за то, что ты есть! За то, что не забываешь нас, своих Волжских друзей!

Галина
Углич. Декабрь 2006 г.

СКАЗЫ

Имя и сравнительно долгая жизнь орловского литератора Петра Козина, с каждым годом, с каждою новою книгой обрастает легендами. Будучи незаурядной личностью, он неизменно греб против течения, сознательно испытывал судьбу — смело шел в бой за идеи добра и справедливости. Потому и случались с ним всевозможные приключения. О некоторых из них можно узнать из его произведений. Многие же еще не стали достоянием литературы. Данный пробел, в некоторой степени, я и попытаюсь восполнить. Предлагаю вниманию читателей несколько сказов об авторе «Родной стороны».

МИТИНГ В «ЕЛКАХ»

В день святой Троицы, 12 июня 2006, вместе с женою Валентиной Алексеевной и двоюродной сестрою Антониной Ивановной Бондаревой, прибыл Петр Козин в «Елки», так называется кладбище, где покоятся его родители. В рабочей одежде, с топором и лопатою в руках он взялся за расчистку могилы.

Еще по пути, он обратил внимание на роскошный памятник, поставленный односельчанином Василием Архиповым, своей красавице жене — Анне Григорьевне. Рядом, на еще свежей, не успевшей обрасти травой могиле Любови Александровной Бурдыкиной, горели, зажженные ее любящим мужем, свечи. А вот и сам Александр Филиппович сидит с родственницами за столом у места упокоения бывшего председателя колхоза Александра Митрофановича Новикова и его жены Марфы. Они доводятся ему — тестем и тещей.

Несколько выше по холму, у могилы родителей сидели брат и сестра Ефимовы. А напротив, стоял скромный памятник на могиле бригадира Федора Павловича Гришина. Его единственной дочери Маши на кладбище не было.

Увидев Петра Дмитриевича, односельчане, Бурдыкин и Бугаевы, обрадовались гостю, пригласили его к себе и пытались угостить. Угощенье он принял, но от выпивки отказался, объяснив, что «за рулем».

Совсем иная реакция произошла среди Ефимовых. Они были недовольны за критику в их адрес (за самогоноварение), еще юным селькором. Об этом подробно рассказано в книге — об их мести и ее последствиях. На этот раз они решили выступить в роли защитников чести однорукого бригадира Гришина. Валентина Ефимова подошла к Петру Козину и стала отчитывать:

— Как ты мог такое написать о Федоре Павловиче? О ветеране войны? Дескать, он лазал через крышу к Ане Алайкиной. Опозорил человека. Его дочь Маша сказала, что встретит — побьет, да еще и в суд подаст!

— За что? За то, что я написал правду? — удивился Козин, — в его поступке я вижу лишь рыцарское приключение, — не более того. Вспомните, Иван Бровкин с юной невестой прятались от гнева ее отца — председателя в курятнике, проломив его крышу. Как вы, глядя фильм, это воспринимали? Ясно, как занятную шутку. То — же самое и у меня. А вот за то, что вы прочли мою книгу — спасибо!

— Ха-ха! Вон он, как заговорил, а сам уркою принарядился, — раздался с горы голос Василия Ефимова, которого смущала несвежая одежда поэта, и более всего фуражка с длинным козырьком, — друг его, этот с «козлиной бородою» Логвинов, что нынче коз на Щербове пасет, туда же. Горе — писатели! Учат других, а сами: нищета — басота.

Дело в том, что накануне в газете «Болховские куранты», на литературной странице, под заголовком «Родная сторона» Петра Козина», были вместе помещены: предисловие, доцента университета культуры Александра Серафимовича Логвинова и отрывок из книги его «овражного брата».

Логвинов с женою Татьяной и дочерью жили у родственников на Щербовском поселке. Разводили коз. Их молоко было полезно для здоровья больной дочери, заботе о которой, они подчинили все свою жизнь. Занимаясь домашним хозяйством, Логвиновы, также мало заботились о внешнем лоске своей одежды. Нравственный подвиг супругов — оба кандидаты наук, Ефимовы обратили в издевательскую насмешку. Таковы людские нравы.

Диалог Козина с Ефимовыми прервал «последний могикан» Сивково Александр Филиппович Бурдыкин. Он встал со скамьи и звучной дикцией, будто на митинге, начал свою гневную речь:

— Правильно Петр Дмитриевич все написал. Когда он в двух книгах расхвалил Федора Гришина, то его дочь Маша не нашла для автора слов благодарности, когда же сказал правду — заволновалась. Но не всю правду еще он сказал об издевательствах над колхозниками. А, знаете ли вы, как стал одноруким инвалидом этот — Палч? Нет. Я же знаю — лукавством!

Десяток слушателей внимали резким словам Александра Филипповича, хотя многим из них — они не были истиной в первой инстанции.

Петр Козин, по благородству души, просил меня не воспроизводить выступление оратора полностью, дабы не травмировать сердце дочери бывшего бригадира. Ему свят принцип: о покойниках говорят, либо хорошо, либо — ничего.

Ефимовы же вынуждены были всю речь односельчанина Бурдыкина выслушать до конца и после пожалели, что сами лишь напрасно разожгли страсти. Ибо — «митинг в «Елках», на светлый Троицын день, устроенный по их вине, стал достоянием округи. Злые же языки — страшнее пистолета.

«ТОЛСТОЙ — НЕ В ПОЧЕТЕ»

Возвратившись с кладбища, на поселок Калиновский, Антонина Ивановна строго отчитывала брата:

— Петр, сколько раз я тебе говорила — одевайся хорошо. Ты же городской интеллигент. Выглядишь же, прав Вася Ефимов, как горьковский паупер. И друг твой Логвинов не с лучшей стороны показал себя. Пьет, курит, в навозе копается. Ты его писателем, ученым зовешь, а односельчане, в его нутро не глядят. Они его всклокоченную хмельную голову переварить не могут. Вот и нет авторитета.

— Правда твоя Тоня, — поддержала родственницу Валентина, жена поэта, — я сама ему твержу: одевай костюм. И в деревне по одежке встречают.

— Но провожают по уму! — воз разил Козин.

— Это те так поступают, кто сам умный. У Васи же, точно не знаю, но десятилетки у него нет. Разве курсы шоферов окончил.

— Но, вспомните Льва Толстого, где он изображен на фотографиях и картинах. Борода менее ухоженная, чем у Логвинова. К тому же, босой идет за сохою или стоит он, веревкою подпоясанный, с посохом в руках. А он — гений! Его вторым царем называли. В духовно — нравственном плане, конечно.

— Толстой сегодня не в почете, хотя он и граф — отрезала Антонина Бондарева, — ныне в почете и славе, бизнесмены во фраках. Будь трижды вор, а если он респектабелен, как та же Сонька Золотая Ручка, то его, хоть к губернатору, как ее, хоть к президенту, и на прием пригласят и в Думу изберут.

— Испортились нравы! — сокрушенно вздыхает поэт.

— Они и при социализме такими были, — не согласилась Антонина, — скажи, что одеть было нечего, а принарядится, любили. Вспомни, как пели: чтоб учителя любить, надо, чистою, ходить.

— Н — да! В чем-то вы и правы.

— Наконец, согласился, — успокоилась сестра, — внешний вид внушает почтение и страх. Где страх, там и уважение. Вася на тебя с молодых лет за нищенство презирал, Потому и сейчас, видя тебя неухоженным, он готов любую дерзость сказать. Хоть ты трижды умнее его.

— Его право: любить или ненавидеть, а я все-таки за Толстого. Согласитесь, когда этот с виду неухоженный старик заговорит, то в царских дворцах слышат. Понимают, что у зеленого пруда Ясной Поляны или у могучего дуба, что в Никольском — Вяземском бодрствует, не кто-либо, а сам — Лев.

— Упрямого, как горбатого, лишь одна могила исправит, — в сердцах махнула рукою сестра, — дался ему — этот Лев, с Толстым вместе!

СИНДРОМ ХРУЩЕВА

Всем памятна байка о Никите Сергеевиче Хрущеве. Став главою государства, он приехал как-то к себе на родину — деревню Калиновка Курской области. Встретил старую знакомую женщину, которая в молодости отвергла его руку и сердце. Спросил:

— Сейчас ты не жалеешь о том, что отказала мне?

— Что старое вспоминать, — вздохнула былая красавица, — разве я могла себя представить, что ты — босой и нищий, вдруг, царем станешь.

Почти с точностью, да наоборот, произошло и с поэтом Козиным. Встречает его некая землячка Абаничева, имени которой он уже и не помнит, и говорит ему:

— Петр, что же ты в книге о нашей дружбе ничего не написал?

— А была ли она?

— Да, правда, немного. Раза три, но мы с тобою встречались.

— Если бы и вспомнил, все равно не написал.

— Почему?

— Потому что и любви у нас не было и чтобы зря жену не травмировать.

Присутствовавшая при разговоре сестра поэта Антонина Бондарева, не удержалась, упрекнула:

— Ничего, жена стерпит. Ладно, с Абаничевой ты мало был, а вот с учительницей Ольгой Потаповой, ты не один год дружил, знаю, что даже переписывался. Но и о ней ничего не упомянул. Моей же соперницы Вали Стрюковой, напротив, даже портрет в книге поместил.

— Каюсь, — улыбнулся Петр Дмитриевич, — исправлю эту ошибку, хотя синдромом Хрущева не страдаю.

Петр Козин, как всегда верен своему слову. В данной книге, рассказ «Ахиллесова трава» посвящен памяти, его бывшей подруги, учительнице Алтуховской школы — Ольге Потаповой.

ТУЛЬСКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ

В августе 2006, племянник поэта, заведующий Тульской стоматологической больницей, Александр Александрович Козин пригласил дядю на празднование своего 50-летнего юбилея.

К этому событию его сотрудники сделали красочный коллаж на ватмане, где раскрыли весь трудовой и боевой путь своего начальника. Начиная с его студенческой поры. В послужном списке Александра около тридцати лет календарной службы в качестве военврача. Уже, будучи начальником медицинской части Тульского авиаполка, сын ветерана Великой Отечественной

войны Нины Федоровной Козиной, майор Александр Козин побывал едва ли не во всех горячих точках. В далеком Афганистане и в горном Таджикистане, в печальной Сербии и грозной Чечне. За мужество и стойкость имеет 16 боевых и трудовых наград.

Ко всем этим качествам надо добавить, что Александр — прекрасный семьянин, любящий муж и заботливый отец. Его верная жена, красавица — тамбовчанка Нина работает бухгалтером в том полку, где ранее служил ее муж. Сын Дмитрий — студент второго курса юридического института. Сегодня он носит милицейскую форму и готовится по примеру родителя стать офицером. Дочь Олеся, получившая, по окончании средней школы, золотую медаль из рук Тульского губернатора, блестяще завершает учебу сразу в двух вузах — юридическом и экономическом.

Встречаясь с Александром в Туле, я был свидетелем того, как этот мужественный офицер, уважительно говорил своему дяде — поэту:

— Петр Дмитриевич! Я горжусь вами. Ваши книги читаем не только мы, но и мои товарищи по службе.

Вот почему, приглашая Петра Дмитриевича, к себе он писал в Орел:

— Ничего не дарите. Привезите две — три книги «Родная сторона». Ваши книги для нас — лучший подарок! Мне хочется отвезти их к моим родственникам в Мучкап — родину жены Нины. Они очень просили. Им хочется знать о жизни моего отца, о нашей родословной, тем более что сын Дима открыл в Интернете факт принадлежности Козиных к дворянскому роду. Таким образом, сам, невольно, стал летописцем — продолжателем вашего дела.

Просьба юбиляра была удовлетворена. На только что купленной им даче, принадлежащей кооперативу Тульского оружейного завода, где состоялось его чествование, он получил заветные книги.

Совершая на автомобиле экскурсию по городу, Александр остановился у газетного киоска, приказал сыну:

— Дима! Купи нам «Слободу». Мне кажется, что Петру Дмитриевичу будет интересно узнать, что не только ты, но и Олеся становится летописцем рода Козиных.

— Будет исполнено! — весело отозвался сын.

Семейную газету «Слобода» поэт привез с собою в Орел. Я с удовольствием прочел ее. В тридцать втором номере от 16 — го августа 2006 года, на 86-ой странице была помещена красочная фотография юбиляра. Рядом текст, который гласил:

«Поздравляю любимого папу Александра Александровича Козина — с 50-летием! В детстве я считала тебя лучшим папой на свете, самым умным и добрым. Ты был рядом, когда мне была нужна помощь, знал ответы на все мои вопросы, и мне всегда было с тобой интересно. С тех пор ты совсем не изменился. И я по-прежнему думаю, что ты — самый лучший! Дочь Олеся».

Тогда, еще, будучи в Туле, прочтя эти строки, мой друг не удержался от похвалы: — «Молодец, Олеся!». Спросил: «А, где же она сама? Как же ее увидеть?».

— На море отдыхает, — был ответ, — потому ее лишь можно услышать.

Александр набрал по сотовому номер, переговорил с дочерью, после чего передал дяде телефон.

— Здравствуйте, Петр Дмитриевич! Спасибо вам, что навестили папу, — говорила нежным голосом далекая девушка.

— Это тебе спасибо, Олеся, — горячо благодарил братову внучку поэт, — что так хорошо продолжаешь летопись рода Козиных.

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ!

В июне 2006 заглянул Петр Дмитриевич в сельхоз отдел редакции «Орловской правды». В отделе сидели двое: заведующий Юрий Семенов и молодая сотрудница.

— Юра ты говорил, что с удовольствием купишь мою книгу? — говорит он давнишнему приятелю.

— Было дело. А, что, никак издал?

— Да, — Козин вынимает «Родную сторону».

— Молодец! — заведующий копается в кошельке, — вот тебе пока сто рублей. Извини, больше нет.

— Сойдет, — успокаивает автор покупателя, — и протягивает ему книгу.

Молодая сотрудница ловко перехватывает жест Козина, берется за книгу, просит:

— Дайте, пожалуйста, мне посмотреть. А о Юре здесь, что-либо, есть?

— Нет.

— Почему не написал?!— сдвинув брови, жестко вопрошает Юрий.

— Так получилось!

— Плохо.

Петр Дмитриевич хотел объяснить, что не только о нем, но и об Олеге Смуглове, так же как и он, ранее, после кончины Венедиктова, редактировавшем «Болховские куранты» ничего нет. И не потому, что он не уважает или не ценит их участие в его творческой судьбе. Дело в том, что и Семенов и Смуглов — не коренные болховчане, а эмигранты из Средней Азии. Книга же полностью посвящена старожилам края.

Всего этого он не сказал. Просто не хотел, при незнакомой журналистке, раскрывать интимную сторону их отношений. К тому же и сбивал с толку, неожиданно, для всегда уравновешенного Юрия, агрессивный настрой. Поспешив ретироваться из отдела, чувствуя себя виновным без вины, он еще раз проронил.

-Извини, так получилось.

КРЕСТНАЯ МАТЬ

Родители поэта не отличались набожностью. Его отец Дмитрий Иванович Козин был атеистом. Мать Пелагея Петровна, хотя и держала в углу маленькую икону и по праздникам зажигала у нее лампадку, порою даже молилась, но делала это, больше по традиции, чем из веры во Христа.

Петр Дмитриевич знал, что у его старшего брата Александра крестною матерью считалась соседка тетя Катя. Крестных же сестры Марии, брата Ивана он не знал. Видимо у них таковых не было, как, впрочем, и у него.

Жена поэта Валентина Алексеевна так же оставалась не крещеной. Что касается их дочери Ирины, то она приобрела крестную мать лишь в шестилетнем возрасте. И то по настоянию старших. В 1975 году довелось им побывать в зерносовхозе в гостях у

бабушки Валентины, по отцу, Александры Терентьевной. Старушка обеспокоилась:

— Завтра же поедем в Оренбург, и окрестим мою правнучку.

— Но, где взять крестную?

— Я за нее буду, — твердо сказала она.

Так все и вышло: про — бабушка стала крестной правнучки.

Ирина Петровна Корнеева — Козина, став матерью, как и подобает, через год окрестила своего первенца сына Максима. В качестве крестной стала ее сердечная школьная подруга Наташа Степина. С нею они дружили с первого класса. Прекрасно окончили школу № 32. Но, если Ирина затем окончит технический вуз, то Наташа не только завершит пединститут, но и аспирантуру. Сегодня она — кандидат филологических наук. Преподает в педагогическом университете на факультете журналистики.

За тридцать лет дружбы она стала членом семьи. Ни один праздник, тем более именины Максима без нее не обходятся. Привлекательная, с ямочками на розовых щеках, Наташа отличалась исключительной вежливостью и скромностью.

Готовя книгу «Родная сторона», Петр Дмитриевич решил несколько строк посвятить другу семьи крестной внука. Как-то спрашивает Степину:

— Наташа! Как тебя по отчеству? Неудобно доцента Университета звать лишь по имени. Как зовут твоего отца?

— Петр Дмитриевич! — серьезно отвечала она, — все тридцать лет нашей дружбы, я вас считала, не только папою Ирины, но учителем и даже своим отцом.

— Спасибо. Но я хотел о тебе написать.

— Ваше право. Но я не хочу стареть и хочу, чтобы для вас я всегда оставалась Наташей. Тою самой робкою и юною первоклассницей, которая впервые пришла к вам в гости по случаю дня рождения Ирины. Она родилась зимою. Поэтому мы каждый год вместе с вами катались на санках и лыжах, лепили снежную бабу и играли в снежки. Как все это было прекрасно, незабываемо.

— Да, да. Еще и пес Черныш вас с Ириною катал в санках.

— Это, вообще, было прелесть.

Вот такою удивительною крестною матерью Максима и является Степина, так до сих пор и оставшаяся в девушках — за работою и учебой ей было не до женихов. Нерастраченную любовь и тепло души своей Наташа, по-прежнему отдает подруге Ирине и своему высокорослому крестнику.

МАКСИМ ОПРЕДЕЛИЛСЯ

Из повести «Дым Отечества», а она автобиографичная, мы узнаем, что Петр Дмитриевич мечтал о сыне. У него родилась дочь, которой он сам выбрал имя. Ирина росла спокойным, умеющая сама себя увлечь игрою, ребенком. Он полюбил дочь настолько, что называл ее не иначе, как «лепесточек благоуханный».

Рождение внука Максима компенсировала в нем нерастраченную энергию по воспитанию юного мужчины. Не к рисованию, музыке или к филателии, как дочь, он приобщал внука к спорту, рыбалке, путешествиям. Покупал самолеты и вертолеты, танки и велосипеды. Не мало дней провели они вместе с книгами, а то и с удочками в руках на прудах и реках. Ловили крупных лещей с лодки, даже на Селигере.

Огорчало деда, как он не бился, научить его плавать и кататься на велосипеде. Казалось, что кроме балалайки, с которою он выступал в ансамблях, да спортивной борьбы «ушу», которой учил его отец Игорь Николаевич, внук ничего не приемлет. Учился Максим все года — хорошо и отлично. Передалась от деда к внуку и любовь к истории. Не зря же они совершали туристические поездки на Куликово и Бородинское поле, в Брянск к Алексею Толстому и в Ясную Поляну ко Льву Толстому. На школьной Олимпиаде по этой науке он занял первое место — оказался победителем. Вредных привычек не имел. Однако, уже став подростком, он так и не привязался по настоящему ни к какому виду творчества. Так и не решил вопроса «Кем быть?». Это приводило деда в смущение. Хотя, правда, его поражало упорство, и воля с которой Максим относился к своему новому увлечению — компьютерным играм. Хорошо разбирался так же в сотовых телефонах и телевизорах.

И вот, 24 апреля 2007 года, наступил его шестнадцатый день рождения. Дед даже в его честь стихи написал:

Максимка взошел на крутой пьедестал,
Уже не подросток, он — юношей стал!

По случаю именин пришел к внуку с поздравлениями и отчим Игоря, дед Петр Григорьевич Тиняев. Вручая подарки, спросил:

— Ну, как Максим, с профессией определился. Ведь скоро лицей заканчиваешь?

— Да! — отвечает, — буду поступать учиться на программиста.

— И куда же?

— Или в технический Университет, где училась мама или в педагогический Университет, где работает крестная мать Наташа. У них тоже на программистов обучают. К тому же она берется, и посодействовать при поступлении.

— Здорово! — воскликнули оба деда Петра, — Максимка, любимый внук наш, наконец, определился. Это и понятно, он же — юношей стал!

«НАСТЯ — ДЕДОВО СЧАСТВЕ»

Как некогда в детстве, до 13 лет Максимка был «хвостом» деда, так сегодня девятилетняя внучка Настя влюблена в своего веселого и доброго дедушку Петю. Зимою они гуляют по городу или вместе катаются с высоких гор парка «Ботаника» на санках, а то по ледяной круче и на обыкновенной картонке.

Едва проглянет солнца луч
Дед с внучкою у горных круч.
И мчатся с горки во весь дух
На занесенный снегом луг.

Летом ездят в Андриабужский лес за ягодами или на речку Оптуха ловить пескарей. Случаются и у Насти удачи. Как-то и ей удалось выловить серебристую рыбку. Настя вся светится от счастья. Она даже сама стихи сочинила:

На удочку мою, конечно,
Попал пескарь — мой друг сердечный.
Он скользкий. Я его держу
И в баночку с водой ложу.
Чтоб был живой, не умирал,
Нас с дедушкою забавлял
Своей резвою игрой -
Когда его коснусь рукой.

Дед ради любимой внучки готов на все. Разделяет все ее забавы. Радуется ее отличным успехам в учебе. Даром, что «левша», а пишет красиво. Читает не хуже актера. Тонко чувствует и передает настроение героев. Увлекается домашними спектаклями. Искусно лепит из пластилина всевозможных птичек и затейливых животных. Хорошо рисует. Ведет переписку с дедом. Мечтает написать, по примеру дедушки свою книгу. Ведет дневниковые записи. Симпатичная, энергичная, всегда веселая и неунывающая, она воздействует на деда, как бальзам на здоровье. Не случайно дед Петр часто повторяет: «Внучка Настя — моя радость и счастье».

Сергей ШМЕЛЕВ

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

П. Д. Козину, автору
книги «Родная сторона»

Мне казалось: давно тебя знаю -
Жаль не часто встречаюсь с тобой.
Но теперь лишь ясней понимаю:
Как же дорог тебе — край родной!

Неприметна сторонка лесная,
Где магнитом зовет Лабосынь,
И Машок, и «верхи», и святая,
Над любимою родиной — синь.

Детство, юность остались навечно,
Светлой памятью стала печаль.
И, как дороги редкие встречи,
Так, что хочется, вдруг, помолчать.

Погрустить, склонив голову в «Елках»,
Рассказать им, как внуки растут,
И о том, как в деревне, в поселках,
Соловьи звонко песни поют

Валерий ЧАСОВИТИН
2007 г.

СЕРДЦУ ДОРОГО

СЛОВО ОБ ОРЛЕ

Пой ветер, с низовья дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над горою юноша,
Четыреста лет ему.
(Дм. Блынский)
1966 г.

О годы, вы мчитесь неистово,
Меняя пространство и свет.
Сегодня Орлу — четыреста
И плюс еще 40 лет!

Стоит он, как прежде, — молодо
И свежему ветру рад.
Осанка все та же — гордая
И тот же — орлиный взгляд,

Хоть много испытано, познано
С тех давних, седых времен,
Когда по велению Грозного
Он крепостью был наречен.

Когда же сгущались сумерки,
Катилась к Москве беда,

То грудью потомки Рюриков
Вставали за Русь всегда!

Сражались за город, что дорог им,
И помнят Орлея с Окой,
Как захлебнулись вороги
Вспененной ими водой.

Литовцы, татары крымские
И шляхтичей польских спесь
Вместе с кровавыми брызгами
Ко дну уходили здесь.

На улицах града крылатого
С фашистской ордой шли бои,
Под танками, волей Горбатова,
Немцы тут гибель нашли.

Слава героев увенчана
В августе, пятого дня, -
Первым Салютом расцвечено
Небо столицы не зря!

(Опубликовано в газете «Город Орел», № 30, от 26 июля 2006 г.)

ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

7 мая 2007 года в Кремле состоялось вручение Президентом России В. В. Путиным грамоты о присвоении ***городу Орлу*** *(мэр А. А Касьянов), наряду с Курском и Белгородом — Почетного звания РФ, —* ***«Город воинской славы»****.*

Он, как прежде, — салютом расцвел.
Над Окою стоит величаво.
Стал наш древний, любимый Орел,
Ныне «Городом воинской славы».

Набирается соком листва,
Будят май соловьиные трели.
Не забудется День торжества,
Что так дорог для всех поколений.

Ветеранам — особый почет,
Что Дугу навсегда распрямили.
Ликовал весь Российский народ,
Когда флаг над Орлом водрузили.

Хоть прошло с той войны много лет
И залечены старые раны.
Но напомнил о них, Президент,
Знак «Почета», вручая Касьянову.

Уже стал старых воинов круг,
Но они не уходят в фарватер.
О величии дел их, заслуг,
В этот день говорил губернатор.

В сквер танкистов пришли, стар и млад,
В их руках пламенели гвоздики.
У могил часовые стоят,
И торжественно строги их лики.

Сколько в сквере уложено рот,
И по скольким не справили тризну?
Им, героям, — сегодня «Почет»,
За свободу Орла и Отчизны!

В том, что дух наш величье обрел,
Всех орловцев заслуга, по праву.
Принимай же награду, Орел, -
«Город воинской чести и славы!».

Орел, 7 мая 2007 г.

СКАЗАНИЕ О БОЛХОВЕ

Он — центр Руси, а не окраина,
Весь в переливах и огнях.
И то о нем — мое Сказание,
Вернее — исповедь моя.
Автор

1. 1556 — год основания

Державной волей Грозного Ивана,
Где с Болховкою Нугрь встречаться рад,
На крутояре, стражем — великаном
Поставлен был на поле Болхов — град!

Совсем не ради царственной утехи
Он окружен был — валом и водой.
Та крепость — щит от вражеских набегов
На южных рубежах страны родной.

Орешком крепким: для Девлет — Гиреев,
Что шли походом выжигать Москву,
Для польских и литовских лиходеев,
Что смерть нашли на Деевском мосту.

Полк Болховский на Бородинском поле
Своим упорством поражал врагов.
И янычар постигла злая доля -
Геройски Шипку защищал Лавров!

Фон Клюге бесновался не напрасно,
Когда его фашистские войска -
Тонули в Орсе, увязали в Вязках:
Такое не забудется в веках!

2. Сынов его — героев имена.

О болховчанах сложены легенды,
Написаны статьи, десятки книг.
Их подвиги приблизили победу -
Читайте, знайте, помните о них.

Как пальцев на руках, их десять, -
Героев незапамятной войны:
Жучков, Безменов, Аверьянов, Естин -
Родного края верные сыны!

Князьков, Игнашкин, Степин, Новосельцев,
Матвеев и отважный Сидорков -
Их имена не выкинешь из сердца,
Им слава и народная любовь!

3. Летописцы

О том, что было временем сокрыто,
Чего не знали люди много лет,
В своих трудах поведал Венедиктов,
Неутомимый местный краевед.

У Лущенко, другого летописца,
Что был рожден, хотя в иных краях,
О Волхове, как о «Руси частицы»,
Восторженно рассказано в стихах.

4. Знатные гости и старожилы

Святому граду добавляли света,
Визиты популярных россиян:
Жуковский, Пушкин, Вяземский — поэты,
Отец Макарий, Петр Великий сам!

Тут побывали: Карамзин, Плещеев,
Барклай де Толли как-то проскакал.

Шутник Фонвизин, гордый Аракчеев,
Тот, что Кривцова на Кавказ ссылал.

Апухтин, Сокол, Козырев считали
Своею колыбелью древний град.
«Авроровцы» нередко вспоминали
В седых морях про яблоневый сад.

Им Фет, Тургенев часто любовались,
О нем и Ключиков в Донбассе тосковал -
Его томили, терриконов дали,
Он побродить у — яблоней мечтал.

И Шестаков, в боях под Сталинградом,
Не мог забыть заветные холмы,
Для генерала высшею наградой
Был вешний свет родимой стороны.

5. Болхов — второй Суздаль

Четыре сотни лет и более полвека,
Являясь украшеньем дивных гор,
Стоит град Болхов — солнечная Мекка,
Все на поклон идут — в его Собор.

А кто и в «Троицу», иль в «Спас — Преображенье»,
Чтоб прикоснуться к золоту икон.
Курантов бой вселяет вдохновенье,
Мил сердцу колокольный перезвон.

Сбылось! Нашли отраду люди -
В молитве, что как шелковая вязь
Единой верой связывает груди,
В ней все равны — простолюдин и князь.

Все так и есть. У «Троицы» — Данилов,
Глава района, со свечой в руках,
Как меценат мэр Степин благочинно
В скрижали храма вписан, — на века.

И верится, что не случайно Болхов,
Вторым, по праву, Суздалем зовут:
Так много их — монастырей, приходов,
Что паству божью, в свои объятья ждут.

6. Обновленный город

Во всем я вижу нынче обновленье -
В домах и улицах, красивых площадях.
Сады, как в старь, гостям на умиленье,
Весною каждой — в розовых цветах.

И педколледж свои расправил плечи,
Приятно заглянуть в его музей:
Без суеты, здесь думают о вечном, —
Как лучше вырастить и воспитать детей.

О том печаль и педагогов школы,
Под третьим номером, что числится теперь:
Какие не случились бы уклоны,
Для добрых дел, всегда — открыта дверь.

7. Я верю, Болхов!

Четыре сотни лет и более полвека
На Красной горке чудный град стоит.
Хоть грустно мне — его мелеют реки,
Но доблестью былой он — знаменит!

Их сто пятнадцать городов России,
Они, как и Болхов, взяты, на учет,
Им нет цены по красоте и силе,
За славную культуру им — почет!

Я верю, Болхов, отрастишь ты крылья
И вновь под небом гордо воспаришь:
Твоя земля щедра и изобильна,
А ты, как Сокол, смело в даль глядишь!

2007 г.

КУКША

Как изменник он был убит жрецами язычников в правление князя Владимира Мономаха. (Н. Круглов. «Проселки», Орел, 2005). По версии писателя — краеведа В. Катанова («Царский венец», стр.628, Орел, 1999 г.), ссылающегося на историка Пясецкого, случилось это в тот же день, но в 1141 году. Сейчас на месте гибели святого Кукши, у села Карандаково развертывается церковно-мемориальный комплекс его имени.

Приокский край. Село Карандаково.
У трассы камень идолом стоит,
То — место, где за пламенное слово,
За верность Богу Кукша был убит!

Сей славный вятич — княжеского роду
И, как о том нам летопись гласит,
Владимир Мономах его отца — Ходоту,
Стрелою меткой в сердце поразил.

А отпрыска, забрав с собою в Киев,
Определил в Печерский монастырь.
Землею отчей завладел Чернигов,
Пока брат — инок изучал псалтырь.

Но, а когда он Библию освоил,
Апостольский в нем дух заговорил.
Епископ Феоктист крестом и словом
Его в далекий путь благословил.

Пред ним была поставлена задача:
Народ Христовой верой просветить,
Язычников, случится, коль удача,
В послушно-православных обратить.

Миссионер за дело взялся с жаром -
С учеником объехал пол-Оки,
Горели идолы, объятые пожаром, -
Так приобщались к Богу земляки!

Не легок путь: болота, дебри, кручи -
Глухими были Мценские леса.
Все превозмог, а доводился случай,
То он творил прилюдно чудеса:

Ключ открывал среди сухой поляны,
Молитвою болота осушал.
Спасал от бед, излечивая раны,
И добротою злобу укрощал!

В лесу палатка — вот его обитель,
Ему служил периной — дикий мох.
Своей кончины он не мог предвидеть:
Он — просветитель, но, увы, — не Бог.

Струилась ночь. Ни шороха, не крика.
Луна средь туч мерцала, как свеча,
Сам Кукша и его сподвижник Никон -
Приняли смерть — от острого меча.

Когда жрецы покинули обитель,
То их доклад был Идолам готов:
— Изменник Кукша, инок — просветитель
И друг его остались — без голов!

* * *

Мы княжеского сына ныне славим —
Святого Кукшу, явно не спроста:
Средь вятичей, он — первый христианин,
Что пострадал за веру во Христа!

(Стихотворение «Кукша» опубликовано в газете «Мценский край», за 2006 год).

ЦЕРКОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ

В мае 2007 года, через 90 лет (1917-2007) произошло объединение -
Русской православной патриархии и православных церквей зарубежья.

Революция разделила
Православную церковь на части,
А сегодня — объединило,
При участии
Российской власти.

Путин прав:
То дело чести -
Архиепископ Лавр
И патриарх Алексий,
Служить Православию
Будут вместе!

Судить за каждого -
Не берусь.
Я выражаю личное мнение:
— Европа, Америка,
А с ними Русь,
Лишь выиграют — единением!

ПРАВОСЛАВНЫЕ ВСЕХ СТРАН — ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

«Хорошо иметь домик в деревне»
(Из телерекламы)

«Родительский дом — начало начал», —
Льва Лещенко голос с экрана звучал.
Под крышей его — и уют, и привет.
То, правда! Но вот уж, — родителей нет.

И домика нет. Все ходила молва:
Его разобрали — свезли на дрова.
Свой домик в деревне иметь — хорошо,
К нему бы охрану приставить еще!

ХОРОШО

Хорошо под небесною синью
Постоять у заветных берез.
А потом побежать к Лабосыни,
Где на луге идет сенокос.

Пахнет свежей, духмяной травою,
А в низине, что у леска,
Насладиться студеной водою -
Пить пригоршнями из родника.

Под моими босыми ногами
Пыль горячая грустно скрипит:
Стоит вспомнить о милой маме,
Не могу я счастливым быть.

Покидаю красу Сивково,
Тут, некстати, и дождь пошел,
Уезжаю я в город снова -
Хорошо, когда все хорошо!

СЕРДЦУ ДОРОГО

Сердцу дороги — рощи и нивы,
Когда солнце восходит над ними.
Сердцу дорог веселый рассвет,
Над деревней, которой нет.

Сердцу дорого, что лукавить
Все, что даже нельзя поправить.
Мне моя память, святая память,
Помогает — былое славить!

ФОТОГРАФИИ

К ПОВЕСТИ

«ДЫМ ОТЕЧЕСТВА»

Петр Козин с дочерью Ириной в 1979 — в год написания первого варианта повести «Дым Отечества».

Председатель комиссии РГУ Закруткина Л. Г. с ассистентом Шихминым Ю. Ф. принимают у Петра Козина экзамен по журналистике. Май 1967г.

Студенты исторического факультета РГУ отмечают завершение экзаменов в 1968 году
На снимке (справа налево): староста группы Лиля Фокина, Г. Забазнов, Н. Зенцова, Петр Козин и другие.

Директор Сурьянинской школы П.Д. Козин со своим «Дружком»
Осень 1968 г.

Отряд «Зарница» Сурьянинской школы,
во главе с директором П.Д.Козиным (справа)
на параде в Волхове 9 мая 1969 года.

Директор Сурьянинской школы (в центре)
Петр Дмитриевич Козин с выпускниками 1969 года.

Учительница Алтуховской школы Ольга Потапова (друг поэта).

Завуч ЦКТО П.Д. Козин с женою Валентиной с дочерью Ириной. Ростов 1971 г.

Семья казаков Приходько:
(стоят) - брат Иван Козин, зять Николай Приходько,
сестра Мария (жена Николая)
(сидят) - сват Максим с внуком Володей,
сваха Пава с внуком Мишей. Станица Нижне-Гниловская.

Петр Козин на могиле брата Ивана Май 2006 г.

Сергей Иванович Козин - актер Краснодарского драматического театра.

Юная балерина Маша Козина (дочь Сергея).

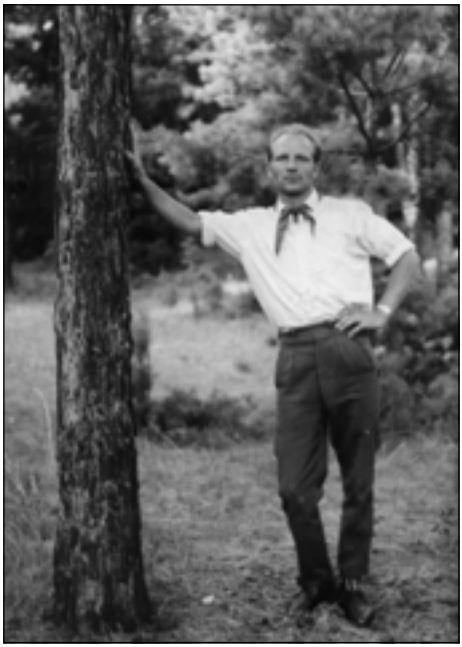
Александр Иванович Козин с сыном Алексеем.

Казаки и казачата станицы Нижне - Гниловской.

Капитан 3-го ранга Александр Лазарев и редактор газеты «Казачий Спас», казачий полковник Николай Дергунов.

Инженер - мореход
Александр Борисов.

Под парусом «Надежды».



Воспитатель пионерского лагеря «Сосновый бор» Петр Козин Каменск. Ростовской области.

Встреча со знаменитыми «Кижами» (продолжение к «Донским очеркам»).

На Северском Донце.

Новочеркасск.

Набережная в Таганроге.

Ростов. Улица Энгельса.

Петр Козин у паматника Михаилу Шолохову.
Ростов. Речной вокзал.

С удочкой на Дону.

С Верой Борисовой.
Ростов 1974 г.

С Александром Борисовым в Донской госуд. публичной библиотеке.

С Верой и Александром Борисовыми и их внучкой Бэлой в Плевенском парке Ростова. Май 2006 г.

Встреча с Университетом через 40 лет.

У научной библиотеки Университета.

Три поколения Козиных в Туле.
(справа налево) - брат Александр (старший), его внук Дмитрий,
Петр Козин и его сын - военврач Александр Козин (младший).

Выпускница Тульских юридического и экономического Университетов Олеся Козина.

Экскурсовод Петр Козин с женой Валентиной и внуком Максимом направляются в Ясную Поляну - к Л.Н. Толстому.

Настя Корнеева - Козина с бабушками - Валентиной Алексеевной (слева) и Антониной Афанасьевной.

В лесу под Гостомлем.
Грибники (Слева направо): Сергей Шмелев, Петр Козин, Абзагир Ярахмедов и Ирина.

Грибники Сергей Шмелев и Петр Козин у заминированной березы.

Три друга (слева направо): Сергей Шмелев,
Валерий Часовитин и Петр Козин.

У Ростовского «централа», где автору в 60-е довелось работать, а писателю Виталию Закруткину в 30-е, находиться «под следствием».

В 10-й квартире этого 24-го дома, принадлежащей, брату Ивану, в 1963-64 гг. жил поэт.

С вдовой брата Ивана, Ниной Михайловной Козиной на Северном кладбище Ростова. 28 мая 2006 г.

Директор Сурьянинской школы П. Д. Козин на директорских курсах в ИУУ, Орел, июль 1969 г. (первый ряд, третий, слева)

Директор Золотаревской средней школы Петр Дмитриевич Козин (второй ряд, третий справа) и директор Ильинской средней школы Степан Иосифович Мелешенко (второй ряд, четвертый справа), на курсах в ИУУ г. Орла, в марте 1973 года.
В 50-е годы С.И. Мелешенко вел уроки истории в Репнинской средней школе, в классе, где учился Петр Козин.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО 3

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Глава первая. КЛЮЧИ 10
Глава вторая. НАЗНАЧЕНИЕ 16
Глава третья. РОЩИНО 23
Глава четвертая. НАЧАЛО 31
Глава пятая. ВЕТРОВЫ 39
Глава шестая. ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ 48
Глава седьмая. УЧИТЕЛЬСКАЯ 53
Глава восьмая. ЗАБОТЫ 61
Глава девятая. ПИСЬМА 68
Глава десятая. КОЛХОЗ 86
Глава одиннадцатая. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ 97
Глава двенадцатая. КОЛЛЕГА 105
Глава тринадцатая. ПРАЗДНИКИ И БУДНИ 120
Глава четырнадцатая. ДОЧЬ 131
Глава пятнадцатая. ДЕПУТАТ 140
Глава шестнадцатая. РАСТИТЬ ГРАЖДАНИНА 150
Глава семнадцатая. ЧЕРЕЗ УЧЕНИЕ — К СЧАСТЬЮ 160
Глава восемнадцатая. ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ 167
Глава девятнадцатая. ПОЭТ 179
Глава двадцатая. БУРЯ 187
Глава двадцать первая. ЗЛОБИНЫ 203
Глава двадцать вторая. СПЕШИТЬ ЖИТЬ 210
Глава двадцать втретья. ХИТРОВ 219
Глава двадцать четвертая. КЕМ БЫТЬ? 229
Глава двадцать пятая. ВИЗИТ КОРРЕСПОНДЕНТА 238
Глава двадцать шестая. АПРЕЛЬСКИЕ ДНИ 248
Глава двадцать седьмая. ХМУРОЕ ЛЕТО 252
Глава двадцать восьмая. ЛИСТОПАД 260

ДОНСКИЕ ОЧЕРКИ

НА ТИХОМ ДОНУ 268
КАЗАКИЯ 276
РОСТОВ 293
ПРИЧАЛЫ 321
КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНИЦА 329

РАССКАЗЫ И БЫЛИ

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ 353
ПЕТЛЯ 360
ПЛАМЯ 365
ГАРМОНЬ И ЛАНДЫШИ 373
АХИЛЛЕСОВА ТРАВА 380
ПОДАРОК УЧИТЕЛЬНИЦЫ 385
РЕПНИНСКИЕ УЧИТЕЛЯ 390
О ДОБРОТЕ И МИНАХ 404

ОТЗВУКИ «РОДНОЙ СТОРОНЫ»

СЛОВО О ДРУГЕ 409
РУССКИЙ ХАРАКТЕР 411
ОТКЛИКИ 415
СКАЗЫ 418
СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ 430

СЕРДЦУ ДОРОГО

СЛОВО ОБ ОРЛЕ 431
ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ 433
СКАЗАНИЕ О БОЛХОВЕ 435
КУКША 439
ЦЕРКОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ 441
РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ 442
ХОРОШО 442
СЕРДЦУ ДОРОГО 443

ФОТОГРАФИИ К ПОВЕСТИ «ДЫМ ОТЕЧЕСТВА» 445

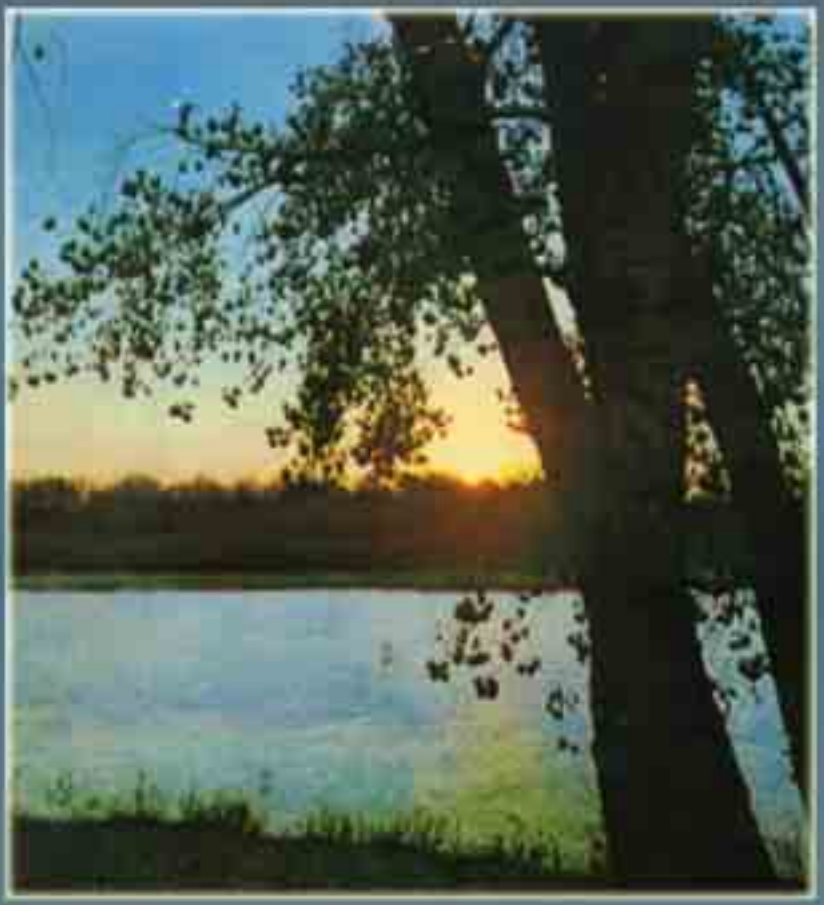
Автор сердечно благодарит
Шмелёва Сергея Ивановича
за всестороннюю помощь
по изданию этой книги.

Козин Пётр Дмитриевич

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Редактор *П. И. Родичев*
Технический редактор *Д. Ю. Зенин*

Подписано в печать 09.06.2007.
Усл. печ. л. 29,38. Тираж 150 экз.

Издатель Светлана Зенина
302001, г. Орёл, ул. Черкасская, 36-168.
Тел./факс: (4862) 75-27-46
www.orel.ru/book
book@orel.ru

Отпечатано на базе «Полиграфического центра».
302030, г. Орёл, ул. Московская, 65.